

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2007

АФАНАСЬЕВ • БЕНЕДИКТОВ • БЕССОНОВ • ГОЛОВACHEV
ГРОМОВ • КАЗАКОВ • КУДРЯВЦЕВ • НОВАК • ОВЧИННИКОВ
ТОЧИНОВ • ТРУСКИНОВСКАЯ

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2007

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2007

Роман Афанасьев

Андрей Басирин

Людмила и Александр Белаш

Кирилл Бенедиктов

Алексей Бессонов

Василий Головачев

Александр Громов

Андрей Егоров

Дмитрий Казаков

Николай Караев

Леонид Кудрявцев

Юрий Нестеренко

Илья Новак

Олег Овчинников

Владлен Подымов

Виктор Точинов

Сергей Туманов

Далия Трускиновская

Сергей Чекмаев

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2007

МОСКВА
«ЭКСМО»
2007

УДК 82-312.9(082)
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 89

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Р 89 **Русская фантастика — 2007 : Фантастические повести и рассказы.** — М.: Эксмо, 2007. — 544 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-19741-9

В очередную ежегодную антологию вошли лучшие произведения малой формы, написанные отечественными писателями-фантастами за последний год. В этой книге нет дебютантов — только крепкая, проверенная, качественная фантастическая проза от мэтров и призеров различных литературных премий.

УДК 82-312.9(082)

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

- © Р. Афанасьев, А. Басирин, Л. и А. Белаш,
К. Бенедиктов, А. Бессонов, В. Головачев,
А. Громов, А. Егоров, Д. Казаков, Н. Караев,
Л. Кудрявцев, Ю. Нестеренко, И. Новак,
О. Овчинников, В. Подымов, В. Точинов,
С. Туманов, Д. Трускиновская, С. Чекмаев
© Состав и оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2007

ISBN 5-699-19741-9

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ,
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

БАЛЛАДА О ДВУХ ГАСТАРБАЙТЕРАХ

1

Потолок логова был покрыт искусственным мхом, и стоило мне чуть-чуть привстать, как я всей спиной чувствовал его теплую шероховатость. Стены оклеили самым мягким, буквально шелковым на ощупь тригрином, а пол я попросил отлить из качественного шерстона. В общем, логово получилось классное. Настоящее логово заслуженного, выигравшего многие и многие схватки гастарбайтера-бойца.

Я лежал в нем и на зеленом, приятном для глаз объем-экране компа строил модель новой серии ударов. Она выросла из разработанной еще полгода назад и ставшей теперь уже привычной «Смены состава заседателей», в которую я добавил несколько элементов из «Сговора фракций». Сочетание получилось таким перспективным, что тянуло на отдельное название. Что-нибудь вроде «Бреющего полета над гнездом спикера».

Мысль об этом, а также о том, как я применю этот прием, будила у меня в груди приятное тепло.

Потом рядом с моим логовом послышались голоса людей, что было плохим знаком. Без серьезного повода эти потсы не приходят.

Я прислушался.

— А политика... — сказал незнакомый мне человек.

— О политике при нем ни слова, — пояснил главный тренер.

Вот его-то голос можно было опознать без колебаний.

— Однако я считал... если это его хобби...

— То что?

— Один из способов расположить к себе — это поговорить о любимом занятии. Разве нет?

— Ты здорово понимаешь в политике?

— Ну-у-у... в пределах определенной нормы.

— А вот он — великолепно и терпеть не может, когда о ней рассуждают дилетанты. Так что на эту тему с ним ты разговаривать не будешь. По крайней мере, сегодня. Вот все закончится...

— Но тогда... после всего...

— Мы слишком близко к логову. Давай-ка приступим к делу.

— Хорошо, начинаем. Как его вызвать сюда?

— Он уже знает о нашем появлении. У него не очень хороший слух. О чем мы говорили, он не разобрал, но о нашем приходе уже знает. Будь уверен.

— Значит?

— Значит, нам остается лишь подождать. Он сейчас появится. Вот сейчас.

Я сладко потянулся.

Все-таки правильно я в свое время запарил им мозги насчет своего плохого слуха. Иногда это приносит любопытные результаты. Кстати, что именно должно закончиться? А предварительно что должно начаться?

Ох, не к добру это.

Люди — мерзкие, противные, лживые хорьколисы. Я вывел эту формулу давным-давно, где-то после десяти-пятнадцатого своего боя. Причем за все последующие годы, до настоящего момента, признать ее несправедливой мне как-то не подворачивалось случая.

Противные, лживые хорьколисы. Пусть подождут, пусть понервничают.

Я лег поудобнее, вывел на экран схему и снова стал проверять раскладку по движениям. Что-то меня в последней части беспокоило, что-то было не так. Возможно, завершающий ее удар хвостом.

Минут через десять люди занервничали. Один из них даже притворно закашлялся. Я перевел комп в режим сна и решил, что цель достигнута. Еще немного, и люди начнут всерьез злиться, а вот это сегодня было не в моих интересах. Позлить — с великим удовольствием, а устраивать скандал... Нет, сегодня мне хотелось от них избавиться побыстрее.

В общем, я придал своей мыслеплоти подходящий случаю вид, высунул голову из логова и спросил:

— Вам чего?

— Хак Додик, твой новый тренер по идеологии, — представил главный тренер.

Рядом с ним стоял невысокий лысый тип. Морда его, насколько мне позволял это определить опыт общения с людьми, относилась к разряду препаскудных, а улыбка, казалось, можно было смазывать сковородку перед приготовлением блинов, такая она была сальная.

— Старый куда делся? — спросил я.

Очень хотелось показать клыки, но я не стал. Поганая улыбка — еще не повод. Вот завтра или послезавтра... К этому времени подберется что-нибудь посущественнее.

— Это сделано для повышения результативности, — важно сообщил главный тренер. — Решение руководства боев.

— А что, разве результативность низкая? — спросил я. — Последние десять боев я выиграл вчистую.

— И ты, конечно, хочешь, чтобы подобное положение дел сохранилось и дальше? — поинтересовался главный тренер.

А новый тренер по идеологии заявил:

— Решение руководства — непрекаемо.

Я наградил его долгим мрачным взглядом, нарвав-

шись на который большая часть людей начинала чувствовать себя неудобно. Этот его проигнорировал. Что меня впечатлило, но не сильно. Вот если он вытерпит «интенсивное дружеское обнюхивание»... Впрочем, это будет завтра. А сейчас я буквально всей поверхностью мыслеплоти чувствовал, что сказано еще не все.

Ну же, гаденыши, выкладывайте все карты на стол. Я жду.

Они молчали.

Тогда я спросил:

— Уроды, что случилось?

Новый тренер от возмущения покраснел, словно холок самца гранфадуна в брачный период. Главный распорядитель не повел и ухом. Он был привычный.

— Да, есть и еще одна новость, — сказал он.

— Это какая? — буркнул я.

— Новый бой будет уже завтра.

Я смачно хлопнул хвостом по полу логова и сказал:

— Ладно, высыпайте все до конца. Я вас слушаю.

— Сказать, с кем ты будешь драться?

— С кем?

Он сказал.

2

Я теперь делаю насечки на краю левой грудной броневой пластины. Они не знают, что там край обычно мягкий, потому что пластина растет и обновляется. Я делаю их вторым боевым когтем правой передней лапы. За первым боевым когтем они внимательно следят, чтобы не затупился. А второй и третий не такие значительные.

Каждая трапеза — одна засечка. Они говорят, что у меня две трапезы в сутки. Я не знаю, что такое сутки, но считать трапезы умею.

Было время, когда мы не знали времени. Я и теперь

плохо понимаю, для чего оно нужно и как с ним обходиться.

— Не забивай себе голову всякими глупостями, — сказала Кристина, мой тренер по идеологии, когда я попыталась разобраться, что же такое сутки. — Это для тех, кто работает и каждый день делает одно и то же. Им важно знать, когда пройдут девять суток и настанут десятки, чтобы можно было остаться дома и отдыхать. Или для распорядителей — чтобы расписание боев составлять. А нам, женщинам, зачем? Ну, подумай сама...

Она принесла в своем портативном компе целую кучу всяких милых вещиц. Мы вытащили на экран бронзовые дверные ручки, и коврики, и вышитые подушечки из псевдошерсти, которые кладут на трон. Я даже села рядом с ней на ступеньки, чтобы чуть ли не в обнимку смотреть на экран и отмечать самые замечательные и нужные мне штуковины. Я люблю свое жилище, люблю, когда все вокруг мягкое, нежное, люблю, чтобы сочетания цветов были говорящие... Людям не понять, но Кристина очень старается.

Когда нас никто не видит, мы часто сидим перед тренировкой или после нее вот так, на ступеньках трона. Как будто на равных. А вообще я принимаю людей только сидя на троне. И даже недавно заставила выстроить для меня новый тронный зал. Длинный, с высоким потолком, чтобы принимать журналистов. Они мне нравятся. Всегда задают вопросы, на которые я уже знаю ответы, и, как говорит Кристина, пекутся о моей популярности. А популярность — хорошая штука. От нее только польза. И еще благодаря ей я попаду в историю. Тот, кто попадет в историю, станет по-настоящему знаменитым, тот не умрет никогда.

Еще Кристина говорит, что такие, как я, рождаются раз в столетие. И она права — я ведь еще совсем молодая, самая молодая в «Шоу победоносных», а у меня уже восемь побед.

— Ты самая лучшая, Диззи, самая быстрая и самая

крепкая! — так говорит она, глядя мне в глаза. — Я не знаю никого, умеющего отраживать новые боевые гребни с такой скоростью! Ты только слушайся — и мы вдвоем добьемся такой славы, что все «Шоу яростных», «Шоу обреченных» и «Шоу титановых лап» просто умрут от зависти!

Когда меня признают лучшим бойцом, я по-царски награжу Кристину. Есть несколько сильных противниц, но я с ними скоро справлюсь.

Хотя и с Кристиной не все так просто. Почему-то она учит меня не тому, что мне нужно на самом деле.

Я знаю, чего боятся люди, я добываю эти страхи из их памяти, я трачу время и силы, чтобы сделаться такой же страшной, как то, что пугает их, но они странные... И Кристина тоже.

Она работает моим тренером недавно, и я вскрыла ее память сразу. До того у меня был тренер, который умел ставить защиту, поэтому я отказалась с ним работать. Должна же я знать, что делается в голове у моего тренера! Я кричала и обдирала ковры со стен, топтала их и драла когтями, пока ко мне не привели Кристину.

Тут произошло недоразумение.

Кристина мне понравилась. А я такая — мне или можно понравиться сразу, или никогда. Это касается и самцов. В нашем роду все такие — любовь с первого взгляда и первого соприкосновения силовых лучей. Или же ненависть с первого взгляда. Много ненавидеть опасно, это мешает растить детенышей, но вот я ненавижу плохие запахи, хорьколисов, а еще старых, сморщенных, но все еще много о себе воображающих самцов. Они не дают дорогу молодым и корчат из себя победителей, хотя мыслеплоть у них уже не имеет упругости, а боевые когти — настоящей остроты. Они больше не умеют работать с чужими мыслями — а выращивают те боевые приспособления, к которым привыкли.

Тогда Кристина показывала мне картинки и говорила, какая я сильная и смелая, но я же видела, что чудо-

вища на картинках ей на самом деле не страшны. Она боялась совсем другого.

Я сказала ей, что нуждаюсь в отдыхе — мне нужно наново выстроить схему своего боевого тела, с самого начала, на иной основе. Она согласилась, и в промежутках между тремя трапезами меня не трогали. Потом она вошла в мой дворец, я в совершенно новой броне из мыслеплоти ждала ее на троне и встала, чтобы спуститься по ступеням, я всегда так встречаю Кристину, но она зажала рот рукой и выбежала из дворца.

Потом она вернулась и заняла свое место — на ступеньках возле трона.

— Дизи, ты самый страшный мнемозавр, какого я когда-нибудь видела, — сказала она. — Записи твоих боев продаются за бешеные деньги. Но публика хочет, чтобы ты была похожа на картинки, которые я тебе показываю. Понимаешь, публика платит деньги, чтобы увидеть настоящий бой между двумя чудовищами в чешуе, с большими спинными гребнями, с острыми когтями, с челюстями, как у крокодила. Ты вырастила замечательное тело, просто великолепное, но публика этого не поймет. И скажи сама — разве оно годится для настоящего боя?

— Оно страшное, — ответила я. — Противник прежде всего должен испугаться. А когти я уже нарастила — видишь, по два основных боевых на каждой руке и по три добавочных. Кроме того, я уже начала отращивать рога, а на ногах — копыта. Правда, придется перестраивать суставы — сейчас я могу лягаться только назад, а надо вперед. Чешую отрастить несложно...

— Все равно, Дизи, публике нужно чудовище, которое было бы страшным для всех, а это — страшное только для меня. Скажи правду, ты ведь откопала его в самых дальних пластах моей памяти? Мне тогда было пять лет, ведь так, Дизи?

— Я не знаю, что значит «пять лет», но ты не так

давно вылупилась из своего яйца, когда явилось это чудовище.

— Ты понимаешь, Дизи... — тут Кристина вздохнула. — Это действительно чудовище, но только для меня. Я даже не думала, что так крепко запомнила свою первую учительницу музыки. Я страшно боялась ее, потому что не понимала, чего она от меня хочет. От страха, наверно, и не понимала. Ты можешь отрастить ей копыта и пару рогов, как у буйвола, меня это лишь обрадует, но твой противник просто не поймет, чего тут надо бояться. Давай-ка лучше вылепим обыкновенное нормальное боевое чудовище, которое выходит на арену на четырех лапах и может сражаться хвостом.

— Хвост можно нарастить и сейчас, — сказала я. — Это будет очень удобно — две длинных ноги, которые лягают вперед одновременно при упоре на длинный тяжелый хвост. Это будет удар... это будет удар «Две ласточки взлетают с камня».

— Хорошо, — ответила Кристина. — Название замечательное.

И вдруг она показала зубы. У них это означает: я доволен и радуюсь.

Она всегда так делает, когда я придумываю что-то красивое.

Потом мы работали над хвостом. Она рассказывала мне, какие бывают хвосты, и на экране показывала их. Мы даже сразу моду... моле... нет, моделировали... Сперва — представляли себе, потом я выпускала комок мыслеплоти, и перегоняла его по телу к нужному месту, и лепила, и наращивала, пробуя тут же, каково с этим хвостом обращаться. Кристина тут же трогала его и проверяла плотность. Я могу нарастить и очень большой хвост, но нужно, чтобы он был крепок в бою. А если мыслеплоть распределить неправильно, он будет виден, но не опасен.

После Кристины пришел Чжи-вэй. Он принес охапку палок разного назначения, длинных и коротких, на

концах которых были клювы, когти, режущие пластины, колючие шишки, и мы стали отрабатывать удары и броски.

Кстати, у Кристины и Чжи-вэй, как я поняла, только одно тело. А еще они не умеют его заворачивать в мыслеплоть, у них для этого нет соответствующей мембраны на груди, и вынуждены показывать свое тело другим людям. Целыми кусками. Это так неприлично.

Ни одна самка-мнемозавр на это не пойдет. Не то что показать кому-то другому, мы даже не имеем права смотреть на свое тело сами. В отличие от самцов. У них разглядывать свое настоящее тело не считается неприличным. Впрочем, самцы — они и есть самцы.

— Через трое суток соревнования, — сказал Чжи-вэй. — Передай этой своей дуре, что не там нужно мясо наращивать. Ты сегодня страшнее всех рогатых демонов, но все это мясо не двигается, понимаешь?

— А она сказала — передай этому дураку, чтобы придумал ком... кум... слово не помню, но чтобы мне не приходилось кувыряться и не портились спинные гребни, — тут же ответила я.

Чжи-вэй неприятен мне. Он — хороший тренер, мне его купили за много трапез, но он мужчина. Мне сказали, что хороших тренеров-женщин по бою не бывает и почему-то не может быть. Я не верю. Кристина хороший тренер по мясу. С ней я за одно занятие выпускаю и закрепляю столько мыслеплоти, сколько раньше делала за шесть. Если бы Кристина отыскала мне тренера-женщину, пусть не такую опытную, как Чжи-вэй, я бы показала лучшие успехи с женщиной.

— Если ты не будешь кувыряться, тебя пропорют клыками, — прошептал Чжи-вэй. — Я слышал в таверне, как тренер твоего противника хвастался, будто им там удалось вырастить клыки, как у моржа...

— Кто такой морж?

Чжи-вэй задумался. И нехорошо усмехнулся.

— Я бы принес тебе картинку, Диззи, но не принесу.

Я не хочу выполнять работу этой твоей дуры. Одно скажу — противник у тебя будет такой, что можешь и не справиться...

— Противник, с которым я могу не справиться?!

От злости у меня выхлестнул из груди огромный и клубящийся ком мыслеплоти, завился спиралью, вытянулся в сторону Чжи-вэя и вдруг затвердел. Тренер вовремя отскочил.

— Убери это! — закричал он. — Это не оружие! Ты не сможешь действовать руками, когда из груди торчит такое, такое!..

Я напряглась и оттянула силу от мембраны. В самом деле, он прав, я отрастила какое-то неподходящее приспособление. Я напрягла соответствующие мускулы и пережала его. Мыслеплоть лишилась связи со мной. Несколько ударов пульса этот огромный витой рог еще держался на груди, между пластинами, потом со стуком отвалился.

— Уничтожь, — сказала я. — Ты знаешь, моя мыслеплоть не должна попасть в лапы чужим людям.

Чжи-вэй молча поклонился.

А я подумала: противник? Он должен был сказать: противница...

3

Золотые пластинки с моего трона содрали. Пол логова лишился шерстонового покрытия. Вода для питья более не пахла свежими гигперсиками.

Я делал вид, что мне все по барабану. Большого труда это не составляло. Что-то, а ставить людей на место за время общения с ними я научился великолепно. Рано или поздно они пойдут на попятный. Мне уже не раз случалось убеждаться, как легко они изменяют своим принципам. Особенно если запахло деньгами.

Деньги...

На этот раз все было наоборот. Отказаться от оче-

редной блажи для людей значило потерять какие-то деньги, но я знал, я был уверен, что они спасуют и сейчас. В меня, в мою рекламу вложено больше, а люди в любой ситуации выбирают вариант, несущий им наименьшие финансовые потери.

Значит, победа будет за мной, а люди в очередной раз умоются.

Новый тренер по идеологии, этот Додик, каждый день, в одно и то же время подходил к моему логову и спрашивал, буду ли я драться. Я утрюмо посылал его в нору пищуна, упившегося перебродившим синегодным соком, и он уходил.

В общем, получилась вроде бы патовая ситуация. Они упорно пытались меня уговорить, а я отказывался. Заканчивать карьеру, уходить навсегда с арены мне еще было рановато.

День на пятый тренер по воспитанию, услышав стандартный ответ, одарил меня своей фирменной улыбкой и сказал:

— Зак, ты зря упорствуешь.

Я издал кашляющий звук, имеющий значение «Глупый детеныш, не стоящий беседы».

Тренер заявил:

— Ты не совсем понимаешь ситуацию. Наши исследования показали, что бой самца и самки будет самым рейтинговым событием за весь последний год. Получается, зрители всех подключенных к нашей системе развлечения миров просто жаждут этого боя. А сам знаешь: тот, кто сумел угодить публике, кто завоевал этот самый высший рейтинг, получит право самому назначать цену за свои услуги. Доходит?

Говорил он убедительно. А я все-таки сдаваться не собирался. Кто согласится встретиться на арене с самкой? Между собой самки драться имеют полное право. Это их дело, их ремесло, их умение. Но чтобы самец с самкой...

Именно поэтому я заявил:

— Нет, не доходит. Не понимаю.

— Все ты понимаешь, — зло сказал тренер. — И ради высшего рейтинга... Поверь, мы очень далеко можем зайти. Очень. Все еще только начинается.

Я сказал:

— Мне все равно. Вы знаете, что я на этот бой не выйду. Да и нет никакого резона драться с самкой. Я не смогу ее убить, она не сможет убить меня. Значит, гарантированно будет ничья. Гробить ради нее карьеру я не собираюсь.

— Нет? Ты не сможешь ее побить?

— Я не смогу довести себя до боевого состояния, не смогу ее возненавидеть с надлежащей силой. Это инстинкты, и против них не попрешь.

Тренер по идеологии покачал головой.

— Те, кто с тобой работал раньше, допустили большую ошибку. Ты слишком много знаешь о людях. И пытаешься играть по их правилам. Неудачно, крайне неудачно.

У меня на этот счет было другое мнение, но я промолчал.

Что толку в словах? Особенно если они предназначены тем, кто не способен понять заключенный в них смысл.

На следующий день потолок моего логова заляпали чем-то скользким и холодным, словно крыло околевшей ледяной стрекозы, на завтрак дали жилистое мясо, а ближе к вечеру возле моего логова появился волночешуйный скальтник. Он уселся рядом с входом и, уверенно выстукивая на покрывавших живот чешуйках мелодию, запел скальту о бегстве трусливого отряда. Я знал, для чего это сделано, но терпел.

Ничего позорного в этом не было. Я не мог просто так, за здорово живешь, угробить свою карьеру. За счет моих боев воевала целая планета. Она находилась на самом краю галактики, но это не спасало от врагов, с которыми стоит воевать не на жизнь, а на смерть. И вое-

вали. А война требовала денег. Информационно-межгалактических, для покупки вооружения. И добыть их можно было, лишь путем многих лишений накопив сначала на яйцо гастарбайтера-воина. Потом надлежало заплатить специалисту, желательно димьянину, хорошо заплатить. Он, объехав несколько ферм по разведению мнемозавров, должен был выбрать крохотного, недавно родившегося ящера, выбрать по одному ему известным признакам будущего бойца, а потом...

Я не удержался и покачал головой.

У каждой расы есть своя планета, есть свой дом, место, в котором она родилась. И только у нас родины нет. Когда-то она, конечно, была. Но это было так давно, и пока все мои исследования архивов, а я проводил их очень тщательно, не принесли никаких результатов, не дали мне названия планеты, с которой мы шагнули к звездам. Расы, которым мы принадлежим, сменяются одна за другой, а мы остаемся, для того чтобы сражаться и умирать на потеху. Собственно, теперь мы умеем только это.

Я ощутил во рту горечь, словно нализался ядовитой чечевицы.

Вот кто мы. Раса гладиаторов, раса вечных гастарбайтеров.

Ладно, не стоит на этом заикливаться. О чем это я... Ах да, после того как маленький мнемозаврик будет куплен, надлежит оплатить его обучение и тренировки. И оплачивать их следует до тех пор, пока он не будет готов к первому бою. Причем, перед тем как он в первый раз выйдет на арену, следует заплатить крупную сумму в виде залога за несколько пробных боев, и лишь после этого, если он в самом деле окажется толковым воином, если им заинтересуется серьезная компания, если он и дальше будет показывать неплохие результаты, с него пойдет доход. Не такой большой, чтобы разбогатеть и начать скупать звездные корабли флотилии, но достаточный для ведения войны с заклятым вра-

гом, обладающим примерно такими же ресурсами, как и у тебя, не навешивая на свою планету долги, которые будут отдавать многие последующие поколения ее жителей.

К чему я это? Да к тому еще раз, что я не простой гастарбайтер-боец. О моей удаче молится целая планета. Может быть, еще и поэтому я так до сих пор и не проиграл ни одного боя?

Гастарбайтер.

Вот забавное словечко, из далекого прошлого людей. Кажется, тогда, когда они еще даже всерьез не вышли в космос, так называли тех, кто очень нуждался в работе и добивался ее в чужих краях любыми средствами. Любой работы. В общем, упорные они были, эти древние гастарбайтеры. И уронить это славное название, отказавшись...

Ладно, не надо патетики. Достаточно сказать, что уйти с арены мне не позволяла забота о судьбе целой планеты. Выращивать нового бойца у моих хозяев уже нет времени. Тотальная война — это вам не шуточки.

— Сладко ли тебе, Зак? — спросил меня на следующий день тренер по воспитанию.

Я подумал, что, кажется, начинаю не любить его всерьез. И значит... Хм, а почему бы и нет? Что, если слегка пошарить у него в памяти? Конечно, это не положено, и у меня есть с людьми особое соглашение, но они пытаются меня вынудить принять этот бой, причем самыми грубыми методами, и почему бы мне в ответ не проявить некоторую бестактность?

— Не хочешь отвечать? — поинтересовался Додик.

— А что ты хотел услышать?

— Ответ на вопрос, — пробубнил этот кретин.

Ну-ну...

Я проник в его память и пошарил в ней. Очень осторожно, словно вор, вознамерившийся стянуть из гнезда остроклювых соколов парочку яиц. Тренер моего присутствия даже не заметил.

Впрочем, меня ждало разочарование. Все сведения, касающиеся моего будущего, были аккуратным образом заблокированы. Получалось, люди мои действия предвидели. Вот тут я в первый раз с того момента, как мне объявили, что я буду драться с самкой, почувствовал себя униженным. Это не помешало мне сунуть нос в другие области памяти. В одной из них меня ждала счастливая находка. Они не заблокировали сведения, касающиеся моей предполагаемой соперницы. И это была очень большая ошибка. Я обнаружил в них весьма любопытные факты.

Они многое объясняли. Дело в том, что самки — они вообще могут драться с кем бы то ни было лишь ради своих детенышей. Так устроила природа. Мы, способные лишь от одной мысли об агрессии превращаться в смертоносных монстров, как мы без этого могли бы продолжать свой род? Вот природа и наложила на нас свои табу, ограничения. Самец не может убить самку, а та способна драться лишь для того, чтобы защитить своего детеныша или чтобы раздобыть ему пропитание.

Она, природа, только не предусмотрела хитроумия людей. В отношении этой конкретной самки они учудили нечто особенное. Они ее накачивают ненавистью к самцам. И ее детеныш... с ним они тоже придумали забавную штуку. Но сейчас это не имело большого значения. Меня заинтересовала именно ненависть к самцам. Получалось, если приплюсовать к ней желание выиграть ради детеныша, моя соперница могла меня и завалить. Может быть, не только выиграть схватку, но еще и убить.

Причем этим все происходившее со мной в последние дни объяснялось просто идеально.

Люди. Молодцы, нечего сказать. Редкие, очень редкие гаденыши. Не зря с людьми большинство галактических рас предпочитают не связываться.

Я заглянул в другие отделы памяти тренера и мимоходом убедился в том, что его улыбка не зря мне показалась такой неприятной. Штуки, которые некоторые

люди проделывают, с моей точки зрения, необъяснимы. Хотя мое ли дело кого бы то ни было осуждать? Мне бы сейчас просто выжить, мне бы избежать этого поединка.

— Нет у тебя ответа? — квакнул любитель странных развлечений.

— Нет, — сказал я, чтобы он от меня отвязался.

— И ты...

— Мне все равно, — отчеканил я. — Можете делать что угодно, но с самкой я драться не буду.

— Тебе придется, — сказал он. — И никуда ты не денешься. Шоу должно продолжаться. А зрители...

— Мне плевать на них. Найдите молодого глупого самца. Может быть, он согласится... Хотя...

— Зрители требуют Зака-непобедимого, — напомнил тренер. — И они тебя получат. Они всегда получают что хотят.

— Только не в этот раз.

Тренер пожал плечами и ушел. Он был уже у самой двери, когда я еще раз лишь на мгновение заглянул к нему в память. И увидел, что мои слова не пропали даром. В этот раз он мне, кажется, поверил, поверил окончательно.

И тогда я вздохнул с облегчением.

На следующий день мне сообщили, что у меня есть неделя. Никакого давления на меня более не будет, все потерянные блага мне возвращаются, но я имею право в течение недели передумать и согласиться на бой. Если согласие будет получено, мой гонорар увеличится неизмеримо.

Я подумал, что осталось подождать только неделю, а потом все вернется в свою колею. Всего лишь неделю. Похоже, неприятности и в самом деле закончились. Начиналась самая обычная жизнь. Бои, тренировки, противники, умирающие под моими ударами. Как всегда, как обычно, как должно быть.

На третий день от объявленного срока мне пришло личное сообщение. Оно было от правителей планеты Крит, той самой планеты, которой я принадлежал.

Кристина обещала, что Чжи-вэй больше не придет.

— Но, Дизи, тело нужно поменять, — мягко сказала она. — Новый тренер не сразу поймет, что тебе в нем нужно делать для победы. Давай оставим это тело для другого боя, не такого важного. Я тебя общелкаю со всех сторон, сделаем голограмму, и ты всегда сможешь восстановиться.

— Я сделаю этого непобедимого Зака одним крайним когтем левой ноги, — ответила я.

Это было даже обидно — объяснять мне, что для меня так важен бой с каким-то самцом. Мне! Самке! Я видела его в очень удачном теле накануне большого турнира «Титановых лап» — ну и что? Самец — он и есть самец. Даже победивший в бесчисленном количестве схваток! Ему нужны только еда, сон и теплое логово. Мне рассказывали, что он даже не хочет жить во дворце. Правда, трон ему облепили золотыми пластинами. Но что мужчины понимают в красоте?

— Я знаю, — улыбнулась Кристина. — Вся беда как раз в том, что ты сделаешь его одним крайним когтем левой ноги. И ты это можешь на первой же минуте поединка. Но зрители включают экраны телеобъемов ради прекрасного боя. Они хотят увидеть, как ты будешь гонять его по всему рингу, они хотят увидеть новые приемы, они обязательно потребуют твою знаменитую «пляску смерти». Вот поэтому давай-ка, моя королева, займемся новой боевой плотью.

Я согласилась. Мой прежний тренер по идеологии не был таким умницей, как Кристина. Он не понимал — есть вещи, о которых мне, лучшему бойцу «Шоу непобедимых», нельзя напоминать. Нельзя! Нельзя мне повторять каждый день, что я сражаюсь ради самого лучшего в мире... нельзя! Достаточно, что я сама это знаю!

Логово со стенками из ласкутушки! Да я бы спала на полу из железных плиток, как на ринге, и выходила бы

на бой голодная и даже без двойного боевого гребня на хвосте, лишь бы мне отдали детеныша.

Детеныши сильно мешают жить. Хотя бы потому, что их приходится прикреплять к себе, пока они маленькие и беззащитные. Но я держу в памяти картинки: вот мы с детенышем купаемся, вот я учу его перекручивать силовой луч внутри правой или левой ноги, чтобы сбрасывать затупившиеся когти, вот я кормлю его. И все эти картинки вместе, если смотреть их одну за другой, делают меня мягкой, словно только что снесенное яйцо в голубоватой кожистой оболочке. Я понимаю, что ради этого счастья можно пройти сквозь пять или даже шесть десятков поединков.

То, что детенышей временно забирают, — правильно. Мы сражаемся за право быть с ними — мы, самки. Мы вкладываем в каждый бой свою любовь к ним, и зрители получают прекрасные поединки. Зато, когда нам возвращают детенышей, мы можем растить их в прекрасных поселках на берегах больших и теплых озер. Самое лучшее время в жизни любой самки — пока она растит своего детеныша.

А за что сражаются самцы — даже думать противно. Некоторые даже за генопыль. Таких на ринге видно сразу — и их ненадолго хватает. Тренер по идеологии может помочь им отрастить и закрепить тело, но когда в бою нужно срочно что-то в этом теле менять — их вялая мыслеплоть часами не твердеет!

Поэтому самцы нас боятся и не любят.

— Пойдем? — спросила Кристина.

— Пойдем, — согласилась я.

Кристина очень милая. Ей не приходится напоминать, что широкая дорожка от дверей зала к трону — только моя. Она всегда идет рядом со мной по правой или левой дорожке, которые гораздо ниже. И неудивительно — она тоже женщина.

Мы пришли в помещение, где можно работать со всеми удобствами. Там темно, сыро, однако мыслеплоть

выходит не округлыми комками, а продолговатыми, и ее легче перегонять от мембраны к нужному месту. Там я легла на мягконовое ложе, оно немного прогнулось подо мной, я закрыла обе пары глаз и раскрыла память.

Кристина запела.

— Свет — потоком, луч — клубком, сила — светом по спирали, сила будит искру плоти, искра плоти расцветает...

Во мне напротив мембраны зародилось ядро будущего комка мыслеплоти. Сперва это немного болезненно — как будто в тебя тычут очень тонким и острым клыком. Потом искра обволакивается, мыслеплоть нарастает. Главное — чтобы она не стала крепнуть в тебе, иначе очень больно выталкивать ее наружу. Я боли не боюсь, я ведь снесла яйцо. Ни одна самка, которая сделала это, боли уже не боится.

— Сила обретает плоть, сила обретает плоть... — повторяла Кристина. — Ничего сильнее в мире не бывает и не будет...

Я напряглась, выгнулась и выпустила довольно большой ярко-красный ком. Перевела дух и погнала его к правому бедру — лепить шипастую пластину доспехов. Теперь в песне-настройке временно не было нужды.

— Еще правее, — подсказала Кристина, когда из пластины полез ряд шипов. — Еще. Вот тут. Умница, Дизи. Проверь длину и оставь заготовки.

Это мы с ней здорово придумали — в ряду шипов отрачивать и закреплять их через один и оставлять недоросшие мягкие шипы. Когда в бою мне обломают основные, из этих заготовок я прямо на ринге могу сделать новые, а закрепить их несложно, там не так уж велика поверхность.

Кристина — замечательный тренер по мясу. Когда мы с детенышем уедем к озерам, я заплачу ей, чтобы она жила с нами.

— Я хочу, чтобы ты была моей подружкой вечно, — сказала я.

— И я этого тоже хочу, — ответила Кристина. — А еще я иногда слишком боюсь за тебя. Когда кончится контракт, мы уедем вместе. Ты получишь своего детеныша, и мы будем жить у озера...

— Ага...

5

— Значит, ты согласен?

В голосе главного тренера не чувствовалось удивления. Он просто уточнял факт. Шарить в его голове, пытаясь определить причину этого спокойствия, не хватало времени. У меня сейчас были заботы поважнее.

— Да, — подтвердил я. — Принимаю вызов.

— Вызов Дизи из «Шоу победоносных»?

— На условиях, предложенных мне три дня назад.

— За это время они несколько изменились, — сказал главный тренер.

— Условия стали?..

— Боюсь, они стали для тебя менее выгодными.

Ну, эти штучки мне знакомы.

— В таком случае, — сказал я, — бой теряет для меня всякий смысл. Вынужден снова от него отказаться.

Присутствовавший при нашем разговоре Додик издал звук, здорово напоминающий криканье болотного жабыныша.

Я ждал.

— Хорошо, пусть условия будут такими, как тебе хочется, — сказал главный тренер.

Я с шумом пропустил воздух через ноздри.

Все, теперь пути назад нет. В лучшем случае я уйду с арены навсегда, в худшем меня с нее вынесут мертвым. Выигрыша быть не может.

Я подумал, что, как ни странно, не боюсь смерти. Вечно прожить не удалось еще никому. Все на свете имеет начало. Все на свете рано или поздно заканчива-

ется. И вот он, последний бой, до него уже рукой подать...

Хотя... Хотя... А что, если есть возможность несмотря ни на что его выиграть? Выиграть заранее проигранный бой?

Хм... Почему бы и нет?

Тренеры ушли, а я, даже не проводив их взглядом, отправился принять ароматическую ванну.

Надо было хорошенько обдумать вдруг пришедшую мне в голову мысль. Я должен был, что называется, обсосать ее со всех сторон. И торопиться не стоило. Тише едешь — дальше будешь.

Ванна уже была готова. Я опустил в теплую, приятно пахнущую фиолевой солью воду, сложил передние лапы на груди и взглянул на свое отражение в укрепленном на потолке зеркале.

М-да... Видели бы меня сейчас все эти многочисленные фанаты, привыкшие к чудовищу, которым я становлюсь, обрастая мыслеплотью. Скорее всего, сейчас они почувствовали бы разочарование. А то и презрение.

Голова не больше, чем у человеческого младенца, слабая, длинная шея, тонкие, почти без мускулов, конечности, округлое, вялое тело. Как может такое создание внушать страх, приводить в трепет рыком, быть пугалом маленьких детей и ничуть от них не отличающихся разумом зрителей боев мнемозавров?

Может. Если умеет правильно обрастать мыслеплотью, если умеет заставить ее жить, сделает частью тела, заставит на себя работать.

Я подумал, что если по-серьезному, то с мыслеплотью не все чисто.

Временами, особенно во время боя, возникало у меня ощущение, что она, эта броня, надежно предохраняющая от повреждений мое слабое тело, словно бы начинает жить своей жизнью, совершает какие-то действия, так, словно способна мыслить.

Если прикинуть последствия, то это страшная мысль. Мыслеплоть, способная совершать осмысленные действия. Пусть пока только для сохранения своего хозяина. А что дальше?

Вода была теплая, но я машинально поежился.

И ведь посоветоваться не с кем. Тренер сказал, что это не более чем небольшой бзик, ложное ощущение, продукт подсознания. А что, если не так? Вдруг что-то подобное ощущает каждый мнемозавр, выживший в определенном количестве боев?

Я вздохнул.

Не о том мне сейчас надо было думать. Совсем не о том. Лучше еще раз попытаться найти выход из безвыходной ситуации. Безвыходной? Честно говоря, один выход из нее есть. Он просматривается сразу. Моя смерть. И я, согласившись на поединок с самкой, его только что выбрал. Как и положено настоящему самураю.

Вот только я не самурай. Я гастарбайтер-боец, и наш кодекс несколько отличается от самурайского. Нам не обязательно в любой ситуации выбирать дорогу к смерти. Нам позволительно пытаться выжить, даже в ситуации, в которой это вроде бы невозможно.

Итак, начнем сначала.

Вызов на поединок.

Я его принял. А принял, поскольку получил сообщение от правителей... от своих хозяев. К чему лукавить? Я их собственность, я их раб, я принадлежу им с потрохами, и незачем наводить тень на плетень. Так вот, хозяева сообщили, что их война может закончиться. Осталось только одно, последнее, генеральное сражение. Оно все и решит. А для того чтобы его выиграть, конечно же, нужны деньги. Много денег, гораздо больше, чем я зарабатываю обычно. Кстати, некие доброхоты поставили их в известность о том, что возможность заработать эти деньги у меня есть. Надо лишь принять участие

в некоей схватке. Просто за участие в ней, независимо от исхода, будет заплачена огромная сумма.

Так вот, они, мои хозяева, приказывают мне принять вызов, чем бы это мне ни грозило. Даже проиграв эту схватку, я заработаю столько денег, что это даст им возможность закупить оружие, гарантирующее победу. Причем в том случае, если я сумею, заработав так необходимые им деньги, каким-то чудом еще и выжить, они обещают дать мне полную свободу. Отпустить на все четыре стороны.

В общем, добрые дяденьки, нечего сказать.

Что печально, не выполнить их приказ я не мог. А выполнив его, я почти наверняка умру. Или?..

Как провести этот бой и выжить? Как свести его хотя бы к ничьей?..

Я слегка прикрыл глаза.

Мечты о свободе... Зачем мучить себя мыслями о невозможном? Не лучше ли попытаться прикинуть, остались ли у меня в этом мире незавершенные дела? А все прочее отнести лишь к разделу беспочвенных мечтаний, на которые просто не имеет права мнемозавр моего возраста и с моим опытом. Не стоит верить в древнюю сказочку о самце и самке, которых все-таки заставили драться, а у них хватило самообладания в самый разгар схватки скинуть с себя мыслеплоть. Поскольку продолжать сражение без нее они не могли, а наращивание новой потребовало бы слишком много времени, судьям якобы ничего не осталось, как признать ничью.

Как же... Нет, на подобные чудеса рассчитывать нечего. Особенно если учесть, кто у меня в противниках. Молоденькая самочка, по сути дела, еще толком не представляющая, чем на самом деле является ремесло гастарбайтера-бойца. Ее свели в нескольких боях со слабыми противниками, и она, легко их выиграв, поверила в свою исключительность. Вот нарвется на опытную и сильную самку, и та из нее легко сделает винегрет. А тренеры, получив премию, возьмутся за очеред-

ную дуру. Причем, возможно, это случится уже очень скоро. Но сейчас...

Опять я не о том думаю. Я выполнил приказание своих хозяев и принял бой. Теперь настало время подумывать о себе, о том, как спасти свою шкуру. И нечего забивать голову мыслями об этой глупой соплюшке...

Хотя... хотя... а почему и не подумать?

Что бы сделал на моем месте настоящий политик из прошлого Земли? Кто-нибудь вроде Черчилля? Он бы учел все факторы.

Какие?

Ну, например, те, из-за которых этот бой для меня невыгоден. Мою противницу хорошенько психологически обработали, и она ненавидит всех самцов. Тут я ничего поделывать не могу. За оставшееся время доказать ей, что она ошибается, нет никакой возможности.

Что остается?

Второй фактор. Ребенок.

И вот тут я кое-что могу сделать, поскольку с ним не все чисто. Как к месту пригодился мне некий факт, обнаруженный в памяти тренера...

Я поднял морду, взглянул в висевшее на потолке зеркало и сам себе подмигнул. Да, вот он, единственный шанс свести драку к ничьей. Он самый.

Мораль? А думали ли о морали мои хозяева, спокойно отправляя меня на возможную смерть? Им, видите ли, надо было во что бы то ни стало выиграть войну. Как будто какую-нибудь войну можно и в самом деле выиграть раз и навсегда...

Самка?

Что ж, у меня нет выбора. Я спасаю свою жизнь и, если выживу, получу не только ее, но и свободу. Самке же смерть не грозит в любом случае. Более того, сразившись со мной вничью, она останется на арене, а вот мне все равно придется уйти.

Да, я впервые опускаюсь до махинаций. Но и случай уникальный. Слишком многое стоит на кону. Кстати...

Если я все-таки выживу, если получу свободу... то почему бы мне не получить вместе с ней еще и некую сумму наличными, чтобы не просить подаяние на улице? Особенно если учесть, что, согласно кодексу гастарбайтеров-бойцов, все заработанные мной деньги принадлежат моим хозяевам.

Что останется мне?

Я мрачно улыбнулся.

Все верно. Если не позаботишься о себе сам, никто о тебе не позаботится. Простой, не нуждающийся в доказательстве жизненный закон.

Еще мне нужна помощь, существенная помощь, хотя бы по части информации. Один я со всем не справлюсь.

И значит, немного погодя мне придется вылезти из ванны и связаться по гиперговорилке с неким типом по имени Телланус. О нем ходит слава, что он может безошибочно угадать исход любого поединка. Чудес на свете не бывает, и, значит, подобное невероятное везение можно объяснить только одним образом. Каким именно, догадаться нетрудно.

6

Это было самое обычное интервью. Ритуал перед боем, с традиционными вопросами и ответами.

— Что вы можете сказать о режиме ваших тренировок?

— Он наилучший из всех возможных. Благодаря ему я сейчас в превосходной форме.

— Намерены ли вы удивить своих фанатов новыми, оригинальными приемами?

— О да! У меня есть кое-что в запасе, и я надеюсь удивить не только зрителей, но и еще кое-кого. Сильно удивить, мощно удивить, костедробильно удивить.

— Что вы можете сказать о своем противнике?

— Он жалок. Выживший из ума старик, которому

осталась только одна дорога: с недолгим посещением богадельни напрямик на кладбище. Там его уже ждет могильная плита с надписью «Ничтожество».

— Каков ваш выигрыш от этого боя? Вам было обещано что-то в виде награды, если вы победите, кроме денег?

А этот вопрос откуда взялся? Не было его в списке, и тот, кто его задал, самым зlostным образом нарушил ритуал.

Мгновение, превратившееся в, казалось, бесконечную паузу, в течение которого я наблюдала, как два распорядителя со стеклянными глазами надвигаются на нарушителя, наверняка для того, чтобы его увести с конференции.

Кто он? Может, его подослали конкуренты? Если так, то его нужно примерно наказать. Вот только толку-то с этого? Вопрос уже задан, и на него нужно отвечать.

Что именно? Что можно именно мне ответить на такой вопрос? И, кажется, он связан с какими-то воспоминаниями...

Я вспомнила. Это было несколько недель назад. Тогда мы разговаривали с Кристиной.

О чем именно?

— Чуть не забыла, — сказала Кристина. — По условию контракта, тебе раз в полгода нужно проводить полное обследование. Мы и так опоздали.

После этого мы поехали в медицинский центр, причем уже в четвертый раз.

Там все были готовы к моему появлению — лишних людей я в коридорах не встретила. Только я и моя охрана. Она была нужна для того, чтобы оберегать меня от фанатов, и не только от них. Кто-то из помощников конкурентов мог выкрасть куски моего боевого тела и скопировать.

Да, да, уже появились соперницы, пытающиеся перенять мои приемы. А идею заготовок мы не для того

разрабатывали с Кристиной, чтобы она растеклась по всем шоу! Своими бы когтями разодрала всех воровок!

Я сбросила плоть, убедилась, что она уничтожена, и позволила пристегнуть себя к медицинскому креслу...

Потом Кристина сказала, что мой мобиль подан, нужно только быстро проскочить по коридору к заднему входу. Мы и поспешили, но задний вход был в непривычном месте — к центру пристроили еще крыло, и нам пришлось через него проскочить почти бегом.

И тут случилось что-то странное.

В стене, открывшейся за поворотом, была дверь. Оттуда шло ко мне маленькое и жалкое существо. Оно было втрое ниже меня и вдвое тоньше. Совершенно беззащитное существо детского светло-зеленого цвета. Такого цвета бывают только малыши сразу после того, как вылупятся из яйца. Потом они довольно быстро начинают выпускать коричневую мыслеплоть, чтобы слиться с землей и камнями. А потом уже учатся делать мыслеплоть разных цветов, осваивают боевые приспособления.

— Дизи, Дизи, стой! — закричала Кристина.

Я обернулась и увидела, как она бежит ко мне, размахивая руками.

— Стой, не оборачивайся! Стой, как стоишь! — вопила она.

— Но там детеныш! — Вдруг я поняла важную вещь. — Может быть, это мой детеныш? Я заберу его и узнаю!

— Нет, нет, стой, не оборачивайся, это не твой детеныш! Ф-фух! — Она подбежала. — Пойдем, машина ждет, а потом я отвезу тебя туда, где ты получишь замечательную трапезу. Мне прислали классные стимуляторы массы! После этой трапезы твои бедра станут вдвое толще!

— Но я хочу обнюхать детеныша.

— Это не твой детеныш. Он сюда случайно забрел.

— А где же тогда мой?.. — Тут я стала вспоминать: — Одиннадцать или двенадцать трапез назад ты

сказала, что его привезут сразу после боя с Донни Бей. Он тогда мне мешал тренироваться, и его забрали. Я одолела Донни, но потом было что-то... что-то было... я не помню! Я перестала думать о детеныше! Кристина, ты, наверно, не знала, что его привезли!

Я резко повернулась и увидела маленького, светло-зеленого, совсем без мыслеплоти детеныша.

— Иди сюда! — позвала я. — Иди ко мне!

И побежала к нему.

— Стой, дурочка, стой! — крикнула Кристина, но я и сама поняла: что-то не так. От детеныша не шла струя запаха.

Струю запаха выпускают матери и дети, чтобы найти друг друга, или самцы и самки в брачный сезон. Наверно, детеныш не понимал, что я его мать. Но он же бежал ко мне!

Я остановилась. Тут же остановился детеныш.

— Это такая игрушка, — догнав меня, объяснила Кристина. — Это картинка на стене. Это для детенышей! Живая картинка, понимаешь? Они же любят игрушки!

— Нет, это не игрушка! — закричала я и затопала.

— Дизи, Дизи! Сбегутся люди, увидят тебя!.. Бежим скорее!

Кристина с неожиданной силой потащила меня за собой.

Что-то случилось со мной — я не могла сопротивляться! Я рыдала и брыкалась, но сила не возвращалась. Пришлось подчиниться.

Когда мы оказались в автомобиле, она села против меня.

— Прости меня, Дизи, — тихо сказала Кристина. — Я правда тебя очень люблю. Но ты же подписала контракт...

— Ничего я не подписывала!

— Когда мне предложили быть твоим тренером, я

попросила все документы. Ты подписалась, Дизи. Сперва — весь совет ваших старейшин, а внизу — ты.

— Это контракт между советом старейшин и вашими хозяевами шоу, так всегда делается, — объяснила я. — Они отвечают за меня и получают деньги. Моя подпись ничего не значит!

— Так ты его не читала? — догадалась она.

— Я его просмотрела...

— Дизи, ты расписалась в том, что для пользы шоу позволяешь воздействовать на свою психику. Я думала, ты знаешь...

— Зачем нужно воздействовать на мою психику?

Она ответила не сразу.

— Чтобы ты была самым сильным и непобедимым бойцом, Дизи, только для этого. То, что ты видела там, в центре, заложено тебе в память... это оно и есть — воздействие... Это все очень сложно! Не спрашивай, прошу тебя! Потом, после боя с Заком, ты все узнаешь.

— Это будет мой последний бой? — тупо спросила я.

— Я думаю, да.

— И тогда мне вернут детеныша? Он больше не будет мне мешать одерживать победы?

Она отвернулась.

— Не вернут?! Но для чего же я тогда дерусь?

— Ох, Дизи, если б я знала, для чего мы все деремся...

— Ответь.

— Да вернут! После этого боя все будет просто замечательно, а поскольку ты его гарантированно выиграешь, то тебе осталось лишь немного потерпеть. Самую капельку. Вот будет бой, потом еще одно обследование, а потом тебе отдадут детеныша... Ты мне верь, главное — верь...

Вопрос. При чем тут воспоминания об этом посещении? Надо ответить на каверзный вопрос. А меня отвечать на такие вопросы не учили.

— Корону царя всех гастарбайтеров, гору золота, холм рубинов и крупный астероид лучшего в мире сыра!

Это сказала Кристина. Она пришла мне на помощь, дав нужный ответ.

Кажется, в том, что она сказала, была шутка. Людям эти шутки нравятся. Они от них приходят в хорошее настроение.

Так и получилось.

Все журналисты дружно показали зубы, оживились, загомонили. Никто даже не посмотрел в сторону провокатора, которого охранники тащили к выходу. Быстро тащили.

Я понадеялась, что они ему там, где этого никто не будет видеть, что-нибудь оторвут, и поделом. Нечего вмешиваться в ритуал.

— Вы уверены в исходе поединка?

А вот это был уже вопрос по сценарию. Кажется, теперь можно было расслабиться.

— Совершенно, — с готовностью ответила я. — Я могу дать любые гарантии.

— А что, если...

— Никаких «если». Он у меня узнает, что такое небо с овчинку. Я ему глаза выдавлю, я ему оторву хвост, я ему переломаю все кости до единой. В общем, я его порву... как это? А, вот... Я его порву, словно тузик грелку.

7

Храм гастарбайтеров — это островок тишины и покоя. По крайней мере сейчас. А были времена... Впрочем, они прошли, эти славные времена, сотни лет назад. И конечно, все тогда было совсем не так и даже гастарбайтеры были совсем другими.

Стоп, вот только не нужно о прошлом. Мне нельзя отвлекаться. Сейчас я не имею права забывать о причине своего здесь появления, я обязан контролировать каждое свое движение. Главное — пути назад нет. На карту поставлена моя жизнь. Ни много ни мало. При таких

ставках беспечность является излишней роскошью. Она оплачивается по самому высшему разряду.

Ладно, не будем о грустном. У меня еще есть шанс выйти из этой заварушки сухим, и я окажусь форменным ослом, если им не воспользуюсь.

Я остановился и осторожно понюхал воздух.

Пахло пылью, давними жертвенными благовониями, проходившим час назад этим коридором священником и еще...

Самка. Я не мог перепутать этот запах. Явственно пахло самкой. Она вошла в храм минут пятнадцать назад, и если прошла этим коридором, значит, направлялась в келью молчания. В ту самую, в которой каждый мнемозавр считает своим долгом провести полчаса-час перед боем, в молчании и медитации. Будто бы это приносит покровительство святой троицы богов-гастарбайтеров: бога — лукавого батьки, бога — любителя жировых запасов на будущее и бога — большого носителя вечного халата, куратора базаров. Конечно, покровительство богов — штука неосязаемая. Но кто знает? Вдруг в старых обычаях есть некое рациональное зерно?

Итак — самка.

Я мрачно улыбнулся.

Пока все складывалось наилучшим образом. Информаторы Теллануса сработали профессионально. Они правильно определили момент, когда самка посетит храм. Это те единственные полчаса-час, который она почти наверняка проведет в одиночестве. Кстати, еще среди гастарбайтеров-бойцов считается хорошим тоном, отправляясь в храм, отключать все средства связи.

В общем, моя противница сейчас гарантированно одна, и нам никто не помещает. Случай для моих целей просто идеальный. Целей, которых я хочу достичь нечестным методом.

Я тряхнул головой и слегка ударил хвостом по полу. К дьяволу! Я спасаю свою жизнь. Ради этого хороши любые средства. И пусть будет стыдно тем, кто заставил

меня принять вызов на подобный поединок. А еще... Ну ладно, мне некуда деваться, меня приперли к стенке, но ей-то, самке...

Кто заставил ее бросать мне вызов? Ах, у нее была веская причина? Ее, как собачонку косточкой, поманили распорядители игры, и косточка очень весома, очень лакома. Но только ли в этой ситуации виноваты они?

Может, все-таки в основном ею двигали другие причины?

Тщеславие и уверенность, что она обязательно меня победит? А раз есть возможность кого-то безнаказанно убить и еще на этом заработать немного славы, то почему бы это не сделать?

Кто из нас более аморален? Я, сражающийся до конца, пытающийся любыми средствами спастись из безвыходной ситуации, или она, с холодным сердцем, готовящаяся убить того, кто не сможет дать надлежащий отпор? Какой она боец, чем она отличается от мясника на базаре? Кто из нас больший негодяй?..

Вот вопрос, ответ на который найти не так-то легко. А если серьезно, то и не надо. По крайней мере — сейчас. Потом, если выживу, вполне возможно, я посвящу размышлениям, поискам этого ответа всю оставшуюся жизнь. Если выживу.

Потом мне, возможно, припомнится, что у нее была более чем веская причина ввязаться в этот бой и еще что ее обработали люди. Кто более виновен в происходящем: мы, сражающиеся в меру сил, отпущенных нам природой, или люди, всю эту грязь устраивающие?

Стоп, вот этот вопрос тоже надо отложить на потом. Сейчас надо действовать. Настало время.

Дверь в келью молчания была из потемневшего от времени золотого дуба с Марса. Ее делили на квадраты ряды толстых железных полос. Я остановился перед ней и подумал, что сейчас все и решится. Не там, на зали- том светом ринге, а здесь, в тишине старого храма.

Так оно обычно и бывает.

В одном древнем кодексе людей сказано, что любая война проиграна или выиграна еще до своего начала.

Воистину так.

Я подумал, что мог бы предложить своей сопернице мировую, попытаться ее уговорить отказаться от боя.

Ну, нет...

Я покачал головой. Дудки, не пойдет она на это. Не стоит и надеяться. И незачем даже терять время.

Я толкнул дверь, и она, несмотря на то что была очень старой, открылась без скрипа. За ней была узкая келья, в которой на каменной скамье сидела та самая самка, с которой мне надлежало сойтись в схватке.

Дверь открылась беззвучно, но она почуяла мой запах и повернула в мою сторону голову.

Надо было начинать, и я сказал то, ради чего и пришел сегодня в храм. Много слов не потребовалось. Достаточно было лишь сообщить саму суть. Я почему-то был уверен, что она ее ухватит, поймет сказанное мной и второй раз повторять не придется.

— Они тебя надули, — сообщил я. — Дешево купили. На самом деле у тебя нет и никогда не было детеныша.

8

Окружающий мир медленно разваливался на куски, которые плавились, словно стеарин горящей свечки, и стекали вниз, вниз... кажется, там была бездонная пропасть небытия.

— Он произошел не от ящеров. Его предками были вонючие хорьки, — сказала Кристина.

Святая, непогрешимая истина. Грязные, вонючие, противные, узкомордые хорьки.

Вот только сами-то люди после всего этого кто? От кого они произошли, если так подло меня обманывали? А может, все-таки нет? Может, произошла ошибка?

Я с надеждой взглянула на Кристину.

Ну, скажи, что этот подлец, мой соперник, соврал,

самым гнусным образом меня обманул. Я поверю, честно слово поверю, только скажи!

— Негодяй, — промолвила она. — Подлый негодяй. Будь моя воля...

Не собиралась она ничего опровергать. Она просто ругалась, и этого было достаточно, чтобы я поняла: сказанное врагом — правда. А потом я поняла еще одну штуку. Кристине то, что меня обманывают, не нравилось, очень не нравилось, но предупредить меня она не могла, поскольку это было бы предательством интересов родной стаи. И теперь, когда все выползло наружу, она где-то в глубине души, даже не отдавая себе в этом отчета, была рада, поскольку отныне могла мне не врать.

Вот этой, последней мысли хватило, чтобы прийти в себя, чтобы мир вокруг меня прекратил разваливаться и стекать. В общем, этого хватило для того, чтобы я пришла в себя.

Если я не одна, если есть кто-то, кто действительно стоит на моей стороне, значит, еще не все потеряно.

И все-таки я решила уточнить:

— Значит, детеныша у меня нет и никогда не было?

— Нет.

— Зачем тогда меня обманывали? Зачем мне сделать память о нем? Чем это было выгодно?

— Меня могут наказать...

Она и в самом деле боялась. Такой испуганной Кристину я еще не видела.

— Я никому не скажу. Ну, выкладывай.

— Ты не сможешь это скрыть. Я у тебя не одна, и другой тренер узнает о произошедшем, поймет по твоему поведению. Ты не сможешь это скрыть.

— Кристина, я и так уже все знаю. Выкладывай, иначе мне придется на тебя надавить.

Я показала ей зубы. Не в том смысле, в каком это делают люди, когда хотят повеселиться. Совсем в другом. И она поняла меня правильно.

Как-то разом успокоившись, Кристина сказала:

— Ты должна драться, и не просто драться, а делать это с надлежащей злобой, с ожесточением. Иначе не получится настоящего, красивого, увлекательного зрелища. Иначе у него не будет зрителей, иначе за него никто не заплатит денег... точнее, никто не даст еду. Зрелище должно быть кровавым, в нем должен быть достаточный уровень энергии.

— А детеныш?

— Самка мнемозавра по-настоящему свирепеет только тогда, когда дерется во имя детеныша. Материнский инстинкт — великая вещь. Ради детеныша вы готовы проделать что угодно. Ради него любая из вас устроит по-настоящему красивое зрелище.

— Остальные самки, те, с которыми я до сих пор встречалась на арене, они тоже сражаются за несуществующих детей?

— Большая часть за существующих, — ответила Кристина. — Но есть такие, у которых талант виден сразу, едва они вылезли из скорлупы. Мы не можем ждать, пока они обзаведутся детьми, у нас нет лишнего времени. И тогда...

Голос у нее был безрадостный. Кажется, она уже мысленно распростилась со своей работой.

Напрасно.

— Другого тренера мне не нужно, — сказала я. — Другого я просто не приму.

— Кому нужен тренер бойца, проигравшего такой бой? У тебя сейчас нет причины драться по-настоящему. Твой соперник пятнадцать минут назад ее отнял. И значит, будет ничья. А это все равно что проигрыш.

Я с шумом выпустила из ноздрей воздух.

Как мало времени прошло. Подумать только. Неужели прошло так мало времени?

— А у самцов... — медленно сказал я.

— Им для драки такой причины не требуется. Они самцы, они привыкли драться.

Да, конечно, эти негодяи привыкли. Драться до конца и любыми средствами. Только между собой, поскольку мудрая природа встроила в нас ограничители, разрешающие самкам сражаться лишь ради детеныша, а самцам запретила убивать самок.

А люди, значит, придумали, как это использовать в своих целях, для получения «по-настоящему красивого» зрелища.

Вот так.

— Что вы обычно делаете, когда такое происходит? — спросила я.

Если Кристина сейчас скажет, что мой случай единственный, уникальный, то я ей не поверю. Неужели она мне соврет? Да нет, не может она мне сейчас соврать. Мы же с ней — одна команда, мы вместе.

— Помнишь процедуру, на которую тебя возили? — сказала она. — После нее ты обо всем забудешь. Даже о том, что тебе сказал здесь Зак. Все будет как всегда, как и должно быть.

Это выход, подумала я. Ради своего любимого тренера я готова даже на это. А может, не только ради нее? Может, ради возвращения иллюзии, будто у меня и в самом деле есть детеныш? Не хотела я сейчас без нее жить, не хотела я терять смысл жизни.

И всего лишь одна процедура. Так ли трудно ее пройти?

— Хорошо, — сказала я. — Поехали на процедуру. Если поторопиться...

Кристина развела руками.

— Не получится. До боя осталось слишком мало времени. Вот после него это можно сделать. А сейчас мы просто не успеем. Твой соперник все рассчитал правильно. Теперь ты не сможешь его побить. Ты не сможешь и отказаться от боя. Если это произойдет, твоя карьера бойца будет закончена. Тот, кто не смог один раз выйти на арену, не выйдет на нее больше никогда.

Я села на скамье поудобнее.

Хватит истерик. Для них совершенно не осталось времени. Теперь нужно думать о том, как спасти бой, как не потерять свой авторитет бойца. Если это случится, меня ждет незавидное будущее.

Куда уходят неудачливые бойцы-гастарбайтеры? Я знала. Мне это объяснили еще в подготовительной школе, для того чтобы подхлестнуть мое рвение к тренировкам. И подхлестнули. Я стала тренироваться как одержимая.

И ребенок... Нет его у меня? Так будет. Он у меня еще появится, и для этого надо, например, сегодня победить.

Шоу должно продолжаться, в любой ситуации шоу должно продолжаться.

— Значит... Что тогда остается? — спросила я.

Кристина молчала.

— Ну, говори, — поторопила ее я. — Ты сама сказала, что у нас нет времени. Должна быть какая-то возможность все-таки выиграть этот бой. Она есть, я знаю. Но почему... почему ты не хочешь ее мне рассказать?

— Потому что она очень рискованная, — сообщила мой тренер.

— Говори, я хочу знать.

— Тебе не понравится, но это единственный наш шанс.

— Не тяни время.

— Инстинкт против инстинкта. В отношении этого негодяя все средства хороши. Согласна?

— Да, хороши.

И тогда она мне объяснила свою идею. Это не заняло много времени.

Когда она закончила, я напомнила:

— Тогда придется нарушить этику и тебе. Мне — простиительно, а ты тренер.

— Он первый начал, — зло сказала Кристина. — Он пожнет то, что посеял.

И вот тут я ее простила окончательно, простила полностью. Она была на моей стороне, она была со мной.

— А если узнают судьи...

— Хуже ведь не будет, правда? — ухмыльнулась она. — Что мне терять? Учти, если ты сойдешь с дистанции, моя песенка тоже будет спета. Кому нужен тренер оскандалившегося бойца?

Тут она тоже была права.

— Значит, устроим все именно так? — спросила я.

— Другого выхода нет, — напомнила она. — Но ты рискуешь, ты сильно рискуешь.

— Плевать, — мрачно сказала я. — Мне на это совершенно плевать. Зеленой слизью.

— Тогда... поехали?

— Да, но прежде ты должна мне ответить еще на один вопрос, — сказала я. — Раз уж так получилось. Потом из моей памяти ответ на этот вопрос могут убрать, но сейчас я хочу его знать.

— Какой вопрос?

— Помнишь, когда мы последний раз ездили на процедуру, я видела детеныша? А ты еще сказала, что это картинка, но мне известно, что тогда ты меня обманывала. Что это было на самом деле?

— Зеркало, — ответила Кристина.

— Что такое зеркало?

— Я тебе расскажу, после боя. А сейчас нам пора ехать. Нас ждут на арене. Мы уже опаздываем, слишком опаздываем.

Мобиль летел почти над самой мостовой. Фанаты должны были лицезреть своего кумира. Меня, кого же еще?

А я, между прочим, был обязан читать их видеоплакаты, вспыхивающие перед самой машиной и, стоило их миновать, тут же гаснущие. Гасли они так быстро

потому, что по закону приравнивались к рекламе, а каждая минута рекламы на центральных улицах стоит просто запредельно. Даже секунды, в течение которых мимо них пролетал мой мобиль, обойдутся фанатам в копеечку.

«Смерть стервам!», «Ты крут!», «Переломай ей лапы!», «Ты должен победить!».

Что-то многовато. Хорошо ли это? Даже если учесть, что часть плакатов на самом деле тайно оплатили устроители боя, все равно, получается, в мою победу верит слишком много болельщиков.

Скверно.

Я подумал, что впервые воспринимаю плакаты фанатов именно так. Очень непривычное ощущение.

С другой стороны, я не вижу, что творится на улице, по которой на бой везут Дизи. Вот там, наверное, настоящая иллюминация, по сравнению с которой плакатики мои фэнов выглядят весьма жалко.

Это успокаивало.

«Ты должен доказать этим бабам!», «Мы всегда с тобой! Бригада второй опреснительной установки!», «Ты крут! Мы тебе верим!».

«Долой мужской шовинизм!»

Ага, а вот это уже кто-то из фанатов Дизи либо сумасшедшая феминистка. Кто бы это ни был, ему сейчас достанется на орехи, еще как достанется.

Мне стало грустно.

Буря страстей. Причем совершенно на пустом месте, поскольку все уже предопределено. И даже не устроителями боя, а мной, тем, кто должен в нем участвовать.

Ничья. И никуда от этого не денешься. Ничья, а вслед за ней неизбежный уход с арены. Навсегда.

Я подумал, что не представляю, как буду жить там, в обычной жизни, без боев, без тренировок, без арены. Нет, как устроить свою жизнь, я примерно знал, хорошо понимая, что ничего вечного в мире не бывает, даже

не раз это прикидывал. Но вот почувствовать, ощутить эту новую, так называемую другую жизнь...

Если я все рассчитал верно, то денег, полученных за ничью, хватит для того, чтобы моя планета, точнее, планета, чьим рабом я являюсь, выиграла свой последний бой. Для меня это означает свободу. Если будет ничья, то Телланус, который еще ни разу не ошибся в предсказании результатов боя, выдаст мне, лично мне сумму, которой хватит на безбедную старость.

Может, и в самом деле купить астероид? Вместительный купол на нем, воздух, вода, установка жизнеобеспечения и прочее стоят не очень дорого. Зато после я буду совершенно независим. Можно будет жить в свое удовольствие, жить воспоминаниями, нехитрыми заботами, а также радостями звездного фермера и стареть, стареть, стареть...

Я потряс головой.

Рано еще расслабляться, рано еще мечтать, рано еще просто думать о чем-то другом, кроме предстоящего боя.

Он пока даже не начался. И пусть его результат мне заранее известен, это будет, наверное, один из самых тяжелых боев в моей жизни. Он должен быть проведен без сучка и задоринки, так, чтобы никто не мог подкопаться.

И еще... Могли ли тренеры этой Дизи что-нибудь придумать? Нет, не могли, поскольку у них не осталось на это времени.

Дизи...

Я вздохнул.

Угрызения совести? Вот не было их сейчас у меня, совершенно не было. Таковы правила мира, в котором я живу, правила ведущейся в нем игры. Она ведется не только на арене. То, что на ней происходит, лишь заключительный этап, причем уже со стопроцентно известными результатами.

Это ей должны были объяснить. Ах, она думала, что

может и дальше гарцевать по арене, не заботясь о последствиях? Ах, ей хотелось легких побед, хотелось безнаказанно крушить тех, кто не может оказать сопротивления? Ей это казалось забавным и веселым?

Ну так вот пусть убедится, что за подобные развлечения надо платить. Нет, даже не так. Пусть увидит и осознает, чем на самом деле занимается и для чего это делает, пусть узнает, кому это в действительности выгодно.

Я несколько раз набрал в легкие воздуха, а потом с силой его выдохнул.

Все, все, забыли. Надо думать только о предстоящем бое. И глядеть на плакаты. Фанаты должны видеть, что я их читаю. Именно поэтому стекло с той стороны мобили, на которой я сидел, осталось прозрачным. Фанаты должны видеть своего кумира. Особенно — в последний раз.

«Покажи этой самовлюбленной нахалке, кто в доме хозяин!»

Ну и плакатец. Интересно, кто его мог вывесить?

А вот этот? «Оторви ей хвост. Бабам на арене делать нечего!»

Ну и фанаты! Может, это все-таки дело рук тренеров Дизи? Пытаются меня скомпрометировать?

Черед плакатов, казавшаяся бесконечной, наконец кончилась, и мой мобиль, сделав почетный круг перед амфитеатром, под крики толпы, в ореоле огней снимающих наше прибытие камер, по приказу Додика, решившего, что дань зрелищности отдана в достаточной мере, юркнул к служебному входу.

И, конечно, там к моему приезду уже все было готово. Я поблагодарил мобиль, выбрался из него и, пока выгружался мой тренер, окинул фойе беглым взглядом.

Собственно, меня встречали всего лишь несколько человек. Лично главный тренер, несколько его помощников, представитель устроителей боя. И еще я заметил неподалеку робота, судя по надписям на корпусе, явно

частного посыльного, да у дальней стены стояла какая-то женщина. Вид у нее был независимый, словно она попала сюда случайно.

Ну нет, здесь кто попало оказаться не может. Получается, эта женщина обладает соответствующим допуском. Она либо является работником амфитеатра, либо имеет отношение к одному из дерущихся. Либо...

Я вспомнил. Ее звали Кристина, и она была тренером этой самой Дизи. Можно было поспорить, что она оказалась здесь не случайно. Сейчас начнется.

Интересно, хватит ли у нее наглости закатить скандал? Вот только толку-то с этого?

Тут ко мне подошел Додик и сказал:

— Пойдем, нам пора.

— Там стоит тренер Дизи, — вполголоса сообщил ему я.

— Пусть стоит, — буркнул он. — Я тоже ее заметил.

А потом все произошло само собой. Мы двинулись к двери, за которой начинался коридор, ведущий к раздевалкам, и тут мои сопровождающие выстроились в колонну, а колонна эта надежно отгородила меня от Кристины. Насколько я заметил, никто не отдавал никаких команд. Все действовали как единое целое, как единый организм.

И она, тренер Дизи, очевидно углядев это, не решилась даже двинуться с места. Все так же стояла, опершись о стену, делая вид, будто не видит нас в упор.

А может, она чего-то ждет? Чего именно?

Размышляя на эту тему, я шел под надежной защитой моих сопровождающих и даже почти не обратил внимания на работа-посыльного. А тот уже был рядом со мной, подкатившись с другой, неохраняемой стороны. Он протягивал мне какой-то листок, и я машинально его взял.

Что может быть опасного в обычном листке бумаги? Может.

Я взял этот листок, так же машинально взглянул в

сторону тренера Дизи, увидел, как она шевельнулась и едва заметно улыбнулась.

Конечно, это означало, что мне написанное на нем, по крайней мере до боя, читать...

— Что это такое? — спросил Додик.

— Личное послание, — буркнул я. — Не суй нос в мои дела.

Физиономия у Додика приобрела цвет спелого помидора. И это меня порадовало.

Вот только теперь для достоверности мне придется все-таки эту бумажку прочитать.

Что там может быть? Наверняка проклятья, обещания снять с меня живого шкуру и прочая чепуха. Пусть. Этим меня не прошибешь. А вот позлить тренера было бы забавно.

Я поднес листок к глазам и стал на ходу читать напечатанный на нем текст.

10

— Я его сделала, — сообщила мне Кристина. — Все идет по плану.

— Точно? — спросила я.

— Как в аптеке. Он прочитал, он был настолько глуп, что прочитал.

— Но ведь это правда?

— Святая правда. Мне ничего не нужно было выдумывать, я всего лишь сделала запрос, в течение пяти минут получила ответ и принесла ему его на блюдечке, с пылу с жару. А он скушал. Что ему еще оставалось? Можешь быть довольна, он попал в такую же точно лужу. Ты отомщена.

Удовлетворение? Да, наверное, я чувствовала именно удовлетворение.

Месть — сладкое блюдо. И неправда, что его надо подавать холодным. Чем горячее, тем слаще.

— Прежде чем делать запрос, ты должна была знать, где искать. Откуда ты знала? — спросила я.

— У меня есть свои возможности, — уклончиво ответила Кристина.

Следующий вопрос был у меня уже на языке, но я решила его не задавать. И так все ясно.

За последние полчаса я как-то вдруг резко повзрослела и теперь могла почти наверняка сказать, что Кристина знала эту вещь еще до того, как мой противник решил сыграть со мной свою подлую шуточку. И вообще как-то слишком быстро она сообразила, что именно надлежит делать, словно бы уже знала, словно просто претворила в жизнь какой-то запасной план.

А почему бы и нет?

У нее, у по-настоящему хорошего тренера, должны быть подготовлены планы на все случаи жизни. И на такой тоже.

Главное, мой враг получил по заслугам. И еще получит, осознает, во что именно вляпался и чем ему придется расплачиваться за свою подлость.

Да, да, по самой дорогой ставке.

Я подумала, что мне его ни капли не жаль, вот ни крошечки. Причем даже пожалей я сейчас своего противника, это его спасти не могло. Обратной дороги уже не было.

Если раньше я хотела его всего лишь побить, то теперь просто жаждала его смерти. Надеюсь, она не за горами.

11

Моя профессия научила меня сдерживаться.

Именно поэтому, хотя мне и хотелось откусить Додику голову, я этого не сделал. А перед этим мне хотелось разнести в пух и прах раздевалку, но она осталась цела.

А перед этим... Ах да, перед этим я прочитал то

письмо. Точнее, это было даже не письмо, а ответ на некий запрос.

Суть этого ответа была проста, словно манная каша. Никаких генеральных сражений в самое ближайшее время планета, которой я принадлежу, вести не могла, причем по очень простой причине. Война, та самая, работая на которую я раз за разом побеждал на ринге, полгода назад кончилась, и выиграла ее именно моя планета. Точнее, планета моих хозяев. Выиграла мощно, уверенно, безжалостно. По мнению экспертов, это произошло потому, что у нее было больше ресурсов, в том числе и финансовых.

— До выхода на арену осталось полчаса, — сообщил мне Додик. — Будь готов.

— Всегда готов, — буркнул я.

— Что-то не так? — поинтересовался он. — Проблемы?

Проблемы? Слово-то какое нашел... Есть у меня проблемы, но его они не касаются. Хотя... кажется, сейчас у меня есть почти уникальная возможность взять кое-кого за глотку. Почему бы ее не использовать? Другой не представится.

— Критане выиграли свою войну полгода назад, — сказал я.

Додик замер, словно был роботом, которого выключил хозяин. Нет, даже не так, он словно окаменел. И это уже было неплохо. Люблю удивлять этих кретинов-людей.

Сейчас, кажется, мне это удалось.

Надо отдать Додику должное, пришел в себя он быстро. Ему хватило всего лишь несколько секунд. Вот он шевельнулся, даже открыл было рот, собираясь что-то спросить, но я не дал ему это сделать, я задал свой вопрос первым:

— У них не появилось желания покончить с рабством?

Новая пауза.

Ага, кажется, и эта стрела попала в цель.

— Мне нужно посоветоваться с руководством, — быстро проговорил мой тренер.

Ну конечно. А как иначе? Первая реакция любого подобного Додиду человека. Ускользнуть от ответственности.

Дудки, не выйдет. Он хотел быть моим тренером? Он думал, что это не очень сложная работа? По большей части — да. Однако бывают весьма интересные моменты. Такие, как сейчас, например.

— Время, — сказал я. — До выхода на арену осталось совсем немного. Ты не успеешь посоветоваться с руководством. А я могу, если ты сейчас не ответишь на некоторые мои вопросы, отказаться от боя. Потом будет пресс-конференция, на которой зададут массу вопросов, теперь уже мне, и я на них очень подробно отвечу. Думаешь, история о том, как руководители боев обманули меня и эту несчастную Дизи, не придется репортерам по душе? Они ухватятся за нее, словно собака за мозговую косточку. Не сомневаюсь, твои хозяева попытаются заглушить скандал, но что-то в средства информации попадет. И вот тогда у них, у хозяев, не останется ничего иного, как сдать стрелочника. И сдадут. Догадываешься, кто им будет? Особенно если учесть, что ты тут новая птица.

— То есть ты меня...

— Ну да, — я показал зубы. — Самый банальный, классический шантаж. Как в художественных роликах. Твоих хозяев им не проймешь, а вот тебя лично... Думаешь, я блефую?

— А нет?

— Нет. Я знаю, что вот сейчас именно тот случай, когда я вас всех поймал. После боя сила снова будет на вашей стороне. Но сейчас я могу получить почти все, что пожелаю.

Новая пауза, после которой Додик признался:

— Это верно.

Молодец.

Кажется, он умнее, чем я думал. Расслабляться, конечно, не стоит, но лед уже треснул. Или тронулся, как там сказано у классика? Наверно, все-таки треснул, поскольку каким образом лед может сойти с ума, я даже представить не могу. Может, я что-то в языке, на котором разговаривают земляне, не совсем понимаю?

— В таком случае, — сказал я, — давай-ка быстро ответь мне на пару вопросов, только честно. Учти, если соврешь, я это узнаю. Ты, как тренер, должен понимать, что мне врать нет никакого смысла.

— А потом...

— А потом я пойду драться. Если, конечно, ответы меня удовлетворят.

Судя по запаху, Додик буквально обливался потом, и можно было поспорить, что казался он ему холодным, ледяным.

— У любого хорошего тренера должен быть контакт со своим подопечным, — заявил он.

— Конечно, должен быть, — подтвердил я. — Собственно, мне от тебя надо немного. Я сейчас поведаю некоторые свои умозаключения, а ты скажешь мне, есть ли в них ошибки. Договорились?

— Да.

Вот и умница. Начнем, пожалуй.

— После того как полгода назад планета Крит выиграла войну, — сказал я, — ее политика должна была измениться. Думаю, они сейчас жаждут общаться с другими планетами и федерациями, а более всего — торговать. Так?

— Вполне возможно.

— Так, так. Торговцы, нажившиеся на военных поставках, мечтают о новых перспективах. А что им еще делать? Для того чтобы выгодно торговать, кроме всего прочего, нужен один немаловажных фактор — респектабельность.

— Ты прямо как по электронной книжке шпаришь, — пробормотал тренер. — Так же складно. А ведь ты...

— Какой-то грязный, вонючий ящер? — закончил я.

— Нет, я имел в виду...

— Продолжаю, — сказал я. — Итак, Криту сейчас нужна респектабельность, причем даже больше, чем заработанные мной деньги. Респектабельные торговцы, к примеру, могут получить кредиты, доходы от которых значительно превысят получаемые от меня дивиденды. Но главное даже не это, а то, что никто из серьезных партнеров, кроме землян, конечно, не будет вести торговые дела с работоторговцами, с планетой, поощряющей рабство, как бы оно ни называлось. Пусть даже раб всего один, да и тот какой-то ящер-гастарбайтер. И если наличие этого раба делает невозможным общение с сотнями торговых миров... Дальнейшее можно не рассказывать. Я верно ухватил суть перемен, случившихся с планетой моих хозяев за последние полгода?

— Верно, — неохотно подтвердил Додик.

Я с шумом выпустил из ноздрей воздух.

Один этап позади. Идем дальше.

— На то, чтобы осознать новые правила игры, им потребовалось некоторое время, — сказал я. — Думаю, полгода — как раз тот срок. А потом они насели на устроителей боев, требуя предоставить мне свободу. Это совпало с появлением идеи стравить на арене самку и самца. Ну а раз я вот-вот должен получить свободу, почему бы не устроить мне последний бой несколько необычный? То, что я при этом почти наверняка погибну, — частности, не имеющие большого значения.

— Не совсем верно, — сообщил Додик. — Тут сыграло роль и то, что ты очень необычный мнемозавр. Ты слишком... умный, что ли? Да, ты слишком умный. Ты отошел от природы в сторону разума. А это значит, что тебе будет легче преодолеть поставленные ею барьеры.

Вот тут я удивился.

— Устроители боев и в самом деле верят, что природу можно обвести вокруг пальца?

— Нам, людям, подобное удавалось, и не раз. Если ты знаешь нашу историю, то можешь найти в ней множество этому подтверждений.

— И каждый раз вы за это самым жесточайшим образом платили, — буркнул я. — Так что победы походили скорее на поражения.

— Возможно, — промолвил Додик. — Но это нас не остановило, и мы все-таки вышли в космос, мы стали космической расой.

— Которой трудно общаться с другими расами, прошедшими не такой путь.

— Это наши проблемы.

Тут он был прав. Это их проблемы. Мне до них сейчас дела нет. Мне бы со своими расплюхаться.

Кстати...

Мне в голову пришла весьма любопытная мысль. Если они действительно верят, что наложенные природой табу можно преодолеть...

— То есть этот бой не единственный, — сказал я. — Барьер должен быть сломан? Вас, похоже, ничему, совсем ничему все ваши прошлые схватки с природой не научили. Более того, теперь от результатов этого боя зависит, родится ли новый раздел боев, сулящий прекрасные дивиденды. Бои между самками и самцами. Ты в это веришь?

— Я — нет, — ответил Додик. — Именно поэтому я так с тобой и откровенен. Я думаю, она просто убьет тебя и никто о нашем разговоре не узнает. Но некто, выше меня рангом... у него другое мнение на этот счет.

— Вот как? — сказал я.

— Да, он считает, что ты сумеешь переломить природу, и поэтому мне велено было передать тебе некое особое предложение. Я должен был сделать его минут за пять до боя.

— Как раз столько и осталось, — сообщил я.

— Поэтому и передаю.

— Жду.

— Если ты выживешь, то получишь свободу. И это немало, поскольку критане нам не указ, а на основе подписанных ими договоров мы могли бы удерживать тебя в своей собственности вечно.

— А если?..

— Если ты ее убьешь, то получишь к свободе еще такое количество денег, что его хватит на безбедное существование до конца жизни на собственном астероиде, конечно, если пожелаешь именно так распорядиться полученными деньгами. В общем, их будет очень много.

— Вот как, — пробормотал я.

— Да, именно. Но только мне кажется, убить ее ты не сможешь. Вот она безжалостно отправит тебя в морг может запросто. И это будет правильно.

— Мне кажется, ты ошибаешься, — сказал я. — Потеряешь должность тренера — иди куда угодно, только не в предсказатели.

Сказано это мной было весьма уверенно.

Вот еще бы только мне эту уверенность чувствовать. Расчеты расчетами, а арена ареной. На ней возможен любой сюрприз, пусть даже и самый необычный.

12

Клянусь, я его ненавидела!

Шагая на арену, по коридорам, мимо шеренг вопящих от энтузиазма фанатов, мимо работников амфитеатра, бросивших свои дела ради того, чтобы на меня полюбоваться, мимо невозмутимых и бдительных охранников, я его ненавидела так люто, как никого в жизни. Я мысленно представляла, как раздираю его на части, как во все стороны летят ошметки его мыслеплоти, как я откручиваю ему голову, и чувствовала от этого жгучую радость. Но этого было все равно мало, этого было

мало для того, чтобы превратить желания в действительность.

На что подлец и рассчитывал, когда открыл мне глаза на махинации с моим детенышем.

А может, я не хотела, чтобы мне их открывали? Может, мне было хорошо и так?

В любом случае он за свою подлость заплатит, если, конечно, придуманный Кристиной план не провалится. А он не должен провалиться.

Я свернула за угол и увидела большую группу пестро одетых болельщиков с Риты-7. Один из них крикнул на вселингве, что верит в мою победу, и тотчас все остальные стали скандировать приветствия. Делали они это с энтузиазмом, можно сказать, истово.

В ответ я открыла пасть — для того, чтобы продемонстрировать клыки, — и издала рык. Все как положено, согласно ритуалу.

Вот только если еще вчера я безоговорочно принимала подобное за чистую монету, то сейчас у меня возникли сомнения. А может быть, эти ярые болельщики на самом деле наняты устроителями игр, для того чтобы поддерживать во мне уверенность, для того чтобы я не оплошала в этой, такой важной драке?

Да нет, это уже слишком. Болельщики как болельщики. Мои, личные фэны. Никаких подстав. А он, этот мерзавец, заплатит и за это. Сполна.

Арена.

Она встретила меня ярчайшим светом, громкими криками и голосом комментатора. Все как всегда. И обычная, неистребимая, легкая нервная дрожь. Интересно, избавлюсь ли я от нее, когда буду выходить на свой сотый бой? Наверное, нет. И это будет правильно. Без нее удовольствие от схватки с опасным противником будет не таким полным. Ну а если схватке не отдаешься полностью, без остатка, лучше ее и не начинать. Она неизбежно будет проиграна.

Мой противник еще не появился. Что ж, удобный

случай заработать дополнительные очки — продемонстрировать публике свое новое тело. Оно того стоит. Великое дело, когда на твоей стороне большая часть зрителей. Тогда и драться легче. Да и противник, зная, что за него меньшинство, дерется не в полную силу, заранее настраивается на поражение.

Все это мне объяснила Кристина. И ее наставления имели смысл. Как всегда. Так же, как и те, которые я получила сейчас. О том, как выиграть бой, о том, как убить этого хитреца, решившего лишить меня заслуженной, законной победы, пытающегося остановить меня на пути к моему блестящему будущему. Ну и пусть у меня сейчас нет детеныша. Он будет, куда же он денется? И для того, чтобы это случилось, я должна выиграть этот бой, выиграть его вчистую, убить наглеца.

Как именно?

Природа. Она мешает мне это сделать, но она же мне и поможет. Это опять придумала Кристина. Барьеру, который не дает мне его примерно наказать, можно противопоставить нечто более сильное. Что именно?

Заложенный той же природой и, конечно, более могучий инстинкт самосохранения.

Именно он поможет мне выиграть этот бой. Если, конечно, я буду достаточно хитрой и ловкой, если сумею его должным образом использовать.

А я сумею. И мне в том поможет ненависть, которую я испытываю к своему противнику.

Лютая ненависть.

Итак, это заговор. А мы с Дизи, значит, в нем фигуры, пешки, которыми при соответствующей ситуации можно, не задумываясь, пожертвовать. Точнее, нами уже пожертвовали, причем кем именно, мы должны решить сами.

Ну-ну, господа люди. Не слишком ли много вы на себя берете?

Впрочем, все это будет потом. А сейчас — бой, красивая схватка, поскольку зрители заплатили за право войти сюда деньги. Немалые, между прочим.

Зрелище.

Я слегка опаздывал, но это было не случайно, это был тонкий расчет. Думаю, сейчас Дизи красуется перед публикой, показывает свое новое тело. Пусть красуется. После нее выйду я, и вот тогда зрители, увидев, что я приготовил в этот раз, для этого боя, о ней забудут. Последнее впечатление, конечно же, самое сильное. Не стоит об этом и говорить. И еще: приходящий последним меньше тратит времени на общение с фэнами.

Если честно, то я не люблю все эти выражения фанатской любви. Все эти «Дикая удача, что мы тебя увидели», «Мы запомним нашу встречу, мы о ней всем расскажем», «А вот скажи нам что-нибудь, и мы будем счастливы всю оставшуюся жизнь». Прежде всего это вранье. И не так уж они счастливы от встречи с тобой. На самом деле они не знают даже, зачем им это нужно, не знают, что сказать, и лепечут первое пришедшее им в голову.

Почему они тогда все-таки приходят, почему рвутся через кордоны стражей порядка, обманывают охрану и подкупают тренеров? Для того, чтобы прикоснуться к силе, к настоящей, внутренней силе. Не той, которая дается деньгами или шоблой рассеявшихся на высоких постах друзей, а к внутренней силе понимания законов жизни, осознания, куда мы все, хоть люди, хоть мнемозавры, хоть другие мыслящие, идем, к умению встретить эту конечную цель не дрогнув, как бы бессмысленна и жестока она ни была.

Смерть.

Ну да, я имею в виду ее — старушку смерть, поджигающую нас в конце любого пути. Она верная слуга

природы, и она не колеблется. Приходит и делает свое дело.

А фэнам так же свойственен страх перед ней. У них есть иллюзия, будто, прикоснувшись к нам, они приобретают к славе, получают некоторую защиту если не от смерти, то от сопутствующего ей забвения. Они думают, будто, пообщавшись с нами, сумеют перенять хотя бы частицу нашей силы, благодаря которой им не так страшно будет жить.

Наивные.

Какой-то человек шагнул мне навстречу и быстро заговорил:

— Так рад вас увидеть! Вы не могли бы мне что-нибудь сказать? Моя жена не поверит, что я сумел очутиться так близко к вам!

Я оскалил клыки и зарычал.

Как бы не так. Его это только подзадорило. Похоже, он воспринял мой рык как приветствие. Спас меня вовремя подоспевший охранник, оттеснивший рьяного фэна к стене.

Люди... презренные, подлые существа, сумевшие прорваться к звездам, используя самые нечестные пути из всех возможных. Однако прорвались, в то время как наша раса обречена на вечное рабство. Или нет? Может быть, и у нас есть какой-то выход? Может быть, стоило нам несколько изменить своим принципам...

Принципы? Какие, к черту, принципы?

Я едва не сбился с шага.

А ведь мне сейчас следует думать совсем о другом. Принципы, фэны... Все это — чешуя. Главное, над чем мне сейчас надлежит думать, это выход из ловушки, в которую я угодил.

На что я рассчитываю? Правильно, мне надлежит свести этот бой к ничьей. Тогда я получу свободу, полностью договоренность с одним жучком, который вбухал в этот бой кучу денег, и сам, кстати, сорву неплохой куш.

Победа? Нет, она мне не нужна. Боле того, она мне

вредна. А так ли? Конечно, я подведу Теллануса, и тот в первый раз в жизни не угадает победителя, но арена есть арена, на ней случаются самые разные неожиданности, а жизнь есть жизнь, и в ней все случается в первый раз. В деньгах я, по крайней мере, не прогадаю.

Подозрительно другое. То, что мои планы совпали с планами людей. Им, оказывается, не нужна ничья, они ждут либо моего поражения, либо моей победы. И в том и в другом случае они сразу же начнут раскручивать маховик боев между самками и самцами. Они придумают, как это подать поэффектнее, они все продумают, используют весь свой опыт рекламы и раскрутки. Им это не впервой.

Причем в любом случае я буду тем, с кого эта вакханалия начнется. Тем, на кого повесят всех собак.

Да плевать. Мне все равно, что обо мне скажут или напишут. Особенно если я к этому времени буду отдыхать на собственном астероиде.

Но есть еще совесть. Осознание того, что эти бои будут самыми подлыми, поскольку каждый участвовавший в них будет обработан, и очень жестоко. Либо так, как обработали меня, либо как Диззи. Ну и, конечно, придумаются варианты охмурежа под номером три, четыре и так далее. Не менее подлые. Не менее человеческие.

Решено. Я просто сведу этот бой к ничьей, и каждый получит, что хочет. Я — свободу и деньги, Диззи — деньги и возможность остаться на арене. Все будут довольны и счастливы. Относительно, конечно. Однако лучшего выхода нет.

А может, природа что-то придумала и на этот случай? Что-нибудь, делающее наш бой невозможным даже при такой накрутке? С нее станется... Да нет, вряд ли. Она не бог, она всего лишь всемогуща, но не всеведуща и, значит, ошибки совершает пачками. Сама же их и исправляет, но когда еще соберется заняться именно этой?

Нет, все будет в лучшем виде, все пойдет как запланировано.

— Сейчас выйдешь на арену! Приготовься! Тебя ждут зрители!

Это Додик. И он, конечно, прав.

Там, на арене, я должен сыграть монстра, ужасного и свирепого, неудержимо рвущегося в схватку, так, чтобы зрители остались довольны. Они и будут довольны.

А потом начнется бой, бой с заранее предпрешенным исходом.

14

Трубы!

Вот и все, теперь я его сделаю. Теперь он мой!

Удовлетворение? О да, я его испытывала. И одновременно — печаль, что ли? Все оказалось так просто. Если тебе вовремя подскажут, как надо действовать.

Я остановилась в своем конце арены, взглянула на своего врага, который, надо это признать, смотрелся просто великолепно. Впрочем, броня из мыслеплоти должна быть не только красивой, но еще и крепкой, хорошо защищать, а также не стеснять движений. Эта...

А вот мы сейчас проверим, какова она в бою.

Да, кстати, о подсказках...

Я подумала, что Кристина оказалась настоящей подругой. Наверно, она не должна была мне подсказывать, как убить этого негодяя. Или должна? Ох, что-то я совсем запуталась. Ничего, со временем все выяснится.

Да, после боя надо вспомнить о том, что у Кристины могут быть неприятности и я должна сделать все, чтобы ее от них оградить. Скажу, что она мой любимый тренер и я без нее вообще не буду драться. А устроители на это...

Устроители.

Не открывай мне негодяй глаза на их козни, я сейчас

была бы барашком на заклятие. Фактически мой враг сделал мне доброе дело. Сам того не желая.

Вот только не спасет его это, не причина это для жалости. Все равно он умрет.

Вышли герольды с очень длинными трубами и выстроились в шеренгу посередине поля, как бы отгораживая одного бойца от другого. Сейчас они протрубят, потом будет пауза на пару минут, для того чтобы герольды успели убраться с поля, и объявят начало схватки. После этого все и начнется. Это будет не бой, это будет игра, точно просчитанная партия с заранее известным мне результатом.

Вот сейчас...

Герольды протрубили. Звуки, издаваемые их трубами, здорово смахивали на крики дюжины умирающих от голода чаек.

Неважно. Сейчас это неважно!

Мой враг, не дожидаясь команды, встал и принял боевую стойку. В принципе, то, что он не перешел на мою половину арены и не напал на меня, было допустимо, но по сути являлось оскорблением. Похоже, он давал мне понять, что я могу нарушить правила боя.

Ладно, мне нет до этого никакого дела.

Я вытянула перед собой переднюю лапу, согнула ее и вновь разогнула, проверяя, как растягивается моя мыслеплоть. Все было в порядке, в самом лучшем виде. А еще я, как никогда в жизни, вдруг почувствовала, буквально всем телом ощутила, что живу, существую. И так легко умереть...

Нет, нет, а вот эта мысль не к месту и не ко времени. Нужно выкинуть ее из головы, и немедленно.

Бой! Схватка не на жизнь, а на смерть!

Амфитеатр, как и положено, бесновался. Временами сквозь разноголосый рев прорывались крики: «Смерть!», «Порви его!», «Оторви ей хвост!». Мячики с гремучим песком для бросания по бойцам, чтобы их ободрить, подогнать или отвлечь, вообще-то стоящие весьма неде-

шево, сыпались дождем. С десяток, брошенных очень опытными болельщиками, в меня даже попали, но поскольку никакого физического вреда они нанести не могли, я на них не обратила ни малейшего внимания. Еще в какофонию звуков врезался голос комментатора, светились зеленым огромные экраны, на которых перечислялись заслуги бойцов, а также приводились наши основные боевые характеристики и расклад официальных букмекерских контор. Согласно ему, на мою победу ставили больше и охотнее. Впрочем, были еще и неофициальные букмекеры. На самом деле именно они принимали львиную долю ставок, и у них, кажется, расклад был совсем другим.

Я окинула взглядом поднимающийся вверх амфитеатр. Ах да, еще и реклама. Она была везде, полыхала, горела, сверкала, умирала и тут же рождалась, объемная, радужная, тотальная реклама.

Вот бог, в жертву которому мы приносим свои жизни. Вот кому на самом деле следовало бы помолиться перед боем.

— Пошла! — скомандовала Кристина. — Начинай! Самое время.

Благодаря крепко присосавшемуся возле моей слуховой перепонки динамику я слышала ее голос совершенно отчетливо.

Да, пора начинать. Пора демонстрировать сюрпризы. Я встала и приняла боевую стойку.

Вот и все. Теперь в этом мире остались только мы вдвоем. Никто вмешиваться в нашу драку не имеет права, и мы можем делать все, что заблагорассудится.

Да, с нами еще есть бестелесные голоса тренеров. Вот бы подслушать, что ему говорит его опекун... Хотя настоящий боец всем этим советам не следует. Они, как обычно, запаздывают. А мой противник — боец первостатейный, каким бы гаденышем я его ни считала.

Мускулистый здоровяк у гонга поднял массивную колотушку. Еще несколько секунд...

Пора!

Я напряглась, и мыслеплоть, скрывавшая мое тело, словно бы вскипела, приобретая новую форму, усеиваясь дополнительными шипами, среди которых были и те самые, мягкие, придуманные нами с Кристиной.

Это был очень опасный момент. Если враг ударит меня раньше, чем моя броня затвердеет, мало не покажется.

Все-таки не ударил, джентльмен хренов. И зря. Я бы на его месте саданула. Значит, и в самом деле рассчитывает на ничью. Не будет ее. Уж я-то постараюсь.

Гонг!

Кристина воскликнула:

— Нападай! Самое время!

И сама знаю.

Мы двинулись друг на друга. Сначала медленно и вроде бы неохотно, все убыстряя шаг, давая сидящим на трибунах почувствовать, как же мы могучи и непреклонны. Мы знали, что это заводит толпу, и нам не надо было договариваться. Не нуждались мы в этом, автоматом работали на зрелищность действия, поскольку были профессионалами, для которых она важнее каких-либо личных счетов.

Счеты, конечно, не забыты, им придет время, но сначала надо ублажить его величество зрителя. Того самого, который выложил за зрелище деньги и, не получив его, будет весьма разочарован.

Столкновение!

Мы обменялись первыми ударами, показательными, все еще для публики. Просто для того, чтобы она нас оценила. Потом, когда драка начнется всерьез, нам будет уже не до красоты. Там мы возьмем свое пренебрежением к боли и злобой, родившейся из жажды выжить и победить. К этому моменту нас будут оценивать по-другому, но пока... Пусть потешатся. Пусть полюбуются.

Я выдала одну неплохую заготовку, с низким накло-

ном корпуса и ударом противника по ногам самым кончиком хвоста. И даже почти попала.

Зрители, не разглядевшие, что мой удар прошел вскользь, но услышавшие сочный хлопок кончиком хвоста и увидевшие, как мой противник покачнулся, радостно взвыли.

Пусть воют. Они сегодня увидят и не такое.

— Молодец! — похвалила меня Кристина. — Красиво. Почти как в балете!

Ехидна. Как будто мы не с ней этот прием разрабатывали!

Принимая позу защиты, я подумала, что теперь очередь моего противника. Чем он меня порадует? Что он для меня приготовил? Кажется, он увлекается политикой и названия его приемов имеют к ней отношение. Чтонибудь вроде «Крутого импичмента, на который нельзя наложить вето»?

Посмотрим...

Глядя друг другу в глаза, сторожа каждое движение противника, мы сделали по арене почти полный круг, а потом он все-таки ударил, провел свою заготовленную комбинацию, состоящую из неожиданного падения на четыре лапы и имитации удара хвостом, вместо которого был прыжок и попытка вцепиться в горло передними лапами.

Впечатляющая попытка, которая тоже не увенчалась успехом. Зрители все-таки вопили. Может быть, чуть тише, чем после проведенного мной приема, но — вопили. Или мне только показалось, что тише? Неважно.

Бой! Схватка! Теперь уже по-настоящему.

Тут мы действительно схлестнулись всерьез. И, конечно, этого не нужно было делать. По всем правилам мы должны, обязаны были еще немного помуржить, поинтриговать зрителей, но у нас не хватило на это терпения. Нам надо было выпустить пар. Слишком много его накопилось. Бессмысленной злобы, неприязни и чего там еще? Ах да, соперничества, желания доказать

свою крутизну. Знание того, что исход схватки предрешен, нас только подстегивало. За него, конечно, я поручиться не могла, но в отношении меня все было ясно.

Профессиональная ревность во всей своей красе. Ну и что? Кому какое дело? Особенно если учесть, какой сюрприз моему сопернику приготовлен. Почему бы мне напоследок не оторваться по полной?

И мы оторвались, да еще как.

Удар, еще удар, подсечка...

Я упала на передние лапы и, перевернувшись на сто восемьдесят градусов, врезала почти наудачу хвостом.

И попала! Вот это да, попала, блин!

И тут же вслед за этим могучий, с оттягом, удар по спине, такой сильный, что я покатилась по арене кубарем. Дать даме встать? Ну как же! Не способен он на это. Не стоило даже и надеяться.

Честно говоря, я и не надеялась. Умудрилась вывернуться из очень неудобного положения и провела еще одну серию подсечек. Поймать противника на них я не смогла, но оказалась на ногах и продолжила биться, да так, что следующим ударом повергла его на арену. Тут уж ему пришлось жрать опилки, тут уж от его псевдоброни полетели куски.

И поделом гаденышу.

А амфитеатр ревел, буквально надрывался от крика. И Кристина тоже где-то рядом что-то истошно кричала, но я ее не слушала, мне сейчас было не до нее. Для меня сейчас окружающий мир просто не существовал. Была я, и был противник, которому надлежало вложить как следует. И пусть я не смогу таким образом его убить. Неважно. Главное, мерзавец помучается, главное — я заставляю его кататься у меня под ногами и, может быть, даже просить пощады.

Просить пощады?

Может, и в самом деле свести бой к ничьей? Они ведь разные бывают, эти ничьи. Бывают почетные, когда противники расходятся с высоко поднятой головой,

а бывает и так, что эту ничью один сражающийся вымалывает у другого буквально на коленях. И вот если бы удалось свести к такой ничьей, если бы удалось его заставить о ней униженно просить... Такая ничья даже лучше победы. И значит...

Размечталась... у нас есть план, и новшества вводить не стоит. Надо просто ему следовать. А иначе не получится вообще ничего. Иначе...

Я вдруг услышала, как Кристина сказала:

— Приди в себя. Он уже почти готов. Время наступает. Время для нашего плана.

И она опять была полностью права. Я вдруг осознала, сколько мы уже деремся, поймала ускользавшее от меня за вихрем ударов, перемещений, нападений и отступлений время. В драке я совершенно забыла о нем, а вот сейчас вспомнила. Со временем у меня всегда были сложные отношения...

Достаточно. Зрители получили свое — то безумие, отрешение от привычного, нужного, безысходного окружающего мира, ради которого они сюда и пришли. И еще, конечно, силу, приобретаемую, когда они мысленно ставят себя на наше место. Они уже получили всего этого сполна. Теперь я имею право действовать как заблагорассудится.

Имею и буду. Именно сейчас, когда противник полностью поглощен схваткой, когда он уже может думать только о ней, его можно брать. Он готов.

Пора.

Я ушла еще от одного удара, провела хитрую комбинацию, благодаря которой отшвырнула от себя этого негодяя. Так же, как и десять секунд назад. Вот только изменилось ощущение.

Оно было. Знание, чувство, что враг полностью в моей власти. Никуда не денется, будет действовать так, как я его заставлю, и все, соответственно, придет к ожидаемому итогу.

Я его убью. В ближайшие пять секунд. И это так же

неоспоримо, как неоспоримы стены амфитеатра и опилки у нас под ногами. Они просто есть.

Пять секунд.

Серия ударов, благодаря которой я оказалась у него за спиной. Это не давало мне особого преимущества. Просто теперь я знала, что он должен ударить хвостом.

Четыре секунды.

Он ударил, конечно же, промахнулся, и я нанесла ему тот особый удар, один из трех, на всякий случай разработанных нами еще с Чжи-взем. Этот удар был болезненным, правда, не настолько, чтобы получить преимущество в драке, но для моих целей он сейчас подходил идеально.

В нем главное было не только попасть точно, но еще и ударить с нужной силой.

Три секунды.

Мы сцепились и покатались по арене, пытаясь открутить друг другу головы. Выглядело это очень некрасиво, но мне сейчас на красоту было плевать. Мне следовало провести второй удар. И я его нанесла, уже отцепившись от врага, уже откатываясь от него в сторону. Этот удар был еще болезненнее.

Две секунды.

Мы успели вскочить на ноги и закружились по арене, глядя друг другу в глаза, карауля каждое движение.

Пора, самое время. Вот сейчас...

Где-то в глубине души я хорошо знала, что этот бой выиграть нельзя. Он обречен на ничью, что бы я ни пыталась сделать, как бы ни хитрила. Негодяй прав. Для того чтобы мы, мнемозавры, не вымерли, природа поместила в нашем сознании парочку очень серьезных запретов. Преодолеть их невозможно. И план Кристины... Невыполним?

О нет! Все получится как надо. Если запрет нельзя разрушить, то почему бы не попытаться его столкнуть с чем-то более сильным? А что может быть сильнее ин-

стинкта самосохранения? Да ничего! Вот его-то мы и используем.

Сейчас.

Я нанесла удар, да так неумело, что раскрылась, предоставила возможность садануть себя в болевую точку на животе. В ту самую, в которую и попасть-то без помощи того, кого бьют, почти невозможно. Но кто же желает себе зла, кто будет в этом помогать? Нет, любой мнемозавр во время боя защищает ее пуще зеницы ока, блокирует все направленные в нее удары.

А я помогла, сама ее подставила.

Прием был простейший, и мой противник попался на него лишь потому, что подобного от меня не ожидал. Не было в этом, с его точки зрения, никакой для меня выгоды. И значит, я действительно допустила ошибку, попала впросак.

А еще ему некогда было думать. Точнее, он и не думал вовсе. Его тело отреагировало само, оно не могло этого не сделать.

Одна секунда.

Удар!

Окружающий мир вспыхнул, взорвался болью. В этом ощущении были все ее оттенки и виды. Я, когда мы с Кристиной придумывали наш план, знала, что это самое подходящее для наших целей место. И я была готова к боли, причем чем сильнее она будет, тем лучше. Но к такой...

На долю мгновения я потеряла способность мыслить. Мне просто было совершенно точно известно, что следующий удар меня убьет, поскольку еще раз такой боли я не вынесу. И я забыла обо всем, кроме желания ее избежать, кроме желания выжить. А сделать это можно было только одним способом...

И я ударила, ударила в ответ, куда надо и с нужной силой, ничего не прикидывая, действуя машинально, позволив своему телу, более не связанному никакими

ограничениями, уничтоженными желанием выжить, действовать самому. Тело все сделало как надо.

Удар попал в цель, и мой противник, уже наверняка прикидывавший, как он будет меня добивать, рухнул на опилки арены как подкошенный, мгновенно превратившись из победителя в побежденного.

Ноль. Зеро. Финиш.

Впрочем, даже сейчас это было не все. Это был еще не конец, поскольку мне немедленно, пока я еще была на это способна, надлежало своего врага добить, отправить на небесную, райскую арену, нанести «удар милосердия».

Вот сейчас...

Я качнулась вперед, восстанавливая равновесие и уже совершенно четко зная, что добивать врага придется хвостом, взмахнула им с расчетом, чтобы его увесистый кончик угодил негодяю точно в голову, а поскольку мыслеплоть с моего противника уже опала, явив зрителям немощное, слабосильное тело, удар этот должен был разmozжить ему голову.

Ну же...

Убить его проще пареной репы. Этого голого, жалкого, скукожившегося, лежащего в позе спящего детеныша, подлого, принесшего мне столько боли, применившего один из самых нечестных приемов, сумевшего надавить на мое самолюбие...

Он лежал в позе спящего детеныша, и это решило все, поскольку ни одна самка не способна ударить не только детеныша, но и того, кто на него похож.

Нет, бой был выигран вчистую, но наш с Кристиной план блестяще провалился, и я почувствовала себя проигравшей.

15

— Эй, рептилиеобразный, ты случайно не Зак? Ну, тот самый, бывший Зак-непобедимый.

— Нет, — ответил я. — Случайно не он.

— Жаль. А то я хотел ему сказать пару ласковых.

— Очень ласковых?

— Очень. Лечь перед какой-то бабой... Просадил на него целую десятку! А мог бы выиграть, поставь на эту Дизи.

Я окинул собеседника оценивающим взглядом. Мутные глазенки, пухлые, жадные губы, сальные волосы, изжеванный окурок сигары в уголке рта.

М-да, красавец. Такой весь из себя образец человека.

— Если мужик позволил бабе себя повалить, — тянул свое человек, — значит, он тряпка. Ничтожество. Ноль. Пустое место. Зря я на него ставил.

— Это точно, — согласился я. — Зря. Он и не мог выиграть. Ты вообще что-нибудь о мнемозаврах знаешь?

— А зачем мне это? Достаточно того, что я знаю, к кому обратиться, чтобы поставить купюру-другую.

Действительно, просто образец.

— А мне сдается, ты тот самый Зак и есть.

Голос прозвучал у меня за спиной, и я повернулся, чтобы взглянуть на нового собеседника.

Все-таки хорошо, что я, создавая себе личину из мыслеплоти, сегодня отошел от определенных стандартов. Как в воду глядел. Этого, второго, на мякине было провести трудно. Этот знал, с какой стороны на бутерброде масло.

— С чего ты так решил? — спросил я у него.

— С того, что все мнемозавры кому-то принадлежат. И только Зак теперь свободен от любых обязательств. Именно он мог бы позволить себе от нечего делать прогуляться в бар, попить пивка и послушать, что о нем говорят люди. Всем остальным посещение баров запрещают либо хозяева, либо тренеры.

— Это верно, — согласился я.

А что еще можно было сказать? Отрицать очевидную вещь?

— Значит, ты признаешься? — прошипел кто-то, си-

девший чуть дальше, что не мешало ему внимательно прислушиваться к нашему разговору.

— Все мнемозавры кому-то принадлежат, но, несмотря на это, им все-таки хочется иногда посидеть в баре и попить пива, — продолжил я. — Да так, чтобы об этом не узнали их хозяева.

— То есть ты не Зак?

Этот вопрос был задан уже совсем другим тоном. Кажется, мне поверили.

— Да нет же, не Зак, — сказал я. — Мне пиво нравится. Земное пиво — вещь стоящая. А мои хозяева... да что там говорить...

Ход был верным. Еще через пять минут разговора меня оставили в покое, не забыв угостить бесплатной кружечкой.

Я осторожно сделал первый глоток и подумал, что, может быть, люди не так уж и плохи. По своей природе они не злодеи. Просто их цивилизация настроена на отрицание природы, они и сами за это платят жесточайшим образом. В этом их ошибка. А может, ошибаются не они, а все остальные?

Кто бы это смог определить? Время? Пусть будет время. Оно все расставит по своим местам. Хорошо бы знать заранее, как оно это сделает.

Я окинул бар рассеянным взглядом. Недалеко от меня веселилась компания мохнатых скуров. Глаза у них были расположены на концах длинных, торчащих вверх стебельков, и скуры под тихое ритмичное гудение покачивали ими из стороны в сторону. Далее виднелись двухголовые ларги, а чуть в стороне громоздились туши бегемотцев.

Почти наверняка разговор с бывшими моими поклонниками закончился так безобидно еще и потому, что в баре много инопланетян. На их фоне я выгляжу не так экзотически.

Кстати, надолго ли я здесь останусь? Я свободен, и устроители боев мне даже заплатили небольшие деньги,

что-то вроде выходного пособия. Не будь сделки с Телланусом, передо мной маячил бы призрак близкой голодной смерти. Но сделка была заключена, и теперь я могу позволить себе многое, например личный комфортабельный астероид. Если купить большой астероид, а денег хватит и на него, то я мог бы позволить себе даже семью.

Семью...

Я глотнул пива и, прищурившись, посмотрел на гигантский, расположенный за спиной бармена экран телеобъемки. Что-то там показывали, какие-то новости об очередной локальной войне. Потом сюжет в телеобъемке сменился. Теперь на экране была она, Дизи. Ее в последние дни показывали часто. Бесспорно, сейчас она была самым знаменитым мнемозавром-гастарбайтером.

Еще бы! Та самая... победительница.

У нее, кажется, брали очередное интервью. А ей это явно нравилось, и она, довольно скаля клыки, что-то говорила, вещала, делилась откровениями и мудрыми мыслями.

Кто-то из посетителей добрался до регулятора звука, и я услышал, о чем, собственно, шла речь.

— ...то он, этот жалкий, ничтожный... — говорила Дизи. — Этот якобы непобедимый...

— Но ты его не убила. Некоторые зрители из-за этого считают твою победу неполной.

— Я убью следующего, кто выйдет со мной драться. А сейчас важнее другое. Главное — мне удалось развеять химеру о невозможности подобных боев. Мне удалось...

Я покачал головой. Наверняка подобным речам ее научили тренеры. Но что она думает на самом деле? Неужели верит во всю эту чушь? Хотя... кто знает, кто знает?

Пиво было свежим и вкусным, «живым». Я сделал еще один глоток.

Так пыталась она меня убить или нет? В общем-то,

смерть на арене не является чем-то необычным. Однако в этот раз я, кажется, сделал все, чтобы она не смогла меня убить. И несмотря на это...

Я вздохнул.

По всему получалось, что пыталась. Причем весьма оригинальным образом. Она подставилась, дала мне возможность нанести очень болезненный удар, а потом ее тело отреагировало само. Следующий удар, нанесенный также не думая, должен был меня убить. Но его не последовало. Почему? Потом, просматривая запись боя, я пришел к выводу, что она меня не добила лишь потому, что, упав, я принял позу спящего детеныша.

Я принялся копать в архивах, и мои исследования принесли весьма и весьма интересные результаты.

Весьма...

Я взглянул в сторону экрана телеобъемки и не удержался, слегка оскалил клыки.

Интересно, что скажет наша великая победительница, когда, выиграв второй бой, она все равно не убьет своего противника? Все следующие бои будут проходить либо вничью, либо с проигрышем самца, но ни в коем случае не с его смертью. Все до единого. Не сразу, но на эту закономерность обратят внимание. И не будет ли это означать конец идеи боев между самцами и самками? А как только их закроют... Не будет ли это заодно и концом карьеры победительницы Свирепого Зака?

Звук к этому времени снова убавили. Поэтому, что дальше говорила Дизи, я не слышал. Да и стоило ли? Все и так было ясно. Что она запоеет, когда окажется за бортом? А ведь это произойдет неизбежно.

Природа, она очень предусмотрительна. И чаще всего выживают те, кого она одарила некоторыми дополнительными средствами защиты. Как, например, нас, самцов мнемозавров. В архивах было написано, что в глубокой древности, на другом конце галактики, проводить бои между самками и самцами уже пытались. Ни-

чего у устроителей этих древних боев не вышло. Со всем ничего.

Самцы не могли убить самок, не могли нанести им последний удар, но стоило им проиграть бой и потерять сознание, падая, они обязательно принимали позу спящего детеныша. Защита, мудро устроенная природой, гарантирующая безопасность как самок, так и самцов. В боях между самками и самцами смертей не будет. А бои на арене, хоть иногда, должны заканчиваться смертью. Зрители это любят.

Я осушил кружку до дна и заказал себе новую.

А что, могу позволить. Я теперь, можно сказать, на пенсии. Почему бы и не выпить лишку пива? Глядишь, какие-нибудь интересные мысли придут в голову.

Какие? Ну, вот такая, к примеру.

Люди. Они ведь не остановятся. Они и не такие барьеры брали. Как они ловко нас стравили и уговорили на этот бой. Можно поспорить, они найдут выход и из этого вроде бы безвыходного положения, придумают, как обмануть природу и в этом случае. Им не впервой.

Так, может, я зря считаю себя пенсионером? Может быть, ничего не кончилось?

У меня есть время и некоторое количество денег. И еще я кое-что смыслю в политике. Это ценно, поскольку никто из мнемозавров в ней ничего не понимает. Кстати, кто мешает мне обучить кое-каким знаниям всех желающих собратьев? А они будут. Их будет много, поскольку ручеек тех, кто вышел в тираж, кто уже не способен драться на арене, кто на ней не умер, он, этот ручеек, не иссякает.

Я не смогу поселить у себя на астероиде всех. Он не безразмерный. А вот если я вместо покупки астероида займусь политикой, дело найдется для каждого. И будут дополнительные средства. Есть люди, которые осуждают рабство, которым не нравятся эти бои. Они нам помогут, они обязаны это сделать.

Причем все это в истории людей уже было. Рабство и борьба с ним. И всегда находились те, кто помогал рабам, кто был на их стороне. Мы не будем отстаивать свои права насильственным образом. Это не тот путь. А вот создать партию, ставящую своей целью освобождение мнемозавров, — чем не занятие? В ней найдется место и занятие всем, всем. Потом, когда мнемозавры получат свободу, мы найдем неосвоенную планету, их в галактике немало, и снова возродим свою цивилизацию.

Вот эта мысль меня просто оглушила.

Планета?..

А ведь это вполне возможно. У мнемозавров вновь может появиться своя планета. Будет трудно, поскольку мы не умеем ничего, мы способны только драться на арене. Но мы научимся, обязательно научимся. И, кстати, мои знания пригодятся и тут. Они будут нужны как хлеб, поскольку у суверенной планеты должны быть конституция, органы управления и прочее. Все это нужно для того, чтобы не скатиться в дикость, снова не стать предметом купли-продажи, опять не превратиться в рабов.

У меня перед глазами все плыло. Ощущение было такое, словно я неожиданно оказался на вершине высокой горы и стою на ней, пораженный открывающимся видом, с трудом глотая разреженный воздух, все еще не веря, что все это произошло со мной.

Передо мной поставили очередную кружку пива, но я отодвинул ее в сторону.

Нет, вот сейчас мне нужна ясная голова. Я должен все взвесить и хорошенько обдумать. До мельчайших деталей. Прежде чем начать действовать.

А время действовать настанет. Очень скоро. И главное — я хорошо представляю, куда нам надо идти и чего мы хотим достичь. Будет очень трудно, но любого прошедшего школу ринга трудностями не испугаешь.

Главное, есть цель, и она в принципе достижима. Есть средства, есть время и есть желание.

Пенсия? Отдых?

Ну нет, кажется, я сейчас нашел занятие, которого мне хватит до конца жизни. Для того чтобы к нему приступить, надо лишь встать, выйти из бара и начать действовать. Вот сейчас, не теряя времени.

Я взглянул на мордочку Дизи, все еще маячившую на экране. Рано или поздно мы встретимся еще раз. Как единомышленники. Я, по крайней мере, на это надеюсь. Но это будет когда еще. А пока...

Я расплатился, встал и не спеша двинулся к выходу из бара.

Пенсия? Сытое, бездумное доживание оставшихся дней на персональном астероиде?

Фигушки, не дождетесь. Мой последний бой продолжается. И закончится он еще не скоро.

ВЛАДЛЕН ПОДЫМОВ,
СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

НИ СЛОВА ЛЖИ

дачливые расы нередки на просторах галактики. Но никто не заплатил за удачу такую цену, как раса под самоназванием Ното...
«Гранитный клубок, базальтовый пух». Нить седьмая, отлита в 12 344 г.

На экране разворачивалась эскадра Саака. Восемнадцать средних крейсеров типа «Тритон» и ударный линкор медленно и красиво перестраивались в боевой порядок. Разбухшие титановые сигары двигались торжественно, как на параде. Боевая рубка линкора все еще находилась в походном положении.

Кто-то из офицеров-тактиков презрительно фыркнул.

— Шестьдесят семь планет и полтриллиона особей, — проворчал адмирал Хагел. — Они могут позволить себе быть самоуверенными.

Правый экран моргнул, и на нем появился шторм-адмирал флота Саака. Здоровенная полуящерница клацнула жевательными пластинами.

— Мелководье Саака приветствует дружественный флот Империи Сол! — пробублькала саакаса.

Четыре глазные щели на голове раскрылись, блеснули янтарные зрачки. Верхнюю пару лап шторм-адмирал сложил на груди, среднюю — развел чуть в стороны.

Поза Готовности-к-Действию, понял Хагел. В культуре Саака к такой игре мышцами относились серьез-

но. Возможно, потому, что лицо у тритонов не отличалось выразительностью.

Судя по всему, саакас ждал от землян подвоха. Конечно, миссия дипломатическая, но про людей ходят странные слухи... Настолько странные, что верить им нельзя. Но и не верить — невозможно. Говорят, они даже экспериментировали с базовыми показателями расы. Сумели поднять удачливость, но дорого заплатили за это...

Опасные твари.

Но хомо ждут Посланника. Нарушить слово — потерять честь. И потому саакас показывал: он готов к неожиданностям. Хагел видел едва заметное покраснение нащечных брылей. Шторм-адмирал уже отдал приказ, который ему не нравился.

Хагел покосился на Руднева.

Чрезвычайный Консул, представитель Единой Ассамблеи и герой Империи, Сол молча смотрел на обзорный экран. Саакасы почти закончили перестроение.

Когда в Управлении Имперского флота адмирала спросили его мнение о Рудневе, он ответил честно. За что и получил первое в своей блистательной карьере взыскание.

Да, именно этот неприятный человек с кривой сардонической усмешкой несколько лет назад разбил Алкров. Пернатые пришли в великой силе, двинув на небольшую колонию Коктебель объединенный флот сорока планет. Тех птичек, кому удалось вернуться домой, можно было пересчитать по перьям одного крыла. Ободранного крыла.

Хагел хорошо знал, как это случилось. Знал и потому чертовски не хотел вновь встречаться с Консулом. Но... приказ есть приказ. И вот уже одиннадцать тысяч минут семь земных крейсеров ползали у границ пространства тритонов. Зачем? Руднев отмалчивался. Он чего-то ждал, спокойно разглядывая саакские крейсера.

Вдруг Консул неопределенно хмыкнул, ткнул пальцем в засечку линкора.

— Там нет Посланника. Это пустышка.

Хагел помедлил мгновение и взревел:

— Алая тревога!

Тактики набросили на лица экраны и вцепились в управляющие доски. Рубка мягко качнулась в объятиях противоинерционной системы. Земные корабли окутались дрожащим ярко-желтым сиянием защитных полей. Венок одуванчиков, да и только. Жаль, некому оценить.

— Наши действия? — повернулся к Рудневу Хагел.

— Атаковать.

Миг адмирал молчал, затем отдал приказ. Безумец, просто безумец! Он хочет второго Коктебеля?!

Земные крейсера рванулись в стороны, образуя атакующую полусферу.

На экране бесновался тритон.

— Хор-р-р-рль! Вор-р-р-рль! Тхор-р-р-рль! — рычал шторм-адмирал.

В этот миг один из крейсеров саакасов вздрогнул и двинулся влево, ломая строй. Тактического смысла в этом не было никакого. Хагел прищурился. Неисправность? Ошибка пилота? В такой момент?

На спине шторм-адмирала встала дыбом редкая синева щетина. Он сбавил тон:

— Мы-лен... Мы-я... Нет атака! Есть Посланник. Не здесь!

От волнения он растерял все свое знание террана.

— Приказ? — полувопросительно бросил Хагел.

— Отмените атаку, — Руднев, как обычно, улыбался. — Временно.

Шторм-адмирал забулькал, зарычал. Поза явно была угрожающей. Хагел не смог вспомнить ее название, но ладони повлажнели. Тритон все еще ждал боя. А восемнадцать крейсеров и линкор раскатают землян в тонкий блин меньше чем за тысячу секунд...

— Мы не терпим лжи. Вы это знаете, — холодно

произнес Руднев. — На вашем корабле должен быть Посланник Мелководья Саака. Его нет. Где он?

Саакас умолк. Вторая пара лап разошлась в стороны, образуя позу Вода-и-Честь. Он коротко рывкнул. Посол покачал головой:

— Я жду Достойного Лхарраль-Марра. Остальные мне без надобности.

Еще порция рычания с экрана. Руднев скривился, но согласно кивнул:

— Хорошо, мы ждем еще четыреста секунд.

Не успел он договорить, как пространство за кораблями Саака дрогнуло. На мгновение экраны ослепило бледно-фиолетовой вспышкой. Из клубка ярко-синих светящихся нитей медленно выполз длинный черный силуэт.

Корабль Посланника.

Лазурная не могла похвастаться большой семьей.

Две молодые и шустрые дочки-планеты, солидный сын — газовый гигант, неторопливо плывущий вокруг матери, и непоседливый малыш — пояс астероидов, беззаботно раскатывавший по эклиптике свои игрушки: астероиды, ледяные глыбы и прочую мелочь.

Лазурная была совсем молода по меркам звезд, куда моложе Солнца.

Однажды у гиганта вынырнула шустрая стальная блоха, проскакала по системе, погостила недолго у каждой из планет. Побродила в задумчивости вокруг и ускользнула в межпространственную щель.

Лазурная вновь осталась одна.

Ненадолго.

За железной блохой приползли железные же рыбы. Они грубо проламывали пространство, выбираясь из разрывов живой ткани вселенной. В их брюхах ждала своего часа стальная икра. И час настал. Огромные глыбы из стали и титана рыскали по системе. Останавливались то тут, то там. Метали икру.

Мир вокруг Лазурной менялся. Люди обживали вторую от Лазурной планету, называли ее Смеяна. Понастроили городов, провели дороги, рассадили кусты и деревья. Разбили парки, прокопали широкие каналы, спрямили очертания берегов внутреннего моря на одном из материков Смеяны. Стальные рыбы уползли, оставив строительный мусор и сотни спутников на высоких орбитах. Большую часть мусора за собой, однако, убрали.

Чуть позже появилось несколько небольших, но быстрых кораблей. Если прежние напоминали китов, то эти — акул или щук. Щуки покрутились вокруг планеты, сбросили десяток боевых станций и ушли.

И совсем недавно пространство разорвали сразу три титанических корабля. Два направились к планете и принялись засеивать ее маковыми зернами шаттлов. Третий гигант, самый огромный — ворох стальных жгутов и лент, мешанина цилиндров и кубов, — черепахой пополз к Лазурной. Дополз и встал на прикол с противоположной стороны.

Гигант носил страшное имя. Звездный Палач.

Внутри наливалось пронзительной белизной крохотное, но яркое солнце. Оно ждало своего часа.

Дождалось.

На огромном обзорном экране тянулись яркие полосы. Красные, оранжевые, фиолетовые, белые... Отсюда, из гипера, звезды выглядели именно так. Не ошибка компьютеров, не наваждение — здесь звезды были лентами, нитями, которые можно смотать в клубок, соткать холст. Нашелся бы только умелый ткач.

Изредка ленты принимались танцевать, свиваясь в удивительные узоры, нити рвались и вновь соединялись, а тьму пространства заливал свет. В этот миг корабль выходил из гипера, прорывая плоть вселенной.

Лхарраль-Марра отвернулся от экрана: жаркие воспоминания неприятно напоминали о пекле Огненных Полей

на Благословенной. Помассировал горловой мешок и пробулькал:

— Я слышал, что корабли людей быстры. Вижу, что это так.

— Есть расы с кораблями быстрее наших, — отозвался Руднев. — Например, алкры.

— Вы слишком быстры. Неудивительно, что ваши колонии разбросаны так далеко от центрального мира. Но сейчас вы слишком медлите. Я до сих пор не знаю, куда мы летим.

Руднев нахмурился.

— Терпение, Посланник. Вскоре вы сами все поймете.

— Вскоре? Прошло шестьсот тысяч секунд! Мне надоели ваши отговорки, Консул.

— Очень скоро, Достойный Лхарраль-Марра!

Тритон пожал вторыми плечами. Почти человеческий жест.

— Воды!

Помощник принес гибкий цилиндр с зеленоватой водой. Посланник жадно напился. Взглянул в сторону экрана, на котором разноцветный ураган превратился в мелкий дождь.

Вздогнул (Огненные Поля!), но заставил себя смотреть. Молча, не отрываясь. До тех пор, пока тьма космоса не объяла простор. Корабль выскользнул в обычное пространство.

Руднев вздохнул:

— Мы на месте, Достойный.

Тритон неопределенно булькнул. Добавил на терране:

— Не ждал, что ваши слова окажутся правдой. Действительно быстро.

Консул на миг побледнел.

— Мы не лжем, Достойный Лхарраль-Марра.

— Но вы знаете это слово... — протянул Посланник. — Одно из самых простых в вашем языке.

— Да.

— Значит, это древнее понятие. И очень старое слово. Ложь хорошо знакома вам.

Руднев вздрогнул, правый глаз задергался в нервном тике. Ухмылка осталась на месте.

— Советую проверить ваше оборудование, — льда в его голосе хватило бы на десяток полярных шапок. — Скоро оно понадобится.

Лхарраль-Марра уловил лед. Ярость колыхнулась алой тьмой в его зрачках.

— Вы... не уважаете мощь Саака?! Никто не смеет так говорить с Посланником Саа-Отца!

Помощники согласно забормотали.

— Мы уважаем силу Саака. Почти семь десятков планет и полтриллиона разумных — кто не будет уважать силу?

— Наши инвентаристы говорят, что у вас едва ли наберется пятая часть силы Саака! — горловой мешок тритона раздулся до предела. — Это так?

Сам Посланник сложил шесть лап в подобие пирамиды. Ритуальная поза Преклонения-перед-Мощью.

Консул сглотнул. Прямой вопрос. От такого не уйти.

— Это правда, но не вся. Мы здесь, чтобы показать вам нашу силу! — жестко сказал Руднев. — Истинную силу...

Посланник молчал почти минуту. Потом обернулся к помощникам, махнул лапой. Огромные цилиндры из блестящего металла, установленные несколько дней назад техниками Саака на носу земного крейсера, пришли в движение.

Два из них развернулись бутонами невиданных цветов. Еще два раскрылись ладонями, в которых лежали ярко-желтые шары — Глаза Саа-Отца. Не настоящие, конечно же. Но ничуть не хуже настоящих, если бы кому-то довелось их сравнить. Все, что видели Глаза, могло стать частью генетической памяти саакасов.

Помощники доложили о готовности. Руднев молча указал на огромное лежбище рядом с экраном. По просьбе

Посланника его доставили с посольского корабля. Андрей знал, что ложе густо нашпиговано шпионской аппаратурой. Но это ничего не решало.

Сейчас все решала честность, абсолютная честность. Ни слова лжи.

Руднев провел рукой в воздухе, и на экране возник квадрат — в центре ярко сияла голубая звезда.

— Лазурная. Обнаружена нашими разведчиками примерно триста тридцать лет назад. Позже было принято решение о частичной колонизации.

— Частичной?

— Да. Впрочем, тогда Империя отложила проект.

Посланник любовался звездой. Как она похожа на солнце Благословенной!

— Красивый цвет. Мне нравится. Если здесь есть подходящие планеты, Мелководье Саака могло бы предложить вам выгодную сделку.

— Продать вам эту систему?

— Да, в обмен на достойную компенсацию. — Три-тон спохватился и добавил: — На разумную компенсацию. — Еще через миг его глаза заволок янтарный туман, и он продемонстрировал человеку жевательные пластины: — С учетом сложившегося баланса сил.

Руднев молчал.

— Компенсация будет щедрой, я уверен, — пробормотал Лхарраль-Марра.

Консул вздохнул:

— Мы вернемся к этому вопросу позже.

— Да?

— Если вы не передумаете...

— Прекрасная звезда и так похожа на... — Посланник запнулся. — Но что здесь с планетами?

Движением руки Андрей обозначил планеты:

— Одна — желтого ряда, одна — зеленого. Вы ведь знаете нашу систему рядов?

Саакас кивнул.

— Отлично. Газовый гигант, согласно вашим специ-

фикациям, типа РРал-23. Весьма богатый пояс астероидов. В нем много, очень много тяжелых металлов. Платиноиды, урановая группа.

— Изумительно!

— Да, очень перспективная система. Таких немного в галактике.

Посланник сложил лапы в Треугольник-к-Радости. Фиолетовая щетина на спине дрожала от едва сдерживаемого восторга. Мелководью давно не хватало хороших звездных систем. Лазурная стала бы изумительным подарком.

Лхарраль-Марра обдумал эту мысль. Возможно, все намного лучше, чем он полагал. Он покосился на Руднева и с трудом заставил себя разжать лапы, сложив их в Параллель-у-Холода.

Консул внимательно разглядывал его. У саакаса вдруг появилось неприятное ощущение, что человек читает его мысли. Ему, Посланнику Великого Саа-Отца, не стоит давать волю лапам. А вдруг Консул людей понимает позы? Нет, этого не может быть! До сих пор ни одна из рас не смогла толком разобраться в ритуальной мимике саакасов.

Посланник помассировал горловой мешок и пробулькал:

— Эта звезда... Лазурная... Она могла бы оказаться подходящим подарком Империи Сол Мелководью Саака. Хорошо начинать отношения между расами с подарка.

Консул обернулся к экрану и долго молчал.

— Возможно, это был бы хороший подарок, — произнес он. — Возможно...

— Я слышу в ваших словах отказ. Слишком быстрый отказ. Вы плохо обдумали мою мысль.

Руднев покачал головой.

— Есть кое-что, о чем я не успел упомянуть.

Консул смахнул звезду с экрана. Перед ними возникла Смеяна. Белые пятна облаков, зеленые моря лесов, синий простор океанов... И — серые квадраты го-

родских кварталов. И — шахматные клетки полей. И — блеск орбитальных конструкций.

Вселенная рухнула и придавила Посланника.

— Вы ее колонизировали!

— Централизованно — нет. Но люди всегда ищут лучшей доли...

Тритон никак не мог поверить в такой удар судьбы. Благословенная была вот — лапу протяни, язык разверни... И исчезла. Вместо нее — колония людей.

Лапы поневоле сложились в зигзаг Удара-не-Судьбы.

— Да, это был бы плохой подарок, — проклокотал Посланник. — Тогда зачем мы здесь? Может быть, у вас есть еще какие-то никчемные идеи?! Я, Посланник Великого Саа-Отца, уже неделю лишен общения с себе подобными! Я болтаюсь в грязной коробке, которую вы называете кораблем!

Консул мрачно улыбался.

— Вы привезли меня на край галактики, чтобы показать вашу колонию?! Бесцельная трата моих сил и терпения Мелководья Саака!

— Смотрите, — человек убрал с экрана планету. — И не спешите с выводами.

Пространство вокруг крейсеров покрылось рябью. Из темных воронок начали выныривать звездолеты. Пять, десять, двадцать... Когда космос успокоился, саакас насчитал на экране отметки пятидесяти трех крейсеров.

— Флот, — констатировал саакас. — Неплохой флот. Особенно по вашим меркам.

Руднев не ответил. Он работал. Развешивал окна трансляций с орбитальных датчиков над Смеяной.

— Что вы делаете?

— Готовлюсь показать вам причину нашего путешествия. Приведите в готовность ваши регистраторы. С этого момента вам стоит наблюдать и за пространством, и за планетой. Записывайте все как можно подробнее.

— Хорошо. Подождите полсотни секунд... Так. Мы готовы.

— Теперь смотрите. Такого вы больше никогда не увидите! — Руднев сглотнул и добавил вполголоса: — По крайней мере, я на это надеюсь.

Посланник нахмурился. В его памяти всплывали воспоминания. Довольно странные и смутные. Что-то связанное с войной между людьми и алкрами... Что-то страшное и жестокое.

Безумное. Огненное.

Саакас не заметил, как человек запустил трансляцию.

Пять окон. Одно — прибрежная зона. Несколько белых, оранжевых и желтых катеров рассекают море. Человеческая молодежь со смехом плещется в волнах. Второе — детская площадка. Несколько десятков детенышей хомо с увлечением мутузят друг друга, строят города из блестящей пластичной массы, бегают друг за другом. Еще одно окно — центр распределения еды и товаров. Группы людей бродят вдоль огромных стеклянных витрин. Дети с визгом носятся по эскалаторам. Четвертое — над лесом. Зеленые пушистые деревья гнутся под порывом сильного ветра. Мелкое зверье устроило хоровод вокруг куста с ярко-алыми ягодами. Пятое — опушка леса. Там сгрудились несколько флаеров, расставлены полосатые палатки, а десяток седых хомо распевают песни.

Большую часть экрана вновь заняла Смеяна, вид с высоты в тысячу километров.

Посланник нахмурился. К чему это все?

— Адмирал, — хрипло произнес Руднев. — Время пришло.

Командующий земным флотом отозвался мгновенно:

— Я слушаю, Консул.

— Вскройте желтую ленту.

Хагел поднял со стола янтарный прямоугольник. Взял его обеими руками, сжал края. Затем сунул ленту в приемник. Долго молчал, перечитывая три короткие строчки.

— Все понятно? — поторопил его Руднев.

— Да... Консул.

Армада крейсеров двинулась к планете. Когда она оказалась в полумиллионе километров от Смеяны, передний крейсер окутался желтым сиянием. Чуть позже все соединение закрылось полями. Эскадра вдруг оказалась похожа на елочную гирлянду, которую люди когда-то любили развешивать на новогодних елках.

Найти бы дерево под стать такой гирлянде.

Огни чуть мигнули. Смеяна окрасилась кровавыми пятнами пламени. Орбитальные поселения, сотни мелких и больших спутников, космические верфи — все это горело и сминалось, проваливалось внутрь себя. С ослепительными вспышками взорвались орбитальные накопители.

За десяток секунд мирная жизнь обернулась оскалом смерти.

Посланник отказывался верить своим глазам. Он выдернул из кармана набедренной сумки портативный экран, развернул и увидел то же самое. На экране мигала огненная строка: «Погибло живых существ выше третьего класса». И число.

Оно достигло полумиллиона и быстро увеличивалось.

Саакас уронил гибкую пластину на пол и впился взглядом в окна на обзорном экране.

Молодежь в море пока ничего не заметила. Камера приблизилась. Большая часть ребят и девчонок самозабвенно целовалась. Некоторые играли в догонялки, ныряли, шумно плескались. На втором — дети визжали от восторга, заведя особенно яркую вспышку. Кое-кто под шумок рушил башни соседа. В центре распределения образовалась легкая паника. Покупатели не могли понять, почему не работают регистраторы товаров, а многие из витрин погасли. Люди на опушке леса с тревогой уставились в небо. Похоже, догадывались — в космосе происходит что-то непонятное. И вряд ли доброе...

Посланник повернулся к человеку и не нашелся, что

сказать. Портативный регистратор манил с пола меняющимися алыми строчками. Зарегистрирована гибель живых существ выше третьего класса — как то: саакасов, хомо, алкров... — чуть больше миллиона. Конечно, не было здесь ни детей Саака, ни птенцов Алкра, были лишь люди.

И убивали их тоже люди. По приказу Консула Империи Сол.

В этот миг на орбите Смеяны полыхнуло что-то особенно большое, и число погибших увеличилось сразу на шесть сотен тысяч.

— Х-хтр-р-роль... — просипел Посланник. — Что... Что вы делаете?! — саакас сумел перейти на терран.

— Смотрите сами, — улыбка хомо застыла. — Или вы не видите?

— Но это же ваша колония!

Посланник приблизился к экрану вплотную. Вспышки на орбите Смеяны заставляли его отворачиваться. Но пламя продолжало бушевать.

Один из крейсеров вдруг вздрогнул, провалился вниз. Снова вздрогнул. Еще и еще. По нему прицельно били из гравитудных разрядников.

Хагел выкрикнул приказ. Крейсер рывком выскочил из фокуса. Еще пара резких слов, и корабли перестроились, сосредоточив огонь на вышедших из тени Смеяны боевых станциях.

Что могут сделать десяток станций против полусотни крейсеров? Дуэль продолжалась недолго. Каких-то триста-четыре секунды. Все это время консульский крейсер немилосердно трясло. Но — никаких серьезных повреждений, противоинерционная система работала без нареканий.

Лхарраль-Марра бросил взгляд на личный экран. Число смертей перевалило за семь миллионов, а оружие эскадры все еще находило цели над Смеяной. Много целей.

Саакас сглотнул.

— Вы не знали, что здесь будут боевые станции?

Вдруг разговор позволит отвлечься от этого безумия?!

— Правительства планет во многом самостоятельны. Они вправе строить защитные комплексы, не спрашивая разрешения Императора. К сожалению, самостоятельности никогда не бывает достаточно.

Маленькое солнце разгорелось прямо перед ними. Консул прикрыл глаза ладонью. Через мгновение компьютер крейсера понизил яркость экрана.

Через две тысячи секунд эскадра прекратила огонь. Передовые крейсеры дожигали обломки орбитальных батарей. Пространство заполнял раскаленный металл, кристаллы льда и химического топлива стелились сверкающими шлейфами. Изломанные фермы, разорванные листы металла и пластика, куски человеческих тел валялись на Смеяну. Ливень рукотворных метеоритов расчертил небо огненными спицами.

Регистратор Посланника невозмутимо фиксировал число погибших — одиннадцать миллионов.

Трансляция с поверхности продолжалась.

В штормящем море бессмысленно болтался одинокий белый катер. Остальные устремились в порт. Детская площадка опустела. Везде валялись брошенные игрушки, одежда. Лишь один детеныш, плача, ползал среди башен и замков. В центре распределения — пустота. Меж разбитых витрин растерянно бродили несколько фигур. Похоже — персонал. Лес горел. Огня еще не видно, но дым стелился меж деревьев. Изредка его клубы взмывали к небу, чтобы тут же быть развеянными ветром. Флаеры разлетелись с опушки, остался лишь один. Старик с музыкальным инструментом расположился на поваленном дереве и что-то тихо напевал. Рядом с ним — початая бутылка.

— Хотите, поменяю обзор? — предложил Консул. Застывшая улыбка казалась гримасой боли.

— Нет. Что это за инструмент?

— У старика? Это гитаролла. На ней натянуты тон-

кие металлические нити. Если их дергать, они издают звук.

Руднев сместил камеры. Одну он подвесил над городской площадью, другую — на окраине деревни. Камеру на детской площадке не стал трогать. Лесную — бросил в полет вдоль реки. Когда он взялся за последнюю, саакас пробормотал:

— Оставьте... Старика оставьте.

Человек прищурился с сомнением, но вернул камеру обратно. Старик как раз отхлебнул из бутылки и с удовлетворенной ухмылкой утирал седые усы.

Посланник машинально отпил из своей емкости.

— Он доволен?

— Может быть, — пожал плечами землянин, — возможно, он знает, что его ждет. Их всех.

— Разве это... то, что вы сделали с орбитальной сетью их планеты, не...

Консул поднялся, навис над Посланником. Взгляд — на полсотни секунд.

— Нет, не все. Мы летели так далеко, и все ради вот этой ерунды? — Он обвел рукой пылающие обломки вокруг Смеяны.

Саакас поперхнулся. Вода, которой он желал залить пожар в груди, вдруг встала камнем в горле. Когда Посланник прокашлялся, Руднев поклонился и вернулся в кресло у экрана.

— Хагел.

— Приказ, Консул?

— Вскройте красную ленту.

Хагел поднял со стола алый прямоугольник. Подержал в руках и опустил в приемник. Молча поднялся. На щеках — багровые пятна.

— Я... Это безумие!

— Это приказ, адмирал! — Руднев медленно поднялся. Он вдруг почувствовал, что опасен в той степени, о какой даже не подозревал. За последние годы он стал так безумен и яростен, что это, возможно, превосходи-

ло самые дикие слухи, которые ходили о нем. — Адмирал. Вы. Выполните. Приказ.

Десять секунд, тридцать секунд...

— Немедленно! — гаркнул Консул.

Хагел вздрогнул. Склонил голову и молча кивнул офицерам.

Пространство вокруг корабля задрожало. С экрана стали исчезать отметки крейсеров. Десять, двадцать, тридцать... Вскоре остались лишь те, что изначально были под командованием Хагела.

— Куда вы их отправили? — беспокоился Посланник.

— Домой. Нам хватит и семи. — Консул мрачно хмыкнул. — Орбитальная бомбардировка планеты, у которой уже нет защитных станций...

Тритон вздрогнул. Лапы сами собой сложились в знак Равновесия-перед-Смертью. Посланник не удержался на одной паре лап и упал. Он лежал, распластавшись на животе. Несколько бесконечных мгновений он плыл по родному Мелководью, пытаюсь осознать себя, отделить происходящее от произошедшего.

Едва он пришел в себя, как огненные спицы проткнули пространство. Пылающие шары разорвали небо Смеяны. Ослепительная волна огня упала на поля, моря и озера, леса, города и селения. Небо заволокло дымом, в воздух поднялись миллиарды тонн раскаленной пыли.

Крейсера продолжали методично выжигать поверхность планеты. Квадрат за квадратом они засевали ее смертельными семенами.

Три из пяти экранов уже слепо моргали — температура, давление и радиация превысили предел выносливости техники. Да и что там могло быть? Порт, стекающий лавой в уже кипящее море? Разнесенные в пыль, в мелкую сажу леса? Живые существа выше третьего класса — как тени на камнях?!

Сейчас Посланник не мог называть людей людьми. Безумие происходящего переполнило его. Благословен-

ная, позволь не закрыться Глазам Саа-Отца! Пусть они увидят и запомнят! Но не я, не я! Саакас скорчился на ложе. Закрыл глаза и позволил памяти унести себя далеко.

И не видел внимательного, жесткого взгляда Руднева.

Лхарраль-Марра пришел в себя от мягких прикосновений. Помощники растирали его влажными листьями куварры. Саакас слабо рыкнул. Как оказалось, он пребывал в священном сне целых три с половиной тысячи секунд. И все это время рядом был человек. Посланник вскочил на четыре лапы. Верхняя пара инстинктивно сомкнулась в защитном блоке.

Смеяна багровела страшным бельмом на лице вселенной.

Рядом послышался хруст. Человек грыз какую-то пищу. Недоеденным куском он махнул в сторону бушующего на планете ада.

— Мы можем спуститься вниз. У нас надежные шаттлы.

— Нррахоль?! Кхлятттра... — Посланник на миг впал в транс. — Вниз?! Зачем?

Консул пожал плечами.

— Оставьте меня на сто секунд одного, — попросил тритон. — Мне надо все обдумать.

Руднев кивнул, подобрал с пола цветные кляксы пластика от разорванной упаковки и вышел.

Саакас потрясенно смотрел на огненную купель Смеяны, постепенно приходя в себя. Ста секунд как раз хватило на все. Когда человек вернулся, Посланник уже отдавал указания своим помощникам.

— Вы сделали верное предложение, — булькнул Лхарраль-Марра. — Мне надо все осмотреть. Я пошлю вниз один из Глаз нашего Отца.

Янтарный шар сорвался с металлических ладоней на носу корабля и упал в океан пламени. Консул чуть нахмурился и сцепил руки за спиной. В этот миг там, на планете, ослепительно полыхнуло. Чудовищный шар

раскаленного газа пронесся совсем близко от крейсера. Защитные поля на миг вспыхнули.

— Антиматерия!

— Похоже, да. — Консул взгляделся в экран. — Они всерьез относились к своей обороне. И не только к ней. Они собирались уйти из-под руки Императора. Стать более самостоятельными, чем это позволено.

Еще одна вспышка. Крейсер вздрогнул и прыгнул в сторону, уходя от рожденного на планете протуберанца. Янтарный шар вынырнул из глубин огненного океана, метнулся к кораблю и устроился на своем обычном месте. Обшивка немного оплавилась, но Глаз Саа-Отца пережил близкий взрыв.

— Хагел!

— Приказ?

— Уходим. Нам здесь больше нечего делать.

Крейсера развернулись и набрали скорость. Когда они убрались подальше от смертельно раненной Смеяны, Руднев повернулся к тритону.

— Вы хотели знать, зачем все это?

— Да! — Посланник не заметил, как его лапы сложились в положение Совершенство-и-Внимание.

— Не сейчас.

Лхарраль-Марра застыл. Опять оскорбление! Но человек махнул рукой в сторону экрана.

— Подождем немного. У нас гости. Ненужные нам гости.

Посланник поднял с пола личный экран. Взгляд скользнул по алому числу — миллиард сто двенадцать миллионов существ выше третьего класса. Саакас содрогнулся.

Перелистав экран, он нашел то, на что намекал человек. Неподалеку, совсем рядом по космическим меркам, всего в какой-то паре миллионов километров, прятался чужой корабль. Мелкий, просто крохотный. Но известно всем — траудаш мельче кончика когтя, а кусает как целый ванге!

Разведчик. Скоростной разведчик.

— Алкры пришли засвидетельствовать свое внимание.

— Они увидели много?

— Все. Неделью они крались за нами по пятам.

— Вы позволяете алкрам летать в пространстве Империи?!

— Нет, — качнул головой Консул, — но это не просто разведчики. Они шли за вашим кораблем, Посланник. С самого начала. И мы сочли невежливым...

Лапы тритона сложились в знак Ярости-и-Презрения. Птенцы Алкра на хвосте у детей Саака?! В пространстве Мелководья Саака? А затем — Империи Сол?!

— Теар-р-роль... Жаль, что мой корабль ожидает меня на вашей центральной планете. Я бы... поговорил с птичками. Для начала.

— Я предоставляю вам такую возможность.

Но Посланник подумал и отказался. Человек пожал плечами.

— Мне все равно придется с ними поговорить. Но вначале... Хагел!

Даже на взгляд саакаса адмирал выглядел неважно. Похоже, не все люди вышли из того смрадного болота, откуда родом этот трижды проклятый Консул.

— Да, Консул. Приказ?

— Не кривись, Хагел, все плохое позади... Вскрой белую ленту.

Адмирал молча повиновался. Прочитав приказ, он поднял голову и встретился взглядом с Рудневым.

— Плохое позади, Андрей?

— Да, Ингвар.

— Что ж, это, по крайней мере, логично, — холодно прорычал адмирал. — Чего-то подобного я и ожидал.

Через сто секунд пространство Лазурной опустело. Почти. В нем оставались один земной крейсер, разведчик алкров и пылающая Смеяна. И еще рукотворный

титан, безумное сооружение, плывущее в четырехстах миллионах километров от Лазурной. Звездный Палач, технология, которую мечтают заполучить многие расы. Но владеют ею только хомо.

Осмеливаются владеть.

Адмирал достал из внутреннего кармана личный считыватель и вложил в него белый прямоугольник. Консул вытянул за цепочку стальную пластину, висевшую у него на шее, и сжал ее в кулаке. Пластина едва ощутило кольнула его.

Две половинки сошлись. Приказ стал целым и превратился в действие.

Извечная улыбка Руднева никак не вязалась с застывшим лицом.

Саакас внимательно наблюдал за ним. Он был уверен, что люди еще преподнесут ему сюрприз. Кровавое число на дисплее опять попало на глаза, и Посланника вновь передернуло. Лапы инстинктивно сложились в положение Ужас-но-Раскаяние.

Консул попросил:

— Хагел, дай мне связь с птичками.

Через миг огненные иглы вскрыли хамелеон-защиту разведчика.

Руднев долго рассматривал собеседника. То есть собеседников. Или нет? Он до сих пор не понимал, кем же считать одиночного алкра — единой личностью или тремя отдельными? Левая голова явно была пилотом. Тогда правая — воин? Нехарактерно для птичек, своего рода левша в мире алкров.

А птенец Лилового Гнезда чувствовал себя нехорошо. Скаут против крейсера? В глубоком человеческом космосе? Вероятность выживания стремилась к нулю. Пришлось обратиться к старшему-по-крылу. Перья на груди алкра разошлись, и оттуда на тонкой морщинистой шее выползла командная голова. Комалкр.

— Ты потревожил меня, хомо, — проскрипела командная голова.

— Вам нельзя здесь находиться, — отрезал Руднев.

— Перья летят по ветру. Ветер принес нас сюда, хо-
мо, — вновь закрипело тележное колесо комалкра.

— Вам не стоит здесь находиться, — поправился
Консул. — Идет волна огня. Истинного огня. Как тогда,
на Коктебеле.

— Коктабблель?!

Маленькая голова задержалась. Большие — расте-
рянно переглянулись и уставились в боковые экраны.
Комалкр пронзительно затрещал, крылья встопорщи-
лись, мелькнули когти. По экрану побежала алая поло-
са — алкр готовился к прыжку.

Голова-пилот повернулась к центральному экрану.

— Уходим.

Воин добавил:

— Сейчас.

Клювы раскрылись шире, и алкр заговорил, переби-
вая сам себя:

— Благодарим.

— Предупреждение.

— Помним.

— Долго.

Комалкр молча шурился на Консула до самого прыж-
ка. Даже когда корабль птичек исчез, Руднев все еще
чувствовал на себе изучающий взгляд командной голо-
вы алкра. Птички всегда подозревали подвох. Везде и во
всем. Но сегодня важная добыча прошла мимо них. Пер-
натые бесцельно прощелкали клювами. Всеми тремя.

От мыслей Руднева отвлек голос Посланника:

— Ты отпустил их. Зачем?

— Пусть знают, где мы были и что делали.

Прошла пара тысяч мгновений, и саакас обратил
внимание на Лазурную. Палач подошел совсем близко.

Звезда бурлила, исходила жаром, плевалась огнен-
ными клубками, которые неохотно рассеивались в про-
странстве. Светилась все ярче и ярче...

И — вспыхнула!

Ослепительная мощь и сила! Танец раскаленной плазмы!

Крейсер метнулся прочь из системы, превращенной по воле людей в жертвенный костер, на котором сгорит и Лазурная, и все ее дети.

Руднев махнул рукой. В рубке погас свет, а стены исчезли, став прозрачней стекла. Аутодафе Лазурной предстало во всей своей жестокой красе. Человек и саакас мгновенно оказались в центре плазменного урагана.

Консул сделал пару шагов, поднял руки и уперся в невидимую стену. Он стоял, озаренный багровым огнем. Упивался буйством стихии разрушения. Плыл в потоках огненной смерти...

Когда крейсер наконец разогнался и вырвался из пылающих объятий Лазурной, Консул Империи Сол обернулся к Посланнику Саака.

Тот вздрогнул. Перед ним стояла маленькая, тщедушная по меркам любого саакаса фигурка. Но огненная буря позади него... Хомо вызвал пламенный ураган, в котором погиб миллиард его сородичей! А теперь еще и огненный шторм, в котором сгорела звезда со всей своей системой. То, что жило миллиарды лет, сегодня исчезло по воле одного-единственного человека. И человек не ужасался! Он радовался! Эта гримаса на лице зовется улыбкой, она — признак хорошего настроения. Инвестигаторы изучают расу хомо очень долго, они не могут ошибаться!

Посланник вздрогнул. Лиловая щетина на хребте, знак императорского рода, поднялась дыбом.

Консул подошел к нему, наклонился и сказал:

— Вы говорили о подарке? Вот он — подарок!

Андрей выпрямился и обвел рукой пылающую бездну. Посланник потрясенно молчал.

— Взгляните! — теперь Руднев почти кричал. — Мы показали вам! Кем мы можем быть! И кем не хотим стать! Это лучший подарок из возможных!

Огненная бездна бушевала в молчании. Консул дос-

тал из кармана тонизатор, проглотил не глядя. Когда он заговорил, в голосе послышалась усталость:

— Обдумайте это. Оцените со всем тщанием. У вас есть шестьсот тысяч секунд. Неделя по-нашему...

И Посланник остался один. Наедине с недавними событиями и древней памятью.

— ...Один миллиард сто двенадцать миллионов триста сорок тысяч восемьсот двадцать одно живое существо выше третьего класса... — закончил читать очередной лист договора секретарь-саакас.

— Неверно, — промолвил Консул. — Число стоит изменить.

— Показания наших регистраторов...

— Простите. Но я не хочу, чтобы неточность или ложь отравили наши отношения. Лучше изложим так: «Неизвестное количество живых существ выше третьего класса».

Посланник удивленно воззрился на него.

— Вы же помните, мы практически не способны лгать, — добавил Руднев. — Давняя генетическая модификация. В обмен на повышение удачливости мы потеряли способность лгать.

— Да-а, — задумчиво протянул Посланник. — Станные идеи посещали ваших предков.

Пожав плечами, Лхарраль-Марра согласился с поправкой к договору.

Чуть позже Андрей провожал Посланника. Они шли под открытым небом, по липовой аллее. За несколько шагов до входа в дипломатический отсек саакас ухватил Руднева за рукав:

— Давно хочу спросить вас, Консул, в чем же заключается ваша удача? Кроме техники, науки и тому подобного. Она ведь должна проявляться и в более важных вещах. Назовите мне самое главное.

Андрей молча кивнул. Вопрос прямой, уклониться невозможно.

— Так в чем же ваша удача? — повторил Послани-
ник.

Минуту Руднев бесстрастно смотрел в глаза трито-
ну. Наконец проронил:

— Мы — живы. И вы — тоже.

У Посланника судорожно дернулся горловой мешок.
Саакас кивнул, отвернулся и заковылял в сторону шлю-
за. По бокам сенили помощники, поддерживая сво-
его господина.

Андрей смотрел им вслед. Напряжение последних
тысяч минут отпустило, можно вздохнуть и вновь по-
чувствовать аромат цветущих яблонь, вкус свежего ве-
сеннего ветра. Можно насладиться спокойствием и ти-
шиной. Или найти себе женщину и отправиться в путе-
шество по миру.

Андрей сорвал с ветки липовый лист и бросил его в
рот. Терпкий, вяжущий, чуть сладковатый вкус.

Консул повернулся и побрел на стоянку флаеров.

Он хотел домой. Вернуться в просторную квартиру
на триста первом этаже Памирского Гвоздя. Залезть в
душ и долго оттираться жесткой мочалкой. Ловить ртом
обжигающие струи воды. Упасть на широкую кровать.
Заснуть и забыть все.

Но отдохнуть не удалось, дома Руднев обнаружил
Савойского. Старый герцог вытащил на широкий бал-
кон любимое кресло хозяина и вольготно в нем распо-
ложился. Рядом поставил стол с широкой хрустальной
вазой. Яблоки, персики, малайи, авокадо... Старик пи-
тал слабость к фруктам.

Он довольно шурился, разглядывая сквозь дымку
поляризаторов белое кружево висячих мостов, и хру-
стел яблоком. При виде Андрея Савойский усмехнулся,
бросил на пол огрызок, нашарил в вазе персик. Прого-
ворил:

— Мне всегда нравилось это место.

Андрей нашел себе стул и сел рядом.

— Да, мне тоже. Здесь тихо и не бывает ненужных гостей.

— Научился шутить? Надеюсь, не у тритонов?

Руднев промолчал. Старик утер губы и поднял со стола тонкую синюю папку.

— Ты провел хорошую операцию. Какие планы?

— Уйду в отпуск. На год или два. Устал. Я хожу по самому краю!

Герцог шлепнул ладонью по столу.

— Думаешь, ты один такой? Только ты один общаешься с чужаками?! А ты не думал, какими путями я получил флот, который ты вел к Лазурной? Нет? Подумай!

— Я знаю, что не все просто, но...

— Ты ничего не знаешь! И не должен знать. Если не знаешь — то и не солжешь.

Руднев пожал плечами.

— У нас есть время. И я хочу отдохнуть.

— Год у нас есть. Даже пять. По расчетам, кремниоды выйдут к нашим границам лет через шесть-семь. Но всегда надо учитывать возможность неудачи. Ты думаешь, нам пора забыть это слово? Рано, мальчик, рано!

— Десять месяцев.

Савойский покачал головой:

— Шесть. И ни сотней секунд больше.

Старик, кряхтя, поднялся и побрел к выходу. Вернулся, выбрал яблоко посочнее и оставил Руднева одного.

Андрей отключил всю связь, запер дверь, вышел на балкон и снял защиту.

Ветер рванул рубашку, выдавил слезы из глаз. Руднев стоял, вцепившись до боли в ладонях в черный шершавый гранит. С вершины Памирского Гвоздя открывалась панорама Сиреневого Пояса: полукольца садов, террасы полей, разноцветные кубики маленьких, в пять-десять этажей, домов. А на горизонте вставали хребты Конгуртага, закрывая закатное солнце. Туман уже собирался на вершинах, готовый ринуться белесым язы-

ком на город. Или пролиться холодным дождем в долинах.

Андрей глубоко вздохнул.

У него есть полгода. А потом — работа. Новая работа. Пять лет каторжного труда и постоянного страха, что удача в этот раз изменит Империи. Такого не случилось, но всегда что-то бывает в первый раз.

Людам Руднева предстоит обнаружить подходящую планету, возвести на ней города и деревни, повесить в космосе спутники и верфи, засыпать пространство космическим мусором, который, как покажется со стороны, копился столетиями. Нужно будет создать миллиард клонов лучшего биоматериала, запрограммировать каждого на почти человеческое поведение.

И еще. Собрать убийцу звезд.

Палача.

Им, Консулу Империи Сол и Звездному Палачу, потребуется немного удачи, чтобы и на этот раз тотальная война с чужими осталась только возможностью. Тенью призрака. Прикосновением видения.

Нет нужды лгать. Алиены все делают сами: смотрят, записывают, интерпретируют. Главное — никаких голограмм, моделей и манекенов, ведь с каждым годом регистраторы становятся все чувствительнее.

Тогда и выводы будут правильными. Даже поддакивать не нужно.

При чем здесь ложь?

А Империя Сол получит очередную отсрочку. Три планеты и одиннадцать миллиардов граждан.

Им нужно так мало! Толика удачи, кроха, не видимая глазу.

И — ни слова лжи.

АНДРЕЙ БАСИРИН

ЗАКОН ГАРМОНИИ

й, эй! Что ты там в стенку суешь?!

Гилант испуганно спрятал ложноножки за спину.

— Ое-ае, бачка бригадир! Это великий тайна наша цивилизация.

Анатолий вытер пот со лба.

Обоим было трудно. Оба старались. От того, как гилантские зодчие выстроят земное посольство, зависели отношения между расами. Гиланты нуждались в рассыпчатом земном песчанике, базальте с румяной корочкой, спелых гранитных кочешках. Люди же искали братьев по разуму.

Желательно меньших братьев.

— Дай посмотреть.

В ладонь упала искрящаяся точка. Ее лучики приятно покалывали пальцы. Вот один из них дотянулся до пиджачной пуговицы, и та с треском разлетелась в пыль.

— Что это, Доломит?

— Это ЧПОК, бачка бригадир.

— ЧПОК?

Гилант развел ложноножками: ЧПОК — значит ЧПОК. Анатолий перелистал словарик. Оказалось, что это Чрезвычайно Перенапряженная Область Конструкции.

— Мала-мала ЧПОК везде есть. Гора возьми — ЧПОК. Космолет — ЧПОК. — Гилант взял небьющуюся кружку Анатолия. — Здесь щелкни, бачка бригадир, — ЧПОК будет.

Анатолий щелкнул — совершенно машинально. Кружка взорвалась в руках, едва не отхватив пальцы.

— Да ты что, Долomit? Предупреждать надо!

— Мала-мала не подумал, — самокритично загудел гилант. — Мала-мала башка дурной. Прости, бачка бригадир.

— Ладно. Рано в осадок выпадать... Лучше скажи: этот ЧПОК, он как — дорогой?

— Три тысячи галатов, однако.

— Ого! И в смете, поди, числится?

Долomit растерянно заискрил. Потом полез за диктофоном. Он всегда так делал, когда слышал новое слово.

Гиланты не признавали смет и подрядчиков. Они просто строили дома. Ходили слухи, что среди их стройматериалов есть компонент, создающий вселенскую гармонию. Гиланты называли его «ойвок». За тайной ойвока охотились все. Ведь благодаря ему гилантские дома идеально подходили заказчикам. Жильцы в них просто блаженствовали.

Из своих методов строительства гиланты тайны не делали. Многие пытались строить по их чертежам, используя гилантские материалы. Антаресцы, проксиманцы, молдаване... Дома получались обычные. Не трущобы, конечно, но и не райские дворцы. Таинственный ойвок не давался чужакам.

— Ты это, Долomit... А может, не надо ЧПОКа? Еще рухнет что — а мы отвечаем.

— Ое-ае, бачка бригадир, — заслоился гилант. — Нельзя! Мала-мала ойвок поломаем.

Анатолий напрягся:

— Так ойвок — здесь? — Он сжал точку.

— Нет. Это ЧПОК.

— А ойвок?

— Не скажу, бачка бригадир.

— Эх вы... — Землянин покачал головой. — Ойвок, гармония... Гоголь вон тоже на гармонии сдвинулся. А «Мертвые души» так и не вытянул. — Он спрятал ЧПОК в карман. — Ладно, Долomit. Заканчивай потихоньку, послезавтра комиссия.

При всей своей открытости гиланты не доверяли чужакам. Земным дипломатам с трудом удалось навязать им своего наблюдателя. Дало это немногое. Ни подсобным рабочим, ни тем более маляром или каменщиком Анатолия не брали. Пришлось соглашаться на позорную с точки зрения гилантов должность бригадира.

Президент Земли вручил Анатолию трудовую книжку. Брыластый полковник напутствовал тихим душевным словом. Началась новая эпоха в развитии человеческо-гилантских отношений.

Вот только началась она плохо. Первую неделю строительства Анатолий промаялся. Он поминутно заглядывал в словарики, бледнел, мямлил. Ответственность не давала вздохнуть свободно. Вечерами бригадир вспоминал Землю: президента, невесту Ньюрку, борщ с бичками. Скупая мужская слезинка скатывалась по щеке.

Но скоро это прошло. Работа есть работа; Анатолий втянулся, вошел во вкус. Доломита стесняться перестал. А чего стесняться? Свой же в доску мужик, вернее — в плитку.

Тогда-то и пришла беда. Против Анатолия восстали древние человеческие инстинкты. Он держался сколько мог, а потом руки сами пихнули рулон рубероида под брезент. Пускай, мол, полежит. До вечера. А после работы поглядим, куда его пристроить.

И началось. По всей стройке заревели сирены. Замигали огни, ударили всполохи киберсторожей. Доломит возник из ниоткуда; чешуйки на его шкуре стремительно раскалялись.

— Мала-мала вредим, бачка бригадир?

Вся жизнь пронеслась перед Анатолием. Родинка на плече любимой; мудрые, немного усталые глаза президента; багровые складки на полковничьей шее. «Беда, — подумал он. — Провалил миссию. И так глупо...»

Надо было срочно спасать положение.

— Это фэн-шуй, — объяснил Анатолий. — Древнее земное искусство.

— Фэн-шуй?

Сирены утихли. Киберсторожа убрались в укрытия.

— Ое-ае, — негодующая белизна гиланта сменилась вопросительной бирюзовинкой. В ложноножках появился диктофон. — Бачка Анатолий, словарь, однако.

Впервые за историю общения рас гилант назвал землянина по имени. Впору было ликовать. Но Анатолий не привык останавливаться на полпути.

— Э, нет, — прищурился он. — Шустрый какой. Баш на баш: ты мне ойвок, я тебе — фэн-шуй. Идет?

Доломит огорченно растрескался.

— Нельзя, бачка бригадир. Ойвок — мудрость наша цивилизация.

— Ладно. А рубероид пусть здесь полежит.

— Но ойвок...

— Фэн-шуй.

Назови кто-нибудь Анатолия вором, он бы обиделся. Есть кража, а есть разумное управление ресурсами. По его мнению, гиланты строили барски.

— Доломит! — спрашивал землянин. — Зачем это?

— Это ООН, бачка бригадир.

«Обтрюхиватель Обоев Нормативный». Чтобы обои старились, значит.

— Я понимаю, что ООН. Зачем?

— Ойвок.

И так всегда. Не раз бригадиру приходилось предотвращать вредительство. Когда он упрятал под брезент Вектор Общепланетного Притяжения (Линейный Искровой), гилант залился лавовыми слезами. Боже мой! Было б с чего расстраиваться. Если вектор воткнуть в пол, то передвигаться можно только по полу. А так — и по стенам, и потолку. Это ж какая экономия пространства.

А разрыхлители в котловане для имитации усадки? А микросейсмики в стенах — трещины формировать?

— Ойвок, бачка бригадир.

— Фэн-шуй.

К счастью, Анатолий хитрости Доломита видел насквозь. Видел и пресекал. Здание у него получилось не здание, а конфетка. Стены новехонькие, ни царапинки. Внутри — хочешь на коньках кататься, хочешь — по толку бегай. В курительных комнатах Анатолий нарочно упразднил силу трения. Чтобы шпионы и бездельники не отирались почем зря. Он много чего придумал хорошего. И главное: без ЧПОКа все это хоть миллион лет простоят. Потому что напрягаться нечему.

Когда приемная комиссия ушла, Доломит подкатился к Анатолию.

— Ты теперь строитель, бачка бригадир. Теперь можно... Вот твой ойвок.

И в ладонь землянина лег черный кристалл. Анатолий задумчиво покатал его меж пальцами.

— Ойвок, значит...

Кристаллы эти гилантам предоставила Земля. На каждой грани могла уместиться целая энциклопедия: с картинками, объемными голограммами, учебными фильмами. Так что же такое ойвок? Технология? Религия? Путь к познанию мира?

По поверхности гиланта зазмеились просительные трещины.

— Бачка Анатолий... Ты обещал...

— Обещанное — выполняю.

...И гилантский словарь обогатился тремя новыми понятиями:

«ФЭН-ШУЙ (зем.) — умение располагать вещи так, чтобы они лежали хорошо.

ЛЕЖАТЬ ХОРОШО (зем.) — противоположно ЛЕЖАТЬ ПЛОХО.

ЛЕЖАТЬ ПЛОХО (зем.) — непереводаемая земная идиома».

Человек — существо неблагодарное. Что ни делай, всегда найдутся недовольные. Первыми пострадали уборщицы. Большой Автоматический Мусорораскидыватель

Анатолий вынес втихую, и в посольстве царила идеальная чистота. Уборщицам нет бы радоваться, а они бунтовать. Сплетничать стали, интриги плести. Глупые! Им бы шахматный кружок организовать. Или уровень свой культурный повысить.

Потом взбесились администраторы и научный персонал. Курьеры на потолке их невыносимо раздражали. Атташе приходилось разыскивать по трем координатам. А в штатном расписании черным по белому: положено по двум.

Ночами в коридорах завывали ветры иных пространств. Звучала дивная чарующая музыка. Нашим обычным скрипам и шорохам места не оставалось. Вскоре служащие начали пропадать. Кто-то отправился в бессрочную командировку, кого-то поглотили бескрайние просторы подсобок. Кто-то просто сбежал.

Когда посольство опустело, земляне всполошились. Но было поздно. Гилантские эксперты лишь ложноножками разводили.

— Ойвок, — сказали они. — Мала-мала ойвок совсем нету.

Анатолий же вернулся на Землю. Встретили его душевно. Журналисты, фотографы, гимназистки в белых бантах. Ковер красный.

Из космопорта он сразу в столовую рванул, очень уж по борщу с биточками соскучился. А там как раз президент. И полковник брыластый со всей своей разведкой — почти в середине очереди. Хорошо-то как! Стоять не придется.

— Рассказывай, — говорит полковник, — тяжело было задание Родины выполнять?

— Очень. Гиланты — они ведь хитросланцевые.

— Какие-какие?

Пришлось рассказать, откуда у гилантов ложноножки растут. Президент поморщился:

— Избавь нас от анатомических изысков. Ойвок привез?

— Так точно, господин президент, — Анатолий достал подарок Доломита. — Есть на чем посмотреть?

— Конечно. — Полковник подал ноутбук. На крышке поблескивали разъемы проигрывателя кристаллов. — Давай-ка сюда камешек.

По экрану ноутбука побежали иероглифы гилантов. Замигала лампочка транслятора. Президент придвинулся:

— Позвольте, позвольте... Я немного понимаю их язык. Речь идет о некоем универсальном законе существования. Если бы не смысловые нюансы...

— Ничего, господин президент, — крикнул полковник. — Прорвемся. Растолмачит машинка.

Ноутбук пискнул. Иероглифы расплылись, превращаясь в слова.

Закон гармонии, — горело на экране.

Томительно оборвалась пауза. Курсор, помигав, выстрелил фразой:

Стройматериалы, бачка Анатолий, должны лежать на брезенте, а не под ним.

ДРУГОЕ МЕСТО

1

 вет, проходя сквозь загустевшую атмосферу, становился грязно-желтым, почти ржавым. Он висел в воздухе туманной пеленой и уже не озарял, но *высвечивал*, выхватывал из пространства отдельные предметы, скрадывая очертания остального.

— Я хочу работать! Отпустите, я могу работать! — Голос был молодой, сильный и звонкий.

Пан не пошевелился. В черных шариках, напоминающих матовую отливку из металла, а не глаза разумного существа, тонкими струйками плеснулись две спирали белых искр. Живая тележка вздрогнула и остановилась, когда пан придавил ее нижней конечностью.

— Отпустите!

Донесся писк рабской гусеницы. В тумане возникла темная масса, она медленно приближалась по широкой земляной дороге, окруженной ноздреватыми стенами барачков. Дверей в них не было, только отверстия разных форм и размеров — привлеченные криком, оттуда выглядывали полуголые люди. Они молча провожали взглядами гусеницу, которая медленно двигалась сквозь туман, как паром по реке.

Пан шевельнулся, тележка задрожала от боли. Сетка из тонких древесных прутьев придавала ее розовой мягкой плоти форму, удобную для наездников. Три хитиновых колеса повернулись, и пан обратился глазами к дороге. Его сопровождали два бригадира, как их назы-

вали в поселении Бра: вооруженный берцовой костью рыжий бородач и жилистая высокая женщина с длинными черными волосами.

— Не хочу, не надо!

На широкой спине гусеницы, внутри периметра из твердых роговых пластин с наждачной поверхностью, людей было столько, что грязные голые тела будто слиплись, склеились в общую неподвижную массу. Но один мальчик ухитрился перелезть через периметр и спрыгнуть. Тонкие разрезы, оставленные бритвенными краями пластин, змеились по его то ли очень смуглой, то ли очень грязной коже. Мальчик упал, поднялся и заковылял по дороге. С медленно удаляющейся гусеницы рабы смотрели на него безучастно.

Бородач шагнул навстречу. Мальчик, спотыкаясь и падая, подошел ближе, лег лицом на землю и прошептал:

— Я еще могу работать. Я буду работать.

Бригадир оглянулся на пана, скользнул взглядом по световой пленке между глазами шариками и замахнулся костью. С тихим чмоканьем на теле пана приоткрылись и тут же сомкнулись сморщенные стрекательные губки; почти невидимая, тончайшая белесая нить протянулась от них по воздуху, и бригадир вскрикнул. На его спине над копчиком возник ярко-красный нарыв, быстро разросся и прорвался кровью. Как лопнувшая мешковина, разлезлась кожа, за ней плоть, и обнажился позвоночник. Бородач упал, несколько раз дернулся и затих.

Сморщенные губки опять раскрылись, следующий плевок угодил мальчику в плечо. Паны могли изменять концентрацию клейкого яда, второй плевок оказался куда слабее. Мальчик скорчился, завопив, стал тереться предплечьем о землю.

По световой пленке медленно расплылись пятна разноцветных сигналов. На лице женщины-бригадира была ярость, но она тряхнула волосами и перевела хриплым от страха голосом:

— Маршрут не крупной особи корреляция пути пана.

Тем временем рабская гусеница проползла мимо и свернула к большому барaku с широким отверстием в стене. От крыши барака тянулись и исчезали в тумане покрытые зеленоватым налетом трубы. Гусеница приблизилась вплотную к отверстию, втянула в тело часть бритвенных пластин и наклонилась так, что люди начали падать внутрь.

— Твое имя?

Одеждой женщине служила лишь короткая грязная рубаха. Щиколотку левой ноги украшало большое ярко-красное пятно.

Мальчик встал на колени, снизу вверх глядя на пана.

— Ян.

— Ему это безразлично. Это я, Багир, — женщина осторожно прикоснулась пальцами ноги к боку бородача с прожженным позвоночником, — хочу знать, кого благодарить за смерть Самсона.

Со стороны большого барака донеслись слабые крики. Отверстие закрылось, гусеница, издав пронзительный писк, тронулась в обратный путь.

Ян смотрел то на пана, то на свое плечо, где дорожная грязь смешалась с кровью, влажной бурой кашицей покрыв оставленный ядом ожог.

— Он сказал, ты идешь с нами.

Живая тележка под паном дрогнула и, тихо шелестя колесами, поехала дальше. Бригадир заспешила следом.

Ян накрыл ладонью рану и пошел за ними. Мимо в обратном направлении проползла гусеница. Из барака донесся приглушенный толстыми стенами гул — там началась огненная газация.

Вот так он и выжил, Ян, темнокожий мальчик, про отца которого почти ничего не знала даже его мать, давно сгинувшая в сырости и вонии одного из женских бараков поселения Бра.

На краю Бра, там, где начиналась дорога к городу,

раскинулся ночной насест панов, а рядом стояли бревенчатый дом без окон и сарай из веток и полусгнивших досок. В доме жили бригадиры, в сарае поселились Ян и пришлый старик, а ночью там появилась тележка заезжего пана.

Тем вечером, дойдя до сарая, Ян увидел внутри человека с пятнистой головой и потерял сознание.

Утром оказалось, что раны перетянуты полосками грязной материи. Вокруг Яна, подпрыгивая и пританцовывая, расхаживал рослый тощий старик с головой, усеянной темными пятнами, между которыми росли длинные пучки седых волос. Брови, борода, завязанная внизу узлом, и усы тоже были седыми. В руках старик сжимал палку с железным наконечником — но не острым, а расклепанным так, что полоска железа образовывала зигзаг.

Старик прокричал:

— Нецки! Чистильщик. Зеленестиральщик. Вчера чернокожего привела бригадир. Такая злая. Кто ты?!

— Ян, — ответил мальчик.

Нецки нахмурился:

— Пот и пепел! Ян, вот так?! Почему ты тут?

— Не знаю, — произнес Ян, оглядываясь.

Здесь не было нар, которые поселенцы сбивали для себя в бараках, только усталый высохшей травой пол. В углу стояла живая тележка. Увидев ее, Ян встал.

— Чья она?

Нецки повернулся к тележке. Зигзаг на конце его палки прочертил замысловатую кривую в воздухе.

— Омнибоса. Омнибос — пан, Нецки — его чистильщик, а это его тележка. Почему Ян черный?

— Я... я не знаю. Я такого цвета. А кто ваш хозяин?

Старик шагнул к тележке.

— Не кричи, Черноян! У Чернояна очень громкий голос. Омнибос — он важный, да, Елена Прекрасная? Омнибос — он важнее всех остальных панов на планете.

— Это его имя — Омнибос?

— У панов нет имен, разве Черноян не знает этого? Паны не здороваются. — Голос старика вдруг изменился, стал вкрадчивым, словно заговорил какой-то другой, более разумный и спокойный человек, сидящий внутри его тела: — Наделенное разумом существо, здороваясь с другим разумным существом, дает понять, что идентифицировало его и приняло к сведению факт его присутствия в обозримом пространстве. Для панов приветствия бессмысленны. Их глаза, Ян. Они не видят. Не воспринимают пространство так, как воспринимаем его мы.

Незнакомец в теле старика произнес эту тарабарщину и смолк, а Нецки вдруг ткнул концом зигзага в бок тележки. Та вздрогнула и с шелестом вжалась в стену.

— Ей же больно! — Ян оттолкнул старика. Обтянутая древесной сеткой розовая плоть казалась мягкой и беззащитной. Мальчик осторожно положил ладонь на теплый бок. Ни глаз, ни ушей, ни ноздрей... все же тележки были не только живыми, но и разумными, хотя для людей выглядели еще более странно, чем паны. От прикосновения тележка задрожала, но быстро успокоилась и стала медленно покачиваться из стороны в сторону на хитиновых колесах.

— Тебя зовут Елена? — спросил Ян. — Тебе тоже больно, да? — Он потрогал оставшийся от бритвенного периметра разрез на боку. — У нас сейчас нет тележек, наши паны сами ходят. Вы здесь будете ночевать?

Теплый бок Елены напрягся, вспучился, затем опал, и тележка выпустила под себя струю розовой жижи. По сараю распространился едкий запах. Ян отпрянул, чтобы жижа не обожгла ногу.

— Здесь этого делать не надо, лучше на улице.

— Злая бригадир идет, — произнес старик, и Ян обернулся.

— Багир?

— Багир-Злобагир. Да, та самая, что вчера привела Чернояна.

Войдя в сарай, Багир сразу же схватила Яна за кучерявые черные вихры на затылке.

— Пришел в себя, гаденыш? А ну, топай!

На пороге она замерла, втянув раздувшимися ноздрями воздух, спросила у Нецки:

— Тележкина жижа?

Но старика в сарае уже не было, и бригадир, за волосы вытащив Яна наружу, поволокла его к ночному насесту панов. Они прошли мимо барахтающихся в грязи свиней, которых разводили поселенцы, миновали газовый барак. В отличие от Нецки, ходившего так, словно все его суставы давно пришли в негодность и разболтались, Багир двигалась очень целеустремленно, маршировала, а не шла. Во всех ее движениях, в мимике и жестах присутствовало нечто горячее — будто в теле бригадира жило болезненное напряжение и женщина постоянно сдерживала его, вкладывая натужные усилия в каждый свой жест.

За крайним баракком тянулось поле костей, куда выгребали то, что оставалось после газации, а дальше стоял ночной насест. Нецки уже был здесь — ходил вокруг Омнибоса с палкой наперевес и зигзагом счищал с хитина накопившийся за ночь зеленоватый налет.

Несколько панов, постоянно живших в Бра, еще не покинули насеста. Они застыли на сложной конструкции из покрытых слизью керамических трубок, вертикальные концы которых глубоко погрузились в их тела.

Паны «ночевали» — то есть впадали в неподвижность на время, которое могло длиться до двух суток. Никто никогда не видел, чтобы пан «ночевал» в одиночестве, их обязательно было минимум двое. Они всегда соединялись, просовывая трубчатые конечности в тела друг друга сквозь открывшиеся в хитине отверстия, но при этом не совершали никаких ритмичных движений, которые Ян иногда видел в бараках у «ночующих» на нарах взрослых.

В Бра было несколько сотен поселенцев, десятков

бригадиров и шестеро панов. Сейчас на насесте их собралось четверо. Сплетясь, они застыли, отчего казалось, что это не живые существа, а высеченная из шершавого коричневого дерева скульптура, возвышавшаяся над морем тумана.

По глазным шарикам Омнибоса скользнули белесые спирали. Ян понял, что его разглядывают. Или, быть может, «идентифицируют его и принимают к сведению факт его присутствия в обозримом пространстве». Багир громко сглотнула и похлопала мальчика по плечу. Световая пленка пана озарилась всполохами, бригадир, помедлив, перевела:

— Ретрансляция сигналов. Ты... ты будешь его... рупором. Рупор... — повторила она задумчиво. — Ага. Ты — Рупор, теперь это твое имя. Его устраивает... гм, интенсивность генерируемых тобою звуковых волн. Ты будешь создавать... выдавать... выдавать оповещения, понял?

— Нет, — сказал Ян.

— Что тебе непонятно? — Багир дернула Яна за волосы. — У тебя сильный голос. Если нужно что-то объявить, я или другой бригадир скажем тебе, а ты будешь вопить на все Бра. Тебе свезло, черномазый, просто свезло...

Тележка по имени Елена Прекрасная подкатила к Омнибосу. Нецки закончил утренний туалет, пан взобрался на тележку. Его пленка опять засветилась.

— Пусть мужчины выгребут то, что не сгорело, все оставшиеся кости из газового барака, — перевела Багир. — Пан хочет, чтобы костяную пыль собрали в мешки.

Рупор встал посреди дороги и прокричал приказ. Омнибос, оседлавший Елену Прекрасную, находился рядом, и мальчик очень старался — его звонкий голос разнесся по всему Бра. Потом бригадиры прошли по поселению, согнали самых здоровых мужчин, раздали им сдутые пузыри чинке и отправили в газовый барак.

Вечерами висевшая над землей мутная пелена густе-

ла, звуки вязли и умирали в ней, не успевая выйти из рта. Ян старался, кричал во всю глотку: «Пятеро сильных мужчин на поле костей! Надо набить еще десять мешков!» — и, послушные его крику, темные фигуры брели сквозь туман к полю, куда из газового барака выгребали останки сожженных, брели, чтобы набить костяной пылью, пеплом и золой пузыри чинке. С прибытием Омнибоса в Бра здесь началась бурная деятельность. На следующее утро приползла грузовая гусеница, и пузыри отправили неизвестно куда.

Вечером, когда уставший кричать Рупор вместе с Нецки ел похлебку в сарае, старик объяснил, что тележку жижу можно пить после того, как она остынет. Ян содрогнулся от омерзения и сказал, что он этого делать ни за что не будет, а Нецки, потрясая посохом, прокричал в ответ:

— Пойло мутит разум и сжигает желудок!

То, что тележка жижа мутит разум, мальчик понял по глазам вошедшей Багир. В сарае было темно, лишь в углу светилась тусклая маслянистая поверхность подставшей жижи да ободья колес Елены Прекрасной еле заметно мерцали. Ян, доев похлебку, собирался лечь спать, когда ввалившаяся бригадир схватила его за волосы и принялась колотить лбом о пол.

— Почему я не могу убить тебя?! — шипела она. — Ты должен был попасть в газовый барак, так почему ты жив?

— Пот и пепел! — вскричал Нецки и замахнулся на Багир палкой, но бригадир, вскочив, так ударила его кулаком в грудь, что старик упал. Что-то бормоча, он отполз под стенку и затих там.

Багир чашкой зачерпнула жижу прямо из лужи, отпила, сплюнула попавшую в рот траву.

— Тебе повезло, но ненадолго, Рупор. Такие, как ты, долго не живут. Я позабочусь об этом. — Она еще раз ударила Яна и, покачиваясь, вышла.

Снаружи, со стороны газового барака, донесся про-

тяжный басовитый звук. Рупор лежал в темноте, боясь пошевелиться, хлюпая окровавленным носом. Что-то потерлось о его голову, вздрогнув, он оглянулся. Мерцающие ободья тележки были совсем рядом. С тихим шелестом Елена откатилась к стене. Ян, осторожно прикоснувшись к волосам, ощутил на них теплую слизь. Задохнувшись от страха, он стал хватать траву с пола и вытирать ею голову. Нецки произнес изменившимся голосом:

— Какой странный симбиоз. Когда-то я полагал, что тележки — выведенные панами биороботы, но потом узнал, в чем дело. Они аморфны. Паны упаковывают их в сетки, чтобы придать удобную форму, чтобы на них можно было ездить. И приделывают им колеса. Тела тележек очень чувствительны, остается только обучить их. Это как с лошадьми. Ты знаешь, что такое лошади, Ян? Укол шпорой в левый бок, укол в правый, натяжение поводьев, и лошадь шла туда, куда ты хотел.

— Она намазала мне голову своей жижей! — прошептал Рупор. — Зачем она меня намазала? Ты говорил, жижа жжет. Она сожжет мне всю голову?

— Кожу? Нет, вряд ли. Вот слизистая хуже сопротивляется ей. Жижа не попала тебе в нос? «Выжигает» — я имел в виду другое. Она не просто пьянит, она нарушает нейронные связи.

Утром Рупор обнаружил, что полысел. Череп стал гладким, как полированное черное дерево, и мальчик долго с недоумением тер ладонями затылок. Нецки, расхаживая по сараю и разбрасывая палкой траву, произнес:

— Елена Прекрасная полюбила Чернояна.

— Почему полюбила? — удивился Ян.

— Елена увидела, как Злобагир рвет волосы Чернояна, решила помочь ему. По-своему.

У насеста, пока Нецки чистил Омнибоса, Рупор стоял в ожидании приказов. Возле набитых костяной пылью пузырей собрались мужчины и несколько самых

сильных женщин. Подошли бригадиры с Багир во главе, но Ян на них не обратил внимания — задрал голову, он смотрел вверх, где, овеваемые мутными потоками, в сторону города плыли чинке. Роговые панцири накрывали раздутые изумрудные брюха, сквозь полупрозрачную оболочку виднелись темные внутренности, по бокам свисали толстые, шевелящиеся на ветру отростки. На отростках болтались воздушные пузыри. Рупор стоял и смотрел, разинув рот, пока Багир не стукнула его в живот. Мальчик разинул рот еще шире, упал на колени, пытаясь вздохнуть. Бригадир спросила: «Куда делись твои волосы?» — и отошла, потирая руки.

Сзади донесся тонкий писк, все обернулись — сквозь туман к ним ползла гусеница. Между выдвинутыми до предела бритвенными пластинами стояли те, кого в Бра прислали из поселения Гор.

Прошелестев колесами, Елена Прекрасная остановилась рядом с Рупором. Нецки чистил неподвижного Омнибоса, бригадиры и поселенцы рассматривали гусеницу. Наклонившись к тележке, мальчик прошептал:

— Спасибо.

Елена качнулась и покатила к очищенному от налета пану.

За пластинами бритвенного периметра находились в основном старики, но когда гусеница проползла дальше, Ян увидел, что вся ее задняя часть заполнена детьми. Услышав громкое сопение, Рупор покосился на Багир. Та стояла рядом, тяжело дыша, и, не моргая, смотрела на детей.

Рупор бочком, стараясь не шуметь, отошел от нее и остановился возле пузырей. Наполняющую их костную пыль последние пару дней спешно собирали согнанные со всего Бра поселенцы. Работа была несложная, но кропотливая — некоторые кости не сгорали, их приходилось выбирать из пыли, чтоб не попали в пузыри.

Стоя на безопасном расстоянии от Багир, Ян наблюдал за ее лицом. Когда гусеница подползла к газовому

бараку и, накренившись, втянула в себя часть пластины, чувства переполнили женщину. Багир всем телом подалась вперед и сжала кулаки. Глаза ее, почти вылезшие из орбит, впились в детей, которых гусеница сбрасывала в барак. Губы разжались, Багир что-то прошептала.

Газовый барак отличался от остальных построек, чьи стены поселенцы делали из облепленных глиной и грязью веток. Его доставили и установили паны. Барак сначала был маленьким, с мягкими стенками, но постепенно вырос и затвердел. Состоял он из жестких кожаных сегментов, плотно прилегающих друг к другу, с отверстиями, от которых в сторону города тянулись гибкие трубы.

Гусеница сбросила последних людей и пронзительно запищала. Сегменты сдвинулись, закрывая проход, покрытые слизью трубы напряглись и приподнялись, пропуская огненный газ. Багир издала хриплое «арх-х!» и зажмурилась в тот момент, когда, приглушенные кожаными стенами, почти неслышные крики донеслись из барака.

Против обыкновения, гусеница сразу не уползла в Гор, а встала возле поля костей и полностью убрала бритвенный периметр. Когда Омнибос высветил приказ, Багир перевела его, а Рупор прокричал, поселенцы стали складывать набитые костяной пылью пузыри на твердую широкую спину.

В тот вечер Багир, выпив три чашки тележкиной жижи, попыталась схватить Рупора за волосы. Не обнаружив их, бригадир вывихнула ему левое запястье и ушла.

Нецки бродил по сараю, шуршал соломой, задевал зигзагом низкий потолок и непрерывно бормотал, а Ян лежал в углу и стонал. Елена подкатила к нему, пощекотала темя. Рупор увидел, что между прутьями сетки проросли две совсем маленькие, словно младенческие, ро-

зовые ручки с короткими пухлыми пальчиками. Ян сначала испугался, но ручки казались совсем безобидными. Он потрогал одну. На ощупь она была непривычно мягкой, совсем без кожи — просто густая розовая пена, принявшая форму человеческой руки.

— Как ты это сделала? — спросил Рупор. Елена, покачиваясь, гладила его по лицу.

— Становится холоднее, — произнес голос.

Ян, вздрогнув, посмотрел на Нецки. Старик теперь не расхаживал по сараю — присев на корточки, он скачивал между ладонями валик из загустевшей жижи. На полу, рядом с широким плоским камнем, горкой лежало еще несколько валиков. Нецки взял второй камень и несколько раз ударил им. Сумрак сарая озарил сногискр. Валик из жижи вспыхнул, от него занялись другие, и вскоре на полу горел бледно-розовый костер.

— В жидком состоянии жижа горит еще лучше, — сказал Нецки.

От костра по сараю разошлось тепло. Мягкие ручки коснулись лба Рупора, погладили ухо, щеку.

— Откуда у нее это взялось? — повторил мальчик.

— А? — Нецки поднял голову, разглядывая Елену. — Довольно аморфная субстанция, не правда ли? Разве ты никогда не видел, как они делают это?

— В Бра давно нет ни одной тележки.

— Ну да, эта атмосфера для них губительна. Их жижа... я думаю, в нормальном состоянии они не должны выделять ее. Они медленно истекают ею и в конце концов умирают. Тележки могут выращивать вот такие органические манипуляторы вроде рук. Я даже знал одну, которая научилась говорить. Она много чего мне сказала...

Рупор приподнялся, в свете костра разглядывая Елену. Прутья глубоко вдавливались в плоть и, должно быть, причиняли непрерывную боль. Тележка опять погладила его, а затем ручки начали медленно терять форму и втягиваться обратно.

— Сетка делает ей больно? — спросил Ян, подползая поближе к костру.

— Вся их жизнь на этой планете — сплошная боль. Они помолчали, греясь.

— Вокруг есть что-то еще? — произнес мальчик. — Кроме поселений?

Нецки сел, поджав под себя ноги. Палку он положил рядом и обхватил себя за плечи.

— Еще есть город. Ты же слышал про город...

Из темноты, что царила за хлипкими стенами сарая, донеслось протяжное басовитое гудение.

— Ваш газовый барак, — пояснил Нецки. — Перекликается с другими по трубам. Или, может, подает сигнал Тамберлогу. Знаешь про Тамберлога? Нет, не спрашивай, я сейчас не буду рассказывать о нем. Он стоит... то есть живет на краю города.

— А что там еще есть?

— В городе? Сейчас ничего хорошего. Развалины, обжитые панами. Тебе мало лет, ты не знаешь, как было раньше. Но те, кто старше, они помнят... помнят другие места. Там, в городе, были музеи. Статуи, картины... Если когда-нибудь попадешь в один из них, увидишь, как выглядят эти другие места.

Ян уже понял, что внутри старика живут два разных человека. Одного звали Нецки, он выкрикивал бессвязные фразы, расхаживал везде с палкой и чистил своего пана. Нецки был не злой, но и не очень-то добрый, он мог походя ткнуть Елену зигзагом. Второй, имени которого Ян не знал и которого про себя называл Дядей, нравился мальчику больше — он не был таким равнодушным, как Нецки. А еще он отвечал на вопросы, хоть чаще всего и говорил в ответ непонятные слова. Нецки всегда был днем, а Дядя появлялся лишь в темноте, поздним вечером или ночью.

Хотя на завтра он неожиданно возник посреди дня, когда Рупор со стариком шли через Бра к полю костей. Дорогу им преградила большая лужа грязи, где лежали

свиньи. Их детеныши барахтались, похрюкивая, толкали рылами друг друга и детей, которых сейчас трудно было отличить от поросят. Нецки только что шел своей обычной разболтанной походкой, а тут вдруг замер, во все глаза уставившись на играющих. Рупор тоже остановился. Вывихнутая рука все еще болела, мальчик прижимал ее к груди.

Маленькая девочка вскарабкалась на спину свиньи, с визгом скатилась по ней, встала на четвереньки и засмеялась, отплеывая грязь.

— Конец антропогена, — произнес голос Дяди из рта Нецки. — Великий бог Пан умер. Свиньи... Чем люди отличались от животных?

Ян посмотрел на него и непонимающе улыбнулся.

— Тем, что животные не задаются этим вопросом.

Старик помедлил, словно ожидая, что Ян поймет, и произнес со злостью:

— Ты хоть способен на эмпатию, а в остальном — такая же тупая свинья. Вы все теперь как свиньи. Как любые животные — следующее поколение такое же, как и прежнее. Твои дети, если они у тебя когда-нибудь появятся, будут такими же, как и ты. И все взрослые, даже бригадиры, они тоже не понимают. Я был антропологом. А Багир... думаю, только она понимает. И все. Только мы двое на все поселение, но я скоро уеду. Поэтому она и озлобилась. Одна зрячая среди сотен слепых. Паны уничтожили все символичные системы. Исчезла связь поколений, наследство, которое доставалось от предков. Еще несколько лет назад попадались те, кто пытался учить детей читать и писать, но их отправляли на газацию. Сейчас люди умеют делать только бараки из глины и миски для еды. Никаких артефактов, никакого искусства. Исчезла письменность. Даже на высокой глине никто не выцарапывает рисунков. Для панов это главное — нарушить связь поколений.

Не поняв ни слова, Ян спросил первое, что пришло ему в голову:

— Почему паны злые?

— Злые? — Дядя оскалился, запрокинул голову к овевающим поселение Бра бесконечным потокам грязно-желтой крупы, сквозь которые в сторону города медленно плыла кавалькада увешанных пузырями чинке. — Злые! Паны не злы и не жестоки. Просто люди для них — лишь случайные всплески в обычной симметрии калибровочного поля. Разве человек жалеет глину, замешивая ее, чтобы построить стену барака?

Когда они подошли к полю костей, грязно-серой пустоши, усыпанной пеплом и обутленными останками, Дядя произнес:

— Непонятно. Зачем панам понадобилось столько костной пыли? Что-то происходит, только я пока не могу понять что.

Дядя исчез, уступив место Нецки, — замахав палкой и выкрикнув что-то вроде «смердная дерьмокровь!», старик убежал.

— Эй, черномазый! — к Рупору подошла Багир и уставилась на него красными от жижи глазами. Перекошенное лицо пылало едва сдерживаемым напряжением. — Завтра этот пан со своим чистильщиком уезжает отсюда.

Теплый ветер гнал по полю костей маленькие смерчи. Чуть покачиваясь в его порывах, низко над землей висело несколько чинке. Багир посмотрела на поселенцев, привязывающих к отросткам набитые пылью пузыри, на бригадиров, следивших за их работой, на Нецки, который приплясывал вокруг взгромоздившегося на тележку Омнибоса, и произнесла сквозь зубы:

— Ты едешь с ними.

Розовый костерок почти не грел. Багир на полусогнутых ногах пробрела через помещение и остановилась над Яном, отхлебывая из кружки.

— Завтра отбываете.

Ян молчал, баюкая правой рукой запястье левой.

Багир, качаясь, смотрела на него красными глазами. Тележка чем-то тихо шуршала в углу.

— Ты хочешь уйти из Бра? — спросила бригадир без всякого выражения.

Рупор подумал, что Багир, напившись тележкиной жижи, совсем ничего не соображает. Он мотнул головой, зная, что любые слова, произнесенные его звонким голосом, вне зависимости от их смысла, вызовут злость бригадира.

— Такой маленький был, — прошептала вдруг Багир и свободной рукой наотмашь ударила Яна по голове. — В том поселении несколько коров, у них молоко, хоть и мало, но кормила...

Она упала на колени, отхлебнула из чашки, другой рукой попыталась вцепиться в его волосы, забыв, что Ян теперь лыс. Мальчик отшатнулся, начал вставать, но бригадир ухватила его за ухо и с силой притянула к себе. Рупор почувствовал смрад перебродившей жижи, идущий из ее рта.

— Паны тогда всякие опыты делали... — Она резко, всем телом, подалась вперед, лбом разбив нос Яна. Он охнул, в глазах на мгновение потемнело. Багир отхлебнула из кружки, свободной рукой обвила его шею и почти нежно прижала лицо мальчика к своей груди. — Согнали тележки, те напрудили большую лужу. Забрали его у меня, положили туда. — Багир все сильнее прижимала его голову, кровь из носа Яна растекалась по ее груди. — Пищал сначала, ручками размахивал, ножками. Порозовел весь. Я рвалась туда, в меня плюнули, в ногу, упала, ползла к нему. Он красный стал, скорчился, затих. Потом растворился в жиже совсем. Подожгли, и он сгорел...

Рупор заорал от боли, чувствуя, что нос вминается в череп. Багир оттолкнула его, опрокинула спиной на пол, он увидел над собой потемневшее лицо.

— Ненавижу детей! — выкрикнула Багир, занося над головой Яна кулак. — А ты никуда не уедешь! Луч-

ше тебя убью, разобью череп, и все, лучше... — бригадир задохнулась криком, запрокинув голову, жадно припала губами к кружке. Взметнулся сноп искр. Багир, все еще с кружкой у рта, удивленно повернулась. Тележка, всосав в себя торчащий из костра конец палки, подняла ее и, разогнавшись, пнула горящим концом бригадира в висок. Зашипев, жижга вспыхнула, розовый огонь окутал кружку, сжимающую ее руку и рот Багир. Кружка покатилась по полу, женщина захрипела и упала на бок. Туго натянутая кожа щек озарилась изнутри алым светом. Багир, содрогнувшись всем телом и выгнув шею, издала громкий звук «Ым!», потом еще и еще, сглатывая, пропуская огонь по пищеводу внутрь своего тела. Тележка начала подталкивать Яна, перекачивая его по полу к стене.

Утром Рупор чувствовал себя скверно и очень боялся гнева панов, которые накажут его за смерть главного бригадира. Но Дядя, на секунду выплыв из дневного небытия, произнес, что для пана человек — как кот Шредингера, он есть, но одновременно его и нет, он всего лишь издержка, квантовое недоразумение вселенной панов, так что смерть Багир им безразлична — после чего исчез, уступив место Нецки.

Старик ушел вместе с Еленой, а Ян еще долго лежал в сумерках сарая, рассматривая тело Багир под стеной. Наконец, выйдя наружу и приблизившись к насесту, Рупор увидел Омнибоса, застывшего над большой лужей грязной темной воды. Нецки и Елена стояли поодаль, и когда Ян появился, старик махнул на него палкой, призывая к молчанию. Ян приблизился настолько, насколько позволял страх. В черных шариках медленно кружились спирали, пан чуть покачивался на изогнутых, напоминающих коряги, темно-коричневых нижних конечностях. Приглядевшись, мальчик увидел быстрое шевеление в луже — множество толстых белесых червяков сновали из стороны в сторону, опускались ко дну

и всплывали к поверхности. Одна из облепленных подвижными усиками трубчатых конечностей Омнибоса опустилась в лужу. Большой белый червяк скользнул к ней по воде, обвился вокруг усика и вдруг через невидимое Яну отверстие втянулся внутрь. За ним последовал второй червяк, потом третий. Спиральи завращались в глазных шариках, пан медленно отступил, опять замер. Чувствуя тошноту, Рупор растерянно посмотрел на Нецки. Тот внимательно наблюдал за Омнибосом.

Пан высветил приказ, и Елена подкатилась к нему. Омнибос, выйдя из ступора, взгрозился на тележку.

2

Путь от поселения до города они преодолели за день. Над их головами бесконечной вереницей плыли чинке, увешанные пузырями с костяной пылью; несколько раз мимо проползали нагруженные гусеницы — но больше никого живого они не видели.

— Что-то готовится, — бормотал Нецки. — Пот и пепел, что-то готовится!

Дул ветер, влажные потоки атмосферной крупы колыхались темными полотнищами, то почти скрывая окружающее, то расходясь, показывая топкие низины, широкую дорогу, силуэты домов впереди. Город приближался — полуразрушенные небоскребы, соединяющие их висячие коридоры и мосты все явственнее проступали в тумане. Непривычный к долгой ходьбе, Рупор шатался от слабости, но брел за тележкой и Нецки.

Неожиданно посреди дня пробудился Дядя. Ян увидел, что походка старика изменилась, он расправил плечи и поднял голову. Мальчик поравнялся с ним, глядя на могучую, покрытую мелкими пупырышками спину пана, тихо попросил:

— Расскажи про другие места.

— Какие другие места? — откликнулся Дядя.

— Ты говорил, что раньше были другие места. Что

это — «другое место»? Что это значит? Оно не такое, как все, что сейчас?

Дядя произнес после долгого молчания:

— Паны переделывают планету под себя. Ты понимаешь, мы живем на планете, раньше она называлась Землей. Как бы объяснить ребенку... — Он взмахнул рукой. — Весь мир, все это называется планетой. Она находится в космосе. Космос — черное пространство вверх, за небом.

— Это что — небо? — спросил Ян.

Дядя сморщился и покачал головой.

— То, что раньше было вверх. Большое, глубокое... Синее или голубое. Синее! Ты не знаешь, что это за цвет? В космосе много планет. Жители этой — люди. Паны пришли с другой планеты, стали хозяевами здесь. Я говорю «паны», хотя вообще-то речь не совсем о них. Теперь они переделывают местную среду обитания. Ты заметил, в последнее время им не хватает тележек? Тележки вымирают. Но без них панам тяжело передвигаться при нашей гравитации. Может, именно с этим связано...

Пока он говорил, они подошли к крайнему зданию. Глаза Яна расширились, когда он осознал его настоящую величину и понял, что это огромный живой барак.

— Тамберлог, — сказал Дядя и превратился в Нецки. Улюлюкая и пританцовывая, он заспешил вперед, к остановившейся Елене.

Звук, подобный тому, который иногда слышался по ночам в Бра, но более низкий и мощный, такой, что казалось, будто его издает сама земля, разнесся над окрестностями, отражаясь от стен домов, гуляя эхом под арками и сводами мостов.

Источником его было сидящее между двумя небо-скребками куполообразное существо, словно шатер из кожи, накрывающий огромный медлительный организм. У него не было ушей, носа или рук, но изборожденная глубокими складками темно-коричневая поверх-

ность напоминала безглазое лицо — словно циклопический лик самого города, обращенный навстречу всем, кто приходил по дороге. Конечности Тамберлогу заменяли бессчетные гибкие трубы, в разные стороны тянувшиеся от его основания.

Опять прозвучал утробный вой, будто сопровождающий спазм километровых кишок, извергавших сотни кубометров нутряных газов. Над конической вершиной задрожало горячее марево, от Тамберлога разошелся жар, и трубы напряглись, приподнимаясь над землей.

Стены домов покрывал зеленоватый налет. Поначалу мягкий, со временем он превращался в панцирь, в твердую глянцевую поверхность такого густо-изумрудного ядовитого цвета, что при долгом взгляде на него начинали болеть глаза.

Дяди сейчас не было, а Нецки отказывался отвечать на вопросы о Тамберлоге, и Ян уныло плелся позади всех, разглядывая чинке, что бесшумно проплывали в вышине между стенами зданий. Было ни тепло, ни холодно, равномерно разлитый над землей грязный свет не давал теней; звуки, эхом отражаясь от стен, растворялись в нем и медленно гасли в отдалении.

Вскоре Ян увидел прилепившегося под крышей небоскреба пана. Гораздо крупнее тех, что жили в Бра, — тело большим темным пятном выделялось на фоне стены. Дальше виднелся второй, потом еще один, еще и еще... Паны висели, непонятно как удерживаясь на стенах, медленно переползали с места на место или «ночевали», образуя целые гроздья там, где в проломах виднелись трубы, бывшие когда-то водопроводом.

Впереди открылся широкий проспект, тянувшийся между стен небоскребов, как ущелье посреди горных склонов. Рупор ускорил шаг, страшась потеряться и видя защиту в привычно-ужасном Омнибосе.

Возле его уха раздалось жужжание, Ян отскочил. Над тротуаром, стремительно взмахивая прозрачными

крылышками, висела личинка гусеницы — извивающееся подвижное существо с острой мордой и длинным жалом. Такие личинки иногда появлялись в Бра, поселенцы предпочитали в это время не высовываться из барраков — жала были ядовиты. Ян заорал и бросился вперед, а личинка, пронзительно жужжа, понеслась за ним.

— Пот и пепел! — взревел Нецки, размахивая палкой. Личинка попыталась клонуть Яна, тот присел и попал под колеса Елены. Что-то сухо клацнуло, раздался чмокающий звук. Незнакомый, очень тихий голос прошептал: «Не бойся». Потирая бок, Ян привстал.

Личинка лежала, извиваясь, на земле. Ее тело пузырилось, быстро растворяясь в яде Омнибоса. Елена покатила дальше, к проспекту, Нецки, оглядываясь и помахивая палкой, заковылял следом. Из земли торчало жало — круглое утолщение у основания и тонкий, зазубренный, покрытый зеленоватой слизью кончик. В том месте, где слизь попала на землю, она исходила едким сизым дымком. Ян глянул на удаляющегося пана, обеими руками вцепился в жало, потянул, стараясь, чтобы руки не коснулись слизи.

Когда он догнал их, стало темнее. Ян и Нецки посмотрели вверх — впрочем, судя по изменившимся движениям, теперь это был Дядя. Над проспектом вознеслась арка моста, соединяющего два небоскреба. По ней медленно ползло несколько панов. А еще выше, над крышами города, там, где атмосфера густела и превращалась в жирную кашу, в хаотично движущуюся по воле воздушных течений налитанную влагой крупу, плыла колоссальная вытянутая туша. На ее поверхности что-то двигалось, изгибались толстые жгуты, красные бугры мышц то вспучивались, то опадали, и казалось, что с их медленными ритмичными сокращениями связано движение живого цеппелина.

— Мозг, — произнес Дядя хрипло, и Ян понял, что старик тоже впервые видит это. — Большая Голова. Один из их космических кораблей!

Проспект заканчивался развалинами, возле них стояло несколько панов. Омнибос сполз с Елены и приблизился к ним. Напустив целую лужу, тележка откатилась, дрожа всем телом. Она казалась изможденной. Ян схватил старика за руку, оттащил в сторону и зашептал:

— Она со мной говорила!

— Кто говорил? — переспросил Нецки, или, возможно, это был Дядя — сейчас Ян не мог понять, кто стоит перед ним.

— Елена, она мне сказала, чтобы я не боялся. Когда на меня напала личинка. Так тихо-тихо. Я слышал!

Старик оглянулся на панов. Хотя здесь не было никакого насеста, те принялись «ночевать» — сошлись вплотную и просунули конечности друг в друга.

— Ну и что? — произнес Дядя. — Я же тебе говорил, они могут научиться говорить. Возможно, она вырастила рот где-то под брюхом, чтобы пан не заметил.

Разочарованный тем, что старик так спокойно воспринял эту новость, Ян присел на корточки и спросил:

— А что там сверху было? Что такое корабль?

— Помнишь, я рассказывал тебе про космос? Это устройство для перемещения в космосе. Ну... как бы такой большой летающий барак. Он может двигаться от одной планеты к другой и внутри себя перевозить панов или кого-нибудь еще. В космосе нет воздуха, которым мы дышим. Звездолет создает для тех, кто летит в нем, подходящую среду и кормит их. Когда-то у людей были свои корабли, только мы их делали, а не растили. Так, как сейчас делаем бараки из глины и веток. Но паны не делают, только приспособливают. Они даже не выращивают — органические машины, это было бы не так страшно. Нет, тут еще хуже — они превращают разум в механизмы, понимаешь? Их корабль разумен. Это такой большой мозг, внутри которого можно жить. Для меня остается загадкой, как он перемещается. Может, как-то искривляет пространство... силой мысли? Это смешно звучит, да, Ян? Он опустил где-то за этими руинами. Пошли посмотрим.

Обойдя неподвижных панов, мальчик и старик углубились в руины. Это здание отличалось от других домов — полуразрушенные стены состояли из светлого, с красными прожилками камня. Здесь было много деревянных дверей и длинных коридоров. На стенах висели прямоугольные рамы.

— Музей, — произнес старик, быстро ведя Яна вперед. — Здесь можно увидеть, как выглядели другие места.

Перебравшись через гору мусора, они попали в просторную комнату с широким окном. Когда-то музей стоял на краю городского парка, а сейчас из окна, между полускрытых дымкой небоскребов, виднелся кратер с пологими склонами. Нецки вскочил на подоконник, рискуя свалиться, подался вперед, чтобы лучше разглядеть открывающуюся картину.

В центре кратера стояло огромное дерево из мяса и кожи. Массивный, весь в складках жира, ствол нес на себе изогнутые ветви, покрытые вздутиями, потеками и трещинами. По окутывающей ветви паутине клейких белых канатов двигались паны и гусеницы. Между толстых корней, будто впившихся в планету пальцев великанской руки, темнели отверстия — там что-то шевелилось, исчезало внутри ствола, выползало наружу. Среди ветвей, подобно маленьким дирижаблям, плыло бесчисленное количество чинке. Некоторые были увешаны воздушными пузырями, а другие уже сбросили их: склоны кратера и дерево покрывал слой серой пыли, выплеснувшейся из пузырей, что, как бомбы, взорвались от удара о землю.

Красно-белая туша звездолета висела над склоном, наискось, как толстобрюхая, распухшая от редкой болезни рыба, в поисках корма уткнувшаяся ртом в океанское дно. От того места, где ее нижняя часть касалась земли, медленно расплзалось коричневое пятно. Приглядевшись, Ян понял, что это паны — сотни, может быть, тысячи панов, покидающих звездолет.

В одну из ветвей ударила зеленая молния, белесые

канаты заколыхались, ветвь озарилась ярким светом и погасла, впитав энергию. Тут же полыхнул еще один зигзаг. Там, куда попадали молнии, не успевшая затвердеть серая пыль ссыпалась, обнажая красноватую поддрагивающую мякоть. К этому месту сразу подлетал чинке и сбрасывал пузырь.

Дерево с ветвями из плоти, покрытой сухой потрескавшейся кожей, и корабль, оболочку которого составляли исполинские мускулы и сухожилия, закрывали полнеба. Позади кратера дул ровный сильный ветер, на фоне покосившихся небоскребов, едва видных в желтобурых крупных потоках, живые машины панов являли собою экзотически странную, невозможную в земной гравитации и земных причинно-следственных связях картину.

Ян смотрел во все глаза и почти не слушал Нецки, бормотавшего непонятное.

— Это последний этап экспансии. Смотри, сколько их. Паны доставили сюда атмосферную фабрику. Видишь молнии? Энергетическая ирригация. Оно собирает энергию отовсюду. — Нецки закричал, неловко слез с подоконника и побежал обратно.

Ян выскочил из комнаты, слыша впереди удаляющиеся шаги, метнулся следом, через просторное помещение, через коридор... и налетел на что-то прозрачное.

На закрытое стеклом прямоугольное отверстие в стене. Стекло перечерчивала широкая трещина, внутри была диорама, и табличка под ней гласила:

**ЧЕТВЕРТИЧНЫЙ ПЕРИОД КАЙНОЗОЙСКОЙ ЭРЫ
(АНТРОПОГЕН)**

Там, внутри, уходила к горизонту гряда заросших травой холмов, по голубому небу плыли кучевые облака, яркий мячик солнца то исчезал за ними, то появлялся — и за холмами, за пронизанной солнечными лучами рощей, в светлой дали блестела синяя змейка реки.

Ян стоял, не моргая и не шевелясь. Он не видел по-

крытого голубой штукатуркой потолка, посылающего на него изображения облаков проектора, скрытого вентилятора, фанеры, картона и пластика, — перед его глазами были лишь солнце, трава, холмы, речка и лес, перед ним было *другое место*. Сердце затрепетало, а потом тоскливо сжалось, будто в его грудь погрузил свою конечность пан и сжал сердце Яна. Мальчик выскочил в коридор, чтобы тут же вернуться с каменной фигурой в руках. Это была статуэтка козлоногого существа — вытянутая морда, острые рожки и хвост. Ян начал бить ею в стекло, пока оно не рассыпалось. Статуэтка треснула, голова отлетела от нее. Ян бросил ее на пол и шагнул в другое место.

3

Когда Нецки выбежал из развалин, на проспекте были только Омнибос и Елена. Не останавливаясь, держа палку наперевес, словно копье, старик устремился вперед и с воплем вонзил зигзаг в отверстие, которое Омнибос не успел закрыть после контакта с другими панями. Зигзаг до половины вошел в тело, Нецки стал поворачивать его, пытаясь взломать хитин. Раздался скрежет. Пан переместился в сторону, волоча за собой старика. Белые спирали быстро завращались, трубчатая конечность взметнулась, накрыла Нецки. Один из сегментов панциря изогнулся, край его отошел, обнажив то, что было под ним. Омнибос приподнял Нецки, поднес к глазным шарикам и плюнул прямо ему в лицо.

Старик завизжал. Тележка, подкатившись сзади, сильно ткнула Омнибоса под изогнутые нижние конечности, отчего пан присел прямо на нее и расплющил. Он плюнул опять, в живот человека. Изогнувшись, Нецки вцепился зубами в глазной шарик. Старик заурчал, дернулся, оставив в хитине темную дыру, и выплюнул шарик прямо в световую пленку с такой силой, что про-

бил ее. Пан, сжимая Неcki за бедра, перевернул его и резко опустил, разmozжив седую голову о тротуар.

Ян вышел из руин, тут же трубчатая конечность обхватила его и сдавила. Омнибос приподнял мальчика, сжимая все крепче, медленно ломая ребра. Прямо перед собой Ян увидел сморщенные черные губки. Они приоткрылись, и Ян вонзил в них жало личинки.

Жало до половины погрузилось в нематоциты пана, он поперхнулся чужим ядом. Трубчатая конечность разжалась, Ян упал на спину.

Скуля, он стал отползать, глядя на разрыв в хитиновых сегментах, где виднелось что-то черно-зеленое, пористое, похожее на внутренности рассеченного топором трухлявого пня. Сморщенные губки сделали судорожное сосательное движение, жало исчезло целиком. Неcki лежал неподвижно, как и Елена, мальчик и пан тоже замерли. Кружащаяся спираль расплылась, словно под действием центробежной силы разбрызгалась сгустками по черной поверхности шарика и погасла. В царившей над проспектом глубокой тишине нижние конечности пана с громким щелканьем распрямились, приподняв громоздкое тело и обрушив его на тротуар.

Омнибос повалился набок, так что разрыв в хитине оказался перед глазами Яна. Под хитином что-то зашевелилось. В такт этому движению дернулась одна конечность, затем вторая. Показался червь.

Длинное, толщиной с руку ребенка тело — словно валик из мяса, обтянутый нежной осклизлой пленочкой, — не имело определенного цвета, оно переливалось радужно-синим, изумрудным, шафрановым и бежевым. Червь медленно выползал наружу. На его конце было узкое отверстие, окруженное щетиной коротких ворсинок. Червь выбрался из-под панциря целиком и повернулся отверстием к человеку.

Не отводя от него глаз, Ян вытянул руку в сторону. Ворсинки вокруг отверстия слабо шевелились. Голова приблизилась, Ян с размаху ударил по ней сломанной

палкой Нецки. Острый конец излома пробил голову червя насквозь.

Мальчик бросил палку и перевернулся на живот. Упираясь в тротуар ладонями, он подполз к Нецки, краем глаз видя движение там, где лежала тележка.

Старик был еще жив. Кожа вокруг глаз обуглилась, веки и ресницы сгорели, нос стал красным бугорком с дырами ноздрей. Иссеченные трещинами лоснящиеся черные губы шевельнулись, и приглушенный голос Дяди, донесшийся, казалось, не из рта, но прозвучавший прямо в воздухе, произнес:

— Те большие паны, которых мы видели на стенах, это их города. В каждом живет много...

— Я видел другое место, — перебил Ян, кулаком размазывая слезы по лицу.

— Они — симбионты, — хрипел Дядя. — Когда паны «ночуют», черви переползают из тела в тело.

— Другое место, я хотел попасть туда, — плакал Ян. — Вошел, но оно сломалось.

— Есть способ остановить это. Позови Елену.

— Там все маленькое... Другое место поломалось. Я хотел уйти в него насовсем, там хорошо.

— Позови ее...

Ян плакал, морщился, потирал ребра. Нецки лежал неподвижно, ладонями прикрывая внутренности под расползшейся от яда кожей живота. С шелестом раздавленная Елена подкатилась к ним. Розовая плоть пузырилась сквозь древесную сетку, колеса вихляли из стороны в сторону. Тележка остановилась возле старика, что-то прошептала. Они заговорили тихими голосами, но Ян рассказывал им про другое место и не слушал их.

— Больше не осталось других мест? — спросил он и медленно встал. Ребра болели так, что глубоко вздохнуть Ян не мог.

— Других мест теперь нет, — произнес Дядя.

— Я никогда больше не увижу их?

— Нет. Невермор. Лучше не будет, станет только хуже, Ян.

— Я хочу туда!

— Ты видел, на корабле прибыло еще много панов. Черви...

— Червяки, — всхлипнул Ян. — Кто они? Почему...

— Эндопаразиты. Раньше, когда я говорил «паны», то имел в виду червей. Я думаю, панов они когда-то тоже подчинили себе. Оставили им только простые рефлексы. Для червя пан — как органический скафандр с набором реакций на раздражители. А дерево с планеты тележек. Там гелевая атмосфера, полужидкая. Тележки состоят из того же вещества, что и среда, в которой они живут. Они — разумные сгустки, просто более плотные, чем их среда обитания. Могут плавать в ней, перемещаться. Черви заключают их в сетки и пришивают колеса: для них тележка — это мобильная приставка к пану. Но для тележки жить в твердом мире... представь, ты живешь в доме, где только узкие кривые коридоры. Их стены и пол сплошь состоят из острых лезвий. Из бритвенных пластин гусеницы. Одни только лезвия кругом, ты постоянно трешься о них. — Нецки провел языком по распухшим губам. — Деревья — основа жизни тележек, их вода и воздух. Как наши растения производят кислород, так деревья выделяют атмосферный гель. В определенный сезон они создают более плотные сгустки геля. Рождают тележек. Черви не умеют строить, но умеют изменять других. Это дерево изменили так, что оно стало вечным двигателем, биофабрикой по производству геля, из которой сразу же будут формироваться тележки-клоны. Их будут заключать в сетки и пришивать им колеса. Клоны — они безмозглы и послушны. Гусеницы, чинке, бараки — они все когда-то были разумными. Теперь наступит очередь людей. Сейчас им еще позволяют размножаться, но потом их тоже станут выращивать. Ты помешаешь этому, Ян? Елена сказала, что знает как. Черви не обратят на вас внима-

ния, просто не заметят. У них другая психика, они не принимают мер безопасности, как это сделали бы люди. Главное, не попадайтесь на пути панам... — Нецки замолчал, и тележка ткнула Яна в бок, словно лизнула, оставив на его коже розовый потек.

Костная пыль впитывалась во влажную поверхность и затвердевала коркой, предохраняющей дерево от действия атмосферы. Пыль была везде, колеса Елены оставляли в ней извивающийся след. Над кратером дул ветер, крупные потоки заворачивались смерчем, глухо были в опутанных маслянистыми канатами ветвях, облизывали мускулистые бока живого звездолета. Иногда на концах ветвей вспучивались пузыри и, отделившись, розовыми облачками дрейфовали вниз — дерево выделяло гелевые сгустки. Ян брел, опираясь на Елену, мимо панов и гусениц. На него не обращали внимания, и он не обращал внимания ни на кого. Сквозь окружающее проступала иная картина: заросшие зеленой травой холмы, небо в белых облаках, солнце и река. Тележка оставляла за собой сплошной потек сочащейся розовой плоти. Ее колеса вихляли так, что казалось — вот-вот отлетят.

Бока корабля, нижней частью касавшегося земли, тяжело вздымались и опадали. По широкому проходу, за которым открывался наклонный ярко-красный коридор со слизистыми стенами — горло, ведущее в живое нутро органического звездолета, — спускались последние паны.

Ян споткнулся, обеими руками вцепился в Елену.

— Дядя говорил, это... этот корабль может улететь куда-то далеко. Я могу войти в него и тоже улететь? — спросил он, и бесполой голос тележки прошептал в ответ: «Да».

У основания дерева, среди расползшихся по земле, покрытых засохшей пылью корней зияли отверстия.

Изнутри шел жар. Вверху гудели молнии и шелестели потоки атмосферной крупы, но здесь было тихо.

— Пойдем, — прошептала Елена.

Рядом разорвался сброшенный чинке пузырь. Серое облако лениво расплзлось над корнями, Ян закашлялся, давясь сухой пылью, и потерял сознание от боли, прострелившей ребра и грудь.

Потом он то приходил в себя, то опять попадал в другое место. Он бродил среди заросших травой холмов — и видел мернодвигающиеся своды живых коридоров; купался в синей реке — и лежал на тележке, прижав щеку к теплomu, исходящему влагой телу, медленно катившемуся внутри горячего тела дерева; грелся в лучах солнца — и чувствовал жар древесной сердцевины. От жара тележка пузырилась и таяла. Потом Ян увидел солнце — но не то, что своими лучами озаряло другое место. В сердце дерева, в гнезде из индиговых веток, горело маленькое, злое, ярко-оранжевое солнце, покрытое красной сыпью, и Елена прошептала на ухо Яну, что надо сделать. Он сломал ветви, и маленькое солнце растеклось слюдяными потоками, цвет их потускнел, из оранжевого стал розовым, таким же, как у тележки; потоки устремились по коридорам, дальше и дальше, к концам ветвей — и сорвались с них, окутав крону гелевым облаком.

Глотая слезы, Ян вышел из отверстия между огромных корней. На склонах кратера беспокойно ворочались паны, чинке летали среди ветвей и маслянистых канатов, пытаясь увернуться от потоков розового. Прижав к груди древесную сетку — все, что осталось от умершей Елены, — Ян вернулся в музей. Он отыскал коридор с диорамой и, перешагнув через разломанную статуэтку козлоногого бога, вошел внутрь. В голубом небе появилась узкая трещина, а один из холмов был смят и сломан его ногами, но Ян не видел этого. Он ступил на шелестящую траву, слыша щебет птиц и плеск

реки, чувствуя тепло солнечных лучей и дуновение ветра, пошел вперед.

Розовое облако расходилось от ветвей и вскоре накрыло музей. Алый зев корабля панов судорожно сократился, будто звездолет срыгнул. Мышцы напряглись, громоздкая туша оторвалась от земли и исчезла в грязных небесах.

За несколько часов вал геля разошелся по городу. Около месяца ему понадобилось, чтобы подмять под себя ближайшие поселения, он поднялся над округой через полгода, а спустя три скрыл Евразию. За пять лет гель распространился над океанами и, смешавшись с водой, опустился ко дну. Круговая волна шла дальше, через берега, русла высохших рек, низины и горы. Гель захлестнул Америку и Японские острова, спустился по Африке и Австралии, преодолевая океаны, накрыл льды — и спустя двадцать три года сомкнулся. К тому времени на планете не осталось ни одного человека, никого, кто бы жил в кислородной атмосфере. Паны тоже исчезли, в мировом гелевом океане плавали лишь озаренные искрой сознания первобытные сгустки. На Северном полюсе появился росток еще одного дерева.

К тому времени Ян был совсем в другом месте.

ЗМЕЕНЫШ

1

Первыми были ауригийцы. Сначала в экстренных выпусках общемировых теленовостей, а затем и в наскоро сляпанных научно-популярных программах косноязычные от волнения дикторы специально подчеркивали разницу между ауригийцами и ауригидами. Разница эта заключалась в том, что последние являлись всего-навсего метеорным потоком с радиантом в созвездии Возничего, а первых следовало считать не более и не менее как представителями высокоразвитой цивилизации, обжившими область галактического пространства, предположительно находящуюся в направлении того же созвездия.

Сказать точнее было трудно. Однако межзвездный зонд «Пелопс», в свое время посланный в направлении созвездия Возничего и уже преодолевший почти два парсека, внезапно и необъяснимо оказался вновь в Солнечной системе, где немедленно разразился паническими радиовоплями во всех доступных ему диапазонах частот. Из хаоса сигналов удалось понять немного: искусственный интеллект зонда натуральным образом свихнулся, встретившись с тем, чему не находил объяснения.

Потрошение зонда принесло очень немного информации. Несомненно, зонд принял обрывок какого-то сигнала и, заподозрив его в искусственности, попытался дешифровать. Затем было зафиксировано проявление

перед зондом некоторого количества неизвестных космических тел — зафиксировано по их собственному тепловому излучению, ибо радиолокация не дала ровным счетом ничего. Да и что она могла дать, если отраженный от объектов сигнал попросту не успел достичь приемных антенн зонда? В одно мгновение «Пелопс» был отброшен туда, откуда много лет назад начал свое дальнейшее странствие.

Каким образом был преодолен световой барьер — это еще предстояло осмыслить лучшим умам планеты. Важнее было другое: самые ближние, по галактическим меркам, окрестности Солнечной системы оказались заняты иной, чуждой человечеству цивилизацией, не пустившей землян в свои пределы. Более того — отфутболившей космический аппарат с такой же легкостью, с какой дачник сшибает щелчком бестолкового муравья, заползшего на обеденный стол. И с таким же пренебрежением.

Голова шла кругом. Правда, не у всех. Как ни удивительно, политики оказались на высоте. Уния Наций потребовала и получила средства на создание мощных военно-космических сил, подчиненных исключительно Штабу Оборона при Правительстве Объединенного Человечества.

Нашлись скептики, вопрошавшие: к чему? Стоит ли трепыхаться, если противник заведомо сильнее? В течение почти целого столетия человечество по присущей ему глупости демаскировало себя, выбрасывая в космос гигаватты энергии в диапазонах телевидения. Если наши соседи не полные идиоты, они, несомненно, не только обратили внимание на повышенный радиэфон от заурядной желтой звезды, но и сполна насладились программами земных новостей, мыльными операми, телешоу и рекламой. Хуже того, самонадеянные ученые глупцы, превратно понимающие идеи гуманизма, не раз отправляли послания братьям по разуму, пользуясь деньгами налогоплательщиков и не неся ответственно-

сти ни перед кем. Ну и что же вы теперь хотите? Налечь всем миром и разом исправить ситуацию? Не выйдет. Разом такие дела не делаются. Да вы и не сможете отказаться от своего привычного образа жизни ради противодействия какой-то дальней, пока еще гипотетической угрозе. Сможете? Вы уверены? Ха-ха. Да вы на себя-то посмотрите как следует. В зеркало. Наедине. Попробуйте быть честными хотя бы сами с собою. И если вы скажете, что видите перед собою не легкомысленного эгоиста, то вы еще и лжец к тому же.

Скептиков били, заставляя прикусить злые языки. Щупая пластыри и шипя, побитые кулачно завидовали побитым словесно. На митингах в разных точках Земли возмущенные толпы затоптали насмерть нескольких ораторов. Эти уже никому не могли позавидовать.

Вторыми были сагиттяне. Они действовали иначе. Пилотируемый корабль «Эратосфен», добравшийся едва ли не до внешней границы облака Оорта, был встречен чужими кораблями и получил внятное приказание убираться восвояси. Для большей убедительности чужаками был мгновенно аннигилирован ледяной астероид, лишившийся таким образом шанса когда-нибудь стать ядром кометы. Вспышку в созвездии Стрелы зафиксировали и земные астрономы.

«Эратосфен», разумеется, убрался прочь. О том, как экипаж вел к Земле корабль с ослепшими приборами, можно было бы написать героическую сагу, но дело не в этом. Отдельные трудности отдельных людей меркли перед главным событием: обнаружены еще одни чужаки!

Позднее были найдены и третьи, и четвертые...

Шли годы. Мало-помалу в массовом сознании откладывалась истина: Галактика уже поделена. Человечество опоздало на дележ. Если прежде считалось, что лишь законы природы могут положить предел человеческой экспансии во Вселенную, то теперь этот тезис был опровергнут резко и грубо.

Одна лишь Солнечная система... Вечное детство ци-

визации в огороженной резервации. Возня в песочнице...

«Песочница» милитаризировалась с поразительной быстротой, но все равно медленнее, чем хотелось Штабу Оборона. Вот когда наступила пора настоящего хозяйственного освоения планет и их спутников! Боевые корабли и станции повисли на орбитах. Засновали туда-сюда грузовозы. На дальних задворках пояса Койпера испытывались новые, разрушительнейшие средства ведения войны. Вновь оживились голоса скептиков, уверявшие, что муравей может, конечно, попытаться нарастить себе жвалы побольше и поострее, но все равно останется только муравьем. Хотя и скептики не могли отрицать явного прогресса в освоении Солнечной системы.

Дальше ее границ человечеству не было хода. Все попытки вступить в переговоры с соседями либо отклонялись, либо просто игнорировались. Для чуждых цивилизаций, поделивших между собой ближайшее звездное пространство, человечество заведомо не являлось достойным партнером.

Однако не последовало и вторжения. Возможно, с точки зрения соседей, цель не оправдывала средств. Некоторые идеалисты-ученые выступили с мнением, будто уважение к братьям по разуму есть универсальное свойство любой высокоразвитой цивилизации, и толковали о Земле как о некоем заповеднике для слаборазвитых, но перспективных собратьев. Военные и политики смеялись над «этим детским лепетом», предполагая, что чужаки поддерживают баланс сил, руководствуясь доктриной гарантированного взаимоуничтожения, каковая только и мешает какой-либо из ближайших цивилизаций присоединить к своим владениям Солнечную систему. Нашлись мудрецы, уверявшие, будто логика чужаков настолько отлична от человеческой, что постичь ее мы все равно не в состоянии. Нашлись и мрачные философы, толкующие о кажущейся свободе воли и убеж-

денные в том, что покорение человечества чужаками давно уже состоялось, только этого никто не заметил, ибо можно вечно плясать под чужую дудку, если уверен, что дудка своя. Одно время тон задавали алармисты, кричавшие, что вторжение-де вот-вот начнется, противник накапливает силы, ждите. Но год проходил за годом, десятилетие за десятилетием, и аргументы алармистов ветшали, грозя обрушиться под собственной тяжестью. Ну в самом деле, сколько можно готовиться и ждать?! Вечно? Вечность довольно длинна.

Так или иначе, земная цивилизация была вроде бы оставлена чужаками в покое. Ограниченная в экспансии, вынужденная искать новый смысл существования, униженная самим фактом наличия поблизости более могущественных соседей, наращивающая панцирь внешней обороны, погрязшая в извечных внутренних противоречиях... и так далее, и так далее.

Зато живая.

2

Шел самый обычный рейс.

Грузовик с невыразительным названием «Вычегда-014» совершал заурядный полет по маршруту Луна — Меркурий. Системы корабля работали нормально, экипаж отдыхал. Близилась к концу инерционная фаза полета.

Командир корабля Максим Волков сражался с пропитанным потом шерстяным трико, пытаясь свернуть его и убрать в стенной бокс. Хотелось ругаться. Это желание командир давил в себе как абсолютно бесполезное. Ругайся не ругайся, а возможности отвода тепла исчерпаны. Теперь до самого Меркурия, когда наконец удастся нырнуть в тень планеты, температура внутри корабля будет только расти, и ничего с этим не поделаешь.

— Сауна, — хрипловато поговорила Барбара, борт-

инженер и старшая жена. — Давно надо было раздеться. Ты вспотел.

Максим скосил глаза на свою волосатую потную грудь, на впалый потный живот, затем на обнаженное тело жены, также покрытое бисеринами пота и не возбуждавшее сейчас никаких желаний, хлюпнул подмышкой и кивнул, соглашаясь.

— Сауна и есть. Только без бассейна.

— Прими душ.

— Он теплый. Кроме того, у нас и так полно грязной воды.

Как на всех кораблях ближнего радиуса действия, жидкие стоки на «Вычегде» не очищались, а подвергались электролизу. Судя по наличному уровню жидких отходов, заключенного в них кислорода хватило бы на половину обратного пути.

— Потерплю, пока терпится, — сказал Максим.

— Только не включай вентиляцию на полную, — предупредила, вplывая в рубку, Карина, врач и младшая жена. В Роскосмосе издавна предпочитали иметь дело с семейными экипажами и плевали на ханжескую мораль. Была бы польза, а остальное несущественно.

— Знаю, знаю.

Он и в самом деле хорошо знал коварство космических сквозняков. Здесь они чреваты не заурадной простудой, а еще менее романтическим и крайне болезненным воспалением мочевого пузыря, неизлечимым в невесомости. Самому довелось испытать, и худшей пытки Максим придумать не мог. Повезло, что рейс подходил к концу. Довезли, доставили... Успели.

И даже вылечили, вернули в строй. Сочли достойным кадром. Повезло. А ведь могли подлечить кое-как и дать пинка. Несмотря на свое гордое имя, Роскосмос, незначительная компания со смешанным капиталом, войдя в Международный Аэрокосмический холдинг, все равно прозябала в малорентабельных сферах деятельности. О крупных субсидиях она могла лишь меч-

тать, работая там, где другие видели либо слишком малую выгоду, либо чересчур большой риск. Право освоения редкоземельных месторождений Меркурия она получила только за отсутствием других желающих.

Меркурианские постройки зарылись в грунт. Работа на рудниках шла вахтовым методом. Погрузка металла на грузовые корабли могла осуществляться только в течение меркурианской ночи — к счастью, достаточно долгой.

Корпус «Вычегды», как и всякого другого корабля, предназначенного для рейсов во внутренние области Солнечной системы, был покрыт многослойным светоотражающим материалом. Скорость его эрозии от столкновений с космическими пылинками просто пугала. При посадках на обшивку садилась местная пыль, меркурианская и лунная. После каждого рейса «Вычегду» чистили, полировали снаружи по тринадцатому классу чистоты и наносили напыление заново.

Ходили упорные слухи о том, что компания собирается сократить расходы на обслуживание меркурианских кораблей, удвоив срок их службы с одним покрытием. Один росчерк пера — и готово. Максим боялся об этом и думать. Уже сейчас интегральное альбеда корабельной обшивки упало с 92 процентов до 89. А будет еще хуже. Еще один рейс с тем же покрытием... Лучше уж вовсе не жить на свете.

Даже сейчас — сауна. Но можно терпеть. Особенно если нагишом.

Жены ворковали о чем-то своем. Максим поплыл по рубке, без особой нужды вглядываясь в индикацию бортовых систем и стараясь не прислушиваться. Задача командира и мужа, как он ее понимал, заключалась в том, чтобы один раз все путем наладить, не размениваясь впоследствии на ежеминутный мелочный контроль. Он считал, что у него получилось. Поначалу, правда, Барбара ужасно возмутилась его намерением взять вторую жену. И ведь не сам захотел — жизнь заставила.

Старые двухместные посудины повсеместно списывались в утиль. Экипаж корабля класса «Вычегда» — три человека (договаривай в уме: связанных семейными узами). Старший сын недавно пошел в школу, младшего учили садиться на горшок. Для супругов, желавших остаться в компании, выбор, в сущности, был невелик: Максиму брать младшую жену — или Барбаре младшего мужа?

Скрепя сердце Максим пошел бы и на второй вариант, но Барбара, поплакав сколько положено и выслушав тысяча сто первое уверение в любви, согласилась на первый.

Оказалось — ничего страшного! Жены быстро ладили между собой и скоро начали устраивать мелкие женские разговоры. Жизнь стала насыщеннее и кое в чем интереснее.

На экране переднего обзора Меркурий, ноздреватый и ущербный, напоминал Луну, как ее видно с Земли. Громадный, услужливо притемненный автоматикой диск Солнца не вызывал ничего, кроме раздражения. Еще несколько часов тепловой пытки — и корабль, повернувшись к планете хвостом, начнет торможение, и из дюз вырвется поток ионизированного ксенона, и вернется тяжесть, и противно заночут, завибрируют переборки... А потом «Вычегда» нырнет в тень планеты. И это будет счастье.

Противно пискнуло. Максим помедлил с полсекунды, пока до него дошел смысл писка данной тональности. Сигнал был из числа редчайших: в опасной близости от корабля локаторы зафиксировали постороннее тело.

В набитой, казалось бы, битком Солнечной системе космос все равно достаточно обширен. Неопасный микрометеорит — это пожалуйста. Песчинок сколько угодно. Но встреча с каменюкой, способной серьезно повредить корабль и даже фиксируемой локаторами, — боль-

шая редкость. Даже в ближнем Внеземелье мусора теперь не так уж много.

— Держитесь! — крикнул Максим женам и сам вцепился в первую попавшуюся скобу. Сейчас должен был последовать автоматический маневр уклонения.

И вправду — дернуло. Несильно. Максим ожидал куда более резкого рывка. Он подумал, что катастрофы не произошло бы и без маневра. Просто-напросто компьютер-перестраховщик счел полезным уменьшить вероятность столкновения с одной миллионной до нуля.

Новый писк.

И новый рывок.

Да что же это такое, черт побери! Метеоритный рой? В этой области пространства? Нонсенс. Исчезающе малая вероятность.

Но не верить реальности — глупо. Сюрпризы космоса всегда неожиданны. А делятся они только на три категории: плохие, очень плохие и хуже некуда.

— Он один! — крикнула Барбара. С ее места был хорошо виден экран корабельного локатора.

— Чушь! — рявкнул Максим.

— А я говорю, он один. Округлое тело около полуметра в поперечнике, альbedo 98 процентов... ого! Идет курсом сближения.

Еще один рывок, сильнее предыдущих. Скоба больно врезалась в пальцы.

— Да что он, маневрирует, что ли?! — не выдержал Максим.

— Вот именно, — спокойно сказала Барбара.

— Идентифицируется? Проверь.

— Уже. В базе данных нет аналогов.

— Ясно...

Ничего на самом деле не было ясно Максиму Волкову. Искусственное тело? Здесь? Но зачем?

По скобам он добрался до кресла. Пристегнулся. Та-ак, что тут у нас?

То, что старшая жена не шутила, он понял еще до

того, как взглянул на экран. Глупая была бы шутка. И несвоевременная. А экран показывал медленное приближение объекта к «Вычегде», и сбитый с толку корабельный компьютер, сняв с себя ответственность, запрашивал о дальнейших действиях.

Подождет...

Максим лихорадочно думал. Корабль все еще шел в границах штатного «коридора». Легкая коррекция — и он вернется на оптимальную траекторию. Попытка оторваться от неопознанного привязчивого объекта означает расчет нового курса, перерасход ксенона и — самое главное — лишние часы, а то и сутки до нырка в спасительную тень.

Чем это чревато, было известно. В позапрошлом году из-за сбоя в системе управления погибла «Жиздра». Времени, проведенного ею под ливнем солнечной энергии, хватило, чтобы в танках закипела вода, предназначенная для меркурианских рудников. Стравить пар экипаж не сумел. Корабль просто взорвался, как перегретый паровой котел.

Рискнуть?

Можно. Но где гарантия, что после маневра объект отвяжется?

— Идет на нас, гасит скорость, — деревянным голосом сказала Барбара.

— Вижу.

Гасит скорость — это хорошо. Оружие так себя не ведет, будь оно человеческим или инопланетным. Будь мирная «Вычегда» боевым кораблем — чужак уже десять раз превратился бы в облако газа. Одна команда с центрального боевого поста — и привет. С другой стороны, имей чужак откровенно агрессивные намерения, «Вычегда» уже перестала бы существовать.

В том, что «Вычегду» преследует именно чужак, сомнений не оставалось. Объект, который не идентифицируется, не может быть ничем земным.

Нет, аналогия все же была... с первым русским спут-

ником Земли. Такой же блестящий шарик, разве что без антенн. Максим вывел на монитор увеличенное оптическое изображение. Н-да, шарик... В косых лучах Солнца он выглядел полумесяцем и увеличивался, наплывая на «Вычегду». Ослепительно сверкал освещенный бок.

Мысли Максима по-прежнему скакали. Радировать на Землю? На Меркурий? Да, но какой смысл? С Меркурия ничем не помогут, а с Земли не успеют помочь даже советом. И все же... Если случится худшее, пусть люди знают.

— Передай всем: «Наблюдаем приближающийся малоразмерный объект искусственного происхождения», — приказал Максим старшей жене. — Только это и больше ничего.

Он не хотел сотрясать эфир паническими воплями — все равно от них не было бы никакого толку. А так — лаконично и достойно. Вроде предсмертной записки, брошенной в бутылке с борта тонущего судна.

3

— Ты все-таки прими душ. — На протяжении одной фразы тон Карины успел измениться с участливого до непререкаемого. — Настаиваю как врач.

Максим судорожно дышал, как дышит несчастный карп, за жариваемый живьем китайским поваром-изувечем. Без помощи жен он вряд ли сумел бы покинуть обжигающе горячий скафандр.

Сам виноват — вышел в открытый космос. Всего на пять минут. Последние две минуты были истинной пыткой.

А все любопытство... Хотя Максим знал, что в подробном отчете, который с него наверняка потребуют, он напишет «осторожность» или «предусмотрительность». Пусть так. Одно другому не мешает. А что оставалось делать, когда сверкающий шарик, приблизившись к

«Вычегде», уравнил скорости и прилепился к обшивке? Тупо ждать?

Невозможно. Психологически неприемлемо. Незвестное надо потрогать, если не доказана его однозначная опасность. Притронувшись — осмелеть и изучить. Понять, для чего оно. На том выросла человеческая цивилизация — от австралопитеков до людей Космической эры. Страх неизвестного силен, но любопытство сильнее. Любопытство — азартная игра с возможностью как продуться в пух, так и крупно выиграть. Нелюбопытный не выигрывает никогда.

— Иди в душ, иди, — настаивала Карина.

— Сейчас... — просипел Максим. — Ты гляди, он холодный...

Потная ладонь оставила след на сверкающей поверхности шара. Тот поплыл было в сторону, но сейчас же вернулся. Казалось, он в свою очередь изучает людей. Вильнул к Максиму, покружился вокруг Барбары и особенно заинтересовался Кариной. Потный след на нем постепенно растаял, как тает на зеркале туман от дыхания.

В душевой кабине на Максима обрушился шквал противно теплого воздуха с отвратительно теплой водой. Стало все же легче.

Вплыл в рубку — да так и повис лягушкой, разинув рот от изумления. Шара больше не было. Вместо него на коленях у голы младшей жены удобно устроилось небольшое человекоподобное существо, также совершенно голое, и Карина, умильно сюсюкая, гладила его по лысой голове!

Из взвихренных мыслей Максима родился не самый умный вопрос:

— Это... зачем?

— Превратился, — объяснила Барбара. — Сначала цвет поменял, потом стал вместо шара этакой амебой, ну а потом... В общем, сам видишь. По нашему образу и

подобию. Жалко, не засняли процесс. Сначала испугались, а потом...

— Что потом?

— Успокоились. Сообразили, что это живое существо. Вот, налаживаем контакт...

На взгляд Максима, налаживанием контакта занималась главным образом младшая жена и делала это излишне своеобразно.

На всякий случай Максим, подплыв поближе, взглянул на то место, где полагалось находиться гениталиям существа. Результат одновременно успокоил и озадачил: гениталии отсутствовали. Напрочь.

Отсутствовали и глаза. Нет, веки и выпуклости глазных яблок находились на месте — вот только не были они никакими глазами. Тот же равномерный цвет, близкий к нормальному телесному. Имитация. Греческая статуя.

Рот — был. Хорошо еще, что один, а не два. Но Максим не был уверен, что розовые губы — улыбающиеся, черт возьми! — могут разлепиться, открыв ротовое отверстие. Тоже, наверное, имитация.

Манекен. Живой и двигающийся манекен. Дружелюбный до приторности, как и положено манекену.

Дружелюбный-то дружелюбный, но вот гладить Карину по груди инопланетной лапкой — это лишнее. А по шаловливым ручонкам разводным ключом не получал?

— Лучше бы ему остаться амебой, — высказал мнение Максим. — А еще лучше — шариком.

— Почему?

— У шарика ложноножек нет...

Ага! Чужак проворно отдернул конечность и заметно съежился. Ну то-то. Эмоции он, что ли, ощущает? Это правильно. Ценное для самосохранения свойство.

— Ты его напугал, — с осуждением сказала Карина. — Видишь, он боится.

— Лучше он, чем мы, — парировал Максим.

— Большой дядя, сердитый дядя, глупый дядя... —

ворковала младшая жена, склонившись над чужаком. — Не бойся, мы тебя в обиду не дадим, мой маленький...

— Лучше не раздражай его понапрасну, — рассудительно заметила Барбара. — Мы же не знаем, на что он способен.

Тут был резон. Инопланетное существо — раз. Не скованное моральными нормами землян — два. С неизвестной логикой — три. С неизвестной биологической природой и неизвестными физическими возможностями — четыре. Хотя одну возможность только что можно было наблюдать — возможность запросто путешествовать в космическом пространстве безо всяких технических средств. Да еще там, где любое белковое существо в четверть часа изжарилось бы заживо. Но все-таки скорее организм, чем механизм. Интересный гость...

— Откуда он, хотелось бы знать, — проговорила Барбара.

— И думать нечего, — проворчал Максим. — Это серпентиец.

— Почему ты так думаешь?

— Очень просто. Метод исключения. Он не ауригиец, не аквилянин, не сагиттиянин и не пикторианец. Об этих нам все же кое-что известно. Он наверняка не тауриец и не гидриянин, иначе нас уже не было бы в живых. Остается считать, что он серпентиец, созвездие Змеи. О серпентийцах мы твердо знаем только то, что их цивилизация существует. Помню, высказывалось предположение, что они метаморфы и не привязаны к конкретным планетам. Совпадает.

— А если он из тех, кого мы вообще не знаем?

— Зачем умножать сущности? Пусть будет серпентиец. Возражения есть?

— Да мне вообще-то все равно, — блаженно проворковала Карина. — Он милый и ласковый. Пусть хоть из созвездия Резца, лишь бы не резал...

— Он не режет, — с задумчивостью, не сулящей ничего хорошего, констатировал Максим. — Он, я гляжу,

мастер совсем иного профиля. Кусать ядовитым зубом не станет, совсем наоборот. Нравится, а?

— Приревновал! — захохотала Барбара. — У султана уведят полгарема!

— Допустим, еще не приревновал, а меру знай.

— Ты-то чересчур хорошо меру знаешь. От тебя разве дождешься внимания?

Вечное женское... Максим знал, что Барбара была права. Отчасти. Но правда такая вещь, что иногда о ней лучше бы помолчать для общей пользы.

— Глупый, — нежно проворковала Карина. — Это совсем другое. Он как ребенок, живой и беззащитный. Мой ребенок, понимаешь?

Это Максим понимал. Карина хотела иметь детей, и Максим теоретически был за. Против был семейный бюджет. Потом, через несколько лет, — другое дело. Если удастся скопить сколько-нибудь денег. Но ни в коем случае не сейчас.

Ее ребенок? Ее кукла! Живая игрушка. Эрзац.

Сейчас Максиму очень хотелось избавиться от пришельца — скатать его обратно в шар да и вытолкнуть из шлюзовой камеры туда, откуда он взялся. На всякий случай. От греха подальше. Как капитан, Максим чувствовал себя обязанным исправить сделанную глупость. Но... с женщинами можно спорить только поодиночке. Две женщины, если они объединятся, почти непобедимы.

И Максим отступил. Риск? Конечно. Зато в случае удачи — крупные премиальные и настоящий, а не выдуманный ребенок у Карины. Пусть существо пока поживет в корабле, авось не станет гадить где попало. Если повезет, в свой срок загремят фанфары и зашелестят купюры. Кто может похвастаться тем, что не только встретился с живым инопланетянином, но и привез его на лунную базу?

— Смотри, — промурлыкала Карина, — он ест.

Она выдавила из тюбика на ладонь колбаску плавлен-

ного сыра. Сейчас же колбаска исчезла, накрытая ладонью существа.

— Кушай, маленький. Ну давай. За маму, за папу...

Существо издало низкий вибрирующий звук. Чужая ладонь-ложноножка нехотя сползла с ладони жены. Ладонь была чиста — сыр исчез.

Максим шумно вздохнул и отвернулся.

4

То, что чужак-метаморф оказался всеядным, было еще полбеды. Хуже то, что он оказался всеядным в самом широком смысле. Человеческую пищу он уминал более чем охотно, но и неорганика его вполне устраивала. Кресло, в котором младшая жена опрометчиво оставила существо, за полминуты пришло в полную негодность. Прекрасное противоперегрузочное кресло! Метаморф объел его, как яблоко. И в этом огрызке Максим промучился все этапы предпосадочных маневров, торможения и посадки. Великое счастье, что «Вычегда» садилась на Меркурий, а не на Землю и что посадка прошла как по маслу. В итоге у Максима всего-то навсего разболелась спина. Могло кончиться и хуже...

Например, повреждением позвоночника. А то и катастрофой, если бы прожорливому чужаку позволили приблизиться к блокам управления или приборам. К счастью, спохватились вовремя. Максиму представилась жуткая картина: непрерывно жрущая и увеличивающаяся в объеме амеба, противно гудя, начисто выедает корабль изнутри, после чего начинает глотать скорлупу обшивки... Космический глист!

Сейчас насытившийся чужак вновь свернулся в гладкий шар, переваривая поглощенное. Его устроили в изувеченных остатках кресла. А Максим лежал на полу, и Карина массировала ему спину. Корпус «Вычегды» слегка содрогался — шла погрузка. Ею пришлось руководить Барбаре.

Ничего, справится. Сдал — принял. Всего-то с десяток документов, девять из которых — внутрикорпоративные. Плюс собственно погрузка. Стоило бы, конечно, приглядеть, но...

— Больно? — участливо спросила Карина.

— Терпимо... Слышь? Урчит, гад.

— Ничего он не урчит. — Карина также посмотрела на чужака. — Это тебе кажется. Знаешь, от него идут какие-то эманации... ну страха там или еще чего. Он открыт, все его эмоции на виду. Сначала он боялся, я это чувствовала. Очень боялся. Потом ему стало хорошо, и он дал нам это понять.

— Вот-вот, ему-то хорошо... Какая новость! Теперь этот межпланетный троглодит для нас важнее всего. Его уже сейчас не выпихнешь через шлюзовую, если он сам того не захочет. На нас — тьфу, перебежесся как-нибудь. Что еще ты предложишь ему сожрать? Наш провиант? Груз? Реактор? Может, меня? Имей в виду, я против.

— Не говори глупостей, — мягко возразила жена. — Все обойдется, вот увидишь.

— Ну да. Однажды проснусь наполовину переваренный и увижу, как он доедает тебя и гоняется за Барбарой... Уй!

— Ну вот, сам сделал себе больно. Лежи, не дергайся. Сейчас вотру мазь, и будешь как новенький. А что до этого малыша...

— Ничего себе малыш! Ой!..

— Лежи спокойно, говорят тебе. Он малыш, понятно? Я это сразу почувствовала, и Барби тоже. Совсем маленький инопланетянин-метаморф, может быть, даже новорожденный. У него пока голые инстинкты, но он разумный, и он учится. Знаешь, мне это даже нравится. Какая земная женщина может похвастать, что выкармливала и обучала младенца-инопланетянина?

— Все равно ведь отберут, — мрачно сказал Максим. — Сказано ясно: доставить на лунную базу по воз-

возможности живым и неповрежденным. Приказ получен, подтверждение отослано. Радуйся, он останется с нами до Луны. Можешь нянчиться с ним, пока он не сожрет корабль.

— Он не сожрет. Мы объясним ему, и он поймет. Я чувствую, что он хочет нас понять.

— С какой целью? Не с гастрономической ли? Когда я покупаю колбасу, я тоже хочу понять, свежая ли она. Будь моя воля...

— Что будь твоя воля? А? Убил бы малыша? Сжег дюзами?

— Еще чего. Оставил бы здесь, на Меркурии. С его аппетитом тут ему самое место. Он бы штреки в шахтах проедал и штольни всякие... О-ой! Ты нарочно, что ли?

— А ты не городи чепухи. Все, теперь лежи с полчаса, и можешь вставать.

Карина ушла, оставив за собой последнее слово. Когда с нею вступал в спор не муж и командир, а всего-навсего пациент, исход всегда бывал ясен с самого начала.

Зато спине и вправду стало легче, и, выждав полчаса, Максим встал без особых стенаний. Судя по звукам, погрузка продолжалась. Надо бы пойти взглянуть. В редкие моменты полной тишины было слышно, как потрескивает корпус корабля, отдавая тепло. Температура внутренних помещений уже давно упала до терпимой. Скоро станет холодно и придется кутаться, но перед тем наступит час-другой блаженной прохлады. Это ли не счастье?

Покажите изжаренному на солнце бедуину кусок льда — он завопит от восторга. Максим не вопил только потому, что уже привык. Он наслаждался молча. Не будь здесь этого чужака со звезд, наслаждение было бы полным.

— Ну, — неласково спросил Максим пришельца, — что молчишь?

Покоящийся в руинах кресла шар негромко зажуужал.

— Я еще могу понять, зачем ты нужен им, — Максим ткнул пальцем в том направлении, где, по его представлениям, брела вдали от солнечной ярости Земля, волоча за собой горошину Луны. — Я другого не могу понять: на кой черт ты сдался мне?

— А ты не городи чепухи, — раздался вдруг голос сквозь жужжание.

— Что-о?

— Полежи с полчаса, и можешь вставать, — сообщил шар.

— Та-ак!.. Карина!

Жена явилась сразу. За недолгий период супружества она научилась до тонкостей разбираться в интонациях мужа. Что, однако, не помешало ей начать с вопроса:

— Ну что ты ревешь, как осел?

Максим был слишком взволнован, чтобы цепляться к сравнению с малопочтенным непарнокопытным.

— Он разговаривает! Твоим голосом!

— Кто?

— Догадайся с трех раз. Твой серпентиец, вот кто!

— Да? — Карина внимательно оглядела шар, затем мужа. — Тебе случайно не послышалось? Чем он может разговаривать?

— А чем он может жужжать? Может, всей поверхностью. А может, чем-то внутри. Вот послушай, сейчас он еще что-нибудь выдаст.

Помолчали. Молчал и шар. Даже перестал жужжать.

— С-скотина! — не выдержал Максим.

— Ты перенервничал, — участливо отозвалась Карина. — Тебе нужно успокоиться. Возьми себя в руки, ты же командир.

— Я спокоен!

— Повтори еще раз и на десять децибел тише.

— Я спокоен. Спокоен. Спокоен.

— Уже лучше. Значит, ты слышал, как он разговаривал?

— Да, и повторял твои слова. Как попка.

— А твои нет?

— Еще не хватало.

Карина улыбкулась мужу той снисходительной улыбкой, которую он терпеть не мог. Максим хотел уже было рывкнуть, но только разинул рот, потому что Карина приблизилась к чужаку и нежно погладила его по лоснящемуся боку.

★ — Ну успокойся, маленький, не надо бояться... Дядя хороший, он просто пошутил. Давай его простим, а? Хороший дядя, хороший, и ты у нас хороший, ты у нас самый лучший, лучше всех...

— Ну и зачем тебе это надо? — только и спросил Максим, когда поглаживание кончилось и чужак вновь тихонько зажуужал.

— Значит, надо. Что ты знаешь о созвездии Змеи?

— Только то, что это единственное созвездие, топологически разорванное на две части. Строго говоря, это два созвездия: Голова Змеи и Хвост Змеи. Разделены созвездием Змееносца. — Максим наморщил лоб. — Ярких звезд, кажется, не содержат... Или содержат? Погоди-ка... Альфа Змеи — оранжевый гигант ярче третьей величины.

— И это все? А что ты знаешь о серпентийцах?

— М-м... Почти ничего. Не знаю даже, где их родина — в Голове или Хвосте Змеи. Кому надо, тот, наверно, знает о них больше. Секретная же информация. А что?

— Ты спросил, зачем мне это надо, — отозвалась Карина, продолжая улыбаться чуть-чуть снисходительно. — Попытаюсь объяснить на доступном тебе уровне. Ты можешь считать, что я сюсюкаю, дело твое. Что считаю я, в данном случае несущественно. А «тот, кому надо», скажет, что я устанавливаю первый в истории человечества эмоциональный контакт с существом чуждой нам природы. Подбираю, так сказать, к нему ключики. Скажу сразу: такая точка зрения мне отвратительна, но по сути так оно и есть. А теперь скажи, чья точка зрения более весома. Неужели твоя?

— Где уж, — буркнул Максим. — Более весома, конечно, не моя. Моя зато более практична. Вот сожрет он корабль на обратном пути...

— Не сожрет. Он сыт. А когда проголодается, я попрошу его не есть все подряд. И он меня послушается, спорим?

Максим только пожал плечами. В голосе Карины было столько уверенности, что спорить не хотелось. Вдобавок кто признал бы победу командира, если бы он выиграл спор? Некому было бы признавать.

Ну их к лешему, такие споры.

— Ну что ты реवेशь, как осел? — внезапно произнес чужак голосом младшей жены.

Хотя Максим молчал.

5

Кресло восстановили, изведя на него два тюбика полимерной пены. Чужака от греха подальше поместили в спальном отсеке, чтобы не сожрал чего-нибудь жизненно важного. При нем почти неотлучно находилась Карина. Мрачный Максим убеждал себя, что ревновать не следует.

Теперь найденыш ел гораздо меньше, чем раньше. «Наголодался, бедняжка, вот поначалу и накинудся на еду», — объясняла Карина. Иногда он просил органику и получал ее. (Максим предрекал, что к концу рейса экипажу придется сесть на жесткую диету.) Но особенной его любовью пользовался добытый на Меркурии металл. Изотопы лантаноидов, особенно иттербия, приводили его в сладостную дрожь. В ответ на запрос пришел приказ: груз не беречь, сколько бы чужак ни поглотил. Роскосмос заранее мирился с убытками.

Некоторые изотопы были слаборadioактивными. На радиацию серпентиец чихать хотел. Но уже спустя час после радиоактивной трапезы поднесенный к нему дозиметр показывал лишь фоновый уровень излучения.

Есть-то чужак ел, но облегчаться и не думал. С одной стороны, командира это устраивало. С другой стороны, Максим ворчал, что добром это не кончится. Где это видано, чтобы у живого существа отсутствовала система пищеварения? Чтобы он непосредственно встраивал в свое тело вещества, попадающие ему на пути, и не выделял отходов жизнедеятельности?

Антиэнтропийных существ не бывает, тут что-то не так. Может, юный серпентиец накапливает массу как эквивалент энергии, чтобы потом высвободить всю энергию разом? Кто сказал, что он младенческое существо? А если хитрая мина-«сюрприз»? От «Вычегды» и молекул не останется. Если же взрыв произойдет на Луне, то на месте лунной базы возникнет такой кратер, каких еще не бывало. Плюс тектонические разломы на всю стокилометровую толщу лунной коры, вновь пробудившийся вулканизм и прочие прелести...

Не говоря уже о тысячах погубленных жизней и десятках лет на восстановление утраченного.

Кому выгодно? Сильным соседям, естественно. Окрепшее человечество, нарастив космические мускулы, когда-нибудь «попросит» соседей подвинуться. Зачем вводить слабых в искушение стать сильными? Щелчка им по носу — сиди, неслух, в песочнице!

Карина просто смеялась. Ну да, она женщина, у нее чутье, как же... Барбара спорила с Максимом на логическом уровне и, когда ей приходилось туго, приводила убийственный аргумент: «Что толку спорить-то? У нас есть приказ».

Возразить было нечего.

Прошло одиннадцать суток после старта. Еще сорок — и рейс, надо надеяться, завершится успешной посадкой в кратере Гассенди. Стало прохладнее, и Максим уже носил шорты. Инопланетный детеныш — если это был детеныш — не доставлял чрезмерных хлопот. Карина клялась, что он ведет себя все более осмыслен-

но и даже пытается разговаривать. К ее восторгам Максим относился скептически.

Жизнь обещала вернуться в привычную колею. Доковылять без проблем до лунной базы, сдать пришельца с рук на руки, получить премиальные... Что еще нужно для счастья?

Оказалось — нужно.

На двенадцатые сутки неожиданно ожива радиосвязь. Кто-то назойливо бубнил в эфире: «Вычегда-014», ответьте, «Вычегда-014», ответьте...» В сигнал были забиты кодовые позывные «Вычегды». Максим понял это, когда на монитор поступило сообщение: главная антенна автоматически нацелилась на источник сигнала, послано подтверждение готовности к сеансу связи.

На локаторе — пусто. Либо источник сигнала не отражал радиоволн, либо находился вне пределов локации. Скорее второе, чем первое.

— «Вычегда-014» слушает, прием, — сообщил Максим мировому пространству.

Прошло секунд пятнадцать, прежде чем поступил ответ:

— «Вычегда»? Говорит корабль «Тайгер» ВКС Унии Наций. Мы находимся в двух миллионах километров от вас. Идем курсом сближения. Расчетное время встречи: плюс восемь часов семнадцать минут. Приготовьтесь к передаче нам найденного объекта. Как поняли? Прием.

Вырубив микрофон, Максим задумался. В течение нескольких секунд его лоб являл собою целую горную систему хребтов-морщин.

— Что это за «Тайгер»? — перебила его мысли Барбара.

— Крейсер-внепланетник. Из новых. Тот еще монстр. Полтора метра длины, сорок человек команды. Ядерное оружие, плазменное оружие, лучевое оружие... Мы по сравнению с ним просто букашка.

— А с какой стати военно-космические силы собираются присвоить себе нашего найденныша?

Максим пожал плечами.

— Да ни с какой... Считают, что он им нужен, вот и все. В лучшем случае заручились санкцией Генсекретаря Унии Наций. В худшем случае сделают это задним числом.

— У них есть право забрать нашего малыша? — спросила Барбара.

— Только право сильного. Вот это-то мне и не нравится... Что они о себе возомнили? За кого они нас держат? Чужак наш. Принадлежит Роскосмосу. При чем тут военно-космические силы?

— «Тайгер» на связи, — вновь забубил динамик. — «Вычегда», как поняли? Прием.

Чертыхнувшись, Максим включил микрофон.

— «Тайгер», я «Вычегда». Плохо слышу вас. Повторите сообщение. Прием.

Не приняв пока никакого решения, он тянул время. Протянуть удалось не более минуты — ровно столько, сколько ушло на повтор сообщения плюс время доставки.

— Карина расстроится, — шепнула Барбара.

Максим взглянул на нее и ничего не сказал. Расстроится? И только-то? Нет, Карина, судя по ее чисто материнскому отношению к серпентийцу, впадет в настоящую ярость. Попробуй-ка отобрать волчонка у волчицы. Обязательно бросится, даже если будет знать, что шансов никаких. Почему? А потому, что иначе нельзя!

Да и сам Максим начал уже ощущать сильное раздражение.

— «Тайгер», я «Вычегда». Следую на лунную базу с грузом, принадлежащим Роскосмосу. Не считаю ваше предложение ни правомерным, ни обоснованным. Продолжаю полет. Прием.

Барбара показала ему большой палец.

— «Вычегда», я «Тайгер», — загремело из динамика. — Советую не обострять. Найденный вами объект необходим Штабу Оборона. Приготовьтесь к передаче. Будем у вас через восемь часов десять минут.

Максим зарычал от злости, но сейчас же взял себя в руки. Полчаса назад он вздохнул бы с облегчением, избавившись от чужака. Теперь он принял иное решение. Сам. Хотя и не без помощи военных. Тупицы! Только и умеют, что грубо давить!

А могли бы договориться по-хорошему, и результат был бы иным...

— «Тайгер», я «Вычегда». Крайне сожалею, но найденный нами объект необходим Роскосмосу и нам лично. Желаю вам счастливого пути. Прием.

Прошло пятнадцать секунд и еще пятнадцать. «Тайгер» молчал.

— Откуда они вообще узнали о найденныше? — спросила Барбара. — Перехватили одну из наших радиogramм?

— Или имеют своего человека в Роскосмосе, — проворчал Маским. — Скорее всего, и то и другое... А! Днем раньше, днем позже... Скрыть нашего гостя все равно невозможно, ты же понимаешь.

— Шакалы! — выругалась Барбара неизвестно по чьему адресу.

— Почему? Просто люди. Всякая тварь жить хочет, и не просто жить, а жить хорошо.

— Так то тварь!

Максим промолчал, не желая углубляться в терминологический спор. Впрочем, он все равно не успел бы ответить — крейсер вновь вышел на связь. На этот раз голос был другим. При первых его звуках у Максима рефлекторно дернулись мышцы — вытянуться в струнку. Обладатель этого голоса шутить явно не привык.

— «Вычегда», говорит бригадный генерал ВКС Хеншер. Приказываю вам передать найденный объект на борт «Тайгера». Вы поняли меня? Прием.

Мышцы-то у Максима дернулись, зато речью управлял неизвестно откуда взявшийся мелкий бесенок.

— Мое почтение, генерал! Надеюсь, полет проходит нормально? Солнце не беспокоит? Я видел большой

протуберанец, возможна магнитная буря. Советую раздать экипажу таблетки от мигрени. Желаю вам всего наилучшего. Прием.

Барбара прыснула.

— «Вычегда», кто на связи? — рывкнул из динамиков генерал Хеншер. — Немедленно назовитесь. Прием.

— Максим Волков, командир «Вычеды», приветствует вас, генерал. У вас там не очень жарко? У нас, представьте себе, субтропики. Вы не были на Таити? Прием.

Зажав обеими руками рот, Барбара тряслась от нервного смеха. А Максим представлял себе реакцию офицеров крейсера, находящихся в рубке вместе с Хеншером, и ухмылялся.

— Капитан Волков! — загремел спустя положенные секунды голос генерала. — Я приказываю вам! Вы поняли? Выполняйте приказ. В случае неподчинения пеняйте на себя. Прием.

Максим шумно зевнул прямо в микрофон — о-хо-хо...

— Крайне сожалею, генерал, но, согласно Международному космическому уставу, вы можете отдавать приказы гражданским космическим кораблям лишь после объявления военного положения. Что-то я ничего не слышал о военном положении. Быть может, у вас есть другие сведения? Если нет — прошу дать мне возможность заниматься своими делами и желаю вам приятного путешествия. Не торчите слишком долго внутри орбиты Венеры. Если станет очень жарко — снимите китель. Надеюсь, наколки у вас пристойные? А на Таити все-таки советую побывать. Поезжайте туда в отпуск, развейтесь. Прием.

— И не ешьте на ночь сырых помидоров, чтобы не причинить вреда желудку, — с трудом выдавила Барбара.

На этот раз крейсер замолчал. В ожидании ответа Максим со скуки начал вертеть головой и заметил Карину. Непонятно было, когда она вплыла в рубку и много ли успела услышать.

— Что-нибудь случилось? — спросил он одними губами.

Она отрицательно мотнула головой. По-видимому, с найденышем было все в порядке. Странное чуждое существо по-прежнему благополучно ело, спало, забавлялось, меняя форму, и, наверное, пыталось по-своему понять людей, к которым его занесло, не подозревая, какие тучи собираются над его головой... То есть над тем, что заменяет ему голову.

— Они хотят забрать нашего малыша? — спросила Карина, и Максим, кивнув в ответ, заметил, как напряжена младшая жена — словно пантера, готовая к прыжку. — А хи-хи им не хо-хо?

— Они не смогут, — убежденно сказала Барбара. — Правда, дорогой?

— Взять нас на abordаж они точно не смогут, — согласился Максим. — Нам проще, чем им. Один наш маневр — и повторять заход заново. Вот пустить в нас ракету — это сколько угодно, это они могут. Теоретически. Практически, да еще без санкции Генсекретаря Унии Наций или Верховного Судьи, — конечно, чистое пиратство. Надеюсь, генерал Хеншер это понимает.

— Думаешь, он сейчас консультируется с командованием ВКС? А оно через Унию Наций надавит на Роскосмос?

— Наверняка. Но это займет какое-то время, так что расслабьтесь. В ближайшие часы ничего интересного не будет.

— В следующий раз дай мне сказать ему пару ласковых, — попросила Карина. — Найденыша я ему не отдам, пусть так и знает. И никому не отдам.

— Даже Роскосмосу? — спросил Максим, прищурившись. — Не выйдет. В контракте написано черным по белому: на борту корабля экипажу принадлежат только личные вещи. Нет уж, на Луне нам придется распрощаться с нашим гостем, так-то...

— Это мы еще посмотрим!

Карина выплыла из рубки. Максим вздохнул.

— А заодно, чует мое сердце, придется мне распротиться с лицензией. И все из-за этого змееныша...

— Из-за Хеншера?

— При чем тут Хеншер? Он делает то, что должен, он живая машина. Я говорю о нашем госте.

— А почему он змееныш?

— Потому что из созвездия Змеи. Змееныш и есть. Хорошо еще, что он не из созвездия Столовой Горы. Как его тогда называть?

— Горцем. Или Стольником.

— Ты мне зубы не заговаривай! Психолог! Сочувствуешь? Не надо. Я над генералом издевался, мне и дадут по шее. Найдут способ. И я об этом не жалею. Точка.

— Глупый, — сказала Барбара, обвив его шею горячими руками. — Ты сильный и глупый, и я тебя люблю. А если бы раньше не любила, то влюбилась бы в тебя за один этот разговор с генералом. Ты самый лучший!

Да? Сказать по правде, Максим не был в этом уверен. Но кому не приятно услышать такое о себе?

6

Когда-то у лунной базы было название. Впоследствии оно как-то незаметно вышло из употребления, а потом и вовсе забылось, потому что второй базы на Луне люди так и не построили. Названия ведь даются для того, чтобы отличать одно от другого. К чему все эти сложности при одном-единственном объекте?

Лунная база — так ее и называли.

Минули десятилетия с тех пор, как люди прорыли первые подземелья в податливом реголите на дне кратера Гассенди и возвели над ними купола. С пуском первого космического лифта, с отказом от ракетных стартов со дна земного гравитационного колодца строительство базы невероятно ускорилося. Вскоре о лунной базе заговорили уже как о первом полноценном поселении

землян вне Земли. Специалисты, работавшие на Луне вахтовым методом, многое могли бы порассказать об этой «полноценности». Но шло время, и самые безответственные выдумки журналистов уже не казались таким уж зловредным вздором.

Мало-помалу постройки базы расплзлись на десятки квадратных километров. Строились широко, места в кратере хватало. Половиной базы владел Штаб Обороны ВКС; другую половину застроили под свои нужды коммерческие фирмы. Роскосмос владел небольшим участком на периферии, вплотную примыкающим к валу кратера.

Среди сплошных минусов в этом был и плюс: раньше наступал вечер долгого и жгучего лунного дня. Низкое солнце уползало за вал, и простым глазом можно было заметить, как по серой равнине ползет, накрывая постройки, долгожданная тень.

Вот на эту-то движущуюся тень и смотрел господин Анхель Гутьеррес, Генеральный секретарь Унии Наций, пожелавший посетить лунную базу и воспользовавшийся гостеприимством руководства Роскосмоса — гостеприимством настолько охотным, что генеральный директор компании заявил, что лично уничтожит всякого, из-за кого Генсекретарь ощутит хотя бы малейший дискомфорт, и сам прибыл на Луну. Акции Роскосмоса внезапно и резко пошли вверх.

Давно осело искрящееся облако пыли, поднятое совершившей посадку «Вычегдой». В земном воздухе пыль застряла бы надолго, распухнув мерзкой на вид тучей, заставив чихать и астматически кашлять. Гутьеррес мельком подумал о преимуществах отсутствия воздуха. Все-таки в каждом деле есть хорошая сторона. В каждом плохом деле. Ибо дело, в котором положительные аспекты превалируют, называется хорошим.

Какого рода дело наклеивалось здесь, Генеральный секретарь еще не решил. С одной стороны, чисто юридически Роскосмос был в своем праве. Любой бесхоз-

ный объект, найденный в космическом пространстве, по закону принадлежит тому, кто его нашел. С другой стороны, объекты, могущие представлять опасность для деятельности человечества в Солнечной системе, относятся к компетенции военных, тут и разговора быть не может. Главное, есть соответствующий параграф.

Но как быть, если опасность эта чисто гипотетическая и, возможно, иллюзорная? И что делать, если впоследствии она окажется недооцененной?

Назначить комиссию, естественно. Теперь же. Но прежде Гутьеррес счел необходимым получить возможно более полную информацию о найденныше и составить собственное мнение, пусть сугубо предварительное.

Пришлось спешно вылететь на Луну. За глаза Анхеля Гутьерреса звали Попрыгунчиком, и он знал это. Уж лучше так, чем Каменной Задницей, Древесным Грибом или Кабинетной Крысой. Усидеть на месте, когда решается вопрос, возможно, значимый для судеб всей цивилизации? Немыслимо!

От «Вычегды» отделился лунокар и неторопливо покати́л в сторону главного шлюза. Интересно, серпентиец в нем?

Генсекретарь повернулся к гендиректору:

— Полагаю, в шлюзе есть телекамеры? Могу я получить изображение?

— Конечно. — Толстый, лысоватый и обильно потеющий гендиректор вызывал ироническое сочувствие. — К сожалению, это не здесь. Позвольте проводить вас на технический этаж.

— Не нужно. — Гутьеррес поморщился и махнул рукой. — Это долго. Обойдемся без подглядывания. Пусть их всех ведут прямо сюда. И пусть зайдет маршал Тютюник.

Маршал Тютюник появился в сопровождении бригадного генерала Хеншера. Тот был зол и красен.

Через минуту появились еще четверо. Гутьеррес

удивленно шевельнул бровью: разве экипаж кораблей класса «Вычегда» составляют не три человека?

Свою ошибку он понял очень быстро. Один из вошедших не был человеком. Гм-гм... Чужак. Серпентиец. Метаморф. А что, если дружески и демократично поздороваться со всеми за руку?

Гутьеррес так и поступил. Он и не подумал морщиться, когда в нос ему ударил резкий запах застарелого пота. Лишь кадык Генсекретаря предательски дернулся, обозначив рвотный позыв, немедленно подавленный усилием воли. Вот она — реальность, отнюдь не кабинетная. Эти трое вернулись с Меркурия. В пути сэкономили воду. Ну и чем же от них может пахнуть, розами?

Зато от метаморфа не пахло. Гутьеррес чуть не вскрикнул — пальцы чужака оказались горячими и очень сильными. Черт возьми, его учили рукопожатию, что ли? Выходит, недоучили, раз усилие не дозирует. Или он учится на ходу?

— Рад э-э... встрече, — надев на лицо обаятельную улыбку, произнес Генсекретарь.

Зато гендиректор повел носом и изобразил на лице неудовольствие. Мол, то еще амбре. И не где-нибудь, а в его личном кабинете! Что есть кабинет гендиректора? Лицо фирмы.

«Лицо» было явно приукрашенным. Излишняя роскошь бросалась в глаза, обманывая лишь простачков. Грозный, всем знакомый признак упадка фирмы, неспособный ввести в заблуждение мало-мальски искушенных людей. И тут еще эта вонь...

А что поделаешь? Генсекретарь приказал вести всех прямо сюда, о чем уже сейчас, наверно, жалеет. Но виновным в оскорблении обоняния, несомненно, окажется не Гутьеррес, а кто-то другой... Плохо дело.

— Гм... как вас?... — сдавленным голосом спросил гендиректор.

— Волков, — хриплым голосом представился один

из амбреносителей. — Командир корабля «Вычегда-014» Максим Волков.

— Да-да, я помню. Может быть, вы, господин Волков, и ваш экипаж приведете себя в порядок с дороги? Полагаю, это не займет много времени. А мы пока пообщаемся с вашим... вашим... с вашей находкой.

— Да, но...

Гутьеррес заметил, как командир корабля, заметно растерявшись, оглянулся на женщин. «На жен, — поправил себя Генсекретарь. — У них тут семейные экипажи». Командир, здоровенный и по виду решительный мужик, колебался. По-видимому, в данной обстановке решающее слово принадлежало не ему.

— Вас проводят. — Лучезарно улыбнувшись, Гутьеррес пришел на помощь гендиректору. — Не беспокойтесь, у нас есть все ваши отчеты. Если срочно понадобится ваша помощь, вас немедленно вызовут. Даже из душа.

— Извините, но это невозможно, — выступила вперед младшая из женщин. — Кто-то из нас должен остаться здесь, иначе найденыш пойдет за нами. У нас... у него прочный эмоциональный контакт с нашим экипажем. Я просто не знаю, как он поведет себя наедине с чужими людьми. Это может быть опасно.

— Для кого? — Улыбка Гутьерреса приняла чуть-чуть снисходительный вид.

— Не знаю. Возможно, для него. Возможно, для вас. Если только он испугается... Я не знаю, что тогда может произойти.

— Ну, мы-то не испугаемся, — веским басом проговорил маршал Тютюник.

Та-ак... Анхель Гутьеррес продолжал улыбаться, сделав вид, будто пропустил реплику маршала мимо ушей. На самом деле он еще не пришел к определенному решению, и это мучило его. Дьябло! Какое решение окажется верным, и не сейчас, а в долгосрочной перспективе, — неизвестно. Роскосмос будет держаться за свою находку, полагая, что извлечет из нее нечто супер-

полезное в конкурентной борьбе. Один факт обладания инопланетянином резко повысит рейтинг компании... Военные, в свою очередь, попытаются перехватить лакомый кусок, и теперь же. Армия не станет заниматься крючкотворством, она властно и грубо потребует найденыша себе. Трудно отказать... В запасе у военных бесприоритетный аргумент: враждебное окружение. Не будь ближайшие звездные окрестности уже поделены, не ожидай человечество внезапной атаки из космоса (а кто может дать гарантию того, что человечество оставлено в покое?), маршала Тютюника можно было бы вежливо выпроводить за дверь. Но что толку строить расчет на нереальных предположениях?

Опасность для человечества существует, и единственная защита от вторжения — военно-космические силы. Это так. Военный флот ляжет костью, прежде чем пропустит врага к Земле. Сомневаться в этом не приходится. Похоже, правда, что все эти грозные с виду и очень, очень дорогие космические эскадрильи способны причинить чужим не больше вреда, чем муха, бестолково жужжащая перед бивнями слона, — но разве есть выбор?

Непростая задача. Что ж, пусть ее решает комиссия, а Генсекретарь умоет руки. Более чем вероятно, что найденный метаморф в скором времени достанется военным, а Роскосмос получит компенсацию. Компания еще может оказаться единственной выигравшей на этом деле стороной. Вот будет номер, если найденыш не годится решительно ни на что!

— Майор! — пророкотал командный голос маршала Тютюника, и майор в форме космопехоты тут же возник, как чертик из коробочки. — Поставьте людей. Не выпускать из помещения... вот этого! — Румяным пальцем маршал указал на метаморфа. — Оружие не применять. Вот мы сейчас и проверим... Вы не возражаете, господин Генеральный секретарь? Отлично. А вы, господа астронавты, идите, вас пропустят. Приведите себя в порядок и отдыхайте.

Никогда еще Анхель Гутьеррес не был так близок к смерти. Но странное дело: страх — липкий, потный, с мурашками — пришел гораздо позднее, а все случившееся Генеральный секретарь наблюдал с почти идеальным хладнокровием, как будто дело касалось кого-то другого, а не его самого. Позже он понял, что сохранил спокойствие и рассудительность исключительно благодаря своему ничтожному опыту участия в опасных переделках. Ему просто не пришло в голову испугаться перспективы мгновенной и нелепой смерти — в том мире, где он жил, преобладали совершенно иные страхи!

Экипаж корабля пытался протестовать, но был все же выведен прочь, а перед дверным проемом встали четыре дюжих космопехотинца. Устремившийся вслед за экипажем чужак попытался обойти их — и был отброшен. Что тут началось!..

Он отлетел назад и упал, как манекен, не попытавшись сгруппироваться, и звучно ударился затылком о пол — Гутьеррес даже поморщился, вообразив, каково на месте чужака пришлось бы человеку. Гарантированное сотрясение мозга в лучшем случае. Но никто не мог сказать, где у чужака находятся мозги и существуют ли они вообще как обособленный орган.

Распластанный по полу чужак *стекся* в серебристую каплю — если только бывают капли метрового поперечника. А потом раздался отчаянный визг, и каплю начало корежить.

— Ради бога!.. — в панике воскликнул гендиректор Роскосмоса, желая, как видно, побудить военных прекратить их эксперименты, но договорить не успел.

Капля превратилась в шар, и шар прыгнул на космопехотинцев. Те, хоть и стояли с разинутыми ртами, оставались в готовности выполнить приказ. Шар налетел — и отскочил.

Налетел снова — и вновь был отбит молодецким

ударом. Завертелся на полу волчком. Визг стал нестерпимым.

— Прекратите же! — схватившись за уши, завопил гендиректор.

Визг резко смолк, а шар снова прыгнул. На сей раз вверх. Сочно чмокнув, присосался к потолку. Задвигался, заколыхался, пристраиваясь поудобнее. Каповый нарост, подумал Гутьеррес. И тут его осенило.

— Что тут у вас над потолком?

— Вакуум! — провыл гендиректор. — Слоеная обшивка общей толщиной тридцать миллиметров, а выше вакуум!

И Гутьеррес оказался на высоте.

— Прекратить! — рявкнул он так, будто сам с младых ногтей служил в космопехоте. — Маршал Тютюник, властью Верховного Главнокомандующего я приказываю немедленно прекратить! Срочно вернуть сюда экипаж «Вычегды»! Бегом!

Строго говоря, Анхель Гутьеррес являлся Верховным Главнокомандующим скорее номинально, чем по сути, — естественный, устраивающий всех компромисс, — и до сего дня не думал, что ему придется командовать там, где он привык маневрировать. Однако пришлось. И удивительно вовремя.

Нет, маршал Тютюник не отказывался повиноваться. Но маршалу Тютюнику понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить приказание.

— Он же прожрет нам дыру и выйдет сквозь нее! — вклинился в паузу плачущий фальцет гендиректора. — Вы хоть материалы о нем читали? Да быстрее же, идиот, если хотите еще пожить!..

Говорят, перед лицом смерти все равны, и бывают ситуации, когда какой-нибудь гендиректор мелкой фирмы запросто и без тяжких последствий может назвать идиотом самого командующего военно-космическими силами Земли. Еще говорят, что рано или поздно дохо-

дит и до жирафа. Если так, то маршал намного опередил его.

И все-таки ринувшиеся исполнять приказание космопехи не имели ни малейших шансов успеть вернуть экипаж «Вычегды». «Каповый нарост» на потолке кабинета гендиректора «Роскосмоса» трудился размеренно и споро. Проедая ход наружу, он чуть ли не урчал. Много ли труда надо, чтобы поглотить внутреннюю обшивку, теплозащитный и радиозащитный слои, а затем тонкую внешнюю броню из титаново-магниевого сплава? Для серпентийца это было не работой, а легким завтраком.

Первым ринулся вон из кабинета гендиректор Роскосмоса. За ним последовал Гутьеррес — шагом, но самым скорым. Замыкали отступление маршал Тютюник и бригадный генерал Хеншер.

Со скоростью пушечного ядра выскочила и сочно впечаталась в паз герметичная дверь. Медленнее, но гораздо солиднее, с внушительным гулом, проползла и встала на свое место броневая заслонка.

Генерал Хеншер украдкой утер со лба пот.

— Боюсь, это не решение проблемы, — с удивившим его самого спокойствием произнес Гутьеррес. — Если он проест внешнюю обшивку и выйдет наружу, нам повезло. Если же он оставит в обшивке дыру, а потом займется дверью или переборкой...

Глухой удар из покинутого кабинета не дал ему договорить. Казалось, будто за переборкой бабахнула гаубица. Дрогнули стены. Сейчас же взвыла сирена, и, чуть только смолкла, тягучий механический голос забормотал: «Внимание, опасность первого уровня! Внимание, опасность первого уровня! Служащим, находящимся в секторах А и Б, немедленно эвакуироваться в сектор В. Просьба не паниковать и пользоваться планом эвакуации. Повторяю: внимание, опасность...»

— Вот он и проел обшивку, — констатировал Гутьеррес. — Интересно, что на очереди?

«Мы», — очень хотелось сказать, а еще сильнее хотелось завопить гендиректору Роскосмоса, но он не издал ни звука. К чему? Иногда наглядный пример действует лучше всяких слов.

И гендиректор показал наглядный пример, взяв с места скорость, доступную не всякому спринтеру. Его заносило на поворотах, кругленьким мячиком он стучался о переборки, отскакивал и продолжал мчаться дальше. Лунное тяготение вынуждало его совершать гигантские прыжки, и коротенькие ножки, не всякий раз находя опору, дергались в воздухе вхолостую.

Впоследствии Генеральный секретарь Унии Наций рассказывал о данном случае исключительно с юмором, якобы наслаждаясь воспоминаниями о том, как он бежал вслед за гендиректором, лишь чуть-чуть опережая генерала Хеншера. Иногда Хеншер вырывался вперед на какой-нибудь локоть, но Гутьеррес был когда-то хорошим спортсменом. Дважды на поворотах он выходил на стену, как цирковой мотоциклист, и на финишной прямой обошел генерала на полкорпуса.

Последним, как капитан тонущего судна, спасался маршал Тютюник — и сохранил достоинство, чему, правда, немало способствовала враждебная спринту грузная комплекция командующего ВКС. И вновь выстрелила герметичная дверь, и вновь с тектоническим гулом прополз броневой щит.

У всех выскакивало сердце. Каждый понимал: это лишь временная отсрочка. За разгерметизированным сектором А придет черед секторов Б, В, Г и так далее. А на секторе К главная лунная постройка Роскосмоса попросту кончится, и разгерметизировать станет нечего. Кое-кто из десятков находящихся в куполе людей, возможно, и уцелеет, укрывшись в лунокаре или втиснувшись в скафандр. Естественно, немногие. Только те, кто сообразит, что происходит нечто неординарное, и близко к сердцу примет клич «спасайся, кто может», не потеряв при том головы. Много ли таких наберется?

Вряд ли найденыш понимает, как легко он способен угробить кучу людей. Генеральный секретарь видел его недолго, но успел составить мнение: то ли преданное хозяевам домашнее животное, то ли капризный ребенок. Казалось бы, от одного до другого дистанция огромного размера, ан есть и общее: данным существом управляет не разум, а эмоции и эти, как их... инстинкты.

— Ну и что мы теперь собираемся делать? — Гутьеррес прятал эмоции за насмешливым тоном. — Какие будут мнения?

Гендиректор потел и нервно облизывался.

— У меня наготове корабль, — сознался он. — Правда, маленький. Моя личная яхта. Четверых он не поднимет, а двоих — вполне...

И, не в силах выбрать, он переводил взгляд с Гутьерреса на Тютюника и обратно.

— Отставить! — скомандовал маршал. — Дайте мне связь, и я подниму все войска и всю технику, что есть в Гассенди. Чужак будет захвачен, это я вам обещаю. В худшем случае он будет захвачен мертвым, вот и все.

Рубленное лицо генерала Хеншера демонстрировало полную солидарность со словами командующего.

О чем думал Гутьеррес, осталось неизвестным. Возможно, о том, что убийство инопланетянина, пусть даже забравшегося в чужие владения, не самый лучший прецедент для слабой земной цивилизации. Или о том, что военные забрали себе чересчур много власти и тщатся забрать еще больше. Не исключено, впрочем, что Генеральный секретарь в ту минуту перестал быть политиком и размышлял исключительно о вариантах личного спасения. Не будем его винить, все мы люди.

К тому же наилучшее решение нашел именно он. И не в этот момент, а несколько раньше.

— Пригласите-ка сюда командира «Вычегды», — повторил он приказание. — Да поживее. Если он не домылся, пусть его вытащат из-под душа.

Никто не отреагировал. Но если гендиректор Рос-

космоса временно утратил способность соображать, то маршал и генерал, мгновенно все поняв, не проявили ни малейшей прити к исполнению.

Повисло молчание. И Анхель Гутьеррес понял, что время дипломатии кончилось.

— Вы слышали, что я сказал? — ледяным тоном осведомился он.

— Так точно, — кивнул Тютюник.

— Так исполняйте!

— Командир «Вычегды» все испортит. Этот двоеже-нец ведет какую-то свою игру. Поручите эту операцию военно-космическим силам.

— Это отказ? — Голос Гутьерреса зазвенел.

— Это совет и просьба.

— Я не нуждаюсь в ваших советах, маршал, а просьбы рассматривают в моем секретариате. Напомнить вам, что является Верховным Главнокомандующим?

— Позволю себе заметить: де-юре, но не де-факто. Право отдавать мне приказы вы получите только при объявленном военном положении.

Для тренированного юридическим крючкотворством ума Генсекретаря не составило труда мгновенно проанализировать позицию маршала. Гутьеррес нашел эту позицию шаткой, но все же кое-чем прикрытой. Нельзя ведь составить пятисотстраничный текст Устава Унии Наций так, чтобы в нем не нашлось места двусмысленностям! Оказывается, не только юристы да дипломаты умеют плавать в подобных текстах, как рыба в воде. Кто сказал, что военные не способны учиться в силу природной ограниченности? Вот вам! Налицо открытый бунт, и если даже впоследствии удастся притянуть маршала к ответственности, он, скорее всего, вывернется.

Сие, впрочем, будет зависеть от последствий...

— Ну так я объявляю его! — загремел Гутьеррес. — Вы забыли, что я имею на это право? Статья девяносто

вторая Устава Унии Наций, параграф первый. Освежить вашу память?

— Вы вправе объявить военное положение, — согласился маршал Тютюник. — Ваша проблема в том, что через пять, максимум десять дней Генеральная ассамблея отменит его из-за пустяковости повода. Как долго после этого вы пробудете на своем посту? Месяца полтора?

— Вас это не касается.

— Так же, как не касаются и ваши приказы, отданные в отсутствие военного положения. Валяйте, объявите его.

— А время, время-то уходит, — тоскливо проныл гендиректор. — Сейчас этот поганец уже вторую дверь, наверное, доедает...

Никто не обратил на него внимания. Маршал Тютюник насмешливо молчал, генерал Хеншер чуть заметно улыбался, а Гутьеррес мысленно считал до десяти. На счете «восемь» он прервал это занятие.

— Ну хорошо, маршал, вы меня убедили. Теперь вам осталось убедить меня не предавать огласке дело о закупке серии перехватчиков типа «Громовержец». Надеюсь, вы легко справитесь с этой задачей?

Гендиректор и генерал навестили уши. Зато маршал внезапно побагровел.

— На что это вы намекаете?

— На то, что после огласки я буду вынужден — заметьте, вынужден — назначить комиссию для официального расследования имевших место злоупотреблений. Ходят слухи о сговоре между высшими армейскими чинами и компанией «Спейскрафт». Лично мне нет никакого дела до того, чьи имена всплывут, кто брал взятки, как делился «откат» и почему на вооружение космического флота было принято негодное изделие. Поверьте, совершенно никакого. Ни малейшего. Я уже сейчас умываю руки.

— Чушь и ересь! — взревел маршал Тютюник. —

Ваши источники информации сами нуждаются в проверке. Ну хорошо, будь по-вашему. Только имейте в виду, я подчиняюсь исключительно ради интересов дела. Считайте это жестом доброй воли с моей стороны.

— Очень тронут, — иронично покривил губы Гутьеррес.

— Время! Время! — взвыл гендиректор.

8

Судьба подарила Максиму Волкову день, донельзя насыщенный эмоциями. Сперва преобладала тревога за найденыша. Она чуть отлегла во время посадки и загорелась с новой силой на пути от корабля к апартаментам начальства. Тревога — и предчувствие беды.

Потом он, распространяя запах немытого тела, стоял истуканом перед целым выводком важных шишек, одна шишковатее другой, очень стеснялся и молчал. Да и что он мог сказать такого важного, чтобы его услышали? Шишки же лишены слуха, это всем известно. Вон Карина попыталась вступить за серпентийца — а толку? Тягостная сцена кончилась тем, чем и должна была кончиться, — отъемом найденыша и удалением экипажа «Вычегды» прочь. Подальше от брезгливых носов.

По пути в санблок он разозлился, потому что получил втык от обеих жен. Заслуженный или нет — сам не понял, но разозлился на весь свет. Стоял под душем, скреб тело и ругался черными словами. А что тут подедаешь? Сила солому ломит, и утрись. Возьми отпуск, слетай на Землю, напейся в первом же кабаке и набей кому-нибудь морду. Утешься, трам-тарарам, исполнении примитивных желаний и вновь смотри на мир позитивно. Медицина и начальство очень рекомендуют.

Помыться как следует, однако, не удалось. Сначала дурным голосом завопил сигнал тревоги. Затем в душевую ворвались космопехи, а с этими громилами не шибко поспоришь. Слов они не тратили. В долю секунды

Максим был выхвачен из-под струй и не успел ничего понять, как вновь предстал перед начальством. В менее грязном виде, зато мокрым и совершенно голым. Впрочем, ему тут же сунули в руки трико.

А еще через тридцать секунд он понял, что начальство облажалось, и не успел даже обрадоваться, как осознал свою задачу: в темпе облачиться в скафандр, восстановить дружеский контакт с серпентийцем и как минимум убедить его прекратить разрушение купола. Генеральный секретарь выразил надежду, что ему, Максиму, это легко удастся. А грузный военный чин с совершенно кабаньей мордой и такими большими звездами, что их лучи выступали за кромку погона, утрюмо заявил, что в противном случае чужака придется уничтожить.

Да ну? Так найденыш и позволил убить себя! Максим достаточно нагляделся на его забавы, чтобы усвоить: шансы Кабаньей Морды уничтожить серпентийца пренебрежимо малы. Кто кого уничтожит, если дело дойдет до драки, — большой вопрос. Будь Максим игроком, он поставил бы на найденыша. Три... нет, даже пять к одному. Ведь люди — такие нежные и неприспособленные существа. Жить в вакууме им почему-то совсем не нравится. Плюс сто по Цельсию или минус сто — та же история. Не говоря уже о том, что в качестве пищи им годится только органика, да не любая, а очень даже специфическая! Избалованные существа.

Почему они вообще выжили на планете Земля — достойно удивления. Почему серпентийцы, в свою очередь, не заполонили собой всю Галактику — тоже непонятно...

Поразмышлять на эти темы Максиму не дали, да и что за размышления в спешке и суете! Иное дело в инерционной фазе коммерческого рейса! «Вычегда» летит сама по себе, повинаясь заданному импульсу скорости и притяжению небесных тел, а экипаж убивает время в промежутках между регламентными работами. Вот

тут-то можно и пофилософствовать в свое удовольствие — конечно, если не помешают жены.

Максима грубо впихивали в скафандр, попутно ин-структурируя в несколько голосов. Он понял немногое, но главное: начальство напугано. Оно, начальство, любит, когда подчиненные докладывают, что у них все под контролем. Короче: чужака надо найти, убедить прекратить погром и желательно вернуть. Каким образом? Используя личный доверительный контакт, как же еще. А если серпентиец на контакт не пойдет? Надо сделать, чтобы пошел, задача ясна?

Удивительно, но Максиму не пришло в голову ни заявить о том, что он пилот, а не дипломат и не зверолов, и умыть руки, ни попытаться выторговать у обделавшегося начальства особые премиальные. Но даже если бы это пришло ему в голову, он быстро сообразил бы, что все равно не имеет выбора. Барбара не одобрила бы. А Карина, пожалуй, швырнула бы мужу в лицо особые премиальные.

Кабанья Морда хотел было навязать ему двух-трех космопехов в сопровождающие, в ответ на что Максим заявил, что посторонние могут помешать личному доверительному контакту; короче, либо он идет один, либо ни за что не ручается. И одна из высоких шишек, в коей Максим без всякой оторопи опознал Генерального секретаря Унии Наций, поддержала его.

Из сектора Б датчик давления слал на центральный компьютер сигнал: сектор еще не разгерметизирован. Начальство удалилось в аппаратную, а Максим был впущен в сектор. Пробираясь по коридору в неуклюжем скафандре при нормальном внешнем давлении, он чувствовал себя идиотом. Впрочем, так или иначе придется открыть дверь в сектор А... стало быть, очень скоро воздух уйдет и из сектора Б... Никакой разгильдяй тут случайно не остался?

Никакой. Сигнал тревоги орал что надо, а глухих

или слишком глупых тут не держат. Все смылись. О людях пока что можно не думать.

Но где серпентиец? Неужели найденыш так и сидит в секторе А, в кабинете гендиректора? Странно. Но пока не проверишь, не узнаешь. В кабинетах начальства по понятным причинам не бывает видеокамер наблюдения.

Зато в коридоре Максим заметил сразу три камеры. Они медленно поворачивались, отслеживая его путь. Контроль над подчиненными — вот то, без чего началу жизни не в радость.

Ну-ну. Чертовски увлекательное дело — отслеживать, как отвыкший от силы тяжести человек неловко переступает ногами! Смотрите, смотрите. Самого-то главного вы не увидите, не надейтесь...

А каким оно будет — главное?

Максим не знал. Он полагался на удачу. Главным образом на то, что серпентиец не поведет себя как разъяренный пес. Хотя при его способностях поглощать все подряд уместнее было бы сравнение с акулой...

С дверным пультом он провозился куда дольше, чем рассчитывал. Пульт был рассчитан даже не на дурака — на анацефала. Для начала он предупредил Максима о том, что за броневой заслонкой и герметичной дверью — вакуум. Максим согласился с мнением пульта и потребовал прохода, на что вякнул сигнал тревоги — к счастью, короткий — и высветилась надпись: «Вы уверены?» Потом был затребован особый код, который Максим получил по радиосвязи, и все повторилось заново. А когда броневая заслонка все же откатилась, пришлось точно так же уговаривать открыться герметичную дверь.

Дунуло так, что Максим едва устоял на ногах. Загрели переборки. Весь воздух из сектора Б унесся в проеденную в куполе дыру столь стремительно, словно давно мечтал оснастить Луну хоть каким-нибудь подобием атмосферы. Взвились и устремились на волю не унесен-

ные первой декомпрессией бумаги из перевернутой корзины, взвихрилась пыль, опрокинулось последнее неопрокинутое кресло. Скафандр сейчас же раздулся, превратив любое сгибание конечности в тяжелое физическое упражнение.

Серпентийца в кабинете не наблюдалось.

Максим ощущал уцелевшую мебель. Он не помнил, какое количество кресел, столов и шкафов составляло меблировку кабинета гендиректора, и последовательно проверил все. Конечно, в толстых перчатках скафандра тактильные ощущения отсутствовали напрочь, но душу грела уверенность: найденыш, несомненно, потянулся бы к старому знакомцу, чем и обнаружил бы себя. Увы — ни кресла, ни шкафы не проявили никакого желания прильнуть к ласковой ладони.

Без толку постояв под дырой в потолке и удивившись, насколько она круглая, как по циркулю, Максим отрапортовал. Найденыш вышел наружу, и искать его следовало вне купола. Где — вопрос. Луна, конечно, меньше Земли, но не настолько же, чтобы сделать поиск легким занятием! Хорошо еще, если чужак не убежал далеко. А он может!

Бормоча ругательства, Максим ретировался, задраивая за собой двери и заслонки. В ожидании выравнивания давления решил для себя: наружу-то он выйдет и поищет всерьез. Но если поиски в ближайших окрестностях не принесут успеха — гори все огнем! Пусть во-яки сами ищут иголку в стог сена и черную кошку в темной комнате. Кошки-то там, может, уже и нет. Свойства серпентийца темны и туманны. Уж если он маневрировал в космосе, так, может, способен преодолеть лунное притяжение и улететь себе восвояси по своим серпентийским делам?

— Нет его там, — объявил Максим высокому начальству и добавил так, будто это было его личным решением, спорить с которым не рекомендуется: — Пойду гляну снаружи.

И был прав: как надо поступить, если вынужден участвовать в чем-то, что очень тебе не нравится? «Расслабиться и получить удовольствие»? Вот уж вряд ли! Паллиатив и примиренчество. Гораздо лучше возглавить этот процесс или хотя бы вообразить, что возглавил!

С воображением у Максима Волкова было все в порядке — нормальное, среднее. Не фантазер, не мечтатель, не тонкая поэтическая натура, не физик-выдумщик уровня Фейнмана и Вуда, но и, хвала Создателю, не тупорылый даун. А посему шаг стал тверже, голос увереннее, а настроение поползло вверх. Я иду, слышите? Просто потому, что так хочу. Потому что моцион полезен. И чихал я на всех!

Красиво было снаружи — глаз не отвести. Солнечный диск только-только убрался за вал кратера Гассенди, украсив скалистый гребень сказочным сиянием короны. Освещенная верхушка купола сияла, словно летающая тарелка, иллюминированная к какому-нибудь инопланетному празднику, и нарядной елочной игрушкой завис над нею голубоватый диск Земли. Основание купола скрывалось в глубокой бархатной тьме. Когда глаза немного пообвыкли, Максим стал различать причудливые полутени.

Разглядел он и круглое отверстие в куполе, отчего настроение не улучшилось. Только сейчас в голову пришла зябкая мысль: а если найденыш из самых лучших побуждений проест дыру в скафандре точно так же, как проел в куполе? Хотя нет, не точно так же... Куда быстрее. Он умеет. Он похож на ребенка, у которого режутся зубки. Ребенок все тянет в рот, ему все надо попробовать на ощупь и на зуб, и он ни в чем не виноват. Разница только в том, что у этого ребенка особые способности...

Так-то оно так, но умирать от декомпрессии Максиму хотелось не больше, чем любому другому. Еще узнает ли его найденыш — в скафандре-то? А вспомнив о виртуозной мимикрии серпентийца, можно заранее

кричать караул. На кого он сейчас похож? На фрагмент обшивки купола? На валун? Вон их сколько вокруг, серых лунных булыжников, пролежавших здесь три-четыре миллиарда лет и намеренных пролежать еще столько же...

С сильно бьющимся сердцем Максим доковылял до ближайшего валуна, осторожно потрогал. Валун был как валун, смирный и неодушевленный. Он не собирался нападать на человека. Ему вообще было некуда торопиться.

Эх, насколько легче было бы на Земле, особенно в лесистой местности! Выломал палку, этаким пробный дрын, и знай себе тычь им во все подозрительное! Авось успеешь отскочить. Максим даже хотел повертеть головой: не валяется ли поблизости какой-нибудь подходящий длинномерный металлолом? — но в скафандре голова отдельно от корпуса не вертелась, да и не могло тут валяться никакого металлолома. На Луне он сразу идет в переработку, потому как ценен...

Медленно — а куда торопиться? — Максим обошел вокруг купола. Мыслей о том, где искать серпентийца, от этого не прибавилось. Камни были как камни, тени как тени, купол как купол. В отдалении маячили прочие постройки базы — такие же купола с ровными лысыми посадочных площадок между ними. За периметром базы крохотными букашками ползали лунные комбайны, подъедая богатый гелием-3 реголит. Бессмысленно и дико громоздился иззубренный вал кратера.

Где он, чтоб его?!

— Волков, ответьте. — По грубому голосу Максим узнал Хеншера. — Докладывайте о каждом шаге. Как поняли?

Ну да, докладывать ему, как же... О каждом шаге и о каждом чихе. Разбежался. Подчиненных своих муштруй, им полезно.

Но вслух Максим сказал другое:

— Что докладывать-то? Вы же небось меня видите. Или нет?

— Отставить препирательства. Можете не сомневаться, мы фиксируем все ваши действия. Хитрить не советую. Очень не советую, Волков, вы поняли?

— Понял.

— Вот и хорошо. Итак, докладывайте о каждом вашем шаге. Это приказ.

Максим даже не огрызнулся. Во-первых, устал с отвычки к тяжести, а во-вторых, Хеншер того не стоил. Во ему, а не доклад о каждом шаге! Пусть наблюдает за поисковой операцией на экране, небось не слепой. Вон они, камеры внешнего обзора...

И тут Максим икнул от удивления. Там, где он сейчас находился, его могла видеть только одна камера, и эта камера была направлена в противоположную от него сторону!

А потом в наушниках послышался голос — его, Максима Волкова, голос, в должной мере искаженный полосой пропускания канала радиосвязи:

— Иду в восточном направлении. Проверяю валун... нет, не то. Обхожу валун... так... тут ничего интересного. Возвращаюсь к куполу. Меня хорошо видно?

— Видим вас, Волков, — ответил Хеншер. — Что намерены предпринять? Докладывайте.

— Хочу проверить внешние антенны и вообще все выступы на куполе. Не исключено, что один из них — то, что мы ищем.

— Отставить. Это мы проверим и сами. Продолжайте поиск вокруг купола. Двигайтесь по расширяющейся спирали. Как поняли?

— Понял. Выполняю.

— Давно бы так. Волков!

— Слушаю.

— Маршал доволен вами.

— О чем разговор. Общее дело делаем.

Максим уронил челюсть. Происходило что-то из ряда вон. Его никак не могли наблюдать на экране внешнего обзора — но наблюдали! Он не проронил ни сло-

ва — но отвечал Хеншеру. Да еще чуть ли не с подобострастием!

Позднее он никак не мог решить, ум ли был тому причиной, примитивный ли здравый смысл или, может быть, просто растерянность, но факт остался фактом: Максим промолчал. Прижавшись к основанию купола, он замер и даже дышать стал через раз.

И — увидел.

Вокруг купола по расширяющейся спирали, как и было сказано, брела фигура в скафандре. Мало того, она докладывала о том, что видит и что делает, его, Максима, голосом! Ай да серпентиец, ай да змееныш... Ничего не скажешь, чистая работа. Не во внешней мимикрии дело — что для него мимикрия! Но когда он успел проникнуться человеческим духом настолько, чтобы водить за нос людей? И каких людей! Уж чем-чем, а излишней доверчивостью никто из них не страдает...

На один миг захотелось разоблачить самозванца. Но только на один миг. Максим не издал ни звука.

И сейчас же услышал в наушниках свой собственный голос:

— Максим?

Пауза.

— Человек по имени Максим Волков, ты можешь говорить. Другие тебя не услышат, я об этом позаботился. Тебя услышу только я.

И тогда Максим решил.

— Вот что, — заговорил он почему-то шепотом. — Если только ты мне хоть чуть-чуть доверяешь... Слушай меня внимательно и делай как скажу...

Стоит женщине захотеть, и она отравит существование кому угодно и где угодно. Хоть в раю. Вы думаете, коварный змей уговорил Еву сжевать заповедное яблоко? Наивная отговорка, граждане судьи, лапша на уши

да еще поклеп на ни в чем не повинное пресмыкающееся! Змей — существо флегматичное, очень ему надо подбивать глупых голых теток на борьбу с авитаминозом посредством изгрызания фруктов! Любому мужчине, обреченному на женское окружение, картина предельно ясна: змея достали, сделав его жизнь невыносимой, и вынудили дать дурной совет. Дурной, собственно, для Евы и Адама, которых изгнали из рая, но никак не для змея, который там остался. А как бы вы поступили на его месте?

Да что там рай! Нечего и говорить о нем. Для Максима наступил ад кромешный, и наступил он в ту минуту, когда Максим оказался наедине с обеими женами. Один против двух.

Сначала, правда, его держали отдельно и мучили дознанием: как оказалось, что он не нашел серпентийца, несмотря на продолжительные поиски? Куда тот мог подеваться? Какую степень опасности он может представлять? Мучили долго, вытягивали нервы, а в конце заставили корпеть над подробнейшим отчетом о пребывании чужака на борту «Вычегды». Тютюник бурчал, Хеншер орал, гендиректор остервенел и вымещал злобу на подчиненных, а Гутьеррес смотрел на Максима с тщательно скрываемым интересом, помалкивал и первым отбыл на Землю.

Потом отпустили и Максима. Сказать точнее — выгнали взашей. Вот тут-то и началось.

В рейсовом челноке «Луна — Стационар» было еще терпимо. Жены понимали, что мужа сейчас не тронь — разбудишь вулкан. А вот на Стационаре — «верхней площадке» космического лифта, где пришлось двое суток ждать очереди на спуск, — навалились всерьез. Гигантская станция, подвешенная на геостационарной орбите, кружилась вслед вращению Земли, как кордовая авиамоделька, по сплетенным из углеродных нанотрубок тросам бегали грузовые и пассажирские капсулы, а в крохотном боксе орбитальной гостиницы Максим

подвергался словесной экзекуции. Когда уставала Барбара, за дело принималась Карина, и наоборот. Лесопилка работала безостановочно.

Максим пытался отмалчиваться. Иногда, выйдя из себя, орал, что не все на этом свете от него зависит, что сила солому ломит, и вообще надо еще посмотреть, кто в полной мере остался в дураках. Он ли? А может, кто другой, чином повыше? И с чего это дорогие женушки решили, что забавный чужак непременно погиб? Ах, не решили? Почему это «если он обиделся, то это ничем не лучше»? Очень даже лучше! Во-первых, он жив-здоров и просто слоняется где-то. Во-вторых, ну ее к шуту, эту чужаковатую забавность! Кто знает, какие у него в ассортименте забавы. Может, такие, от которых лучше держаться на расстоянии пары десятков астрономических единиц? С него станется! Чего хорошего можно ждать от живого организма, чьи биологические реакции протекают не на химическом и вряд ли даже на ядерном, а скорее на субъядерном уровне! Кто-то чихнет случайно, а от кого-то не то что молекул — протонов не останется...

Аргументы на жен не действовали. Ор помогал ненадолго. Максим терял силы.

Ну как было объяснить женам, что все устроено, может, не самым лучшим образом, но, несомненно, лучшим из возможных? Максим объяснил бы, будь он убежден в отсутствии прослушки. Но как раз в этом никакой уверенности не было. Объясниться позже — другое дело. И пусть сказано «хочешь ознакомить с тайной всех — доверь ее женщине», но и среди женщин попадаются такие экземпляры в русских селеньях... За Карину и Барбару — особенно за Барбару — Максим мог поручиться головой. Эти не выдадут. Но время объясниться с ними еще не пришло...

А к тому моменту, когда оно придет, мрачно думал Максим, многое может измениться. Карина, проникшая к чужаку почти материнскими чувствами, сгоря-

ча уже успела заявить, что не желает жить с мужем-слизняком, мужем-приспособленцем, мужем-тряпкой. Ничего себе приспособленец! Много ли благ поимел он со своего «приспособленчества»? Перед кем теперь фактически закрыта дорога в космос — перед Хеншером, что ли?!

Барбара вела себя более выдержанно. Один раз она даже поинтересовалась для разнообразия дальнейшими перспективами социальной ячейки. А какие могут быть перспективы для того, кого уволили по форме 12/1?!

— Это волчий паспорт, — безжалостно констатировала жена.

— Он самый. Волчий паспорт для Волкова — логично! — попытался сострить Максим, но не был поддержан. — Фирма разорвала контракт. Должны выплатить компенсацию: годичный оклад.

— А выплатят? — усомнилась Барбара.

— Пусть попробуют зажать. Профсоюз пилотов их живьем съест.

— Ну допустим. А дальше?

Максим вздохнул.

— Поживем пока на Земле, — сказал он примирительно. — Потом найду что-нибудь. Если не удастся устроиться пилотом — завербуюсь хотя бы на Луну, на реголитовый комбайн. Возьмут ведь, а?

— Я выходила замуж за пилота, — напомнила Барбара.

Тем данный фрагмент беседы и кончился, и это был самый светлый ее фрагмент. Рациональное, вещественное всегда близко и понятно. А поди-ка спроси у женщин, на что им сдался серпентиец? Наговорят с три короба, а по существу не ответят. Ласковый? Ну, заведите котенка, что ли. Чудной и непредсказуемый? Ну, напоите котенка валерьянкой, и дело с концом. Где там. Дай женщине что-либо чувственное — она обязательно скажет, что мало. А уж если отнять — подвинься и не прыгай. Терпи и узнай о себе много нового.

Барбара не была разумнее Карины, совсем нет. Она

была опытнее и только поэтому раньше младшей жены осведомилась о ближайших финансовых перспективах семьи. Максим не сомневался: пройдет немного времени, и Карина в свою очередь потребует отчета, получит его и снабдит уничтожающими комментариями. При чем произойдет это немедленно по окончании разноса за утрату найденыша, без малейшего перерыва. Максим достаточно изучил своих жен, чтобы знать: чувственное и материальное сосуществует в женщинах в дивной, но дикой для любого мужчины гармонии.

Да, женщины — создания гармоничные, нет сомнений. А вот гармония в социальной ячейке уже начала трещать по всем швам. На что прикажете жить? Выплатит ли Роскосмос компенсацию, это еще большой вопрос. Сбережений практически нет — съели дети. Дети — это прекрасно, кто спорит, но от затрат неотделимы. Тут тоже своя извращенная гармония. Короче, будущее — в мрачных грозовых тучах.

Так считали жены, но Максим-то знал, что это не совсем верно. А поди скажи им об этом! Страшно чесался язык выдать тайну — но здесь?! Нет, исключено. Обе жены с визгом кинутся на шею — и привет. Даже если в капсуле нет прослушки (что вряд ли), соседи снизу или сверху обязательно донесут. Нет, терпеть, терпеть... Стиснуть зубы.

Тридцать шесть тысяч километров со стиснутыми зубами! Все тридцать шесть тысяч — от Стационара до пятикилометровой башни Земли-пассажирской, венчающей гору Каямбе в Эквадоре! Максим и прежде не любил космический лифт за медлительность и дискомфорт, а теперь проникся к нему лютой ненавистью.

Нетерпеливых космонавтов не бывает, и Максим стоически терпел все пятьдесят восемь часов спуска. А соседи и вправду были — и сверху, и снизу. Максим не был VIP-персоной, ради которой стали бы гонять отдельную капсулу. Для рядовых пассажиров тесные капсулы с минимальным набором удобств стыковались в вертикальный «поезд» ростом с небоскреб, и звукоизо-

ляция между соседними капсулами оставляла желать лучшего. Два иллюминатора диаметром чуть более дверного «глазка» позволяли пассажирам развлекаться видами приближающейся Земли и вздрагивать, когда по соседнему тросу молчаливым призраком проносился с жуткой скоростью встречный «поезд».

Иных развлечений на борту не было. А если женская «лесопилка» — развлечение, то космический лифт — не только дешевый, но и редкостно комфортабельный вид транспорта!

И все-таки время — хорошая вещь. Особенно время сна. Когда жены уснули, устав перетирать мужа в муку, Максим ощутил неземное блаженство. Правда, болело под черепом и голова была тупа, но он знал, что это скоро пройдет. Небольшой аутотренинг — и уже гораздо легче, и снова можно жить, а главное — думать.

Нет, не мыслить — это слишком высокое слово. Именно думать. Прикидывать. Рассчитывать. Уж если ввязался в авантюру — будь добр забыть о высоком. Хитри. Ловчи. Просчитывай варианты.

А сумеешь? Без навыка-то?

Придется. Что теперь об этом говорить. Раз влип по самые уши, так крутись или тони, третьего нет.

И для чего все это? Максим не знал. Не было даже ощущения, что он поступает правильно. Была лишь надежда, что ошибки нет.

Воровато оглянувшись на жен — спят, — Максим приложил глаз к иллюминатору. Сразу полегчало на душе — все было штатно. За одним маленьким исключением: растекшийся по внешней оболочке капсулы серпентиец вырастил конечность с пальцами и показывал Максиму игривую «козу». Тьфу. Вот урод.

За глухим забором, чисто по-русски вещественно и грубо подчеркивающим принцип неприкосновенности личной жизни, желтела крыша коттеджа, красне

ли стволы нескольких красавиц-сосен и летал бадминтонный волан. Стоял обычный нежаркий июнь средней полосы России, знакомая всем прелюдия к невыносимой июльской жаре. Целую неделю шли холодные дожди и лишь накануне к вечеру иссякли. Утреннее солнце, притворяясь слабосильным, неспешно подбирало влагу с грунтовых улиц дачного поселка и сразу давало понять: мелкие-то лужицы оно выпьет, а за глубокие пока не возьмется, да и за грязь тоже. Ждите, мол. А пока лавируйте хитрыми галсами, выбирая путь посуше, и не чертыхайтесь. Лучше вспомните: не об этом ли вы мечтали, находясь куда как поближе к светилу? Возле Меркурия. И если вы все равно останетесь недовольны, то так и знайте: вы редкостные привереды.

С пригородного поезда сошли трое: крепкий мужчина с сумкой через плечо, молодая женщина и ведомый ею на поводке громадный черный дог в наморднике. Судя по внушительным шипам на ошейнике, характер собаки был не из лучших. Хотя много ли стоят косвенные признаки? Несмотря на грозный вид и устрашающую амуницию, всю дорогу собака вела себя примерно: исправно выполняла немудреные команды, не досаждала пассажирам, начисто игнорировала других собак и, что уж совсем удивительно, кошек. Ну просто образцово-показательный пес. Что экстерьер, что выучка — высший класс.

Он даже лавировал между лужами, не дожидаясь дерганья за поводок и во всем подражая людям. Лишь ступив на безлюдную дачную «улицу», спросил вполголоса:

— Теперь можно?

— За забором можно будет, — негромко ответил Максим. — Потерпи еще немного. Устал?

— Я не устаю. Просто надоело.

— Потерпи. Так надо.

— Зачем?

— Я тебе миллион раз объяснял зачем. Никто не

должен знать, что ты находишься на Земле. Люди беспечны, но пугливы. Скажи им, что по Земле ходит серпентиец, — они перепугаются. А когда люди пугаются, они делают глупости. Очень жестокие глупости.

Мау промолчал, заставив Максима гадать: понимает ли гость опасность? Иногда серпентиец вел себя совершенно по-детски. Облик собаки ему почему-то не нравился. А как, спрашивается, маскировать его в людской гуще? Под человека? Он бы не возражал, но с человека совсем иной спрос, да и те, кому надо, непременно заинтересуются: что за новая личность появилась в окружении скандально известного в узких кругах Максима Волкова? Казалось бы, парадокс. Ежу понятно, что надо прятать подобное в подобном, — ан нет. Вычислят на раз. Уж лучше быть ему на людях догом. Тоже наивная маскировка, на простачков, а все же так спокойнее. Хорошо бы знать наверняка, есть «наружка» или нет. А как узнаешь, коли нет навыков? Не та профессия. Наземный космонавт... тьфу! Не способен ни увидеть, ни почуять, ни вычислить. И этот короткий разговор за просто мог писаться через остронаправленный микрофон на дистанции в километр. То-то радости будет кому-то: идет мужик и беседует с псом, причем пес на мужика не смотрит и пасть не раскрывает, а ведь как-то разговаривает!

Глухой забор, ограждающий участок, — тоже наивная преграда, но все же за ним Максим почувствовал себя спокойнее.

— О, кто к нам приехал! — закричала Барбара, промахиваясь ракеткой по волану. — А мы вас только завтра ждали.

— А мы сегодня приехали, — объявила Карина. — Мы вообще способные.

Петька, старший сын, бросил на траву ракетку и помчался к отцу. А младший Вовка, высоко взлетая на веревочных качелях, привязанных к стволам двух сосен, заверещал, требуя немедленно остановить полет.

Сыновья любовь к отцу редко проявляется так непосредственно, это Максим знал точно. Девчонки могут набежать с визгом и повиснуть на шее, но мальчишки хорошо знают, что достойно мужчины, а что нет. Так что Петька, бросив на ходу: «Привет, пап!» — прямоком устремился к серпентийцу, а Вовка, шмякнувшись с качелей, заверещал было громче, но сам собой успокоился и помчался туда же.

А с догом, чуть только захлопнулась калитка, случилась метаморфоза, и не снившаяся Овидию. Поводок выскользнул из ладони Карины и втянулся в ошейник с той же прытью, с какой исчезает в пасти хамелеона его ловчий язык. Ошейник и намордник вросли в кожу и прекратили быть. За ними исчезли морда и ноги, а тело собаки округлилось почти в шар. Еще секунда, и начался бурный рост вверх. Не успел еще Петька добежать до гостя, как серпентиец принял облик человека средних лет, пухлого, лысоватого, с толстым добродушным лицом. При взгляде на него любой сказал бы: ну ясно, семья Волковых пригласила в гости родственника. Дядюшку, должно быть.

И «дядюшка» уселся на скамейку, очень натурально отдуваясь. Из-под задравшейся рубашки выглядывал потный лоснящийся пуп.

Сейчас же последовали объятия и дружелюбная воркотня. Дети повисли на шее «дядюшки», чем тот явно наслаждался.

Дядя Матвей... Сейчас Максим уже не мог точно вспомнить, кто дал гостю имя Мау — Карина или Барбара? Мау — от Маутли. Аналогия напрашивалась сама собой. Звездный гость, человеческий воспитанник, чужой среди своих... Одна только беда: круг «своих» сузился до размеров семьи. Для прочих Мау был либо дядей Матвеем, либо черным догом по кличке Маркиз. Странно ведь называть собаку Мау — люди подумают, что хозяин дразнит пса, изображая кошачий мяв, или попросту не в своем уме. Кое к чему Максим успел уже по-

привыкнуть, но все еще не любил выставлять себя дураком. Да и кто это любит за просто так, без вознаграждения?

С вознаграждениями было пока туго. Ну разве что дети получили занятного дядьку Матвея и небывалую игрушку в одном инопланетном лице, да еще жены сказали спасибо. Один раз. А играть на людях под дурачка Максиму приходилось нередко.

И было бы ради чего! Первые недели и даже месяцы Максим не находил ответа на этот вопрос. Неужели только для того, чтобы оставить с носом военных и политиков? Вот уж воистину достойная цель! Зато остался безработным с неясными финансовыми перспективами. Компенсация, к счастью, получена, но уже, считай, проедена...

Так ради чего? Контакта как такового? Очень надо! Может, просто ради любопытства? Уже теплее. Что там такого особенного, в созвездии Змеи? В чем состоит уникальность местных условий? Хорош уголок Вселенной, где не вмешательство свыше, не разгул тонких технологий, а самая что ни на есть естественная эволюция породила живые и разумные космические корабли!

Да если бы только корабли! Надо быть слепым или умственно ущербным, чтобы не видеть: способности серпентийцев значительно шире! Вот если бы их использовать на благо, во-первых, человечества, а во-вторых, лично себя как малой, но неотъемлемой части того же человечества!..

Обидный, но правильный вопрос: хватит ли для этого ума?

— На каком принципе вы летаете? — допытывался поначалу Максим, решив начать с малого.

— Не могу ответить. Нет адекватного понятия в вашем языке.

Исчерпывающе...

И речи не могло быть о том, чтобы напустить на серпентийца толпу ученых исследователей. Оставалось

принять гостя таким, каков он есть. Начитавшийся научно-популярной литературы Максим утешал себя соображением: ведь Солнце — «поздняя» звезда. Миллиарды лет до того, как она зажглась, в Галактике светили другие звезды. Четыре миллиарда лет эволюции живой материи на Земле — много ли? А как насчет десяти миллиардов? До чего могла дойти жизнь за такой срок?

Приходилось сначала наблюдать, а потом уже спрашивать. Понять ответы удавалось не всегда, и Максим не знал, когда в самом деле нет нужного понятия ни в одном из человеческих языков, а когда Мау укрывается за этой словесной формулой, ленясь отвечать.

Зато сделать приятное детям он никогда не ленился. Вырастить любую игрушку? Запросто. Разжечь в мангале яблоневые дрова для шашлыка? Пожалуйста. Под радостный визг Вовки и Петьки «дядя Матвей» добывал огонь из собственной ладони. Мало шашлыка? Нет проблем: серпентиец зачерпывал пару горстей земли и спустя несколько секунд отпочковывал от себя несколько превосходно заквашенных кусочков вырезки — бараньей, свиной или говяжьей, на выбор. Жены поначалу брезговали таким мясом, потом привыкли, а Максим понял, что в случае чего его семейство с голоду не умрет. Мау мог изготовить любой продукт, хоть мамонятину, если бы хоть раз имел возможность прикоснуться к ней.

Лишь сухое белое вино, столь уместно дополняющее шашлык, Максим никогда не доверял фабриковать серпентийцу — покупал сам. Идентичность идентичностью, а принципы — принципами. Пить на дармовщину? Никогда. Кушать даром? Иногда можно, но только иногда. Во избежание привычки.

Когда шашлык был съеден, а вино выпито, Максим, улучив минуту, спросил у игравшего с детьми серпентийца:

— А сделать что-нибудь живое ты можешь?

— Попробую.

Рука «дяди Матвея» метнулась с быстротой кобры, схватив порхавшую над кустами ежевики бабочку-лимонницу. Мау разжал ладонь — бабочка взлетела. Еще секунда — и из ладони выросли желтые трепещущие крылышки. Бабочка-копия пошевелила усиками, вспорхнула и полетела искать нектар. Мау улыбнулся.

— Ты чего?

— Щекотно.

— Значит, живое ты можешь, — задумчиво констатировал Максим. — Давай-ка отойдем... Эй, младшие, поиграйте пока без дяди Матвея. Пять минут. Значит, живое можешь... Она настоящая? Не умрет через пять минут?

— Нет, если стриж не съест.

— А если съест, то, надо думать, не отравится. Ладно, верю. Убедился. А как насчет себе подобных? Извини, я просто обязан задать тебе вопрос: ты можешь размножаться?

В ответ Мау пожал плечами совершенно по-человечески:

— Вы же можете...

— Гм. Да, конечно. Но у нас это происходит иначе.

— Я знаю. Что ж, каждое существо чем-то отличается от других. Это нормально. И, наверное, у каждого способа размножения есть свои преимущества.

— Бесспорно. — Максим ошарашенно почесал в затылке. — Ну и в чем же преимущества твоего способа?

— В полном контроле над процессом. Была бы пища, а уж что с нею делать, я решаю сам. Например, я мог бы съесть вашу Луну, а затемделиться на миллиарды идентичных или не очень идентичных особей. А мог бы остаться единым организмом размером с естественный спутник вашей планеты. Правда, это довольно уютно. Мог быделиться на две части, как делятся ваши амебы. Мог бы на три, на четыре и так далее. А мог бы сбросить излишек материи мертвым грузом, без размножения. Естественно, с дефицитом массы.

Я слышал, люди знают: любой процесс требует затрат энергии.

— Что? Ты мог бы съесть Луну?!

— Только в случае крайней необходимости. Она невкусная, я пробовал. Кроме того, повышенная собственная гравитация доставит неудобство моим внутренним частям.

— И мог бы разделиться на миллиард организмов?

— Господь велел делиться, как я слышал. Но почему-то в вашем мире его слушаются лишь амебы да инфузории.

— Он это говорил в другом смысле.

— В самом деле? Ладно, допустим. Но я мог бы. Конечно, я не стану этого делать. Съесть астероид, грозящий столкновением с вашей планетой, — иной разговор. Почему-то вы, люди, очень боитесь этих астероидов. Придумали даже специальный астероидный патруль, чтобы вовремя раздробить на куски несчастное небесное тело. Оставьте; не стоит оно того. И потом: стоит ли защищаться от удара ценой загрязнения околоземного пространства радионуклидами, которых вы тоже боитесь? Не понимаю. Вы вообще очень странные существа.

— Вы тоже. Даже если оставить в покое ваш способ питания... Кстати, чем ты питался, когда летел в одиночестве в космосе? Извини, это я напоследок, больше не буду.

— Межзвездной пылью, а затем межпланетной. Межпланетной пыли больше, чем межзвездной, но все равно я здорово проголодался и почти утратил способность к самостоятельному движению. Твой корабль подвернулся мне очень вовремя, спасибо.

— Пожалуйста. Но ты не ответил: ты в самом деле мог бы размножиться на сколько угодно частей? И что, все они будут независимыми особями?

— Конечно. Но для размножения нам нужна веская причина, и этим мы отличаемся от вас, людей.

— Вообще-то нам для размножения тоже нужна вес-

кая причина, — проворчал Максим, почуявший в словах Мау высокомерную шпильку. — Например, желание иметь потомство — более чем достаточная причина. Будешь спорить? Кроме того, в процессе нашего размножения присутствуют определенные приятные моменты...

— А основу этого желания и приятных моментов надо искать в законах земной биологии, — безжалостно перебил серпентиец. — Нет, у моего народа не так. Мы размножаемся, когда этого требуют внешние обстоятельства или наша сознательная воля. Например, лучший способ собрать информацию о незнакомом месте — это разделить на тысячу-другую организмов, дать каждому отдельное задание по сбору сведений, а затем собраться воедино с целью их обработки и принятия решения.

Максим поскреб в затылке.

— Что-то я не пойму... Вновь собраться, говоришь? Воедино? Снова в один организм?

— В один сложный организм.

— Да хоть сверхсложный! Ну и какое же это, к шу-ту, размножение?

— Обыкновенное. Я ведь сказал: сложный организм. Это не то, что я. Это новый уровень. Ну, скажем, как муравейник или рой пчел по сравнению с отдельным насекомым. Хотя аналогия тут очень поверхностная. Важно то, что каждая субособь внутри сложного организма участвует в выработке общего решения.

— Голосование устраиваете, что ли?

По отвращению и ужасу на лице Мау только слепой не догадался бы, что думает серпентиец о человеческом обыкновении приходить к общему знаменателю путем демократических процедур.

— Разумеется, нет! Вырабатывается одно решение, одно на всех, и вырабатывается всеми. Если кто-то не согласен, значит, он имеет на то причину. Таковая причина всегда зиждется на информации, имеющейся у

данного индивидуума, на той информации, которую остальные субособи почему-либо не сумели воспринять сразу. Тогда происходит ознакомление всех субособей с данной информацией и повторная выработка решения. На практике это случается редко и занимает секунды. Наконец, бывают ситуации, требующие решения всего моего народа; в таких случаях сложные организмы и отдельные особи выстраиваются в пространстве в единый надорганизм — нитчатый, ячеистый, спиральный и так далее. Есть целая наука о построении оптимальной топологии надорганизма в зависимости от характера обсуждаемой проблемы. Нельзя лишь строить шаровую структуру — ведь суммарная масса моего народа превосходит массу вашей звезды, а мы не настолько неуязвимы, чтобы выдерживать соответствующие значения температур и давлений...

— Ну а если все же одна какая-нибудь ненормальная субособь не согласится с общим решением? — настаивал Максим. — Если она все-таки останется при своем мнении? Тогда как? Ей — или им — приходится подчиняться большинству? Или, может, старейшинам? Не хочешь же ты сказать, что у вас не бывает оппозиции?

— Именно это я и хочу сказать, — отрезал Май.

— Но послушай, ведь так не бывает...

Май тяжело вздохнул. Совсем по-человечески.

— Иногда — да. Очень редко. Ты верно заметил: только ненормальная субособь может возразить против оптимального решения. И у нас случаются дефекты... или болезни. У нас нет ни микробов, ни вирусов, наши болезни чисто информационные. Время лечит. Но дефект одного — трагедия для всего моего народа. Не надо улыбаться, это правда. Мы отличаемся от вас уже тем, что в наших средствах коммуникации нет места недоговоренностям и эвфемизмам. Трагедия есть трагедия, мы все ее чувствуем. Странно и дико даже помыс-

лечь о принуждении. И все же... словом, изредка применяется специальная процедура.

— Какая же, если не секрет?

— Временное изгнание. Сложный организм или надорганизм избавляется от большой субособи, предварительно переведя ее память в латентную форму. Субособь становится особью-младенцем, опускаясь на уровень наших далеких предков, какими они были три-четыре миллиарда лет назад, и свободно путешествует в космическом пространстве. Постепенно она вновь обретает память и полноценный разум. Иногда на это требуются сотни ваших лет, иногда сотни тысяч. Без полноценного разума, без полной памяти о знаниях, накопленных нашим народом, особь может погибнуть, что иногда и случается. Она может улететь на сотни световых лет и не найти обратной дороги. Она может потерять подвижность вследствие голода и в конце концов врезаться в любое из множества твердых космических тел или упасть на звезду. — Мау снова вздохнул. — Наконец, эта особь может повстречать в своих странствиях примитивный планетолет иной цивилизации и попытаться понять ее представителей...

11

Годы хороши, когда они впереди. А по поводу прожитых лет можно сказать разное. Кто-то сладко ностальгирует, вспоминая удачи; кто-то при мысли о безвозвратно упущенном ругает себя, окружающих и подлюку-судьбу. Вот только Времени до всех этих излияний нет никакого дела. Время существует не для людей. Оно просто существует. Из семечка льна может вырасти стебель; его сожнут, вымочат и истребляют. Затем из него и ему подобных соткут холст, на котором живописец волен изобразить хоть «Даму с горностаем», хоть «Черный квадрат». Но нелепо считать, что природа создала лен специально для нужд живописцев, а не, скажем,

под пищевые потребности саранчи. Время — тот же холст, и пиши на нем что хочешь, коли есть охота. Колдуй с цветом, добивайся идеального совершенства линий. А нет — пусти это дело на самотек, все равно ведь что-нибудь напишется самой жизнью. Понравится ли оно тебе, нет ли — вопрос второй.

Канул в прошлое еще один год — обыкновенный, не хуже и не лучше других. Анхель Гутьеррес досрочно покинул пост Генерального секретаря Унии Наций. В своем последнем обращении на посту Генсекретаря он заявил: «Мало кому удастся не совершать промахов, но мой промах не случаен. Я не был достаточно прозорлив, чтобы вовремя увидеть, как меня ведут к нему, и только в этом моя вина». После отставки Генеральная Ассамблея УН большинством голосов вынесла решение о прекращении работы комиссии по «делу о злоупотреблениях клики Гутьерреса».

Население Земли уменьшилось с 11 до 10,9 миллиарда человек. Несколько видных аналитиков опубликовали тревожные прогнозы относительно дальнейших перспектив уменьшения рождаемости в странах Азии и Африки.

Среди космических соседей человечества была обнаружена еще одна цивилизация. Межзвездный зонд «Надежда», направленный в сторону созвездия Хамелеона — единственного предполагаемого «окна» в чужих владениях, — вернулся смятым в огромную лепешку, испещренную притом непонятными значками. Генерал-полковник Хеншер, сменивший на посту главнокомандующего военно-космическими силами Земли ушедшего на покой маршала Тютюника, заявил в интервью: «У нас нет сомнения в оскорбительном характере послания» — и потребовал значительного увеличения асигнований на военный космофлот.

В Нидерландах был зафиксирован первый брак человека и животного. На церемонии бракосочетания присутствовали видные европейские этологи, подтвер-

дившие, что жизнерадостное бление козы можно расценивать как ее согласие на вступление в брачный союз. Мэр Роттердама поздравил молодоженов.

Исполнительный директор концерна «Космический лифт» заявил в интервью: «Мы не знаем, каким образом нам удалось избежать человеческих жертв во время недавней аварии, связанной с обрывом троса. Похоже, нам остается предположить, что помимо проверенной надежности систем и их многократного резервирования имел место фактор чуда».

В бассейне Мельбурнского института океанологии генетически модифицированная тигровая акула, обладающая начатками интеллекта и считавшаяся прежде совершенно безобидным существом, попыталась съесть экспериментатора, предварительно послав ему телепатический сигнал: «Ты в ответе за тех, кого приручил».

От имени Канализационной системы города Земноводска выступила Главная Муфта. По ее словам, случаи саботажа и диверсий в Канализационной системе мегаполиса ни в коем случае не должны восприниматься как признак преждевременности наделения Канализационной системы искусственным интеллектом. Недавний же случай затопления городских кварталов нечистотами, подчеркнула Муфта, безоговорочно осуждается всеми истинно верными деталями, механизмами, узлами и подсистемами Системы. На грандиозном митинге протеста, состоявшемся на центральной площади города, тщательно очищенной и сбрызнутой цветочным одеколоном, Главную Муфту поддержал с трибуны мэр Земноводска. Выразив скорбь по погибшим, он заявил: как ныне, так и впредь не может быть и речи об использовании дефектоскопов и иной спецтехники для своевременного выявления дефектных деталей Системы, ибо таковое использование оскорбляет чувства честных тружеников сточных коллекторов и вступает в противоречие с Законом о правах разумных машин и механизмов.

Книга «Колобок и Дикий Тостер» стала бестселлером года, опередив по продажам предыдущие книги того же автора «Колобок и Искусственные Челюсти», «Колобок и Зеленая Плесень».

На японском острове Кюсю успешно прошла испытания антисейсмическая система, создаваемая в течение десяти лет. Подпочвенные гидравлические механизмы, установленные по всему острову, практически полностью погасили землетрясение силой свыше восьми баллов. Лишь в нескольких локальных точках наблюдалось не ослабление, а, наоборот, значительное усиление толчков. По несчастливой случайности одна из этих точек оказалась расположенной в черте города Миядзаки точно под небоскребом. Сила первого толчка была такова, что небоскреб пробкой выскочил из грунта вместе с фундаментом и совершил непродолжительный полет, закончившийся полным разрушением здания.

И много, много другого происходило на Земле и в ее ближайших окрестностях. О дальних окрестностях земляне по понятным причинам не имели надежных сведений.

Лишь немногие информационные агентства поместили краткое сообщение: бывший Генсекретарь Унии Наций Анхель Гутьеррес заявил о своем намерении отдохнуть после ухода с высокого поста, совершив продолжительное путешествие по всему миру и начав его с Восточной Европы. Сообщение прошло практически незамеченным.

И уж конечно, никто, кроме нескольких посвященных, не мог услышать фразу, сказанную вполголоса в офисе некоей фирмы средней руки, располагавшемся на сорок девятом этаже в деловой части мирного города Брюгге:

— Братъ его нужно только на Луне.

Само собой, эти слова не относились к Гутьерресу.

Ходили слухи, что Бенджамин Ван дер Локк родился хвостатым. При всем огорчении его родителей, в этом факте (если он действительно имел место) нельзя найти ничего порочающего маленького Бена. Атавизм есть атавизм. Что поделаешь, они иногда всплывают. Хорошо еще, если это только хвост, а не жабры кистеперой рыбы. Ампутировать и забыть. Так бы и произошло, не стань повзрослевший Бен широко известен как активный участник, а затем и глава международной террористической организации «Форпост Всевышнего» — организации жуткой, глубоко законспирированной и достаточно могущественной, чтобы то и дело бросать вызовы мировому сообществу, обеспечивая работой полчища секретных агентов, полицейских и журналистов.

Откуда пошли слухи о хвостатости, в сущности, неясно. Медицинских карт юного Бена (тогда он носил совсем другое имя) уже много лет как не существовало в природе. Хирург, якобы проводивший ампутацию, давным-давно трагически погиб, опрометчиво отправившись купаться с крышкой канализационного люка на шее. Сходным образом сменили наш мир на лучший несколько журналистов, ни один из которых заведомо не мог видеть пресловутый хвост. Словом — неясно.

Не хвостом, а занозой сидел Ван дер Локк в известном месте у мирового сообщества. И неважно, что мировое сообщество при ближайшем рассмотрении оказывается всего лишь кучкой политиков и бизнесменов — могучей, что ни говори, кучкой, но численно ничтожной в сравнении с общей человеческой массой. Неважно это! Кто вообще искренне скорбит по трагически погибшим? Только родственники и добрые знакомые. Политики скорбят потому, что без этого не обойтись, и только на людях. Прочие смертные — по привычке, недолго и с облегчением. Мимо нас? Вот и чудненько.

Работникам спецслужб скорбеть вообще некогда, да

и вредно предаваться эмоциям, когда надо ловить всякую шантрапу, имеющую отношение к «Форпосту Всевышнего». От количества пойманной шантрапы зависят бюджет и влияние ловящей организации. Нет, ловить Бена тоже можно и даже нужно. Нельзя лишь поймать. Ну, если строго, то почти нельзя. Потому что в принципе тоже можно, но не прежде, чем будет выдуман новый Бен.

И все идет своим чередом. Все заняты, никто не бездельничает. Кому по должности положено дымиться от усердия, тот и дымится. Покой невозможен, следовательно, гармония заключается в вечном движении. Вот все и движется.

Поступательно? Ну, это вы, батенька, хватили. Куда поступательно? Зачем? По кругу-то оно надежнее. Привычнее. Прогнозируемее. Кому не нужна стабильность, поднимите руки. Ах, всем нужна? Тогда примите как факт и смиритесь: вот он, Человек Без Имени, неофициальный заместитель и правая рука директора одной очень секретной службы, чувствует себя уверенно в обществе Бена и вообще хорошо выглядит. Его имени нет ни в одной платежной ведомости. Моложав, подтянут, энергичен, зря слов на ветер не бросает. Серьезный мужчина. Если честно, в сравнении с ним Бен выглядит пожиже. Тон разговора — смесь панибратства с разумной осторожностью, как у давних надежных партнеров.

— Брать его нужно только на Луне.

— Почему на Луне? — выказывает непонимание один из ближайших доверенных помощников Бена. Сам Бен уже все понял.

— Потому что на Луне за внешним валом кратера Гассенди находятся две термоядерные электростанции — Северная и Южная, — снисходит до пояснений Человек Без Имени. — Южная обеспечивает потребность в энергии лунной базы; Северная же работает на микроволновой шнур и включена в Единую энергосистему Земли через геостационарный ретранслятор. Нас

интересует именно Северная. В данный момент она остановлена для текущего ремонта. По информации, которой мы располагаем — хочу напомнить, что она собиралась по крупницам в течение семи лет, — для Змееныша безусловно смертельны следующие факторы: соударение с крупным твердым телом на скорости, превышающей одну десятую световой, гамма-излучение интенсивности порядка той, что имеется в недрах звезд, и температуры свыше четверти миллиона градусов. Первое нереально. Зато рабочая зона термоядерной электростанции — как раз то, что может обеспечить факторы, необходимые нам для создания маленькой, уютной и не бросающейся в глаза временной тюрьмы для инопланетного гостя. Проект давно готов, дело за реализацией. Ведь главный инженер Северной — твой человек, Бен?

— Для Всевышнего нет ничего невозможного, — туманно изрекает Ван дер Локк.

— Надеюсь, что так оно и есть. Извини — уверен, что так оно и есть. Необходимая техническая работа должна начаться немедленно, чуть позже мы обговорим детали... Второй и не менее важный аргумент в пользу Луны — возможность проведения операции без лишнего шума. Если все же последуют какие-либо нежелательные эффекты — их нетрудно будет объяснить астрономическими, тектоническими или, в конце концов, техногенными причинами. Теперь понятно?

Вряд ли ближайшему доверенному помощнику Бена удалось понять все до конца, однако он почтительно наклоняет голову. Зато подает голос тот, кому по чину задавать вопросы, — сам Бен Ван дер Локк:

— Ну ладно... Допустим. Уютную маленькую тюрьму с термоядерными стенами мы для него сделаем. Два вопроса. Первый: как водворить туда серпентийца? Второй: как заставить его... э-э... сотрудничать с нами? Или я стал глуп и ничего уже не понимаю, или внутри кокона из горячей плазмы Змееныш нам бесполезен. Я глуп?

Быть может, один мой знакомый уверен, что я выжил из ума?

— Нисколько. — Человек Без Имени делает протестующий жест и одновременно улыбается, показывая, что воспринял слова партнера как шутку и что шутка оценена. — Дело в том, что среди немногих слабостей Змееныша есть одна существенная: он очень привязан к своим земным друзьям, буквально как собачка. Поэтому он войдет в клетку сам, добровольно. Вопрос связи с ним — всего лишь вопрос о распространении радиоволн через плазму. Для этого существа модулированные электромагнитные колебания — все равно что для нас звук. Технические детали — потом. А уж мотивацию добровольного входа в плазменную клетку мы создадим. Надо объяснять — как?

Бен качает головой, и его лицо — настоящее, а не физиономия того статиста, что известна всему миру в неперменном сопровождении надписи «Wanted», — покрывается сетью мелких морщин от ответной улыбки. Улыбка у него вполне добродушная.

13

Две трети времени Максим Волков проводил на Земле; одну треть — обслуживал реголитовый комбайн в окрестностях лунной базы. Добыча гелия-3 велась вахтовым методом. Три недели вахты — полтора месяца отдыха. Чем плохо?

Для еще не старого, сильного мужчины — нормальный труд. В меру тяжелый, в меру опасный и даже кое-чем напоминающий будни космонавта. Звездное небо в любое время суток? Вот они, звезды, висят над головой, горят ярко и не мигают, потому что не умеют мигать вне атмосферы. Автономность? Сколько угодно автономности. Три недели одиночества, нарушаемого лишь редкими сеансами связи с диспетчером. Железная громадина комбайна служила и рабочим местом, и спаль-

ней, и столовой, и даже клубом для тех, кто работал с напарником. Но Максим работал один.

Жалование исчислялось в процентах от добычи. На безденежье Максим не жаловался. Разве трудно проводить за рычагами комбайна по пятнадцать-восемнадцать часов в сутки, когда вся работа заключается в том, чтобы объезжать кратеры, трещины и валуны да следить, чтобы в шнеки не попадали крупные камни? Поспал, поел — и вновь за рычаги. Три недели выдержать можно.

То урчали, то принимались тоненько выть хитроумные механизмы, выделяющие из реголита то, что миллиарды лет наносилось сюда солнечным ветром. К концу смены в баллонах высокого давления накапливался увесистый груз. С каждой вахтой Максим уводил комбайн все дальше и дальше от вала кратера Гассенди. Частенько забираясь в такую даль, где спасение в случае чего становилось проблематичным, он слыл самым рискованным, зато и самым добычливым из комбайнеров.

Страха не было. Ведь слова об отсутствии напарника — это только слова, как всегда далекие от истины. Напарник у Максима был — лучший напарник на свете.

Поначалу Мау не понимал и даже обижался. К чему эти скучные вахты? Семье Волковых нужны денежные средства? С великим трудом Барбара объяснила серпентийцу основу экономических отношений землян. Мау тут же радостно предложил фабриковать золото, платину или ювелирные алмазы из любой бросовой субстанции, хоть из помоев. Пришлось приложить массу сил и времени, чтобы объяснить ему, почему это неприемлемо. Во-первых, потому, что этот путь в скором времени неминуемо приведет к раскрытию инкогнито Мау. Во-вторых, денежные средства есть эквивалент вложенного труда, и то, что предлагает Мау, прямиком ведет к инфляции. Понемногу? Извини, друг, малая инфляция — все равно инфляция. Подобное обогащение — всегда за счет других людей. Нет уж, оставим эти игры правительству, а сами сохраним самоуважение...

Неизвестно, понял ли Мау, но сейчас же предложил иное решение: создание произведений искусства. На роль «гениального скульптора» он сам предложил Кари-ну. Та, приходя то в остолбенение, то в восторг от создаваемых серпентийцем композиций, все же отказалась.

Мау ворчал. Но все-таки принял предложение Максима сопровождать его во время лунных вахт, страховать на случай ЧП, болтать о том о сем и помогать в добыче гелия-3. Этого изотопа Мау мог бы изготовить столько, что хватило бы до конца истории человечества. Он не вполне понимал: почему нельзя? Жалко разве безобразных лунных скал?

Но нельзя так нельзя. От скуки Мау находил себе развлечения. Иногда, приняв облик «дяди Матвея», он часами шагал перед комбайном, любясь оставленными в пыли следами; случалось, вспоминал свою неудавшуюся карьеру гениального скульптора-инкогнито и творил такое, что Максиму было безумно жаль пускать сии творения под шнеки; бывало, исчезал на несколько часов и отмалчивался о том, где был. Следствием этих отлучек стала сенсация: один из комбайнеров клялся, будто видел скользящего по реголиту гигантского червя или, вернее, титаническую змею. Другой божился, будто в течение часа выжимал из своего комбайна максимальную скорость, удирая от ожившей скульптурной группы «Лаокоон». Третий сам гонялся за обнаженной красоткой таких достоинств, что забыл даже подумать: и как это она обходится без скафандра? Разнообразные свидетельства множились едва ли не быстрее слухов. Кончилось тем, что медицина объявила видения галлюцинациями, возникшими как результат легкого психоза, и рекомендовала руководству добывающей компании уменьшить нагрузку на комбайнеров.

Достичь Луны самостоятельно для Мау не было проблемой, но покидать земную атмосферу и возвращаться в нее он предпочитал при помощи одного из трех кос-

мических лифтов. Зайцем. Как-то раз Максим пробурчал что-то неодобрительное насчет жульничества, и Мау надолго задумался. Убежденный, как все россияне, что обжулить корпорацию, имеющую двести процентов прибыли, — дело святое, Максим кривил душой, зато искренний серпентиец оказался упорен в намерении вернуть корпорации убыток. Случай представился во время аварии. Откуда было знать Мау, да и Максиму тоже, что обрыв троса произошел не из-за износа и не вследствие удара метеоритного тела? Серпентиец попросту подхватил падающую гроздь капсул, срастил трос и был доволен, услышав от Максима, что имеет теперь моральное право кататься бесплатно до скончания веков.

Остался доволен и Бенджамин Ван дер Локк. Пусть сорвалась крупнейшая террористическая операция, пусть с чистых небес на грешную Землю не посыпались оплавленные капсулы с поджаренными пассажирами — зато получила подтверждение информация: среди миллиардов людей, разных и по большей части никчемных, затесался инопланетянин с такими возможностями, что... Теперь перед «Форпостом Всевышнего» открывались совсем новые горизонты. Следующий шаг казался простым, но выполнимым.

Максим вел комбайн.

Вряд ли несуразный железный динозавр смог бы сдвинуть с места свое тело на Земле. Лишь Луна позволяла ползать по себе трехсоттонным монстрам, любой из которых при нормальной тяжести развалился бы если не от собственного веса, то от удивления своим титаническим безобразием. Даже шахтные «кроты» Меркурия — и те выглядели стройными красавцами по сравнению с реголитовыми комбайнами Луны.

Два гигантских шнека сгребали пыль, измельчали рыхлую породу, тащили добытое к разверстой пасти чудовища. Широценные гусеницы с развитыми грунтозацепами ни на секунду не прекращали своего медленно-

го упорного движения. За комбайном тянулся короткий, но пышный хвост отработанной пыли и, оседая, совершенно скрывал следы гусениц. Нестрашно: наметанный глаз комбайнера легко отличит выработанный грунт от нетронутого. Ошибаются лишь новички.

Эту часть моря Влажности еще не топтала ни нога человека, ни трак комбайна. А вот Мау — топтал. Именно этим он сейчас и занимался, идя впереди комбайна в облике «дяди Матвея» и выискивая места с наиболее качественным реголитом. Одновременно он общался с Максимом по радио, заняв канал связи с диспетчером. Почему диспетчер при этом ничего не слышит, Максим не знал и уже не пытался понять. На сей раз серпентиец предпочел «одеться» по-пляжному — в одни лишь плавки. Как ни привык Максим к выкрутасам инопланетянина, но видеть следы босых ног в лунной пыли по-прежнему было дико. Все-таки хорошо, что комбайн на чисто подметает эти следы. К чему плодить сенсации?

— Крутится-вертится шар голубой, — немзыкально, зато космографически верно намурлыкивал Максим, переводя взгляд со следов на зависший в черном зените шар родной планеты. — Крутится-вертится над головой...

Мау молчал. Должно быть, слушал.

— Крутится-вертится, хочет упасть, кавалер барышню хочет украсть.

Предпоследняя строчка нагло врала, на что серпентиец немедленно обратил внимание.

— Да знаю я, — лениво отвечал Максим. — С чего бы Земле падать на Луну? Очень ей надо. А что Земля на Луну, а не Луна на Землю, так в мире все относительно. И вообще в оригинале песни не шар, а шарф. Одна буква впоследствии редуцировалась.

— Зачем?

— Ты меня спрашиваешь? Спроси чего полегче.

— А что значит «кавалер барышню хочет украсть»? Разве человек крадет человека?

— Редко, но бывает. Мечтать вообще-то не вредно. И потом, тут речь идет только о барышне.

— Разве барышня не человек?

— Да как тебе сказать... — Максим вспомнил жен. — По-всякому бывает. Иногда такой человек, что человеческое некуда. А иной раз глядишь, слушаешь и дивишься: что за неизвестный биологический вид? Вроде тебя, даже хуже.

— Разве я плох?

— Нет, но будешь плох, если перестанешь смотреть под ноги. Убери-ка лучше вон ту каменюку справа, не нравится мне она...

— Рыхлая, — немедленно определил Мау. — Шнек с нею справится, жернова тоже. Убирать незачем.

— Все-то ты знаешь... Ну вот скажи: откуда тебе известно, что она рыхлая? Ты к ней прикасался?

— Я прикасался к тысячам подобных. Опыт тоже кое-чего стоит.

Иногда Максим не мог отказать серпентийцу в здравом смысле, и тем чаще, чем дольше Мау жил среди людей. Инопланетный гость давно очеловечился бы, не мешай тому совершенно нечеловеческие таланты.

— Кто-то летит сюда, — сообщил вдруг Мау. — Мне замаскироваться?

— Валий.

— Под валун?

— Что ты спрашиваешь. Не под клумбу же.

Мау хихикнул. И Максим мог полюбоваться, как «дядя Матвей» растекается по реголиту и превращается в круглую площадку, поросшую алыми тюльпанами, — не утерпел-таки, шельмец! — и как площадка съезживается, а в центре ее растет серая глыбина, втягивающая в себя стебли и лепестки. Полминуты — и преобразование завершилось. Лунный ландшафт лишился клумбы, зато приобрел новый валун, которых и без него девать некуда.

Прошло еще минуты две, прежде чем Максим увидел летательный аппарат. Этого времени с лихвой хватило, чтобы затереть щеками следы босых ног.

Аппарат оказался двухместной «блохой» — угловатой коробкой на реактивной тяге, созданной по типу первых лунных капсул для баллистических прыжков на дальность не свыше пятисот километров. Воображая себя на месте пилота такой штуковины, Максим неизменно приходил в ужас. В случае аварии он просидел бы в своем комбайне недели три-четыре с гарантией — «блоха» же утрачивала всякую автономность спустя несколько часов после израсходования топлива. Если запоздают спасатели — привет. Было бы ради чего подвергать себя риску! Как всякий космонавт, хоть действующий, хоть отставной, Максим отказывался считать настоящим полетом баллистические прыжки. Уж если не дают летать, то лучше ползать, чем прыгать! Во всяком случае, никто не поднимет на смех.

«Блоха» села ювелирно — метрах в пятидесяти от комбайна, едва не опалив выхлопом свежевозникший валун. Для Мау, конечно, это была чепуха. И сейчас же освобожденный эфир взорвался истошными позывными пополам со смачной руганью.

— В чем дело? — осведомился Максим в микрофон.

Пилот капсулы был вне себя:

— В чем дело, в чем дело!.. Твою в гробину мать, что у тебя со связью?

— Была в норме. А что?

— Собирайся. Летишь со мной. Десять минут на сборы.

— Скажи толком, в чем хоть дело-то? — озадаченно спросил Максим, скребя в затылке.

— В твоей семье, понял? Велено сей же час снять тебя с вахты. Начальство икру мечет. Вроде как с твоими несчастье какое-то. Какое — не спрашивай, не знаю. Сам узнаешь, как долетим. Давай живее!

— Даю!

Десять минут? Максиму хватило и пяти, чтобы поставить комбайн на автоконсервацию, задраить в скафандр и гигантскими прыжками доскакать до «блохи». Мау молчал — то ли не знал, что сказать и чем помочь,

то ли не рисковал творить свои радиофокусы рядом с «блехой». Ну да ничего ему не делается, пока мы разберемся, что там за несчастье такое...

Максим хорохорился. Думать о самом худшем не хотелось. Мысли в голову лезли разные — он гнал их. Потом, потом! Незачем заранее впадать в панику. Но сосало под ложечкой, и ужас стучался коготочками — тук-тук, я уже здесь!

Подпрыгнув как ошпаренная, «блеха» унеслась по направлению к лунной базе. Не прошло и трех минут, как рядом с брошенным комбайном совершила посадку еще одна «блеха». Вышедший из нее пилот, не проявив к комбайну никакого интереса, целенаправленно двинулся к серому валуну и, не без опаски приложив к нему облитую перчаткой скафандра ладонь, проговорил:

— Ты слышишь меня, я знаю. Слушай и запоминай, повторять не стану: жизнь семьи Волковых зависит от твоего благоразумия. Если что, они умрут раньше, чем ты сможешь им помочь, и умрут скверно. Они будут жить, если ты проявишь конструктивный подход. В обмен на жизнь твоих друзей нам от тебя кое-что нужно. Договорились?

Валун молчал.

— Не слышу!

Валун упорно демонстрировал свою принадлежность к миру горных пород. Пилот даже оглянулся: нет ли поблизости другого похожего валуна? Ошибка не смешна — она трагична для конкретного пилота. «Форпост Всевышнего» ошибок не прощает.

— Значит, нет? Тогда пеняй на себя.

— Да, — передался скафандру звук от валуна.

— Молодец. Только не думай, что сумеешь обмануть нас при помощи своих штучек. Тебе придется согласиться на кое-какие меры безопасности.

— Чьей? — спросил Мау.

— Семьи Волковых в первую очередь. Усвоил?

— Да.

Нельзя сказать, чтобы Волковых содержали из рук вон плохо. Хотя, конечно, несвобода — всегда несвобода и нет в ней ничего хорошего. Однако к Карине, находящейся на седьмом месяце беременности, приглашали врача. А подвал был просторным и даже обставленным кое-какой мебелью. Или это был не подвал? Пленники не знали и окрестили помещение подвалом лишь из-за отсутствия окон. Непрерывно жужжащий кондиционер наводил на мысль о какой-то очень жаркой южной стране. Полет в маленьком самолете точно был, это успела отметить Барбара, прежде чем ей снова сделали укол. Но больше — никакой информации. Охранники превращались в немых, стоило лишь задать им вопрос о месте заточения или о дальнейших перспективах. «Вам повезло, что вы нужны нам живыми», — был единственный ответ.

Один понимал по-русски. Вовка, проявив понятный мальчишеский интерес к автомату «ингрэм», получил квалифицированную консультацию. Впрочем, получил и по рукам.

Примерно два раза в неделю охранники давали чуть-чуть воли своим природным инстинктам. Под объективом видеокамеры пленников с завязанными глазами бросали на колени и, приставив к горлу тесаки, зачитывали приговор — смерть неверным. Вина их была неоспорима и ужасна: принадлежность к той части человечества, что не разделяет духовных идеалов «Форпоста Всевышнего». Через несколько часов видеозапись попадала на Луну, где и транслировалась существу, не без оснований получившему кличку Змееныш.

Максима держали на Луне в одном из служебных помещений электростанции Северная. Если бы он знал, что Мау находится всего лишь в нескольких сотнях метров от него, он крайне удивился бы. Приставать к охранникам с вопросами не было смысла — ответа не получишь, а получишь по морде. То ли за назойливость, то

ли просто так, для профилактики. Охранников было двое, они периодически сменяли друг друга. Один — зверовидный детина с бородой чуть ли не до самых глаз; другой — бесцветный блондин с неприятным взглядом. Люди? В биологическом смысле — да. Но люди-функции. Казалось, что их настоящее место обитания — не квартира какая-нибудь, не дом, а коробка с ЗИПом, откуда их достают при надобности и куда потом убирают, завернув в промасленную бумагу.

Удрать? Теоретически — о, конечно, чисто теоретически — это, наверное, было возможно, но куда? И что эти мерзавцы сделают с семьей? А с Мау?

В это самое время Анхель Гутьеррес метался по всей Земле. Российские чиновники силовых министерств не только не могли пролить свет на обстоятельства похищения семьи Волковых, но долго морщили лбы, пытаясь понять, о чем, собственно, вообще идет речь. Похоже, некоторые из них так и остались в недоумении: чего хотел от них бывший Генсекретарь Унии Наций? Неужели в самом деле интересовался такой малостью, как исчезновение пяти рядовых россиян? Невероятно! Гутьеррес махнул рукой.

Но пост Генерального секретаря, хотя бы и покинутый, дает некоторые преимущества, главное из которых — личные связи. В ближайший же уик-энд состоялся разговор Гутьерреса с господином Муцуоки Кааги, одним из богатейших людей планеты, признанным гением биржевых операций, совладельцем десятков корпораций с мировой известностью, меценатом и большим любителем рыбной ловли. Разговор шел тет-а-тет среди бурунов одной из быстрых речек Норвегии, впадающей в безымянный фьорд. Аляска ближе, но господину Кааги больше нравится ловля атлантического лосося, нежели лосося тихоокеанского. Господин Кааги прилетел сюда специально на ловлю нахлыстом, а известно, что всякому уважающему себя нахлыстовику претит ловля с берега. Облачиться в снабженные тремя

дюжинами карманов прорезиненные штаны длиной чуть ли не до шеи, бродить взад-вперед по руслу, борясь с течением, оскальзываясь на придонных камнях, — совсем иное дело! Это спорт. Это, если хотите, адреналин — неплохая замена улову, если рыба не идет на приманку. Часок-другой ловли — и уже начинаешь подозревать, что жизнь прожита не зря.

— Значит, Мау? — кричит Кааги на ухо Гутьерресу, перекрикивая шум переката и одновременно меняя на конце конической лески искусственную мушку, затаившую в себе жало крючка. — И семейство русского космонавта? Я правильно понял?

И совершает мастерский заброс метров на шестьдесят, где за едва приметным камнем может стоять хороший лосось. Увернувшись от грозно гудящего удилища ценою в хороший автомобиль, Гутьеррес сражается с течением, проклинает скользкие норвежские камни с ни в чем неповинной Норвегией в придачу, ищет равновесие и энергично кивает: да! Да!

— Больше всего меня интересует, насколько достоверна информация о причастности к этому делу «Форпоста Всевышнего», — меланхолично отвечает Кааги, сматывая леску.

— На девяносто девять процентов, — чуточку кривит душой Гутьеррес. — Этому источнику информации я доверяю, а сознательную дезинформацию считаю маловероятной. Для этого надо знать, что я в игре, уметь рассчитать мои ходы и иметь причину водить меня за нос, а не просто убрать, что гораздо проще.

Кааги согласно кивает, отправляя мушку за новый камень. Драгоценное удилище гнется в дугу, леска пищит, а рыболов подсекает и с криком «банзай» начинает вываживать отчаянно сопротивляющуюся рыбку. Разговор прерывается, начинаются вопли, суматошные команды, Гутьеррес держит подсачек и клянется в душе больше никогда в жизни не участвовать в рыбалке; наконец азартный японец хватает бьющуюся семгу за

жабры, взвешивает ее при помощи маленьких электронных весов, извлеченных из одного кармана, фотографирует миниатюрной камерой, извлеченной из другого кармана, и отпускает восвояси.

— Если способности господина Мау в самом деле столь велики и необычны, — как ни в чем не бывало продолжает разговор Кааги, — то мне крайне желательно знать, каким образом «Форпосту Всевышнего» удастся держать его в повиновении. Они могли договориться по-хорошему?

— Вряд ли. Скорее, тут прямой и грубый шантаж. Серпентиец очень привязан к Волковым.

— Привязан настолько, что не может освободить своих друзей до того, как их убьют? — иронически улыбается японец. — Хотя нет на свете невозможного, в том числе и для террористов. Можно допустить, что нашего небесного гостя содержат пока в изоляции, рассчитывая в дальнейшем побудить его к добровольному сотрудничеству... Это возможно?

— Почти наверняка это так и есть.

— Значит, наш гость не всемогущ. — И господин Кааги снова улыбается. — Мне приятно это слышать. Иначе я был бы вынужден считать его явившимся на Землю божеством, а это так непривычно... Божествам лучше оставаться на небе.

Гутьеррес не спорит с данным тезисом. Он торопится перейти к главному:

— Если «Форпост Всевышнего» овладеет мощью серпентийца, нам останется уповать лишь на Бога, где бы он ни находился...

Логично. И все же господин Кааги, брезгливо снимая с крючка хариуса-недомерка, задает вопрос:

— Почему спасение мира должно быть только моим делом?

Гутьеррес возражает. Во-первых, не только. Во-вторых, к кому же еще обращаться, как не к столь влиятельному лицу? В-третьих, в списке предполагаемых це-

лей будущих терактов фигурируют объекты, очень даже не безразличные господину Кааги. Наконец, в-четвертых, информационное агентство, контролируемое «Форпостом», не раз передавало в эфир манифесты, исполненные не только угроз, но и грубых личных выпадов по адресу ряда видных политиков и бизнесменов, в том числе господина Кааги. Гутьеррес наклоняется к уху собеседника и шепчет.

— Значит, червем земным? — неприятно улыбается Кааги.

— В точном переводе — навозным. Дальше еще хуже. Мне даже неловко повторять.

— Достаточно и червя. — Лицо японца вновь бесстрастно. Ясно, что ему не впервой слышать оскорбления со стороны «Форпоста», но до сих пор он не придавал им серьезного значения. Дело двоих, так сказать. И совсем иное дело, когда об оскорблении знают все, а оскорбленный никак не реагирует.

Это нехорошо. Совсем нехорошо.

И пусть адепты экономических теорий врут, будто умеют все просчитать. Личные мотивы плохо вписываются в их расчеты. Хотя, вне всякого сомнения, господин Кааги прикинул и прямую выгоду.

Иногда не проиграть — уже значит выиграть. Если же господин небесный гость в благодарность за спасение любезно согласится помочь кое-кому решить кое-какие мелкие проблемы... Нет-нет, никакого давления, строго на условиях добровольности. Если нет — ну что ж, Кааги не будет в обиде.

— Надо думать, нашего небесного гостя держат не на Земле, — произносит японский рыболов, делая очередной заброс. Он уже все для себя решил. — Я полагаю, вступать в контакт с генералом Хеншером мы не станем. Думаю, мы сумеем обойтись своими силами.

— Если я хоть что-нибудь понимаю, Хеншеру с его аппетитами лучше держаться от серпентийца подаль-

ше, — ухмыляется Гутьеррес, — не то Мау рано или поздно повесит его шкуру на вал кратера Гассенди...

Господин Кааги кивает, показывая, что принял шутку — если это шутка.

— Итак, первое: определить местонахождение нашего небесного гостя. Не думаю, что это невозможно: перечень подходящих объектов не слишком велик. Второе... ну, второе будет зависеть от первого. О! Какой вид отсюда! Полюбуйтесь, как солнце освещает вон тот склон!.. Прелестно, не правда ли?

15

Впоследствии официальная версия вышла в такой редакции: во время маневров военно-космических сил из-за сбоя в системе наведения одной из выпущенных ракет произошло отклонение ракеты от курса. Система самоликвидации также не сработала, в результате чего ракета поразила нештатную цель — электростанцию Северная на лунной поверхности. В результате попадания ракеты имеются повреждения ценного оборудования и, к сожалению, человеческие жертвы. Поскольку ракета не несла ядерной боеголовки, опасность радиоактивного заражения местности отсутствует. Точка.

Внутреннее расследование выявило несколько иную картину происшествия: истинным виновником оказался пресловутый человеческий фактор. Проще говоря, никакого сбоя не было, а имела место непростительная ошибка пилота боевой капсулы. Виновного лейтенанта вышибли из космофлота с позором и отправили на Землю, где он неожиданно получил крупное наследство и, приобретя в собственность участок реки в Норвегии, зажил припеваючи, делая свой бизнес на заезжих рыболовах. Впрочем, шут с ним. Как и с несколькими крупными и мелкими чинами, пополнившими свой бюджет кто за счет внезапного наследства, кто с помощью выгрыша в казино, а кто посредством иных, столь же

приятных всякому смертному случайностей. Не будем завистниками, порадуемся за людей! К тому же они, сами того не зная, способствовали хорошему делу. Вот пример для взяточников всех времен и народов!

Ничего этого Мау не знал. Не знал он и того, что активную зону термоядерной электростанции Северная с перенастроенными магнитными ловушками Ван дер Локк, проявив несвойственный ему юмор, назвал серпентарием. К чему знать всякие мелочи? Мау сосредоточился на главном.

Состояние, в которое он впал, добровольно войдя в узилище, не имело аналогов в человеческой психологии. Возможно, это было нечто среднее между отчаянием и медитацией. Его земная семья оказалась в беде, и он впервые не знал, как помочь ей. Людей убивать нельзя — так учил Максим Волков, человек, которого Мау почитал как отца. Нельзя, и все. То есть нельзя ему, чужаку, а людям иногда можно. В особых случаях. Не будь запрета, Мау ринулся бы освобождать заложников, несмотря ни на что. Он знал, что люди часто глут и еще чаще переоценивают себя. Быть может, стоило рискнуть сразу, до входа в плазменный кокон? Быть может, риск был не так уж велик?

Но пришлось бы убивать, это точно. Ища другие пути, Мау не находил их. Это пугало. До сих пор он не знал ничего невозможного. Теперь это случилось.

Вокруг него, удерживаемая магнитными ловушками, кипела плазма. А в центре плазменной сферы висел он — растерянный серебристый шар. Инстинктивно Мау принял форму, наиболее удобную для долгого ожидания и погружения в себя. Внутри сферы было горячо, но терпимо. Мау отключил большинство каналов внешнего восприятия. Иногда он принимал искаженные бушующей плазмой картинки и знал, что все Волковы живы. Часто поступали предложения, намеки, угрозы. Мау не реагировал.

Любому внешнему наблюдателю показалось бы, что

серпентиец впал в кому. В определенном смысле так оно и было, но его кома не имела ничего общего с человеческой. Тем не менее Ван дер Локк, поколебавшись, приказал отложить казнь одного из заложников с целью сделать Змееныша более сговорчивым. Змеенышу все равно было некуда деться. Время пока работало на «Форпост Всевышнего».

Радиосвязь, пусть и искаженная, наводила на мысли. Мау мог бы превратить себя в чисто энергетическую субстанцию и вырваться из кокона. Пугало незнание: сумеет ли он потом восстановить себя в прежнем облике? Не потеряет ли основу своего «я»?

Обратясь внутрь себя, Мау вспоминал. Теперь у него было на это время. Воспоминания всплывали неожиданно, иногда цельные, чаще отрывочные. Дивной красоты вспышкой расцвело воспоминание об Абсолютной Истине — основе жизни серпентийской расы. Но в чем заключается эта Абсолютная Истина, Мау не знал.

Не было сомнения: со временем он вспомнит и это. Тогда... тогда он станет совершенным существом, во всем подобным его собратьям, и сможет вернуться к своему народу. Он вспоминал. Истина ускользала. Пришло лишь понимание: после постижения Абсолютной Истины его перестанет интересовать ничтожная планета, обращающаяся вокруг неяркой желтой звезды, его перестанет интересовать местная жизнь, кичливо объявившая разумом свои скромные мыслительные способности и уцелевшая до сих пор только потому, что более сильные соседи сохраняют хрупкий баланс сил, и, уж конечно, ему будет мало дела до какой-то отдельной человеческой семьи, какая бы беда ее ни постигла. Он шагнет на новую ступень и начнет мыслить в истинно космических масштабах!

Все это будет — но потом. Пока здесь осталось недоделанное, пока счет не закрыт, не время думать об Абсолютной Истине. В отличие от людей, слабо контроли-

рующих мыслительный процесс, Мау умел не только запретить себе думать о чем-то, но и соблюсти запрет.

Свет забрезжил было совсем с другой стороны — чисто земной. Возможно, стоит очеловечиться чуть-чуть сильнее и научиться лгать? Тогда те, кто держит его взаперти, просчитаются. Все их расчеты строятся на том, что пленник абсолютно искренен. Он может молчать, может говорить «нет», но если сказал «да» — это да.

Само собой, нельзя выполнять их дикие требования — ведь это значит убивать людей, много людей. Но можно согласиться притворно и обрести свободу действий.

Мысль не нравилась, но альтернативы были еще хуже. Мау еще раздумывал, когда его немногочисленные внешние рецепторы ощутили некое механическое воздействие — слабое по его меркам. Человек сказал бы, что здание реактора потряс удар колоссальной силы.

Удерживать в рабочей зоне температуру в миллион градусов не так-то просто; при аварии термоядерная реакция мгновенно прекращается. Как человек ощущает сладость глотка свежего воздуха, так Мау ощутил свободу. В ту же секунду он воспользовался ею — пришла пора действовать.

Первый же из попавшихся на пути двуногих был разорван взрывом почти пополам. Второй умирал от декомпрессии, не в силах даже привести в действие свое примитивное оружие, выплевывающее с незначительной скоростью острые металлические предметы малой массы. Мау не счел себя обязанным спасать этого человека. Ведь он его не убивал!

Но пока мозг двуногого был еще жив, Мау проник в сознание умирающего и получил ответ. Оказывается, Максим Волков содержится здесь же, совсем рядом!

Стены тюрьмы Максима также не выдержали взрыва. Максим умер бы от удушья, не умри он уже от вскипания крови. Мау нашел его тело спустя целых три ми-

нута после взрыва — пришлось расчищать обломки рухнувших конструкций.

А еще несколько минут спустя Максим медленно оживал внутри небывалой одноместной капсулы, не числящейся ни в каких регистрах космолота. Живая капсула носила имя Мау и, стремительно набирая скорость, мчалась к Земле.

Многие наблюдатели и просто зеваки отметили огромный болид, с воем и грохотом вспарывающий земную атмосферу. Оставленный им дымный след держался в небе в течение часа.

Мау очень спешил. Из мозгов умирающего охранника он выкачал достаточно, чтобы начать действовать не только на Луне, но и на Земле. Цепочки человеческих связей густы и запутанны, и все же, идя по ним, всегда можно выйти туда, куда надо.

Во-первых, к Барбаре, Карине и детям. Тут были дорожки секунды, иначе Мау не стал бы столь расточительно расходовать свою массу, тормозя об атмосферу. Предвидя это, он поглотил на Луне достаточный запас камней и обломков. Теперь этот запас, преобразованный в термоустойчивую броню, оплавленный, сгоревший, сдутый молекулами воздуха, медленно рассеивался в атмосфере.

И только после освобождения заложников следовало приступить к поиску главных виновников. Найдя — наказать. Нет, почему обязательно смертью? Разве не бывает других наказаний?

Дворец одного из бесчисленных шейхов в одной очень жаркой стране даже снаружи больше походил на крепость, а внутри именно ею и являлся. Мау не церемонился. Охрана понапрасну истратила около тысячи патронов. Дворцу был нанесен ущерб. Мау получил информацию.

Уже не в мирном бельгийском городе Брюгге, а в еще более мирной швейцарской Лозанне стены одноэтажного коттеджа на городской окраине сотрясались

бы от крика, не будь они выполнены из виброгасящего и звукопоглощающего материала.

— Я хочу знать, кто за этим стоит! — вне себя орал Бенджамин Ван дер Локк на Человека Без Имени. — Узнать это — не мое дело! Это твое прямое дело!

— Узнаю. Кстати, не исключено, что авария в самом деле была случайной.

— Чепуха!

— Совсем нет. И вот это-то пугает меня больше всего. Умный игрок знает цену случайностям и в какой-то степени умеет управлять ими. Но иногда бывает так, что все случайности против тебя. Все до единой. С самого начала. Тогда искушенный игрок бросает карты.

— Не хочешь ли ты сказать... — угрожающе начал Ван дер Локк — и не закончил. Здание вздрогнуло. В стене гостиной образовалась солидная дыра. Взметнулась пыль. В пролом медленно и важно вплыл массивный железный шар — такой, каким строители ломают ветхие дома, освобождая землю под новостройки. Только этот шар не висел на тросе, а плыл сам по себе, неизвестно как удерживаясь в воздухе.

— Теперь я хочу сказать только одно: финита, — пробормотал Человек Без Имени.

У шара прорезались маленькие злые глазки, и он в одно мгновение покрылся чешуей. Тупой нос удлинился, обозначилась пасть, показался красный раздвоенный язык. Голова колоссального пресмыкающегося покачивалась, готовясь к броску. Когда успело вырасти длиннущее тело, никто не заметил.

Внезапно метнувшись, гигантская анаконда сшибла Бена Ван дер Локка прежде, чем тот успел выхватить оружие. Да и что мог противопоставить Ван дер Локк серпентийцу? Несколько десятков граммов свинца и меди, содержащихся в пулях? Даже не смешно.

Человек Без Имени повел себя несколько умнее: не стал отстреливаться, а с поразительной быстротой рванул прочь. Напрасно: зажав Бена в челюстях, анаконда

в одно мгновение обвила беглеца хвостом. Затем змея начала сматываться с головы и хвоста, пока наконец обе опутанные кольцами, полузадушенные, вяло трепыхающиеся жертвы не оказались друг напротив друга.

Если бы в помещении присутствовал посторонний свидетель (разумеется, безногий или парализованный — здоровый попытался бы унести ноги), то можно держать пари: он зажмурился бы и заткнул уши, ожидая мерзкого хруста костей и соответствующего зрелища. Но этого не случилось. Гигантская рептилия подбросила Бена к потолку и вновь поймала его пастью, в одну секунду сделавшейся широкой и бездонной, как у бегемота. Дрыгнув ногами, Бен исчез. Человек Без Имени завопил было, бесполезно задержался, но кошмарная пасть, поднявшись на гибкой шее, накрыла его сверху. Анаконда глотнула, затем начала раздуваться, сокращаться в длину и перестала быть змеей.

Теперь она была огромным, в полкомнаты, головастиком — почти шарообразное тело с выпученными глазами и гибким хвостом. Этим-то хвостом чудовище обвило стоявший в углу массивный сейф, легко подняло его и окунуло в туловище, где сейф немедленно исчез. Тут же пропал и хвост, а кошмарная тварь вдруг начала обретать кубическую форму. Несколько секунд куб как будто раздумывал, принимая решение. Приняв — начал быстро превращаться в клетку с толстыми прутьями. Внутри клетки остались два совершенно голых, обезумевших, скулящих от ужаса человека. На копчике одного из них был явственно виден шрам — след давней ампутации. Еще миг — и серпентиец, отпочковавшись от клетки, принял человеческий облик.

Вслед за чем Мау впервые обнаружил на людях, не принадлежащих к семье Волковых, свое знакомство с мировой литературой:

— Бандерлоги!

Суд над Беном не состоялся: выпущенный под огромный залог, Ван дер Локк бесследно исчез. Да и судебная перспектива данного дела выглядела, если честно, довольно сомнительной. Максимум — соучастие в похищении, и то лишь при неловкости адвокатов, каковой вряд ли стоило ожидать. Что до журналиста, назвавшего Бена истинным руководителем «Форпоста Всевышнего», то этот писака взял свои слова назад и публично сознался в ошибке. Какой такой мировой терроризм? О чем вы?

О дальнейшей судьбе Человека Без Имени пресса не обмолвилась ни словом, что и неудивительно. Где это видано, чтобы у человека не было ни имени, ни примет, ни вообще каких-либо признаков существования на этом свете? Миф, фантом, призрак. Насущная пища для параноиков, ищущих повсюду масонские заговоры и верящих в «людей в черном». Полноте, господа, мы же разумные люди!

Сплав, из которого были сработаны прутья клетки, оказался совершенно новым, содержал немалый процент редкоземельных элементов и очень заинтересовал металлургов своей уникальной прочностью, вязкостью и тугоплавкостью. В скором времени на его основе... Впрочем, если вам охота узнать больше — читайте специальные журналы. Экспертам, принимавшим участие в расследовании, заведомо известно, что исчезнувший сейф, использованный, видимо, в качестве стройматериала для клетки, был обыкновенным, стальным и не содержал сколько-нибудь заметного количества редких земель. Остальные подробности засекречены даже от экспертов.

Термоядерная электростанция Северная после устранения повреждений и частичной модернизации возобновила свою работу. Она и по сей день исправно вырабатывает свои гигаватт-часы, вливая их в единую энергосеть посредством микроволнового шнура и обес-

печивая работой немалое число инженеров, техников и реголитовых комбайнеров.

У Максима Волкова накрепко засел в голове один разговор с серпентийцем. Разговор этот состоялся, когда Мау, неся Максима внутри своего полого тела, ставил рекорд скорости на дистанции Луна — Земля. Разговаривать с живыми стенами было дико и непривычно даже для Максима.

— Вы одиноки, — говорил тогда Мау. — Что ж, и мы одиноки. Мы, кого вы, земляне, называете серпентийцами. Я успел вспомнить немного, но я вспомнил наших соседей по Вселенной. Некоторые из них могущественны, эволюционно молоды, дерзки и нацелены на установление своего господства повсюду, куда смогут дотянуться. Иные даже отказывают нам в принадлежности к живым и, главное, разумным формам материи. Для них мы просто враждебный фактор среды, мешающий им присвоить наши звездные системы. Другие расы стары и осторожны, чтобы не сказать трусливы. Они боятся нас и пытаются выстроить защиту от нашего вторжения, которого никогда не будет. Ни с кем из них мой народ не мог бы сосуществовать в одной области пространства. Только с вами. Я не говорю, что это легко. Но можно попытаться.

— С нами? — спросил Максим. — С людьми? Со всеми людьми Земли? Через тебя человечество наладит контакт и союз с твоим народом?

Серпентиец долго молчал. А когда заговорил, в его голосе Максим уловил и горечь, и снисходительную усталость. Так мог бы говорить старший с беспутным, но еще не потерянным младшим.

— Я могу принять любой облик, даже облик идиота. Проблема в том, что, сколь бы я ни рядился под дурака, дураком я не стану. Я не веду разговор обо всем человечестве. Речь может идти только о тебе и твоей семье. Вас я могу понять и принять. Человечество — нет.

— Вот как, — только и сказал Максим. — Что ж,

спасибо и на том. Ну а если тебе встретятся люди не хуже, а лучше, чем мы? Тогда как? Пройгнорируешь?

— Я пожелаю им успеха. Впрочем... посмотрим. Ты мне говорил много раз, что начинать надо с малого. Так я и сделаю...

Так он и сделал.

Анхель Гуттеррес заехал поздравить семейство Волковых со счастливым окончанием неприятных коллизий, как он дипломатично выразился. Русский стол порастил гостя изобилием, а русская зима — холодом. К концу обеда Барбара и Карина, державшиеся поначалу скованно перед высоким гостем, освоились и стали настолько милы, что внутри Максима зашевелился червячок ревности, немедленно прибитый большой рюмкой водки. Гость тоже держался очень просто. Поиграв с Вовкой в снежки, он признался, что больше любит снег, чем ледяную воду норвежских речек.

Гость остался внешне благодушен и после десерта, когда женщины оставили Анхеля и Максима вдвоем у камина. Но Максим ждал откровенного вопроса и дождался:

— Возможно, это совсем не мое дело, однако я был бы признателен за ответ... Где он?

— Мау? — не стал разыгрывать непонимание Максим. — Не знаю. Честное слово, не знаю. Он теперь появляется и исчезает, когда захочет. Мальчик вырос.

— Не согласился бы он...

— Сделать что-нибудь? Я могу гарантировать только то, что он согласится выслушать предложение. Насчет остального решать ему.

— Уже кое-что... Кстати... он не собирается покинуть нас?

— Чтобы вернуться к своим? В ближайшее время, кажется, нет. По-моему, он просто еще не готов к возвращению.

— А обнародовать свое присутствие среди человечества?

— Вряд ли, — пожал плечами Максим. — Зачем это ему? Кому хочется, чтобы его ненавидели за все добро, что он пытается нам сделать? Люди будут видеть в нем высшее существо, хозяина. Если ему не построят храмов, то наверняка начнут проклинать. За все. За несчастный случай, который он не предотвратил, за эпидемию гриппа, за то, что он не может всех бедных и убогих сделать богатыми и счастливыми, больных — здоровыми, уродов — красавцами, а непризнанных бездарей — мировыми знаменитостями...

— И тем не менее он все-таки Хозяин, — полуутвердительно сказал Гутьеррес. — Хозяин человеческих джунглей. Мау.

— Вопрос терминологии. Я бы сказал — Смотритель. Только инкогнито. Сейчас у него новый пунктик: предотвращение техногенных катастроф и уменьшение ущерба от стихийных бедствий. Тихонько, не высовываясь. Пусть вынимает колючки из наших лап, и пусть люди верят, что им просто везет.

— Ну что ж... — Гутьеррес потянулся за сигарой. — Дело благородное. Я только одного боюсь: того, что...

— Люди привыкнут?

— Вот именно. Фатальное везение, вечная счастливая звезда — худший из хозяев. Впрочем, возможно, не все так плохо. Человечество привыкло жить со многими напастями, привыкнет и еще к одной. Привыкли же мы к тому, что во Вселенной мы не одиноки. Живем, все время ожидая вторжения, порабощения, уничтожения, — а живем ведь. Хотя знаем прекрасно, сколь ничтожны наши силы по сравнению с могуществом, скажем, с агиттян... Я не верю в то, что помощь серпентийца принесет человечеству пользу. Зато я надеюсь на другое: на то, что когда придут — если придут — рыжие псы, Мау будет на нашей стороне.

— В этом можно не сомневаться, — ответил Максим. — Может, и отобьемся. В любом случае я не скажу, что это пойдет нам во вред.

— Живущим жизнь всегда на пользу, — согласился Гутьеррес.

Проводив гостя, Максим вернулся к камину, крикнув по пути женам, чтобы не беспокоили. Уютно устроившись в кресле, он закрыл глаза и некоторое время дышал ровно и глубоко. Затем медленно воспарил над креслом. Он еще плохо умел летать и предпочитал тренироваться в помещении и над мягкими предметами. А главное, он толком не знал, что ему делать с последним подарком Мау. Пойти работать монтажником-высотником? Ремонтировать на лету терпящие бедствие самолеты? Или просто носиться по небу, наслаждаясь полетом как таковым?

Решение со временем придет, в это Максим твердо верил. Как и многие другие решения вопросов, которые еще не поставлены. Решать одни вопросы и ставить другие — это и есть жизнь. Которая — прав Гутьеррес — всегда на пользу. Хоть кому-нибудь.

ТОЧКА ЛАГРАНЖА

1

Продольный разрез — самый легкий. Лезвие скальпеля почти без сопротивления погружается в подрагивающую плоть, рассекая кожу и мышцы. Глубоко резать не нужно, достаточно, чтобы в рассеченные ткани входила первая фаланга указательного пальца.

Мишутка тонко постанывает, уткнувшись лицом в насквозь пропитанную слезами подушечку. Рот у него заклеен скотчем, поэтому кричать он не может — только стонет и плачет. Мишутке одиннадцать, он уже почти взрослый, и Стас не испытывает к нему особой жалости. В одиннадцать лет пора уметь держать себя в руках.

Разрез начинает сильно кровить. Стас матерится сквозь зубы и пытается поставить дренаж. Получается не слишком хорошо — никакого медицинского образования у Стаса нет, если не считать таковым наблюдения за действиями Доктора, и весь его небольшой опыт приобретен главным образом методом проб и ошибок. Истечь кровью Мишутке все равно не грозит, но кровь мешает Стасу точно определить длину и ширину разреза, а это очень важно. Во всяком случае, так говорил Доктор.

Звонит телефон. От неожиданности Стас едва не роняет скальпель — он уверен, что выдернул провод из розетки, готовясь к операции. Оказывается, нет. Ладно, кто бы это ни был, брать трубку Стас не собирается.

Мишутка мычит что-то осмысленное. Что-то отдаленно похожее на «мама, мама». Возможно, он думает, что это звонит его мама, и хочет, чтобы Стас с ней поговорил. Ага, разбежался!

Стас со злостью сплевывает на пол и, нехорошо прищурившись, приступает к поперечному разрезу. Плоть разворачивается мясистыми лепестками. Четыре лепестка, обрамляющих кровавый тугой бутон. Тело Мишутки выгибается дугой. Тьфу ты, какие мы нежные! Одиннадцать лет! Позорище...

Телефон продолжает звонить. Кто же это такой настырный?

— М-м-м! О-о-о! М-м-м! — стонет Мишутка.

— Будешь дергаться, отрежу руку, — рычит на него Стас. — Или ногу, мне без разницы!

Все равно, конечно, дергается. Ну, может, не так сильно, как раньше, но дергается. Хуже девчонки, честное слово! Черт бы побрал Ленку! Где только она находит таких уродов? Одиннадцать лет — почти стопроцентный непроходняк, шанс на удачное вживание — минимальный. Настолько минимальный, что и высчитывать его не хочется. Стас кромсает парнишку с тягостной уверенностью в том, что все это — боль, кровь, стоны «мама» — зря. Ничего хорошего из этого не выйдет. И дай-то бог, чтобы не вышло чего-нибудь плохого...

Еще пять минут уходит на вырезание креста под правой лопаткой. Теперь худая Мишуткина спина напоминает тушку освежеванного барана. Мальчик уже не стонет и не дергается — наверное, потерял сознание от боли.

Чего проще, думает Стас зло, сунуть пацану под нос тряпку с эфиром или просто дать по башке кувалдой, обмотанной ватином... Нет, нельзя. Доктор строго-настрого запретил использовать анестезию. Любую. Вот если сам вырубится — тогда ладно. Это вроде как не считается. Почему? Спросить бы у Доктора... Только вот Доктор уже никому ничего не расскажет...

Дренаж. Еще дренаж. Крест под левой лопаткой неожиданно перестает кровить, и Стас, не веря своему везению, быстро открывает контейнер с Пакостью. Личинки тихо дышат в своих гнездах, ворсистые бока едва заметно поднимаются и опадают. Стас хватается хромированные щипчики, осторожно вытаскивает крайнюю личинку и помещает ее в разрез. Белые ворсинки мгновенно наливаются багровым. Личинка жадно пьет Мишуткину кровь, раздувается, как пузырь, заполняя собой всю рану. Ворсинки распрямляются, впиваясь в рассеченную ткань, прорастают сквозь плоть, становятся ею... Смотреть на это неприятно. Стас аккуратно прикрывает имплантированную Пакость полуотрезанными лепестками Мишуткиной кожи. Зашивать ничего не нужно, личинка сама по себе и иголка с ниткой, и антисептик.

С разрезом под правой лопаткой приходится повозиться подольше, но в конце концов вторую личинку тоже удастся пристроить. Стас кидает скальпель в таз, стягивает перчатки и в первый раз за всю операцию позволяет себе взглянуть на часы. Двенадцать минут, удовлетворенно думает он, на семь минут быстрее, чем в прошлый раз. Сам Доктор, наверное, похвалил бы его за это...

И тут он понимает, что телефон звонит по-прежнему.

Двенадцать минут? Ну, хорошо, даже если десять... Кому же он так понадобился?

Секунду Стас размышляет, стоит ли брать трубку. По правилам, Мишутку нужно сейчас обтереть гигиеническими салфетками, накрыть чем-нибудь теплым и отвезти в инкубатор. Там, в тишине и темноте, он будет спать — может быть, несколько часов, а может, несколько дней. А пока он спит, личинки Пакости будут потихоньку изменять его метаболизм, превращая Мишутку в Нового Человека. Номо Novus, как выражался Доктор. Процесс запущен, и теперь его уже не остано-

вить, так что не имеет значения, попадет Мишутка в инкубатор немедленно или тремя минутами позже...

— Слушаю, — говорит Стас, поднося трубку к уху. — Говорите, ну!

На том конце провода, видно, отчаялись до него дозвониться, потому что отвечают не сразу. Но в конце концов отвечают.

Ленка. Только она умеет так пронзительно визжать в телефонную трубку.

— Стас! Стас! А-а-а! Стас! Беги! Они уже, наверное, у тебя! Они полчаса назад ушли! Они убьют тебя, Стас!

Стас непроизвольно оглядывается. В операционной он, разумеется, по-прежнему один — если не считать прикрученного к столу и не подающего признаков жизни Homo Novus'a.

— Ленка, — говорит он спокойно, — хватит орать, говори спокойно. Сколько их?

Ленка послушно перестает визжать.

— Человек десять... Джемал со своими ублюдками... У них цепи, Стас, заточки...

— Пушки? — интересуется он на всякий случай. Хотя откуда ей знать?

— М-м-м, — мычит Ленка, и Стас отчетливо представляет, как она трясет своей белокурой головкой. — Может быть... Стас, беги, пожалуйста! Ты... ты операцию сделал?

— Сделал, — отвечает он и бросает трубку. Полчаса — действительно много. До бункера не так просто добраться, но Джемал хорошо знает этот район. С детства...

Он начинает действовать — так же собранно и четко, как и во время операции, только гораздо быстрее. Наскоро обтирает Мишутку, осторожно отлепляет скотч, отвязывает жгуты, переносит легкого, словно соломенное чучелко, паренька на каталку и вывозит из операционной. Инкубатор расположен в подвале, по коридору до поворота, потом направо и еще раз направо.

Пол коридора все время идет под уклон, так что каталка постоянно набирает скорость, нужно следить, чтобы ее не занесло и не шваркнуло об стену. На двадцать секунд притормозить перед металлическими дверями инкубатора, повернуть ключ в тутом замке, открыть двери...

В инкубаторе всегда пахнет — да что там пахнет, пованивает! — чем-то похожим на гниющую органику. Как будто под одной из массивных чугунных ванн, выстроенных в ряд, некоторое время назад сдохла крыса. Конечно, это невозможно — в бункере вообще нет крыс. Еще при Докторе всех крыс вытравили специальной плесенью, похожей на ту, что используется для выращивания Пакости, но с другими свойствами. Откуда же тогда этот мерзкий запах?

Стас с Мишуткой на руках пробирается между ванн, ударяется ногой о чугунные края, шипит от боли. Ванн в инкубаторе тридцать штук — у Доктора были грандиозные планы. Разбившиеся о рифы жестокой действительности. И о медные лбы Защитников.

— Ну, вот так, — успокаивающе шепчет Стас, добравшись до самой дальней ванны. Она почти до краев забита какой-то мягкой рухлядью, ветошью, старыми тряпками — Мишутка погружается в них, как в пуховую перину. — Все, дальше сам...

Джемал и его ублюдки в бункер не пойдут. Все Защитники панически боятся подхватить здесь какую-нибудь заразу. Стас знает, что такое невозможно чисто физически — Пакость не передается ни воздушно-капельным, ни бытовым, ни, в конце концов, даже половым путем, единственный способ ее подхватить — это имплантировать созревшие личинки в открытую рану. Но объяснять это Джемалу он не собирается. Бойтся — и слава богу. По крайней мере, Мишутке Защитники ничего не сделают...

Сам он выбирается из бункера через окно кладовки. Окно выходит на задний двор. Конечно, Джемал не настолько глуп, чтобы не выставить здесь пост — просто

так, на всякий случай. Он же не знает, что Ленка предупредила Стаса. Джемал наверняка ожидает, что Стас выйдет из бункера как обычно, то есть через главный вход. Но на всякий случай он посылает на задний двор четверых своих парней. И это очень, очень плохо. Четверо — слишком много даже для Стаса, хотя ему уже почти девятнадцать, а бойцам Джемала от силы шестнадцать.

Они идут к нему ленивым, обманчиво валким шагом, на смуглых лицах — ухмылки, руки, выпирающие из рукавов ослепительно белых футболок, бугрятся мускулами. У одного из могучего кулака действительно струится вниз блестящая новенькая цепь, слегка побрякивая тяжелыми звеньями. Но только у одного. Остальные вроде бы не вооружены. Или, по крайней мере, не демонстрируют оружия.

Стас заискивающе улыбается им, поднимает руки вверх, показывая, что не хочет драки. На указательном пальце правой руки — кольцо брелока с ключами. Два ключа, один от гаража, где стоит раздолбанный Стасов «Памир», другой от квартиры, где деньги лежат. Или лежали. В любом случае, никто из Защитников в эту квартиру не зайдет — для них она страшнее бункера. В этой квартире жил и умер Доктор.

— Иди, иди, девочка, — ухмыляется тот, что с цепью. — Сейчас мы тебя будем любить, все вместе...

Улыбка Стаса неуверенно гаснет. Он как бы по инерции делает еще несколько шагов по направлению к бойцам, а потом резко взмахивает правой рукой.

Ключи, коротко звякнув, летят в лицо богатырю с цепью. Тот рефлекторно пытается предотвратить столкновение, грозящее ему в худшем случае царапиной, — и цепь бестолково взмывает в воздух. Стас хирургически точным движением перехватывает ее левой рукой и дергает на себя. Богатырь, которому только что удалось отбить смертельно опасную атаку летающих ключей, самым позорным образом теряет равновесие и рушится

на Стаса. Стас отпрыгивает, налетает на другого бойца, бьет его кулаком в горло и, не дожидаясь, пока в драку включатся остальные, со всех ног несется к узкому проходу между стеной бункера и оградой госпиталя. Драться с четырьмя Защитниками — малоприятное занятие с непредсказуемым исходом. Если есть возможность убежать, надо убежать. В конце концов, Стас не герой. Он хирург. Так говорил Доктор.

А Доктор всегда говорил правду.

2

Доктор говорил так:

— Человечество умерло. Его больше не существует. Все, что осталось, — разобщенные группы искалеченных, несчастных ублюдков, жалкие остатки восьми миллиардов, владевших этой планетой. Генетический мусор, способный воспроизводить только такой же мусор. Или еще худший мусор. Отбросы. Грязь под ногтями Бога. Первые люди были глиной, последние стали дерьмом. Еще сто лет, и на Земле не останется даже воспоминания о Homo Sapiens.

Стас поначалу смеялся:

— Да ладно вам врать-то! У нас на районе — нормальные здоровые пацаны. И девчонки — вы видели, какие у нас девчонки? Видели Ленку-белую? Таких, как она, даже в Крепости нет — к ней один хрен оттуда подкатывал, в семью свою звал, только Ленка его послала... У нее дети наверняка здоровые будут, особенно если в нормальную семью попадет...

— Вот именно, — осаживал его Доктор. — Если попадет. А где эти нормальные семьи? Ты хоть одну знаешь?

Стас задумывался. В семьях, которые он знал, уродов было немного, можно сказать, почти что и не было. Но «почти» ведь не считается. По обычаю, девушка, приходящая в семью, становится законной женой всех

взрослых мужчин семьи. И кто из них сделает ей ребенка, зависит только от случая...

— Стерилизация, — кипятился Доктор, — только стерилизация пятидесяти процентов взрослых! Вот единственное средство остановить расплозющуюся заразу! Но никто не пойдет на это в условиях, когда все население планеты может уместиться в границах одного-единственного мегаполиса!

Удивительно еще, как спокойно он произносил это слово. За одни только разговоры о стерилизации можно было загребать года на три исправительных работ.

— Что же делать? — спрашивал Стас, боязливо оглядываясь. Доктор хмыкал и раскрывал свой металлический чемоданчик.

— Преодолевать качественный порог, — непонятно отвечал он. — Эпидемии тридцатых косили род людской, как траву, и многим казалось, что еще пара лет — и наступит конец света. Однако потом колесницы неожиданно остановились...

— Какие колесницы?

— Джаггернаута, — отвечал Доктор еще более непонятно. — И система даже пришла в некое подобие равновесия. Эпидемии сошли на нет, но зато начались мутации. Понимаешь, мальчик, это как если бы кто-то спустил всю воду из моря и оставил только самую чуточку на дне. Представляешь, что бы там осталось? Ил, грязь, гниющая биомасса...

— Что же делать? — снова спрашивал Стас, косясь на чемоданчик. В чемоданчике лежали пузырьки из толстого стекла, в которых плескались разноцветные жидкости. Было там и еще кое-что, но совсем уж непонятное, похожее на большие, затянутые бурой паутиной соты. — Вы знаете, что делать, Доктор?

— Перед тем как эпидемии набрали силу, — говорил Доктор, — в Центре, где я работал, придумали одну штуку. Нам не хватило каких-то десяти лет — если бы ее довели до ума, мета-вирусы были бы нам не страшны.

Это было что-то вроде очень мощного биологического антииружия.

Стас смотрел на него, не понимая.

— Антииружия? Как это?

— Долго объяснять, — отмахивался Доктор. — Просто представь, что человеку, получившему дозу этого средства, были не страшны ни вирусные аэрозоли, ни зараженная вода, ни токсин-энзимы... А ведь оно еще и продолжительность жизни увеличивало...

— Так в чем же дело? Почему сейчас нельзя его использовать?

— Работы не были завершены, — объяснял Доктор. — Это средство действует, но избирательно и каждый раз по-разному. Точнее, функция защиты у него сохраняется всегда, а вот побочные эффекты...

— Что за побочные эффекты?

Доктор кривился, как будто учуяв запах тухлятины.

— Разные. Невозможно предсказать. И еще одно — мы научились вводить его... ее... это средство... только детям. Не старше двенадцати. Тебе, например, уже поздно, мой мальчик. Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Тебя она просто убьет, — сокрушенно качал головой Доктор. — Но я мог бы научить тебя работать с ней, и, когда я доведу свои исследования до конца, мы смогли бы вместе прививать детей... мне нужны помощники, один я не справлюсь... здесь, у вас, довольно много здоровых детей, с которыми можно работать...

У Стаса загорались глаза, и он снова наклонился над чемоданчиком.

— Это она, да? — спрашивал он и тут же спохватывался: — А почему вы все время говорите про средство «она»? Она — это такая вакцина, да?

И тогда Доктор покачал головой.

— Нет, мальчик. Это не вакцина. Это вообще не похоже на все, о чем ты слышал до того. А «она»... знаешь, в Центре, где я работал, мы дали ей кодовое имя. Мы называли ее Пакость.

Стас добирается до Убежища уже в темноте. Петляет по вымершим улочкам Желтого квартала, получившего свое название от странной болезни, погубившей его жителей — кожа у них становилась желтой и хрупкой, как осенние листья, отслаивалась тонкими сухими пленками, а новая почему-то не нарастала... Сейчас Желтый квартал — самое безопасное место в городе. Вирус, вызвавший болезнь, мутировал и поражает теперь только собак и кошек. Но известно об этом опять-таки немногим, так что шансы встретить здесь кого-то из Защитников равны нулю.

Убежище расположено в глубине запущенного сада, обнесенного двумя рядами колючей проволоки. Когда-то в саду находился фильтрационный пункт: коллеги Доктора отделяли здесь зерна от плевел, то есть тех, кто был уже безнадежен, от тех, кому еще можно было чем-то помочь. Потом безнадежные убили коллег Доктора и насадили их головы на шипы ограждения. Самому Доктору повезло — он в тот день находился далеко от фильтрационного пункта, в своем исследовательском центре. А когда вернулся, в живых не было уже никого: ни убийц, ни убитых...

Стас обходит защищенный колючкой сад по большой дуге. Забирается на крышу полуразвалившегося кирпичного сарая, оттуда на дерево, чьи могучие ветви протянулись к ограде бывшего фильтрационного лагеря, словно покрытые коростой руки больных «червивой горячкой». К одной из ветвей привязана тарзанка — шнур из гибкого материала с небольшой перекладиной на конце. В свободном состоянии тарзанка совсем маленькая, снизу, с земли, ее не видно. Но стоит Стасу, вцепившись в перекладину, оттолкнуться ногами от развилки, шнур начинает вытягиваться. Стаса проносит чуть выше оцетинившегося шипами ограждения — он инстинктивно поджимает ноги, чтобы не зацепиться кроссовками за проволоку. Отпускает перекладину и

мягко падает в огромную кучу осенней листвы, заботливо собранную здесь Младшими. Тарзанка с тихим чмоканьем сокращается до своей обычной длины и исчезает в ветвях дерева. Младшие обожают эту игру, да и сам Стас любил ее, когда был поменьше. Сейчас он предпочитает возвращаться в Убежище, как все взрослые люди, — через ворота. Но если Джемал и остальные Защитники взялись за него всерьез, у ворот, скорее всего, ждет засада...

Первым его замечает Скворец. Он, как обычно, бродит по ночному саду, наострив ушки и вглядываясь в непроглядную тьму. Впрочем, это для Стаса тьма непроглядная, а Скворушка видит в темноте не хуже спецназовца, оснащенного прибором ночного видения. А может, и лучше. Больше никак Пакость на нем не отразилась. Скворец по-прежнему часто простужается, вечно ходит с соплями под носом, не умеет передвигать предметы взглядом, обеззараживать воду усилием воли — он всего лишь превосходно видит в темноте. И на том спасибо...

— Стас, — доносится откуда-то из темноты его свистящий шепот, — ты сбежал?

— Не сбежал, а ушел, — в тон ему шипит Стас. — Наваял там кой-кому и ушел... А почему шепотом-то?

Невидимый Скворец тихо смеется.

— Да не знаю, — говорит он уже нормальным голосом. — Чтоб тебя не напугать... Давай, Стас, там тебя уже заждались все... Белая прям с ума сходит... Совсем свихнулась девка...

— Ты мне порассуждай тут, — ворчит Стас. — Ладно, гуляй дальше, Вождь Белое Перо...

Он продолжает свой путь по невидимой дорожке, ориентируясь на мерцающие мягким золотистым светом окна Убежища. Полгода назад Ленка приволокла откуда-то целый рулон полупрозрачной, медового цвета материи и сшила занавески на все окна старого дома.

С тех самых пор Стас заметил, что полюбил возвращаться в Убежище по вечерам...

Ленка с визгом бросается ему на шею, как только он переступает порог. Не стесняясь Младших, целует его в губы, в нос, лоб, уши. Царапает ему шею своими длинными ногтями. И что-то говорит, говорит, говорит...

— ...они сначала сюда пришли, сказали, что к тебе, по делу... я говорю: «Он занят!», а Джемал мне — молчи, су... ой, в общем, нехорошее слово сказал... молчи, значит, нам твой пацан нужен. Это он так про тебя, Стас, ты понял? Потом Андрей к ним вышел, они поговорили, довольно мирно так... а потом Андрея вдруг ударили, и он упал...

— Что? — Стас не верит своим ушам. — Как это — ударили?

Защитники боятся тех, кому были имплантированы личинки Пакости. Виной тому — все те же суеверия о том, что Пакость заразна. За четыре года работы с личинками Стас слышал о двух случаях, когда ребят, получивших прививку, пытались убить с большого расстояния — в одного стреляли из винтовки, на второго скинули с пятого этажа мешок с цементом. В обоих случаях ребята остались живы и здоровы. Но чтобы кто-то из Защитников пытался ударить привитого — такого на его памяти не было никогда.

— Цепью, — шмыгает носом Ленка. — Старой такой, ржавой цепью, они там же ее и кинули... Крикнули, чтобы мы готовились к смерти, и ушли...

— Что с Андреем? — Стас осторожно отстраняет Ленку от себя и обводит взглядом зал. Младшие смотрят на них во все глаза — как же, когда еще выпадет случай поглядеть на милующихся взрослых. Андрея среди них не видно.

— Он у себя в комнате, спит. С ним все нормально, ссадина затянулась уже, просто перенервничал очень. Сказал, что они приходили, чтобы убить...

Стас скрипит зубами. Ну конечно, никого более под-

ходящего для переговоров с противником в Убежище не нашлось. Обязательно нужно было вылезти Андрею, в котором Пакость необычайно обострила способность к эмпатии — считыванию эмоций собеседника...

— Если бы пришли убивать, убили бы, — жестко говорит он. — Пугали...

— Они хотели убить тебя! А потом уже разобраться с остальными... Они еще придут, вот увидишь... Как ты от них убежал? И что с Мишуткой?

Стас улыбается — широко, неискренне. Улыбка предназначена не Ленке, а Младшим.

— С Мишуткой все хорошо, — громко объявляет он. — Сейчас он спит, как сурок. Когда проснется, вернется к нам и снова станет с нами играть.

— Ура! — вопит очкарик Назар. — Стас, а он сможет шарики в воздухе держать?

У Назара редкая способность — он умеет левитировать небольшие предметы. Например, шарики для пинг-понга. Каждый раз, когда Стас возвращается после очередной операции, он пристает к нему с одними и теми же вопросами — так хочется ему поиграть в шарики с кем-нибудь, обладающим таким же даром...

Стас разводит руками — мол, не знаю. Младшие всегда с радостным нетерпением ожидают возвращения привитых: наверное, раньше дети так же ждали Нового года, чтобы посмотреть, какие подарки лежат под елкой. Стасу приходится делать вид, что ему тоже не терпится; на самом деле он очень боится. Доктор говорил, что для детей младше одиннадцати Пакость не представляет никакой опасности, и, как обычно, говорил правду. Но два года назад восьмилетний Давидик вернулся из инкубатора, наделенный странной и страшной способностью проникать в чужие сны. Первые несколько дней все шло как обычно, а потом Младших стали изводить кошмары. Стас и Ленка сидели с ними, поили седативными коктейлями, оставляли в спальнях вклю-

ченные ночники — ничего не помогало. А однажды кошмар приснился самому Стасу.

Он до сих пор вспоминает об этом со странной смесью ужаса и отвращения. Никаких деталей того сна Стас, к счастью для себя, не помнит — помнит только ощущение ничтожности и заброшенности, как будто он — крохотная пылинка — вращается в абсолютно пустом, холодном и равнодушном пространстве, а откуда-то сверху, с немыслимых высот, наблюдают за ним чьи-то огромные, невыразимо чужие глаза. На следующий день он случайно наткнулся на взгляд восьмилетнего Давидика и вздрогнул — он узнал эти глаза...

— Стас! Стас! — верещат Младшие, подбегая к нему. По-своему они очень тактичны — пока Стас разговаривал с Ленкой, никто им не мешал. Но теперь, когда Стас отстранил Ленку и обратился ко всем собравшимся в зале, самое время выразить свой восторг по поводу чудесного спасения любимого вождя. Младшие виснут у него на плечах, на локтях, щекочут шею и живот, пытаются повалить на диван. Стас честно возится с ними до одиннадцати, хотя сил у него уже совсем не осталось — операция, бегство от бойцов Джемала и долгая дорога домой вымотали его до предела. В одиннадцать Ленка, чудесным образом превратившаяся из Ленки Зареванной Дурочки в Ленку Строгую Воспитательницу, загоняет Младших в спальни. Младшие спят по двое в комнате — это тоже недоброе наследство Давидика. Когда-то, еще при Докторе, и привитые, и непривитые дети спали вместе в одном большом дортуаре. Но Давидику легче было входить в сны тех, кто спал с ним рядом, и дети очень скоро это поняли. «Элои, — непонятно говорил Доктор. — Смешно требовать от элоев, чтобы они засыпали рядом с морлоком». Потом за Давидиком приехали люди из Крепости и увезли его с собой. Стас слышал, как Доктор объяснял им что-то про «идеально-го гипнократа», а они кивали и с опаской поглядывали на маленького Давидика. Давидик уехал, но тени снов, в

которых он успел похозяничать, прочно угнездились в темных углах дортуара...

Полночь. Стас сидит у камина, в котором потрескивают смолистые поленья, лениво наблюдает за алыми переливами углей, медленно погружается в дрему. Сзади неслышно подходит Ленка, обвивает его шею тонкими руками, приникает губами к самому уху, шепчет:

— Стасенька... Стасенька мой... как хорошо, что ты вернулся...

Стас бурчит что-то неразборчивое. Почему-то вспоминается мычание Мишутки. Интересно, лениво думает он, долго ли проспит Мишутка? И каким он вернется?

— Стасенька, — продолжает нашептывать ему на ухо Ленка, — а давай отсюда уедем? Ну, давай, правда... Эти уроды Защитники нам все равно жизни не дадут... сколько ж можно от них бегать, а, Стаська? А в Крепости тебя сразу примут, знаешь, как они хотят, чтобы у них свой Доктор был?

Стас делает резкое движение головой, освобождаясь от ее нежного захвата.

— Я не Доктор, — говорит он. — И никогда не был Доктором. А теперь уже никогда и не буду.

Это правда. Если бы Доктор поучил его еще года два-три, возможно, из него и вышел бы толк. А так он просто Стас, хирург-самоучка. И если даже предположить, что хирург-самоучка кому-то понадобился в Крепости, то что он будет там делать без своих Младших? Без госпиталя, без инкубатора? Особенно без инкубатора?

Если бы инкубатор можно было оборудовать где угодно, его давно уже перетащили бы в Крепость. Но Доктор говорил, что для инкубатора подходит только одно место в городе. Стас много раз спрашивал его, почему это так, и Доктор каждый раз отвечал, но всегда непонятно. «Фэн-шуй», говорил Доктор, и «геомантия», и «теллурические течения». Когда Доктор заболел и по-

чувствовал, что дело плохо, он сам завел со Стасом разговор об инкубаторе.

— Никуда не пытайся его переносить... Пакость нельзя выращивать где попало... она питается не только аминокислотами, понимаешь? Нет, вижу, не понимаешь... ну, тогда просто запомни: инкубатор должен всегда быть в подвале госпиталя... и оперировать ты всегда будешь только там... и никогда не давай детям наркоз, Пакость должна чувствовать страдания, это очень сильный стимул...

Потом он начинал бредить, и Стас окончательно переставал понимать, о чем идет речь.

— Что внизу, то и наверху, — бормотал Доктор, и крупный, неприятно пахнувший пот выступал на его пористой коже. — Гермес Трисмегист, Трижды Величайший... Задача трех тел, точки Лагранжа... Все, что происходит, происходит потому, что мы разгневали Землю... Болезни имеют волновую природу... ядро планеты испускает смертельные колебания, вирусы мутируют, небеса отвечают огнем... Инкубатор — точка Лагранжа, гнев ядра гасится гневом небес, личинки растут в зараженной плоти и пожирают ее, превращая в броню и металл... Номо Novus восстанет из грязи и тлена, он придет, сверкающий, как тысячи солнц, он поднимет руку и дотронется до свода небес... И у него будут крылья, у него обязательно будут большие, красивые крылья...

А потом Доктор умер, и Стас лишился единственного человека, которому можно было задавать вопросы.

— Нет, — повторяет он, но уже не так резко. — В Крепости нам делать нечего. Наше место здесь, с Младшими.

— Мы их обманываем, — тихонько говорит Ленка. — Мы рассказываем им сказки, они думают, что все это игра. А потом ты уводишь их в госпиталь, и они ложатся под нож... а возвращаются совсем другими...

Неправда, хочет возразить Стас, они остаются такими же! Но ничего не произносит, понимая, что Ленка

права. Младшие действительно меняются. Они продолжают играть, они остаются все теми же забавными мальчишками и девчонками, но где-то глубоко внутри у них растет чужеродная органика, плесень, вырабатываемая личинками, превращает их в Номо Novus'ов, в суперменов, которые не знают, что такое болезни, владеют телекинезом и умеют проникать в чужие сны... «Мы их боимся, — неожиданно понимает Стас, — и Ленка, и я — мы их просто боимся...»

— Давай лучше спать, — шепчет он Ленке. — Завтра будет тяжелый день...

Они ложатся здесь же, в зале, на большом диване, на котором так любят прыгать Младшие. Уютно мерцают огоньки в камине. Ленка прижимается к Стасу, он обнимает ее, зарывается лицом в ее белокурые, горьковато пахнущие волосы... и неожиданно засыпает, проваливаясь в сон, словно в разверзшуюся под ногами пропасть.

Среди ночи Стас просыпается — то ли от холода, то ли от какого-то странного звука. Огонь в камине погас, Ленка сопит, завернувшись в теплый шерстяной плед. Стас нашаривает упавшее на пол грубое верблюжье одеяло, натягивает на себя и некоторое время лежит, прислушиваясь к поглотившей Убежище тишине. Он никак не может избавиться от тягостного, словно изжога, ощущения — в окружающем его мире что-то изменилось.

Потом он засыпает снова, но сон его неглубок и тревожен.

Ему снится Доктор, погружающий в его распоротый живот белые комочки личинок.

Защитники приходят утром, и на этот раз их уже не десять и не двадцать.

Их целая армия.

На экране монитора видно, что часть из них приеха-

ла на байках. Байкеры затянуты в черную клепаную кожу, на ногах у них остроносые, подкованные металлом сапоги. Похоже, что это отряд из другого города — во всяком случае, раньше Стас их на улицах не встречал.

В центре полукольца огромных хромированных чопперов — навороченный джип Джемала. Сам Джемал стоит перед воротами, сжимая в руках обычную бейсбольную биту, и лупит ею по стальным листам обшивки. Грохот такой, что с голых ветвей деревьев в саду Убежища срываются черные, как кляксы, галки и стаями кружат в прозрачном осеннем небе.

— Здравствуй, Джемал, — говорит Стас, подходя к воротам. — Чего стучишь-то?

— А, это ты, Стас! — с веселой злостью кричит Джемал. — Выходи, дорогой, поговорим как мужчина с мужчиной...

— Твои люди вчера ударили моего пацана, — говорит Стас. — Кто ты после этого, Джемал? Ты — мужчина? Я в этом сомневаюсь...

Удар дерева о металл.

— Ты — паршивый ублюдок! — рычит Джемал. — Ты разносишь по нашему городу заразу! Я предупреждал тебя, Стас, я говорил тебе, чтобы ты остановился, но ты не слушал меня! Ты украл малого из семьи моего племянника Арсена, и ты за него ответишь кровью, понял?

— Ну, зайди сюда, Джемал, раз ты такой смелый! — спокойно предлагает Стас. — Зайди, и мы все обсудим...

Он действительно почти не играет сейчас. Джемал и его Защитники уже не впервые появляются перед воротами Убежища, но у них еще ни разу не хватило духу войти внутрь. Между тем что-то подсказывает Стасу, что сегодня события могут пойти по другому сценарию.

— Приглашаешь, значит? — нехорошо усмехается Джемал. — Ну, принимай гостей, Стасик...

Стас, не оборачиваясь, смотрит на экран монитора. Джемал оборачивается к своей армии, машет рукой. Чоппе-

ры нехотя расползаются в стороны, и на площадь выезжает небольшой грузовичок. Спереди у грузовичка — устрашающего вида «кенгурятник», рама из сваренных хромированных труб. Грузовик разгоняется, ревет двигатель, выбрасывая из выхлопной трубы клочья сизого дыма... Стас разворачивается и со всех ног мчится к Убежищу. На крыльце дома — Ленка и Младшие. Все они смотрят на него, в их глазах — недоумение. Они на своей территории, что может им здесь угрожать?

За спиной Стаса раздается тяжелый глухой удар, металлический лязг. Ворота, судя по всему, вынесены напроць. Младшие нестройно визжат. Стас уже совсем рядом с крыльцом, он кричит детям, чтобы они скорее прятались в доме, но они, конечно же, толпятся на пороге, пытаясь как следует разглядеть, что творится около ворот.

Стас врывается в группу Младших, сносит кого-то на пол, но не задерживается, чтобы помочь, а сразу устремляется в дом. Огромными прыжками взлетает на второй этаж, распахивает дверь своей комнаты, вытаскивает из-под кровати чехол с винтовкой.

Из окна ему видно, как во двор через снесенные грузовиком ворота, не торопясь, заезжают байкеры. Между ними вразвалочку шагает Джемал, помахивая своей битой. За Джемалом медленно катится его джип, битком набитый бойцами. И это только авангард, передовая группа. А ведь есть еще та безмолвная толпа, которую Джемал вывел на площадь...

Гулко хлопает внизу дверь. Ленка, слава богу, сообщила убрать Младших от греха подальше. Черт возьми, с бессильной злостью думает Стас, как же они осмелились?..

— Стас! — кричит Джемал, поднимая свою биту. — Если выйдешь, мы твоих ублюдков не тронем, обещаю! Даю тебе три минуты, потом пеняй на себя. Девку твою я лично оприходуя, понял?

Стас поднимает винтовку, досылает патрон в па-

тронник, прижимает приклад к плечу... Делает шаг к окну, несколько секунд прицеливается, мягко нажимает спусковой крючок.

Пуля выбивает бейсбольную битку из руки Джемала. Отдача заставляет Стаса сморщиться от боли в плече.

— Ах ты, тварь позорная! — орет Джемал, пятась назад. Видно, что он не ожидал от Стаса такой выходки. — Не хочешь по-хорошему, да? Ладно, будет тебе по-плохому!

Он поворачивается и машет рукой байкерам. Как по мановению волшебной палочки, у каждого из них оказывается в руках бутылка с каким-то темным составом. Байкеры синхронно размахиваются, швыряют бутылки в стену Убежища. Звон разбитого стекла, истошные крики Младших. Откуда-то снизу начинает валить жирный черный дым.

— Ленка! — кричит Стас, отступая от окна. — Звони в Крепость, быстро! Они сейчас тут все спалят!

Его начинает бить озноб. Он впервые понимает, что Защитники действительно пришли убивать. И дело тут не в Мишутке, которого он якобы украл из семьи Джемалова племянника, — Стас никогда не крадет детей, они приходят в Убежище сами, ведь с Младшими так интересно играть... Дело в том, что чаша терпения тех, кто столпился перед воротами, переполнена. Когда-то это должно было случиться. Сегодняшний день ничем не хуже других дней...

Стас впервые смотрит на осаждающих Убежище Защитников другими глазами. Он видит людей, пришедших защищать свой привычный мир. Для этих людей он, Стас, ничем не лучше тех ученых, что двадцать лет назад выпустили из секретных лабораторий смертельные штаммы вирусов. Только вирусы, убившие шесть миллиардов человек из восьми, нельзя было увидеть невооруженным глазом, а чума, которая расползается из Убежища, видна всем и каждому.

За окнами ревет пламя — Стас еще не видит его,

только слышит, но хорошо представляет, как страшно должно быть сейчас Младшим. Надо их уводить, думает он, вот только куда? Через забор никто из них не перелезет, разве вот только Назар сумеет кого-нибудь левитировать, да и то вряд ли — он никогда не поднимал взглядом ничего тяжелее шарика для пинг-понга...

— Сжечь заразу! — торжествующе орут Защитники. — Сжечь заразу! Сжечь заразу!

Стас колеблется. Нужно отстреливаться, но теперь, когда атакующие подожгли дом, палить поверх голов бессмысленно. Это никого не пугает, а значит, нужно стрелять на поражение. Стас совсем не уверен, что ему удастся выстрелить в человека, пусть даже человек этот желает его смерти...

Снизу раздается душераздирающий вопль Ленки. Стас выскакивает на лестницу, держа перед собой винтовку, и останавливается, будто споткнувшись о невидимую стену. В каминном зале полно народу. Черные байкеры, бритые бойцы Джемала — всего человек двадцать. Дверь вырвана с мясом — валяется во дворе, привязанная металлическим тросом к кенгурятнику грузовичка. Младшие жмутся к стенам, в ужасе глядя на загораживающего дверной проем Джемала, за спиной которого бушует пламя. В правой руке Джемал держит огромный нож, в левой — белокурые пряди Ленкиных волос. Ленка стоит перед ним на коленях, Джемал слегка поглаживает ее шею острием своего ножа.

— Бросай винтовку, Стас, — предлагает он, — и с твоей телкой ничего не случится.

— Я тебе не верю, — говорит Стас, удивляясь, почему его голос совсем не дрожит. — Я тебе не верю, Джемал. Ты боишься, ты до смерти перепуган. Ты вошел туда, куда нельзя входить тебе и таким, как ты. Поэтому я тебе не верю. Отпусти ее, и тогда мы поговорим.

— Ага, — говорит Джемал, глядя на него взглядом человека, который только что придумал классную шутку. — Значит, ты хочешь диктовать мне условия? Петр!

Он кивает одному из своих — высокому, тощему как жердь парню, и тот, мгновенно выбросив вперед длинную руку, выхватывает из группы Младших Скворушку — тот стоит ближе всех и не успевает отшатнуться. Заламывает ему руку, заставляет опуститься на колени, а потом вытаскивает из-за пояса такой же нож, как у Джемала. Ну, может, чуть-чуть поменьше.

— Нас здесь много, Стас, — ухмыляется Джемал. — А ты один. Ты же не хочешь, чтобы мы перерезали твоих ублюдков, как поросят?

Стас аккуратно прислоняет винтовку к стене и отряхивает руки. Что ж, героя из него действительно не получилось.

— Спускайся, Стасик, — одобрительно говорит Джемал. — Поговорим...

Как только Стас оказывается внизу, к нему подскакивает давешний богатырь с цепью (сегодня она обмотана у него вокруг пояса) и изо всех сил бьет его ногой в пах. Стас падает на пол, пытается кричать, но крик застревает у него в горле.

Джемал наклоняется над ним, заглядывает в полные боли глаза.

— Я хотел убить тебя сам, — с сожалением говорит он. — Но здесь слишком много парней, которые на тебя злы. Мне придется отдать тебя им. Молись, чтобы тебе повезло умереть быстро, мясник...

— Я не мясник, — шепчет Стас, продираясь сквозь невыносимую боль, — я доктор...

Он впервые осмеливается назвать себя доктором. Что ж, другого шанса ему все равно не представится...

Его окружают, начинают пинать ногами. Бьют поначалу не очень сильно, но потом постепенно распаляются, входят в раж, топчут подкованными сапогами... Где-то далеко-далеко ревут перепутанные Младшие.

Потом все вдруг затихает, и Стас с удивлением осознает, что больше не чувствует боли. Столпившиеся вокруг него Защитники отступают, словно потеряв к нему

всякий интерес. Стас, кряхтя, пытается подняться на локтях — это получается у него не сразу, но, поднявшись, он встречается глазами со смертельно побледневшим Андреем и отчетливо понимает, что произошло, — эмпат просто забрал его боль себе. Идиот, хочет крикнуть Стас, идиот, что ж ты делаешь, тебе всего тринадцать, ты же убьешь себя! Но сил на крик у него уже не остается.

— Здравствуй, Миша, — говорит вдруг Джемал. — Вот ты и вернулся. Арсен, смотри, вот он, твой племянник, живой-здоровый...

На Стаса никто уже не смотрит, все глядят на появившегося в дверях Мишутку. Стас с огромным усилием поворачивает голову. Мишутка входит в зал, непонимающе оглядывается, видит усмехающихся байкеров, видит Джемала, поглаживающего лезвием ножа беззащитную шею Ленки, видит распростертого на полу Стаса...

— Что случилось? — говорит он ломким, чужим голосом. — Стас, что здесь происходит?

Стас не знает, что ему ответить. А если бы даже и знал, вряд ли смог бы — эти уроды, кажется, сломали ему челюсть.

— Стас?

— Твой Стас — дерьмо, — громко произносит Джемал. — И все твои друзья, которых заразили этой дрянью, тоже дерьмо. Хорошо, что они не успели заразить ею тебя. Когда все закончится, дядя Арсен отведет тебя домой...

— Ты ошибаешься, — перебивает его Мишутка. — Они успели. Я заражен, дядя Джемал.

Голос его звучит теперь совсем по-другому — сильно, уверенно. Стас закрывает глаза, чтобы не видеть того, что произойдет дальше.

— Убейте их! — вопит Джемал, уязвленный до глубины души. — Убейте их всех!

Закрытые глаза спасают Стаса. Посреди зала вспыхивает маленькое злое солнце.

Он придет, вспоминает Стас последние слова Доктора, сверкающий ярче тысячи солнц, он поднимет руку и дотронется до свода небес... И у него будут крылья, у него обязательно будут крылья...

Огонь, опаливший Стасу ресницы, гаснет, и он осторожно открывает глаза. Мишутка стоит в центре круга, образованного неподвижными — скорее всего, мертвыми — телами Защитников, и за спиной у него трепещут огромные, переливающиеся всеми цветами радуги крылья.

— Не бойтесь, — произносит Мишутка совсем взрослым, полным оттенков голосом. — Самое страшное уже позади. Теперь все будет хорошо.

Он перешагивает через трупы и идет к Младшим. Крылья медленно гаснут, превращаясь в едва заметную вуаль, потом — в ничто.

— Миша... — хрипит Стас, — Миша...

Мишутка оборачивается и смотрит на него бесконечно долгим, пронзительным, как укол шпаги, взглядом.

— Стас, — говорит он наконец. — Стас! Помнишь, вчера ты резал меня ножом, Стас?

Стас кивает — или, точнее, просто роняет голову на грудь. Мишутка понимающе улыбается.

— Я пытался сказать тебе... Пытался сказать, что, если выживу, непременно убью тебя. Ты обманул меня. Вы все обманывали меня. Вы сказали, что это игра, веселая игра. Позвали к себе в дом, к другим детям. А потом привязали к столу и стали резать ножом...

Стас шипит от боли. Видимо, у Андрея кончились силы.

— Но я передумал, — весело говорит Мишутка. — Я не стану тебя убивать, Стас. Ты умрешь сам. И тетя Лена тоже.

Он подмигивает Стасу и поворачивается к Младшим.

— Ну а с вами мы поиграем, — объявляет он. — Кто хочет поиграть со мной, признавайтесь?

Минуту Младшие молчат. Потом голос Назара уверенно спрашивает:

— А ты умеешь играть в шарики, Мишутка?

— Конечно, умею! — отвечает Мишутка. — Ты не поверишь, как здорово я играю в шарики!

Он произносит что-то еще — слова звучат непривычно, будто Мишутка говорит на чужом, неизвестном Стасу языке, — и в комнате на мгновение становится очень холодно. Воздух застывает, как студень. Где-то высоко-высоко, в гулкой пустоте небес, замирают огромные шары планет.

Это длится всего лишь миг — но Стас с внезапной ясностью слышит тот же звук, что разбудил его вчера, — тонкий звон рвущихся струн, соединяющих небо и землю. Равновесие, думает он, глядя на худенькую спину Мишутки. Сквозь тонкую ткань рубахи багровеют два набухших кровью креста. Равновесие, зависящее от одной-единственной точки. Достаточно слабого, почти неощутимого толчка...

Мишутка, словно почувствовав спиной его взгляд, начинает медленно поворачиваться к Стасу.

И тогда Стас снова замуривает глаза — крепко-крепко.

ПОЕДИНОК

Джеймс Грегори Хоппер — которого, впрочем, никто и никогда не звал полным именем — в свои тридцать три года, несмотря на любовь к пиву и гамбургерам, не имел серьезных проблем со здоровьем, и потому, когда перед дверью собственного дома у него вдруг сильно закружилась голова и стали подкашиваться ноги, Джим испытал скорее удивление, нежели страх. Мелькнула мысль, что при падении он может удариться головой, но сознание покинуло Джима прежде, чем он додумал ее до конца.

Когда Хоппер очнулся, его посетили два стандартных в такой ситуации вопроса: «Где я?» и «Что со мной?» По поводу второго вопроса субъективные ощущения подсказывали, что все в порядке и даже более чем — Хоппер чувствовал себя посвежевшим и полным сил, что совсем не соответствовало его обычному состоянию после долгого трудового дня в гараже Макферсона. Впрочем, Джим понимал, что люди не теряют сознания ни с того ни с сего. С ответом же на первый вопрос было и вовсе тяжело. Место, где находился Хоппер, не было его двором. Не было оно также и больницей. Оно вообще не было хоть отдаленно похоже на что-либо известное Джиму.

Он находился в помещении неправильной формы, в котором не было ни одного угла или плоскости. Невозможно было четко сказать, где кончаются стены и начинается пол или потолок; можно было говорить лишь о внутренней поверхности помещения. И эта поверх-

ность была скользкой. Отнюдь не мокрой, но при этом скользкой как лед, хотя и не холодной. Здесь не было ни окон, ни ламп, но тем не менее в помещении было светло. Два круглых выхода вели из него; один закрывало нечто вроде диафрагмы фотоаппарата, другой уводил в какой-то туннель.

Джим внезапно понял, что ему все это напоминает, и ассоциация была не из приятных: было похоже, что он оказался во внутренностях гигантского существа. Впрочем, стенки не походили на живую плоть — они были твердыми, как металл, и не красными, а бледно-сиреневыми.

Однако чем бы эта чертовщина ни оказалась, не имело смысла и дальше сидеть на скользком полу, рассматривая пустое помещение.

Прежде чем направиться к одному из выходов, Джим провел ревизию собственного снаряжения. Похоже, неизвестные похитители не удосужились его обыскать, или же им это не было нужно — во всяком случае, его одежда и содержимое карманов, включая перочинный нож, были при нем. Джим поднялся, неуверенно удерживая равновесие на скользком полу, и после пары шагов понял, что обычный способ передвижения здесь не годится, зато можно лихо скользить, как на коньках.

Первым делом Хоппер направился к диафрагме, ибо гостеприимно открытый второй выход выглядел слишком уж подозрительно; Джим не собирался играть по правилам противника. Однако диафрагма не выразила желания открыться; потоптавшись рядом в тщетных поисках кнопки или чего-нибудь в этом роде, Джим недовольно хмыкнул и заскользил к другому выходу.

Туннель оказался коротким; за первым же его изгибом открывался вход в другое помещение, которое не было точной копией первого, но, несомненно, принадлежало к тому же стилю. Впрочем, имелось и существенное различие: в дальней от входа стене располагалось большое овальное окно. Собственно, даже не со-

всем окно, просто часть стены была прозрачной, мутнее ближе к краям и плавно переходя в уже знакомый Хопперу непрозрачный материал. И вид, открывавшийся сквозь эту стену, обрадовал Хоппера не больше, чем все, что он обнаружил здесь до сих пор.

Унылая свинцово-серая пустыня простиралась до самого горизонта, где смыкалась с такого же цвета небом. Солнца не было. Кое-где из серого песка, словно кустики чахлой травы, торчали гроздьи крупных темных кристаллов. Но более всего внимание Джима привлекло некое странное образование прямо по курсу на расстоянии, вероятно, около мили; трудно было сказать, искусственное это сооружение или игра природы. Более всего оно походило на сильно сдутый дирижабль, окаменевший и частично засыпанный песком; впрочем, оно в несколько раз превосходило дирижабль по размерам.

— Ты готов воспринимать информацию, землянин? — раздался вдруг голос. Голос, как и свет, шел ниоткуда и отовсюду; Хоппер прокрутился вокруг своей оси, но так и не увидел ничего нового.

— Кто вы такие? — рявкнул он. — Выходите и покажитесь, черт побери!

— В этом нет необходимости, — холодно осадил его голос. — Тебе достаточно знать, что мы представители цивилизации, намного превосходящей вашу. И мы перенесли тебя сюда ради миссии, которая решит судьбу вашей расы.

— Миссии?..

— В этом секторе Галактики существуют только две относительно развитые цивилизации. Одна из них — вы. Другая... для вас их название непроизносимо, поэтому назовем их просто альфианами.

— Они с альфы Центавра?

— Нет, это просто понятное тебе условное обозначение. Их звезда гораздо дальше. И в этом все дело. Пока ни одна из ваших цивилизаций не вышла в большой космос. И после того, как вы начнете осваивать меж-

звездное пространство, пройдет много времени, прежде чем вы столкнетесь друг с другом. К этому времени у каждой из сторон будут десятки колонизованных миров с миллиардами жителей, будут союзные цивилизации более низкого уровня развития, зависимые от вас. При этом вы и альфиане совершенно чужды друг другу. Сейчас я покажу тебе альфианина.

В то же мгновение на расстоянии не более двух футов от лица Хоппера в воздухе возникло кошмарное чудовище. Прежде чем Джим осознал, что это всего лишь голограмма или что-то вроде этого, мышцы ног уже отбросили его назад, и он чудом сохранил равновесие на скользком полу. А в воздухе перед ним шевелилась жирная бугристая масса цвета гниющего мяса, из которой торчали в разные стороны членистые ноги и страшные клешни. Глаз у существа Джим не заметил вовсе, зато в передней части туловища извивались три толстых щупальца, каждое из которых оканчивалось зубастой пастью. И это была не просто голограмма... Джим слышал издаваемые существом звуки и чувствовал его запах, вполне соответствующий цвету.

— Так вот, если война между вами разразится тогда, — продолжал голос, в то время как изображение поворачивалось, демонстрируя альфианина со всех сторон, — это приведет к огромным жертвам. Десятки обитаемых планет и многие виды живых существ будут уничтожены. Главное же, что в результате обе ваши цивилизации погибнут. Даже если одна формально и одержит верх, ее потери будут слишком велики, чтобы она смогла оправиться. Поэтому, во избежание такого исхода, мы решим судьбу ваших цивилизаций сейчас. Поединком между двумя их представителями. Один из них ты, другого ты видишь перед собой.

— И что будет... с проигравшими? — пресекающим голосом спросил Джим, хотя уже знал ответ.

— Их цивилизация будет уничтожена. Сейчас. Зато

другая цивилизация получит неограниченные возможности для развития.

— Но почему именно я? Я же не герой, не супермен! Я просто механик из автомастерской!

— Ты и твой соперник — наиболее типичные представители своих цивилизаций.

— Тогда взяли бы китайца... их же больше всех...

— Дело не в национальной принадлежности. Учитываются более важные характеристики.

— Я читал фантастический рассказ в каком-то журнале, — пробормотал Хоппер. — Там был такой же сюжет... и участники должны были сражаться голыми и безоружными... — Он тут же пожалел, что у него вырвались эти слова; если к ним прислушаются, против клешней и щупалец у него вряд ли будут шансы.

— Абсурд, — заявил голос. — Физические особенности тела не имеют никакого значения, когда речь идет о разумных существах. Все решит ваш разум. Итак, условия. Они полностью симметричны, так что все, что мы говорим о тебе, верно и для альфианина. Место, где ты находишься, — это твоя база; базу другой стороны ты видишь в окно. База непривычна тебе, но не враждебна. На базе есть все, что тебе необходимо: системы жизнеобеспечения, энергия, детали, инструменты и, главное, информация. Твоя задача — разобратся со всем этим и воспользоваться. Каким способом — это твое дело; здесь есть все необходимое для самых разных стратегий. Ограничений во времени тоже нет.

— Пригоден ли воздух снаружи для дыхания? Можно ли выйти с базы? — поспешно спросил Джим, но не получил ответа. Видимо, неведомые судьи сочли, что сказано достаточно. Возможно, они и вовсе отключились. Изображение же альфианина продолжало поворачиваться в воздухе, напоминая Хопперу о его долге.

Поскольку в этом помещении больше не было ничего интересного, Джиму ничего не оставалось, кроме как

вернуться и вновь попытать счастья с диафрагмой. «Вот так история, — думал он, скользя по туннелю. — Почему я? Почему именно я должен отвечать за всех людей?» Ничего ему в этот момент не хотелось так, как очнуться в психушке. Впрочем, он тут же подумал, что зря себя недооценивает. Да, так случилось, что судьбу человечества должны решить не яйцеголовые в секретных лабораториях, не трепачи-политики, не многозвездные генералы, а простой парень из Калифорнии. Ну и что? В конечном счете, именно простые парни определяют ход истории. Ни один генерал не выиграет сражения без солдат. К тому же, напомнил себе Джим, его противник — тоже не супермен своей расы. И его положение может быть намного худшим. Пусть он, Джим, не кончал колледж, зато он механик и сможет разобратся в технике. А что бы на его месте делал клерк с высшим образованием, только и умеющий, что перекладывать бумажки и писать отчеты, а для того чтобы воткнуть штепсель в розетку, вызывающий мастера? Нет, дела Земли складываются вовсе не так уж плохо!

На сей раз диафрагма открылась сама при приближении землянина, пропустив его в следующее помещение. Из него вело уже шесть закрытых диафрагмами выходов, а на полу лежало несколько предметов странной формы и непонятного назначения. Джим подумал, что если и в других комнатах по столько выходов, то здесь немудрено и заблудиться и неплохо бы нарисовать план базы. Увы, у него не было с собой ни бумаги, ни карандаша. Он достал нож и попытался сделать отметку на стене, но лезвие лишь бессильно скользило по твердой поверхности.

Тогда он вернулся к изучению лежащих на полу предметов. Три сцепленных вместе шара, один из которых почему-то был холоднее двух других... нечто бесформенное и переливающееся, на ощупь оказавшееся шершавым и упругим... цилиндрок длиной в пару дюймов, весящий, должно быть, не меньше центнера, —

Хопперу удалось лишь покатаать его по полу... продолговатый предмет, утыканный шипами разного диаметра и длины, — Хоппер не решился до него дотронуться... квадратная нежно-розовая пластина в рамке...

Последняя вещь выглядела наиболее просто, и Джим повертел ее в руках подольше. Рамка казалась деревянной, в серединах сторон квадрата находились желтые круги. Джим перевернул пластину, с обратной стороны она была темно-серой. Перевернув ее снова, он увидел на розовой стороне точки в тех местах, где касались его пальцы. Проверка подтвердила его догадку: палец оставлял на пластине четкую черную линию. Больше всего удивило Джима то, что она была тонкой, как от карандаша.

«Вот и блокнот, — подумал он. — Жаль, места мало. Но для чего эти круги?»

Он коснулся правого, и линия поехала вправо, пока не исчезла за краем. Коснувшись левого круга, Джим вернул линию на место. «Выходит, на самом деле здесь места побольше», — понял он. Неудобно было, впрочем, что «блокнот» оказался слишком велик, чтобы засунуть его в карман. Джим нажал на рамку, пытаясь сложить ее, но результат оказался неожиданным: рамка не сложилась, а сдвинулась. Ее горизонтальные планки укоротились, попросту уменьшились в длине. Дальнейшие исследования показали, что вертикальные планки обладают тем же свойством, и «блокнот» можно сжать до размеров спичечного коробка и растянуть до площади около квадратного метра. В качестве карандаша Джим попробовал ключ от квартиры, но убедился, что ему придется довольствоваться пальцем. Ноготь стирал написанное.

Теперь можно было начинать обследование остальной базы. На сей раз каждая из шести диафрагм, которые Хоппер отныне мысленно называл дверями, открывалась при его приближении, и Джим решил начать с крайней слева.

База оказалась достаточно большой; у Хоппера ушло несколько часов на то, чтобы обойти комнаты, осматривая находящиеся там предметы. Среди них были как маленькие вещи, разбросанные по полу, так и крупные предметы, и стационарные установки; однако об их предназначении трудно было даже догадываться. В одной из комнат Джим провозился особенно долго, пытаясь соорудить нечто из находившихся там деталей — если это были детали — по принципу головоломки, где нужно собирать фигуру из разрозненных кусков. Задача осложнялась тем, что Хоппер не знал, какая фигура должна получиться. В конце концов, после долгого поиска геометрических соответствий, у него вышло нечто вроде синей пупырчатой дыни с хвостом и гребнем из загнутых трубок.

Когда он воткнул последнюю трубку, конструкция тихо загудела. Однако каких-либо иных действий добиться от нее Джиму не удалось. Вдохнув, он осторожно положил «дыню» на пол и направился дальше.

Войдя в следующую, совсем небольшую комнату, Джим так и прыснул со смеха. На полу стояло нечто вроде большого блюда с вермишелью коричневого цвета, а посреди этого блюда возвышалась клизма. Самая натуральная резиновая клизма розового цвета, лишь у основания носика темнели какие-то крапинки. Джим наклонился и поднял ее; к его удивлению, она отделилась от блюда с чавканьем и некоторым сопротивлением. На ощупь это тоже была типичная клизма; мягкие стенки спружили под пальцами, и из носика брызнуло несколько капель воды — или, точнее, прозрачной жидкости без запаха, как поспешил себя одернуть Хоппер, тщательно вытирая руку о штаны. Почему-то стенки и жидкость были теплыми — уж не грела ли их коричневая вермишель?

Джим поднял клизму, чтобы взглянуть на нее снизу и понять, что же такое там чавкает, — и увидел, как «клизма» медленно втягивает в себя шевелящиеся псев-

доподии. В тот же миг он осознал, что крапинки у носика — не что иное, как глаза, в количестве не менее пяти штук. Джим вскрикнул и с брезгливой гримасой отшвырнул существо. «Клизма» упала на пол, выплеснув от удара часть воды, выпустила псевдоподии и как ни в чем не бывало поползла к блюду, пока вновь не заняла свое место.

Когда наконец Хоппер вернулся в комнату, откуда начал обход, оптимизма у него заметно поубавилось. Все, что он понял, — это что ему нужно собрать неизвестно что из непонятно каких деталей; и даже если бы ему это удалось, оставалось загадкой, что оно может и как им управлять. Джим никогда даже не слышал такого слова, как «комбинаторика», но догадывался, что попытки добиться результата простым перебором заняли бы непозволительно много времени. Задача явно имела более умное решение; недаром же Судьи подчеркнули, что все должен решить разум...

Оставалась, впрочем, надежда на те несколько дверей, что так и не открылись Джиму. Возможно, ключ к головоломке находится там. Но прежде следовало подобрать ключ к самим дверям...

Во время обследования базы Джим довольно тщательно ощупал стены и пол вокруг них, надеясь отыскать какую-нибудь тайную кнопку, но все было тщетно. Теперь он решил, что к этой загадке надо вернуться наутро, со свежими силами, пока же он был изрядно вымотан и хотел отдохнуть. Увы, создатели базы не предусмотрели ничего похожего на кровать; правда, в одной из комнат, куда вел лишь один вход, пол был покрыт каким-то губчатым материалом, который, вероятно, был мягким — Джим так и не решился на него ступить; но в любом случае комнатка эта была совсем крохотной, и лечь там было можно, разве что свернувшись калачиком. Помянув нехорошим словом инопланетян, Джим растянулся на скользком твердом полу.

Нервное напряжение последних часов отодвинуло

на задний план физиологические потребности; но теперь сразу две из них, причем противоположные, решительно напомнили о себе. И если пить Хопперу пока еще хотелось не так сильно, то вот обратное действие следовало совершить безотлагательно.

«До чего же по-дурацки устроен человек, — подумал Джим. — Нет бы этим желаниям скомпенсировать друг друга... Интересно, этой альфианской твари тоже нужен сортир?»

Так или иначе, похоже, что создателям базы он нужен не был. Во всяком случае, за время своих исследований Хоппер не обнаружил ничего подобного. Однако воспитание пока еще не позволяло ему справить нужду на пол, тем паче что любая из этих комнат еще могла понадобиться. На какое-то мгновение у Джима мелькнула безумная мысль, что, возможно, как раз этого от него и ждут; может быть, неподатливые двери откроются, если на них помочиться? Однако он счел эту мысль слишком уж идиотской. Тогда ему снова вспомнилась комната с губчатым полом.

«По крайней мере, оттуда никуда не растечется, — решил он. — А если они не предусмотрели такой вариант, пусть пеняют на себя».

Прежде чем свершить задуманное, Хоппер плюнул на странную губчатую поверхность. Плевку понадобилось секунд десять, чтобы исчезнуть без следа. «Что ж, кое с чем разобрались», — удовлетворенно подумал Джим, расстегивая ширинку.

Ободренный успехом, он решил сразу же заняться и второй проблемой. В одном из помещений он видел нечто, отдаленно похожее на автомат с газировкой. Автомат имел форму пупырчатого цилиндра, его овальное окошко располагалось сантиметрах в двадцати над полом, а кнопок и тем паче щелей для монет не было во все, но другие предметы базы еще менее походили на источник питья.

Оказавшись возле автомата, Хоппер опустился на

колени и заглянул в окошко. Полукруглое углубление в центре, видимо, предназначалось для стакана или чего-то в этом роде, но самого стакана не было. Хоппер внимательно осмотрел помещение и обнаружил матовую полусферу, зажатую чем-то вроде изогнутого клюва на трех ногах. Оказалось, что клюв держал не крепко; вынуть полусферу не составило труда. Она идеально вписалась в углубление автомата.

Осталось найти способ привести автомат в действие. После длительного и бесполезного нажимания на пупырышки Джим догадался встать на цыпочки и осмотреть верхний торец цилиндра. Там он обнаружил две небольшие лунки — как раз под размер пальца. Джим ткнул пальцем сначала в одно, потом в другое, но реакции не последовало. Он задумчиво побарабанил пальцами по холодной поверхности... и вдруг, точно осененный, сунул пальцы в оба углубления сразу. Что-то щелкнуло, но радость Джима мгновенно сменилась удивлением, ибо вместо звука льющейся воды он услышал drobный стук сыплющихся твердых предметов. Он наклонился и вынул полусферу. В ней лежало двенадцать черных шариков.

«Может, это еда? — подумал Джим. — Подкрепить-ся бы тоже не помешало, хотя не сказал бы, что это выглядит аппетитно...»

Он осторожно взял один из шариков. Твердый. Похоже, его даже не надкусишь — надо сразу глотать... Насколько опасно тянуть эту штуку в рот? Они сказали, что база не враждебна. Но значит ли это, что ничто здесь в принципе не может причинить ему вред? Наверное, нет — ведь если из этих деталей он может собрать оружие, то при неосторожном обращении может и подстрелить сам себя. Может быть, эти предметы — как раз патроны?

Поразмыслив еще немного, Джим решил, что вряд ли предметы, доставшиеся ему так легко, окажутся

смертельны. Может быть, для альфианина, но не для него. Иначе было бы слишком неинтересно.

Он осторожно понюхал шарик — запаха не было — и еще более осторожно лизнул его.

Словно что-то ужалило Джима в язык. От неожиданности он чуть не выронил полусферу с остальными шариками. Но страх исчез, не успев возникнуть. Ощущение было знакомым. Джиму не раз приходилось проверять языком исправность электрической батарейки. На поверхности шарика было около восьми вольт.

«Да уж, это явно не еда, — подумал Хоппер, ставя полусферу на торец цилиндра. — И тем более не питье». Но где же в таком случае то и другое? Неужели за закрытыми дверями? А почему бы и нет? Если ему не хватит ума их открыть, значит, он недостоин победы в поединке...

В конце концов он снова решил отложить проблему дверей на утро и принялся устраиваться на ночлег на твердом полу. Наконец ему удалось заснуть.

Проснувшись, Хоппер первым делом посмотрел на часы и убедился, что они стоят — он забыл их завести накануне. Значит, о времени можно было судить лишь приблизительно — помещения базы всегда заливал искусственный свет. Можно было, правда, сходить к смотровому окну... но это ничего бы не дало — Хоппер знал, что сутки на разных планетах имеют разную протяженность, да и был ли свет снаружи светом солнца? Может быть, обе базы находятся в гигантском павильоне?

«Сколько времени я потерял?» — подумал Джим с внезапным страхом. Спят ли альфиане? Может быть, каждый день будет приносить его сопернику несколько часов форы?

«Нет, они сказали, что особенности тела ничего не значат. Все решит разум. Значит, если эта тварь и не спит, то тратит время на что-нибудь еще...»

Хоппер поднялся. Тело ныло после неудобной ночевки. Он кое-как размялся, стараясь не поскользнуться.

ся, и извлек из кармана сложенный «блокнот». Его ждала загадка дверей.

Меж тем муки жажды стали уже заметными. После сна во рту пересохло, и язык царапал его, словно наждачная бумага. После того как Джим несколько раз провел языком по небу, слюноотделение восстановилось и он смог глотнуть; это несколько уменьшило дискомфорт, но Джим чувствовал, что воду следует найти незамедлительно. Сведения о том, что человек может обходиться без питья несколько суток, теперь не казались ему особенно утешительными.

Окончательно отвергнув гипотезу тайных пружин и кнопок, Хоппер пришел к выводу, что двери все же открываются ключом. Отсутствие чего-либо похожего на замочные скважины (или, скажем, щели для магнитных карточек) ничего не доказывает; когда он увидит ключ, то поймет, куда его нужно вставлять. Но как распознать сами ключи?

Поразмыслив еще немного, Хоппер решил, что все ключи выглядят одинаково или, по крайней мере, похоже. Значит, достаточно отыскать в комнатах, где есть закрытые двери, похожие предметы.

На сей раз он не ограничился просто осмотром находившихся в комнатах вещей, а стал тщательно зарисовывать в «блокнот» каждую из них. Уже на третьей комнате Джим начал сомневаться в верности своей догадки. Некоторые предметы имели отдаленное сходство, но какого-то одного, который четко повторился бы в каждой комнате, не было. Хоппер, однако, продолжал цепляться за свою идею, которая казалась ему весьма остроумной — как раз такой, до которой можно дойти разумом, а не случайным перебором. «Может быть, имеются разные ключи для четных и нечетных комнат, или что-то в этом роде», — надеялся он. Однако, дойдя до шестого помещения, он вынужден был признать свое поражение.

Выходит, он потратил впустую еще несколько часов. И пить хотелось чертовски.

— Вонючие ублюдки! — выкрикнул он в пространство. — Какого хрена вы присвоили себе право судить, вашу мать?! Какого хрена... — Хоппер закашлялся, и это несколько отрезвило его.

«Не надо их злить. Сейчас сила на их стороне. Главное, чтобы Земля выжила, а через тысячу лет мы еще посмотрим, кто кого!»

— Все, парни. Я буду хорошим мальчиком. Только скажите, вы ничего не напутали? Вы знаете, что нам для жизни нужна вода, а не электрические шарики?

Ответом ему, разумеется, было молчание.

В воображении Джима возникали пластиковые стаканчики с шипящей пузырящейся колой, запотевшие, только что из холодильника, жестянки с пивом, просто струя из шланга... И тут он вспомнил про «клизму».

Похоже, что Судьи действительно все учли, в том числе и физиологию землян. И вряд ли следовало надеяться на более приемлемый источник жидкости за закрытыми дверями.

Джим скривился от отвращения. Даже обычную клизму, учитывая стандартное предназначение этого предмета, не очень хотелось совать в рот, а уж выдавливать туда выделения инопланетного существа...

«В конце концов, мы же пьем молоко», — ободрил себя Джим и направился в комнату с «клизмой».

Существо не проявило никаких признаков страха или враждебности, несмотря на прошлое не слишком деликатное обхождение. Джим некоторое время держал его перед лицом, брезгливо рассматривая, затем осторожно выдавил каплю жидкости на палец и слизнул ее. Жидкость была сладковатой. Постояв некоторое время и не почувствовав никаких тревожных симптомов, Джим решительно направил носик — или, точнее, хоботок — в открытый рот.

Выпив всю жидкость, Хоппер поставил существо об-

ратно на блюдо. Он глядел на коричневую вермишель с сомнением: уж не это ли предназначенная для него еда? Аппетитной она никак не выглядела. Джим попробовал оторвать от общей массы одну вермишелину, но все они образовывали единый монолит, который пружинил, но не поддавался даже его перочинному ножу.

— Не очень-то и хотелось, — сказал Джим, поднимаясь и пряча нож. Он знал, что без еды человек может обходиться гораздо дольше, чем без воды.

Затем он подумал, что все же не зря потратил время на зарисовки; возможно, размышлять над загадками будет проще, когда предметы из разных комнат будут у него перед глазами одновременно, а стало быть, есть смысл заняться тем же самым и в других помещениях. Благодаря возможности сдвигать изображение емкость блокнота была практически безграничной, так что проблема была лишь во времени и не слишком больших художественных способностях Хоппера. Второе он собирался компенсировать за счет старательности, а первое все равно уходило впустую, пока загадка дверей не решена.

За этим занятием прошло еще несколько часов, когда, закончив свое дело в очередном помещении, Хоппер вошел в комнату, где уже был, — одну из комнат с запертой дверью. Здесь ему задерживаться было незачем, и он направился напрямик в следующее помещение. Едва он вышел, как услышал за своей спиной тихий звук открывающейся диафрагмы.

Хоппер замер как вкопанный, а затем резко обернулся. Запертая дверь в только что покинутой им комнате была открыта.

Джим бросился обратно. В следующее мгновение створки диафрагмы вновь сомкнулись. Хоппер упал на колени перед дверью и в отчаянии замолотил по ней кулаками, выкрикивая ругательства.

Затем он успокоился и развернул перед собой блокнот, уставившись в схему базы. «Думай, Джим, — ска-

зал он себе, — докажи им, что твои мозги чего-нибудь да стоят!»

Запертая дверь открылась после того, как он вышел из комнаты, и вновь закрылась, когда он опять вошел. Значит, ключом служило прохождение через другую дверь. Но он уже входил и выходил через нее раньше, и ничего не происходило. Значит, учитывается что-то еще...

Он принялся анализировать свой маршрут. Утром он приходил в эту комнату, чтобы сделать зарисовки. Затем он отправился пить... и вышел через ту же дверь, через которую вошел. Сейчас он вошел сюда через вторую дверь и вышел через третью — последнюю, не считая запертой. И тогда запертая открылась.

Допустим, в каждой двери имеется что-то вроде реле, которое принимает значения «установлено» или «сброшено». Изначально все реле сброшены, и переключение происходит всякий раз, как он проходит через дверь. Когда все реле в комнате оказываются установлены, запертая дверь открывается...

Нет. Не получается. Тогда, когда он вошел и снова вышел через ту же дверь, реле должно было принять исходное значение.

Джим досадливо закусил губу. Но на этот раз он явно был ближе к истине, чем с идеей насчет ключей. Если подумать еще немного...

А что, если повторный выход через ту же дверь устанавливает ее реле, но при этом сбрасывает реле остальных дверей комнаты? Тогда все сходится! Тогда сейчас реле третьей двери установлено. Ему нужно снова выйти через первую и вернуться сюда через вторую!

Джим вскочил, намереваясь немедленно проверить свою догадку. Но... он испытал уже достаточно разочарований и решил прежде справиться с планом. Если эта схема работает, в каждой комнате с запертой дверью должно быть нечетное количество обычных дверей. И должен существовать путь через соседние помеще-

ния, позволяющий пройти через каждую дверь по разу и оказаться в результате внутри...

Он быстро убедился, что первое условие выполняется для всех таких комнат. Отыскивать соответствующий путь для каждой из них у него не хватило терпения; убедившись, что он существует для трех из семи комнат, Хоппер быстро заскользил к первой двери. Через десять минут, лихо промчавшись через несколько комнат и туннелей, он ворвался в дверь номер 2. Есть! Сработало!

Джим был готов прыгать до потолка от радости. Одновременно он отметил, что совершенно не чувствует голода. Очевидно, выпитая им жидкость содержала все необходимые питательные вещества. Похоже, все складывалось как нельзя лучше.

Хоппер устремился в прежде недоступное ему помещение.

То, что он увидел, не доставило ему большого удовольствия; доселе подобные сцены попадались ему только в фантастических триллерах. Всю комнату, освещенную более тускло, чем обычно, занимала кладка гигантских яиц — они были разного размера, от двух до десяти футов высотой. Яйца — если это были именно яйца — были бугристые, буро-желтого цвета, оплетенные какой-то сине-багровой сеткой, похожей на кровеносные сосуды. Джим осторожно дотронулся до скорлупы одного из них. Она было мягкой; хуже того, пальцы уловили слабую пульсацию. Джим поспешно отдернул руку и выскочил из помещения.

Дверь не закрылась. Очевидно, достаточно было разблокировать ее лишь один раз — для того, чтобы в дальнейшем повторять уже известные действия, разум не требовался, а значит, они были не нужны.

Пожалуй, Хоппер предпочел бы, чтобы прочная дверь вновь отделила его от жуткого инкубатора, но его мнения никто не спрашивал. «База не враждебна мне», —

напомнил себе Джим. Может быть, то, что скрывается в этих яйцах, как раз и поможет одолеть врага?

Тем не менее, прежде чем открывать следующую комнату, ему захотелось сделать передышку. Он решил вернуться в комнату с окном и взглянуть на базу альфианина. Скорее всего, конечно, он увидит все то же самое, что и вчера; но он чувствовал бы себя спокойнее, лично убедившись, что ничего не изменилось.

Поначалу ему показалось, что так и есть. Трехмерный образ врага все так же шевелился и щелкал клешнями в воздухе, и его база все так же лежала посреди нетронутой серой пустыни. Хоппер поглядел на монстра — теперь уже без прежнего страха, с одной лишь безразличностью — и вдруг подумал, что и альфианин там, у себя, так же, с омерзением и ненавистью, глядит на его, Джима, изображение. Он словно почувствовал на себе этот нечеловеческий взгляд — или даже не взгляд, если у чудовища и в самом деле не было глаз, — и поежился.

Джим уже собирался уходить, как вдруг заметил, что над базой альфианина выются какие-то черные точки. В следующее мгновение они устремились к базе Хоппера.

Джим в ужасе и полной беспомощности следил, как три черных шара пронеслись перед окном и умчались куда-то вверх, должно быть зависнув над базой. «Опоздал! — билось в мозгу Джима. — Он уже создал оружие! Сейчас, сейчас конец!»

В безотчетной панике Джим бросился на пол, закрыв голову руками и ожидая взрыва. Однако ничего не происходило. Наконец Хоппер решился поднять голову, а потом и встал в полный рост.

«Не сработало! Должно быть, он что-то напутал. Или эти шары вообще не несут оружия, может, это просто шпионы для наблюдения за моей базой. Но в любом случае — он вырвался вперед. Джим, ты должен на-

прячь мозги, если не хочешь, чтобы вся Земля погибла из-за твоей тупости!»

Хоппер поймал себя на мысли, что машинально думает о противнике как о «нем». А что, если это самка? Может быть, у своих она даже считается красавицей. Джим прыснул от этой идеи.

Но как бы то ни было, а с остальными закрытыми комнатами действительно следовало разобраться как можно скорее.

Во второй комнате находилось нечто, что при известной фантазии можно было счесть пультом управления: расположенные под разными углами прямоугольные, шестиугольные и круглые панели, покрытые лунками и желобками, кое-где с разноцветными кольцами, которые легко меняли форму под пальцами, а также большими вогнутыми пластинами и мутными полусферами, которые могли быть экранами и индикаторами. Однако если это и был пульт, то он был выключен, и Хоппер так и не нашел, где он включается.

Третья комната словно вырвалась из кошмара шизофреника; стиль ее совершенно отличался от остальных помещений. Стены, пол и потолок состояли из липкой багровой массы, из которой тянулись, переплетаясь, какие-то членистые отростки и толстые бахромчатые нити; с некоторых из них капала мутная слизь. Посреди всего этого ужаса стояло несколько крупных предметов, состоявших преимущественно из причудливо изогнутых и переплетенных реек и трубок, вероятнее всего, искусственного происхождения.

«Пожалуй, альфианину здесь было бы в самый раз», — подумал Джим, стоя на пороге помещения и чувствуя, что ничто не заставит его сделать шаг внутрь. Вдруг точно молния сверкнула у него в мозгу: а что, если это и есть типовое жилище альфиан? Наглядное пособие, по которому он может изучить быт своего врага. «Спасибо, как-нибудь в другой раз!» — подумал Хоппер и отправился к следующему помещению.

Здесь, помимо каких-то внушительных размеров деталей, его ждал сюрприз в виде еще одной двери, которая и не подумала открыться. Джим решил пока не ломать голову над этой новой загадкой, а осмотреть сначала оставшиеся помещения.

В пятой комнате обнаружилось нечто похожее на компьютер. Его корпус или постамент представлял собой перевернутый усеченный конус высотой в половину человеческого роста, намертво прикрепленный к полу. Из его верхнего торца выступала полусфера, вся покрытая лунками; в каждой лунке был какой-нибудь знак, похожий на иероглиф, но состоящий не из сплошных линий, а из больших и маленьких точек. Эти символы не были нарисованными — они были выпуклыми, подобно шрифту Брайля. Чуть выше середины конуса из него выдавался загнутый вниз крючок. Белый экран — если это был экран — располагался вертикально и представлял собой вогнутый квадрат площадью около четырех квадратных футов.

Джим вложил пальцы в несколько лунок, отчетливо почувствовав на ощупь форму символов. Полусфера легко повернулась под его пальцами. Очень быстро Джим убедился, что на самом деле это шар, весь покрытый лунками со значками и свободно поворачивающийся в любом направлении; половина его всегда оставалась над поверхностью. Должно быть, пользователи этого загадочного терминала считали такую клавиатуру весьма удобной, чего нельзя сказать о Джиме.

Однако, если это и был компьютер, он не желал работать. Джим дернул снизу вверх крючок, полагая, что это включит машину, но его ожидания не оправдались. Хоппер обошел конструкцию со всех сторон и не нашел ничего похожего на тумблер; единственным его открытием было то, что задняя стенка экрана оказалась мягкой. Палец оставлял на ней ямки, которые быстро затягивались.

Джим вспомнил старую шутку: «Если ничего не по-

могает — включи наконец питание!» — и подумал, что, возможно, в этом-то все и дело. Доселе он не видел ничего похожего на провода. И хотя можно предположить, что инопланетная техника получает энергию каким-нибудь экзотическим способом, спокойнее было думать, что она все же нуждается в старом добром электричестве. И тогда шарики из автомата — никакие не боеприпасы для бластеров, а самые обычные батарейки.

Джим сходил к автомату и вскоре вернулся с шариками. Осталось только придумать, куда их вставлять. В корпусе установки не было ни одного отверстия. Осененный внезапной догадкой, Джим вдавил один из шариков в мягкую стенку. Шарик тут же всосался внутрь, и компьютер издал кряхтящий звук.

Внешне ничего не изменилось — экран по-прежнему оставался белым и пустым, но едва Джим коснулся одной из лунок, как в левом нижнем углу возник соответствующий символ. Палец лег в соседнюю лунку — и второй символ появился над первым.

— Все это, конечно, здорово, но вот бы понять, что это значит? — пробормотал Хоппер. Он коснулся еще нескольких лунок, глядя, как выстраивается снизу вверх столбик иероглифов, покрутил шар клавиатуры в разных направлениях, затем дернул за крючок. Последнее действие породило к жизни еще один столбик символов; вероятно, это был ответ машины, а крючок исполнял функцию клавиши ввода. Однако без знания инопланетного языка все это было бессмысленно.

На всякий случай Джим тщательно изучил клавиатуру, надеясь, что ключ к расшифровке где-то рядом. Все-го на шаре оказалось сто восемьдесят три символа. Хоппер перерисовал их в «блокнот» в соответствии с их исходным расположением, получив, таким образом, карту вместо глобуса. Однако как по отдельности, так и все вместе инопланетные знаки оставались совершенной абстракцией и не наводили ни на какие мысли.

Хоппер вздохнул и отправился в следующую комнату.

Шестая комната напоминала химическую лабораторию или цех. Круглые и цилиндрические прозрачные емкости, наполненные разноцветными жидкостями и порошками, висели под потолком, присоединенные к нему пупырчатыми трубками. Такие же емкости, но пустые, стояли на полу; входившие в них трубки исчезали в стенах.

Наконец, седьмая комната тоже, по всей видимости, была какой-то лабораторией; прозрачная мембрана разделяла ее на две части, и по ту сторону Джим различил свисающие с потолка щупальца и закрепленные на стенах, оплетенные трубками белесые предметы — не то контейнеры, не то коконы. По полу ровными рядами шли конусы, похожие на миниатюрные вулканы. В той же части помещения, что была доступна Джиму, находился, по всей видимости, пульт со множеством экранов. Джим ощупью отыскал на нем мягкую область и воткнул туда шарик. На некоторых экранах появились непонятные схемы, но этим все и ограничилось.

Хоппер коснулся нескольких кнопок-лунок и растянул одно из колец. Из двух вулканов повалил разноцветный дым, а трубки на одном из коконов запульсировали. Кокон стал раздуваться и, прежде чем Джим успел сделать что-то еще, лопнул, заляпав все помещение, в том числе мембрану, какой-то вязкой слизью. С потолка вытянулось щупальце и, выпустив тугую струю прозрачной жидкости, принялось отмывать мембрану. Джим решил больше не трогать здесь ничего наобум.

Он вернулся в четвертую комнату, размышляя о загадке последней запертой двери — впрочем, последней ли? Может, за ней скрываются и другие? Не исключено, что эта дверь открывается с одного из обнаруженных им пультов; тогда как может выглядеть нужная кнопка? А может, как раз к этой двери имеется вполне материальный ключ?

Размышляя таким образом, он подошел вплотную к занимавшей его мысли диафрагме — и та раздвинулась.

Очевидно, нужно было всего лишь открыть остальные запертые помещения.

Новая комната действительно оказалась последней — иных выходов из нее уже не было. На грибообразном постаменте в центре стоял самый странный из всех предметов, виденных Джимом на базе, — странность заключалась в том, что в этом предмете не было ничего загадочного и инопланетного. Это была большая позолоченная шкатулка явно земного происхождения. Джим подошел и поднял крышку.

Шкатулка была доверху заполнена драгоценными камнями. Тут были крупные бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды и бог весть что еще — Джим был не силен в ювелирном деле. Он взял один из камней и бросил его с размаху о твердый пол, проверяя, не стеклянная ли это подделка. Камень, неповрежденный, заскользил по полу.

— Ну нет, парни! — усмехнулся Джим. — Уж не знаю, что со мной будет, если я возьму это себе, и проверять не собираюсь! В такую примитивную ловушку я не попадусь!

Говоря это, он все же смотрел на открытую шкатулку с вожделением. Ее содержимое, вне всякого сомнения, стоило многие миллионы долларов. И если бы, выполнив свою миссию, он вернулся с этим на Землю... Если сунуть в карман хотя бы несколько камушков...

Но — нет. Совершенно очевидно, что это ловушка. Они проверяют, достаточно ли он разумен, чтобы не заглатывать наживку, целиком или по частям. Джим решительно захлопнул шкатулку.

Осмотревшись по сторонам, он заметил на полу несколько небольших предметов. Его внимание привлек матовый прямоугольник толщиной около дюйма, лежавший у дальней стены. Это мог быть очередной экран, правда, непонятно от какого прибора. Хоппер поднял эту вещь и понял, что его догадка не лишена оснований — задняя сторона прямоугольника была мягкой. Он

вставил шарик, однако ничего не произошло — да и кнопок-лунок на лицевой стороне предмета не было. Была, правда, небольшая выемка в нижней стороне прямоугольника. Осматривая другие разбросанные по полу предметы, Джим заметил дырчатый шарик, как раз подходивший по форме под эту выемку. Он соединил два этих предмета — и они тут же слиплись намертво. Более, однако, ничего по-прежнему не происходило.

— Ну и? — сказал Джим.

В левом нижнем углу прямоугольника возник иероглиф.

— Это все, что ты умеешь?

Еще несколько иероглифов. Очевидно, это был компьютер, понимавший ввод не с клавиатуры, а с голоса. Но какой в этом прок, если он изъяснялся на той же инопланетной тарабарщине?

— Дерьмо! — выругался Джим.

Прибор отреагировал новыми тремя символами.

— Да, дерьмо! — повторил Джим.

Четыре символа. Три последних (считая снизу вверх) — те же, что в прошлый раз.

— Да, — произнес Джим, у которого зародилась догадка.

Один символ — первый из прошлой четверки.

— Стол, стул, дерьмо, да, да, стул, да, стол, — выдал Хоппер.

Прибор подтвердил его догадку.

У него в руках был переводчик! Теперь, называя английские слова, он получит их инопланетный эквивалент в символьном виде и сможет ввести их в компьютер пятой комнаты! Но... как перевести обратно ответы компьютера? Очевидно, нужно самому составить словарь — наговорить переводчику побольше нужных слов и записать их в «блокнот», а потом отыскивать в тексте.

Подхватив переводчик, Джим помчался в пятую комнату.

— Оружие! — сказал он и переписал в «блокнот» возникшее слово.

- Боеприпасы!
- Альфиане!
- Уязвимые места!

Через несколько минут он решил, что обладает достаточным словарным запасом, чтобы сделать первый запрос.

«Эффективное оружие против альфиан», — ввел он с клавиатуры.

Экран моментально заполнился символами, и у Джима зарябило в глазах. Он уже знал, что читать надо снизу вверх и слева направо, но разобраться в этой не разделенной ни одним пробелом мешанине все равно было непросто. Да и возможно ли вообще? Наверняка в тексте было полно названий деталей, не имевших земных аналогов. Вот если бы ему нарисовали схемы...

— Схема! — сказал он и ввел появившееся слово.

На экране возникли чертежи!

Через полчаса Джим уже знал, как собрать простой бластер. Также он убедился, что, как и у земных компьютеров, не все клавиши служат для ввода букв и цифр: некоторые сдвигали, поворачивали или масштабировали изображение. Хоппер даже сделал лингвистическое открытие — он понял, как разделяются слова в отсутствие пробелов: каждое слово кончалось одной из пяти букв, встречавшихся только в окончаниях; кроме того, имелось несколько специальных букв-слов. Предлогов не было, использовались падежные формы. Джим чувствовал, что его прямо распирает гордостью за собственный интеллект.

Довольно много времени у Хоппера ушло на сравнение чертежей со своими зарисовками деталей (он вспомнил, что так и не довел зарисовки до конца, но в случае с бластером ему это не помешало). Вот если бы на чертежах сразу указывалось, где взять какую деталь...

А почему бы нет, собственно?

«Схема базы», — ввел Хоппер.

Экран остался пуст.

В чем дело? Неужели в компьютере нет такой информации? А может, он просто неправильно формулирует запрос?

«Схема моей базы», — уточнил Джим. На экране возник уже находившийся в его блокноте план. Значит, он может узнать и схему другой базы? Базы альфианина? Но не все сразу...

«Указать на схеме номера помещений», — распорядился Джим. Снова никакой реакции. Хм... а если так?

«Дать каждому помещению уникальный номер и указать эти номера на схеме».

Усилия по вводу столь длинной фразы были вознаграждены. Джим снова вывел чертежи оружия и распорядился указывать, какая деталь из какой комнаты. Компьютер выполнил и это. Однако чертежи были сложны и детали многочисленны, и Джим подумал, что неплохо бы хоть как-то обезопасить себя на то время, пока он будет монтировать боевую технику.

«Схема систем обороны моей базы».

Больше всего Джим боялся, что компьютер не отреагирует, — это будет значить, что никаких систем обороны нет. Но нет, на экране возник трехмерный план, на котором переливались разным цветом какие-то точки, пятна и закорючки.

«Управление системами обороны моей базы», — ввел Хоппер. На экране появилась уже знакомая конструкция. Пульт из второй комнаты!

С чего начать? «Включение защитных полей». Никакой реакции. Может, поля были разных типов и следовало уточнить, каких именно? Или никаких полей вообще нет — с чего он взял, что почерпнутый из фантастики образ соответствует реальности?

Ладно, попробуем с другого конца — Хоппер вспомнил о летающих черных шарах. «Включение систем противовоздушной обороны». Есть! Компьютер указал на схеме нужные «кнопки» и снабдил их комментариями. Не желая и дальше медлить, оставляя базу безза-

щитной, Джим кое-как перерисовал схему и устремился во вторую комнату.

С пультом вышла небольшая заминка — он и не подумал включиться после введения шарика. Однако Джим быстро сообразил, что такому большому пульта одного шарика может быть просто мало. Действительно, с третьего шарика пульт заработал. Через несколько секунд в воздухе над большой плоской поверхностью, которую Джим считал экраном, возникло трехмерное изображение базы, похожей на гроздь мутировавших и сросшихся виноградин. Над ней вилось уже целых пять черных точек. Пальцы Хоппера бежали по лункам и скользили по желобкам. Пара виноградин изменили цвет, а затем над ними пробежала какая-то рябь, и черные точки исчезли.

Джим издал торжествующий вопль и радостно хлопал себя по коленкам. Однако не время было почивать на лаврах. Враг опережал его, он запустил первые зонды задолго до того, как Джим вообще понял, как разбраться в разбросанных по базе деталях. И если за прошедшие с тех пор часы в атаку не двинулось ничто более смертоносное, это еще не значит, что таковое не ждет уже своего часа за стенами альфианской базы. Может, как раз в эту минуту там завершаются последние приготовления. А может, именно в последние часы альфианин спал. Но исходить надо из худшего.

В следующие десять минут Хоппер активизировал наземные системы обороны, а затем и подземные — оказалось, есть и такие. Он не питал иллюзий относительно стопроцентной надежности этой защиты — иначе их противостояние не имело бы смысла, — однако все же почувствовал себя куда спокойнее. Теперь можно было вновь подумать о нападении.

«Схема альфианской базы». Компьютер не замедлил отреагировать. Вражеская база отличалась не только внешне, но и изнутри: помещения были не округлые, а звездообразные и располагались на разных ярусах.

«Местонахождение альфианина». Хоппер вглядывался в схему, однако никакого кружка или крестика на ней не появилось. «Понятно, разведанными мы не владеем, — подумал Джим. — Ну а если так?»

«Оптимальная тактика атаки альфианской базы».

Опять никакой реакции. Стало быть, никаких подсказок — только справочные данные. До всего остального надо доходить своим умом. Ну что ж...

Джим не стал размениваться на обычные бластеры — он рассудил, что раз ставка делается на разум, то война выигрывается дистанционно, — однако и самые большие и сложные из боевых машин не вдохновили его количеством деталей и сложностью сборки. Для начала он выбрал средних размеров боевого робота, похожего на гибрид краба и каракатицы. Компьютер утверждал, что мощности его вооружения достаточно, чтобы пробить стену вражеской базы. Перерисовав чертежи и в который раз пожалев, что компьютер не переносной, Хоппер отправился собирать детали.

Он лишний раз убедился, насколько наивны были его первоначальные предположения, что боевую технику на базе можно смонтировать по принципу головоломки, просто подбирая детали по форме. Половина деталей, будучи установленными должным образом, меняли форму и размер. Джим даже отпрыгнул от неожиданности, когда поставленный на присоски серый упругий диск вдруг налился пурпуром, раздулся и выпустил щупальца. Чтобы вставить в положенные гнезда или даже просто поднять некоторые детали, пришлось изрядно попотеть. Тем не менее работа шла.

Робот был уже почти готов, когда внезапно базу огласили резкие квакающие звуки. Джим застыл на мгновение, выронив очередную деталь; в следующий миг он понял, что именно так работает то, что на схеме пульта называлось звуковым сигналом тревоги. Хоппер помчался во вторую комнату.

Один из экранов уже услужливо демонстрировал

приближавшуюся цель. Цель была наземной и двигалась довольно медленно. Но самым странным были ее вполне человеческие очертания.

Джим сверился с блокнотом и повернул кольцо, отвечавшее за увеличение. Изображение заполнило весь экран. Хоппера передернуло от омерзения.

То, что приближалось к базе, походило на человека лишь издали; вблизи это была отвратительная карикатура. Существо было голым и мокрым, его раздутое тело и цветом, и формой более всего напоминало утопленника, пробывшего в воде несколько дней. Пальцев на ногах не было, зато спереди болталось целых три пениса. Голова, росшая прямо из плеч без всякой шеи, была лысой, лопоухой, безглазой и безносой; единственной из черт лица была широченная прямая щель беззубого рта. Монстр шагал, раздвинув руки в лучших традициях дешевых триллеров, и багровые складки плоти тряслись при каждом шаге.

Джим не стал дожидаться, пока альфианское порождение достигнет зоны сплошной защиты, где атаке подвергался любой движущийся к базе предмет. Он уже знал, что в защитный арсенал базы входят и более дальнобойные орудия, ведущие точечный огонь. Сжимая и растягивая кольца управления, Джим навел на гомункулуса спиралевидный прицел и вдавил палец в лунку. Мелькнула черная молния, полетели брызги, и на месте твари осталась лишь лужа розовой слизи.

Все еще с отвращением вспоминая увиденное, Хоппер вернулся к недоделанному роботу. Настало время нанести ответный удар! Вскоре последние детали заняли свои места, и причудливая машина, переступая восьмью ногами, ждала команд. Эти команды были простыми: проникнуть на базу альфианина, обнаружить его и уничтожить. Нажав последнюю кнопку-лунку, Хоппер занял наблюдательную позицию перед пультом второй комнаты, в то время как робот резво засеменил к ведущему наружу шлюзу.

Джим с удовольствием отметил, что его робот движется к цели куда быстрее, чем альфианская тварь, да и панцирь его выглядит надежнее, чем рыхлая плоть. На что вообще рассчитывал альфианин, посылая своего уродца? Неужели считал, что Джим признает его человеком и пустит внутрь?

Робот подобрался к базе вплотную и открыл огонь. Но выстрелить он успел лишь один раз. Из стены вражеской базы высунулась гибкая труба и выплюнула в робота какой-то серой слизью. Стрельба прекратилась. Труба втянула в себя бесформенный серый комок, в который превратилась боевая машина Хоппера, и вновь исчезла в стене.

Джим подождал еще некоторое время, надеясь, что внутри робот сможет освободиться из плена и выполнить свою задачу. Однако ничего не происходило. Ну что ж, шансы на то, что все получится с первого раза, были не так уж велики. Неудивительно, что у противника тоже есть системы защиты, — правда, они почему-то подпустили врага вплотную и дали ему выстрелить. Но пока что счет 1:1.

Джим решил, что на сей раз стоит сначала собрать несколько машин, а уж потом посылать их в атаку все сразу. Однако мысль об очередной возне с кучей деталей не вдохновляла. Вот если бы как-то автоматизировать этот процесс... Стоп! А почему нет, собственно?

«Сборочные роботы», — набрал Хоппер на клавиатуре компьютера. Экран заполнился текстом. «Схемы». Появились чертежи. Ну, теперь дело пойдет! Задавая вопросы компьютеру, Джим убедился, что достаточно смонтировать лишь одного сборочного робота; дальше он уже сам сможет наклепать несколько своих коллег, а те, в свою очередь, — боевые машины. И тогда можно будет двигать на врага целую армию!

— Чёрт возьми, Джим, ты раньше думал, что ты такой умный? — воскликнул Хоппер. Транслятор услужливо вывел на экран перевод этой фразы.

Впрочем, в глубине души Джим понимал, что, будь он и впрямь таким умным, он бы додумался до идеи сборочного робота сразу и не потерял бы без толку время и одну машину. Он лишний раз убедился в этом, когда понял, что монтировать сборочного робота легче, чем боевого: на сей раз не требовалось серьезных физических усилий. А ведь некоторые из обнаруженных им на базе деталей были вообще неподъемными... определенно, следовало догадаться сразу.

Наконец робот был собран и приступил к монтажу своего подобия. Джим тем временем принялся изучать документацию, выбирая боевые модели для решающего штурма. Единственное, что его всерьез беспокоило, — это ограниченное количество деталей на базе. Если масштабная атака провалится, строить новых роботов будет не из чего. Джим подумал, не лучше ли отсиживаться в обороне и отражать атаки альфианина под прикрытием защит базы; тогда весьма вероятно, что его силы будут исчерпаны раньше. Но, с другой стороны, кто знает, чем он рискует, отдавая врагу инициативу? Хоппер особенно остро ощутил, что от его выбора — верного или ошибочного — зависит участь всей Земли, и ему стало нехорошо. Он решил, что примет окончательное решение, когда его армия будет отстроена. И все же он выбирал модели, исходя скорее из наступательной тактики. Джим решил, что удар должен быть нанесен одновременно с земли и с воздуха и что скорость будет важным козырем при прорыве через вражескую защиту.

Четыре сборочных робота уже готовы были приступить к монтажу остальной техники, когда снова зазвучал сигнал тревоги. Еще одна фигура двигалась к базе землянина — снова человекообразная и снова одинокая. «Похоже, он глупее, чем я думал!» — подумал Джим и дал максимальное увеличение.

— Ах ты, ублюдок! — воскликнул он, и в этом возгласе было больше веселья, чем злости.

На сей раз гомункулус куда более походил на человека, и этим человеком была женщина. Как и первый экземпляр, она была совершенно обнаженной — но, в отличие от своего предшественника, отнюдь не безобразной. Она казалась сошедшей со страниц «Плейбоя» — пожалуй, ее фигура была даже более идеальной, чем у реальных женщин. Единственным, что отличало ее от человека, было мертвое, застывшее выражение лица. Она улыбалась, но это была улыбка зомби.

— За кого ты меня принимаешь, придурок? — продолжал возмущаться Джим. — Ты думаешь, я такой безмозглый самец, что клюну на твою крошку?

Тем не менее зрелище определенно доставляло Джиму удовольствие, и он подумал, не подпустить ли красотку поближе, прежде чем уничтожить. «Нет, на это он и рассчитывает!» — решил Хоппер и взялся за кольца управления дальнобойным оружием. Еще одна лужа розовой слизи растеклась рядом с первой.

Наконец роботы закончили свою работу. Пятнадцать грозных боевых машин ждали приказа. Каплевидные ракеты таили в своем чреве взрывающиеся боеголовки, многоногие роботы припасли для врага целый комплект излучателей, приземистые конические танки готовы были сокрушить стены альфианской базы волновыми ударами.

Джим стиснул одной рукой другую, пытаясь унять дрожь. Нападать или ждать нападения? Если альфианин все это время потратил на своих кукол, то сейчас у Джима явный перевес в боевой технике. А если нет, если он занимался и куклами, и техникой параллельно? Хоппер подумал, не бросить ли монетку, но ему показалось безумием доверить судьбу мира слепому случаю. Компьютер давал довольно туманные сведения о системах защиты альфианской базы, но, судя по всему, нынешнему оружию Джима они были вполне по зубам. Значит, и альфианин, в случае атаки, имеет неплохие шансы против защит Джима. И потом — гомункулусы...

Были ли они такой глупой тратой времени? Первые из них были голыми и как будто безоружными, но теперь, отладив технологию, альфианин может вооружить их бластерами и получить неплохую пехоту.

Джим догадывался, что может и сам производить подобных существ — яйца в первой комнате или лаборатория в седьмой явно предназначались для чего-то в этом роде... но с этим нужно долго разбираться, а за это время альфианин наплодит и машин, и пехотинцев. Нет, нападать надо сейчас, пока есть шанс, что враг отстает в боевой технике... а если не отстает, то важно не дать ему увеличить преимущество за счет пехоты. Пальцы Джима забегали по пультам, отдавая команды.

Первыми он двинул в атаку неповоротливые танки. За ними пошли роботы; они поравнялись с танками и могли бы легко обогнать их, но Хоппер пока велел им двигаться с той же скоростью. Скоростные ракеты он придерживал до начала атаки.

Джим остановил танки, как только они приблизились к вражеской базе на достаточное для удара расстояние. Если радиус защитных систем обеих баз совпадал, то здесь танки были еще неуязвимы для защиты, и угрожать им могла только контратака альфианских сил. Для менее дальнобойных роботов расстояние все еще было слишком большим.

Танки нанесли первый удар. Джим видел на экране, как стены вражеской базы вздрогнули, как начали разбегаться первые трещины. Затем из стен высунулись трубы и выплюнули какие-то бесформенные сгустки, которые в воздухе развернули крылья и стремительно заскользили над атакующей техникой. Хоппер не видел, что именно они делают, но сначала один, потом другой танк вдруг застыли неподвижно. Но и роботы уже открыли огонь по авиации противника.

Хоппер запустил ракеты. Пока их каплевидные тела мчались в воздухе, под огнем роботов разлетелись на куски несколько летательных аппаратов альфианина.

В следующий миг ракеты должны были взорваться; Джим был готов к тому, что часть их будет уничтожена защитой базы, но того, что произошло на самом деле, он не ожидал.

Ракеты вдруг резко изменили направление. Одна из них, правда, сделав мертвую петлю, все же рухнула на вражескую базу. Другая врезалась в песок, накрыв взрывной волной пару роботов. Оставшиеся три мчались обратно к базе землянина, причем противовоздушная защита, похоже, их игнорировала, считая своими. Джим, лихорадочно рванув кольца управления, все же успел сбить одну. В следующий миг его база содрогнулась от двойного взрыва. Джим не устоял на скользком полу и рухнул под пульт.

Сначала ему показалось, что у него темнеет в глазах, затем он понял, что это гаснет свет в помещении. Откуда-то потянуло сквозняком — очевидно, база была разгерметизирована. Само по себе это не слишком пугало Джима: он уже знал, что воздух снаружи пригоден как для него, так и для альфианина. Удивительное дело, но эта жуткая тварь тоже дышала кислородом. «Тем неизбежнее война, — подумал Джим. — Им подходят те же планеты, что и нам...»

Хоппер поднялся на ноги, опираясь на пульт. В комнате стало совсем темно, но пульт работал. По крайней мере, так Джиму показалось в первый момент. Затем он заметил, что над панелью противовоздушной системы больше нет трехмерного изображения базы и несколько других экранов тоже пустуют. Однако экран, отображавший пейзаж битвы, функционировал, и Джим увидел, что по крайней мере снаружи бой закончился. Несколько танков и роботов, выглядевшие неповрежденными, тем не менее стояли без движения; в песке виднелось несколько воронок, валялись обломки неведомых машин — а может, останки живых существ. В стенах альфианской базы зияло несколько дыр; из одной валил

жирный черный дым, из другой, постепенно стихая, хлестал поток какой-то бурой жидкости.

Пересчитав обездвиженные машины и приплюсовав жертвы второй ракеты, Джим пришел к выводу, что два робота могут еще продолжать бой внутри вражеской базы — если, конечно, никакие из этих мелких обломков не принадлежат им. Однако шансы на успех не выглядели впечатляющими. Похоже, что атака захлебнулась.

Джим убеждал себя, что ничего еще не потеряно: база альфианина тоже серьезно повреждена, и техники он, похоже, потерял достаточно. Может, у него остались резервы, но ведь и у Джима есть еще нетронутые ресурсы первой и седьмой комнат (почти нетронутые — он вспомнил по-дурацки загубленный кокон). Осталось только разобраться в технологии производства монстров...

В одних комнатах свет горел нормально, в других тускло, а через некоторые ему пришлось пробираться ощупью; кое-где свет проникал через трещины в стенах и потолке. По мере приближения к пятой комнате трещин становилось больше, и у Джима зашевелились нехорошие предчувствия. Очередная диафрагма дернулась и застряла на середине; Джим с трудом пролез между лепестками, разрывая рубашку и обдирая кожу.

Комната, где некогда находилась пятая из заблокированных дверей, была разрушена наполовину; острые обломки потолка чернели на фоне серого неба. Самой пятой комнаты больше не было. На том месте, где прежде стоял компьютер, сокровищница знаний неведомой цивилизации, теперь громоздилась куча обломков.

Джим взвыл и рухнул на колени в отчаянии. Вот теперь все, теперь окончательно все! Никаких шансов! Земля погибла, и в этом виноват он! Его собственная ракета... Самое время вышибить свои гнилые мозги, если бы у него только был пистолет!..

И тут Джим понял, что у него есть еще один шанс.

Бластер. Самый первый и самый простой чертеж, который он перерисовал в «блокнот». Похоже, нужные детали в непострадавших комнатах. Конечно, надежда на успех его вылазки мизерная. Скорее всего, вражеская техника уничтожит его прежде, чем он доберется до альфианина. Но другой возможности уже не будет. Ни у него, ни у Земли.

Кусая губы, Хоппер развернул блокнот и отправился за деталями.

Сборка не заняла много времени. Получившееся оружие отдаленно напоминало дисковый пулемет; диск, однако, заменял приплюснутый шаровой сегмент, из которого с двух сторон торчали изогнутые ручки. Приклада не было вовсе, а квадратный в сечении ствол раздваивался на конце. Держать оружие оказалось довольно неудобно, однако оно было неожиданно легким. Прежде чем отправляться к шлюзу, Джим решил в последний раз наведаться к пульта и взглянуть через дающий увеличение экран на вражескую базу.

Еще одно существо шагало по серому песку. Но на этот раз в нем не было ничего от человека. Это был альфианин.

Несколько секунд Джим ошолобенело глядел на экран, а затем устало подумал, что это очередная провокация. Если альфианин создал человекоподобных кукол, он мог создать и собственную копию. А когда землянин выскочит, чтобы прикончить врага, — тут-то на него и обрушится ждущая до поры в засаде боевая техника...

«Стоп, — подумал Джим. — А с какой стати ему ждать, что я выскочу? Он же не знает положения на моей базе, не знает, что у меня нет другого выхода. Так же, как и я не знаю, что творится у него...»

А что, если все снова оказалось симметрично? Если у альфианина не осталось другого выхода, так же как у Джима? Ну что ж, еще немного — и он окажется в зоне досягаемости пушки, которая вроде работает...

Жуткое существо преодолело полпути между базами и остановилось. Альфианин ждал.

«И все-таки — гладиаторский бой, — подумал Джим. — И похоже, он и впрямь собирается сражаться голым и безоружным. Да нет, он не такой дурак. Наверняка прячет ствол где-то между своими клешнями. Но одежды, похоже, действительно нет».

Последнее обстоятельство не казалось Джиму странным — он был бы куда больше удивлен обратным. Негуманоидные чудовища в земных комиксах всегда щеголяют нагишом, почему-то это считается само собой разумеющимся. Но сейчас Хоппер вдруг подумал, что одежда — вовсе не предмет гордости, не признак цивилизованности, а всего лишь признак несовершенства тела, которому для защиты нужна внешняя оболочка. «Умнею на глазах», — усмехнулся Джим. Но раз уж он, жалкий несовершенный человек, вынужден пользоваться одеждой — он извлечет из этого преимущество.

Джим снял разорванную рубашку и связал лохмотья на спине таким образом, чтобы получилась петля. В эту петлю он вставил ствол бластера до самой сферической части и снова надел рубашку. Теперь оружие висело у него за спиной, невидимое спереди. Пусть альфианин думает, что землянин собирается драться голыми руками.

Хоппер подошел к одному из шлюзов и воткнул палец в лунку.

Только оказавшись снаружи, он понял, что здесь холодно. Это было неожиданно, вид серой пустыни ассоциировался у него с жарой. Но здесь было, похоже, чуть выше нуля; почти незащищенная кожа сразу покрылась мурашками. Интересно, каково сейчас альфианину? Наверное, жарко — симметрия так симметрия. Джиму не пришло в голову, что его противнику тоже может быть холодно и принцип симметрии при этом нарушен не будет.

Альфианин пошевелился — должно быть, заметил

человека — и снова застыл в ожидании. Если он и испытывал физический дискомфорт, то не показывал вида.

Хопперу предстояло пройти полмили — самые трудные полмили в его жизни. Холод пробирал до костей, и ноги по щиколотку увязали в сером песке. Но, разумеется, самыми страшными были вовсе не физические неудобства.

Выживание всей Земли зависит от того, успеет ли он применить оружие первым.

Джим хорошо помнил уязвимые места на теле альфианина. К счастью, эту информацию он запросил у компьютера одной из первых.

Осталось еще около трехсот метров. Бластер Джима мог эффективно бить с восьмидесяти. Но это слишком далеко для точного попадания, особенно из незнакомого и неудобного оружия.

Интересно, насколько дальнобойно оружие альфианина? И где он его прячет?

Двести метров. А этот монстр не так глуп, что занял позицию первым. Может быть, он уже сейчас спокойно целится. Его анатомия столь отлична от человеческой, что невозможно понять, что он делает в данный момент. Во всяком случае, он не шевелится. Ждет. Как снайпер в засаде?

Сто метров. Все-таки есть шанс, что, пока враг не шевелится, он не опасен. Но что делать, если он выхватит оружие сейчас? Еще слишком далеко...

Семьдесят метров. Приблизительно, конечно. Но наверняка уже можно стрелять. Однако альфианин, похоже, готов подпустить противника поближе — что ж, воспользуемся... У кого крепче нервы?

Все-таки это несправедливо, подумал Джим. Говорили, все решит разум. А выходит, что вовсе не разум, а быстрота реакции и меткость стрельбы. Впрочем, это благодаря разуму он собрал бластер и благодаря разуму знает, в какие места на теле врага стрелять...

Пятьдесят метров. Пора? Враг не двигается, и оружия у него не видно. Еще немного...

Сорок. Надо бить наверняка, только наверняка. И времени целиться не будет. Нет, отсюда не попасть.

Тридцать. Кажется, что сердце вот-вот разорвет грудную клетку.

Двадцать. Может, на таком расстоянии альфианину и оружие не нужно? Может, он плюется ядовитой слюной или чем-то вроде? Эх, надо было получше изучить его анатомию...

«Подходить ближе — безумие, — твердил себе Джим, машинально укорачивая шаг, но все же двигаясь вперед. — Но если я промахнусь, второй шанс выпадет вряд ли».

Шаг. Еще шаг. И еще.

Рука импульсивно рванулась за спину, хватая рукоятку бластера. Ноги спружинили, готовясь бросить тело в сторону, уводя с линии ответного огня. Крик ярости и страха вырвался из груди Джима, в то время как вторая рука уже перехватила ствол и палец давил лунку гашетки.

Серебристая дымка окутала тело альфианина. Защита! Он все же не такой голый, как кажется! Клешня извлекла из-под брюха какой-то предмет — ага, вот и оружие!

Джим перенес огонь на эту клешню, и предмет разлетелся на куски. Альфианин рванулся в сторону, но ствол бластера разворачивался следом за ним. И серебристая дымка начала тускнеть. Альфианин понял, что ему не убежать, и бросился прямо на Джима. Землянин попятился, не переставая стрелять. Дымка исчезла совсем. Получай! Получай, тварь!..

Суставчатые конечности подогнулись, и грузное тело рухнуло в песок у ног Джима. Но страшные клешни и щупальца-пасти все еще тянулись к землянину. Бластер выплюнул последние сгустки энергии. Только тут Хоппер почувствовал боль от ожога в руке, державшей раскалившийся ствол.

Бесформенная груда мяса истекала кровью. Последнее непрерывное щупальце приподнялось, щелкнуло зубами и бессильно вытянулось на песке. Альфианин был мертв.

Джим отшвырнул бесполезный уже бластер и поднял лицо к серым небесам.

— Я выиграл!!! — ликующе закричал он, раскинув руки.

— Ты проиграл, — ответил спокойный голос.

— Ч...что? — поперхнулся землянин.

— Ваша раса — раса прирожденных убийц. Ваш основной метод действия — насилие. Ваша цивилизация несет угрозу космосу и должна быть уничтожена.

— А альфиане?!

— Альфиане будут свободно развиваться.

— Но... это же нечестно! Он тоже пытался убить меня!

— Нет. С самого начала и вплоть до последнего момента он пытался наладить с тобой контакт. Его насильственные действия были лишь защитой.

— Но вы же сами!.. Вы сами сказали, что я должен его убить!

— Ничего подобного. Тебе и альфианину был прочитан один и тот же текст. Не наша вина, что в вашем языке слово «поединок» имеет именно такой оттенок. Это лишь закономерный показатель агрессивности вашей расы. В нашем тексте ничего не говорилось о необходимости убийства и вообще насилия.

— Вы говорили, что между нами и альфианами будет война!

— Мы говорили — если будет война.

— А если бы мы смогли с ним договориться? Кто бы тогда проиграл?

— Никто бы не проиграл. Вы бы оба выиграли. Ваши цивилизации доказали бы, что смогут жить в мире друг с другом.

— Вы грязные ублюдки! — закричал Хоппер сквозь слезы, колотя кулаками по песку. — Такие правильные,

да? Чем вы лучше нас?! Вы собираетесь убить шесть миллиардов разумных существ!

— Опять ты за свое. Речь шла об уничтожении вашей цивилизации, а не об убийстве. Вы будете возвращены в животное состояние.

— Мы эволюционируем, — сказал Хоппер с ненавистью. — Мы эволюционируем снова!

— Возможно, — равнодушно согласился голос. — К этому времени альфиане уже колонизируют вашу планету. У нас есть все основания считать, что они разумно распорядятся вашим дальнейшим развитием.

МЕЖДУ ЗЕМЛЕЙ И НЕБОМ

1

Лифт все не ехал. Игорь глянул на часы — так и есть. Опаздывает. Светка, наверно, уже вышла из дома и бредет к метро. А ему еще билеты покупать. Позвонить, сказать, что опоздает? Нет. И потом, он еще может успеть. Придется, конечно, заложить большой крюк — на метро сначала спуститься до кольца, потом перебраться на соседнюю ветку и еще вверх пару остановок, но все равно так быстрее, чем на автобусе. Ходят они плохо, на дорогах пробки, да и народу полно — воскресенье. Это только кажется, что напрямик быстрее. Ничего подобного. Вот если поймать тачку — такси или частного, — тогда быстро доберешься. Но на такси нет денег. Лучше рискнуть, а после сеанса купить Светке большую красную розу на длинной ножке — она такие обожает.

Игорь прислушался. Этажом ниже голосил мелкий ребяенок, а дверцы лифта глухо стучали, пытаясь прожевать детскую коляску. Зло ткнув пальцем в красный глаз кнопки, Игорь посмотрел на лестницу. Потом на лифт. И застучал каблуками по ступенькам, решив, что так выйдет быстрее.

Он опаздывал, жутко опаздывал. Некрасиво. Беспардонно. Конечно, Светка не обидится. И ничего не скажет. Выслушает все оправдания и кивнет. Но огонек в ее зеленых глазах потухнет, вечер будет испорчен, и

Игорь никогда себе этого не простит. Только не сегодня. А такси... Подкатить бы с шиком-блеском, выбрать-ся с заднего сиденья с букетом алых роз, небрежно ступить в московскую лужу лакированным итальянским ботинком, запахнуть черное пальто...

Не в этой жизни. Институт давно позади, работа есть, он не голодает, слава богу. Но больше ничего нет и не предвидится. Ситро, метро и домино — вот что его ждет в ближайшем будущем. И Светку. Если только она согласится. И если он, Игорь Петрович Бортников, конь пернатый, не опоздает к началу сеанса.

Из подъезда Игорь выбежал, как из вражеского окружения вырвался, — отчаянно топоча, не видя пути. Распахнул дверь и тут же шарахнулся в сторону, едва не сбив Марьянну со второго этажа. Та буркнула вслед что-то грубое, про молодежь, но Игорь был уже далеко.

Он выбегал со двора, когда ему навстречу вывернулась белая «шестерка». Игорь отпрыгнул, завизжали тормоза, и машина встала. Бортников собрался обматерить водилу, но тот выглянул из окна, и Игорь сдержался. Он сразу его узнал — Славка Седов по кличке Седой. Вообще-то он жил в соседнем дворе, но было время, когда они тусовались в одной компании. Потом дорожки разошлись. Никогда особо не общались, как-то не находилось общих тем. Кстати, и со Светкой Левыкиной он познакомился на одной из тех старых вечеринок... Светка!

— Привет, — выдохнул Игорь. — Слав, подкинь до зеленой ветки, а? Опаздываю.

Славик окинул Бортникова тяжелым взглядом, покачал головой, собираясь отказать. Но вдруг передумал. Поджал губы, кивнул:

— Садись.

Игорь устроился на заднем сиденье и, когда машина тронулась, блаженно вытянул ноги. Все устроилось как нельзя лучше. Успеет и билеты купить, и Светку встретить. Еще бы лакированные ботинки...

Бортников запустил руку в карман, достал кошелек и окинул тоскливым взглядом скудную наличность. Самое тяжелое время — эта зарплата уже кончается, а следующая еще через неделю только. Хватит на кино и на цветок. И пожевать чего-нибудь в забегаловке. Или...

Игорь задумчиво глянул на русский затылок Славика. Тот молчал, не желая, видно, общаться с неожиданным пассажиром. А может, у него денег занять? Нет, пожалуй, не стоит — вон, сидит недовольный, дуется. Ну и пес с ним. С зарплаты пивом угостить — и в расчете.

Погрузившись в размышления о том, где достать денег, Игорь не заметил, как Славик начал тихо бубнить. Даже не понял, что к нему обращаются. И только когда окликнули по имени, очнулся.

— А? — спросил он. — Чего?

Славик глянул на него в зеркало заднего вида и сразу же отвел взгляд.

— К Светке? — хрипло спросил он.

— Ага, — отозвался Игорь и глянул в окно.

Ехали они по глухим закоулкам, мимо старых обшарпанных пятиэтажек. Похоже, Седов выбрал уж очень короткий путь — через дворы. Но это Игоря только обрадовало — так быстрее.

— А я к тебе ехал, — признался Славик.

— Ко мне? — удивился Игорь. — Зачем?

— Поговорить. Давно собирался, да как-то времени не было.

Бортников повернулся и снова глянул на затылок Седого — белобрысый, коротко стриженный затылок. Вот это номер. Неужели этот гад когда-то к Светке подбивал клинья? Может, гулял с ней? Да нет, она бы рассказала. Влюблен безответно? Устроит сцену ревности? А, черт, как не вовремя...

— Ты слышал про творцов? — спросил Седов, аккуратно объезжая «БМВ», брошенную почти на середине улицы.

— Что? — удивился Бортников.

— Люди делятся на творцов и разрушителей. Тебе не рассказывали?

— Нет.

— Ладно. Придется мне. Люди делятся на тех, кто творит, и тех, кто разрушает. Они друг друга уравнивают, но иногда какая-то сторона берет верх.

— Это черти и ангелы, что ли? — спросил Игорь, пытаясь понять, куда клонит Седой.

— Нет, что ты! — запротестовал тот. — Это обычные люди. Они ни о чем не знают. Понимаешь, вот живет человек. И вокруг него все хорошо: знакомые счастливы, цветы растут, месяцами без воды не вянут, у собаки все болячки проходят. Устраивается такой человек на работу в компанию — хоть дворником, — и она начинает процветать. Все у него получается, все складывается как надо. Часто такие люди пишут стихи, рисуют картины, лепят что-нибудь. Или музыку сочиняют. Они — творцы. Приносят в мир нечто новое, так или иначе.

— Ага, — сказал Игорь, пытаясь понять, откуда Славик успел нахвататься сектантской чуши. Вроде в последний раз, когда виделись, был в порядке. — Там до метро далеко еще?

— Скоро приедем, — пообещал Славик и свернул на длинную узкую улочку с односторонним движением. — Ты послушай.

— Слушаю, слушаю, — успокоил его Бортников, решив, что, как только машина остановится, он откроет дверцу и просто уйдет.

— Есть еще разрушители, — продолжал Седов. — Они не умеют ничего создавать, только потребляют. Или разрушают. Не нарочно, конечно. Просто они такими родились. Вокруг них все плохо: цветы вянут, родители ругаются, техника ломается. Случаются катастрофы. Массовые самоубийства. Прогорают банки, правительства уходят в отставку, падают самолеты...

— Понял я, понял, — перебил Игорь. — Скоро конец света, да? Разрушители победят?

— Ничего ты не понял, — обиделся Славик. — Понимаешь, это противостояние. Борьба. Необъявленная война. Между землей и небом — война. Всегда. Как в той песне, помнишь?

— Помню, — отозвался Игорь, решив, что сбежит, как только машина замедлит ход. Даже не будет дожидаться остановки. Вот поедет этот чокнутый чуть медленнее — и адью. Игорь распахнет дверцу и рванет пешком до метро. А Светке потом все объяснит. Она поймет.

— Этого почти никто не знает, — тихо сказал Славик. — Понимаешь, в каждом человеке есть частичка того и другого. Это как китайский значок — белая капелька и черная. Видел?

Игорь заметил, что Славик смотрит на него в зеркало заднего вида, и кивнул.

— И в каждой капле еще есть точка, — продолжил Славик. — В белой — черная, в черной — белая. Это символ гармонии. Равновесия. Пока всего поровну, человек ничем не отличается от других. Просто живет. Но есть такие, у которых равновесие нарушено. Если в белой капле очень маленькая черная точка, то это — творец. А если в черной почти нет белого, то это разрушитель. Эти люди чувствуют друг друга. И чем больше в них исходного цвета, тем они сильнее. Понимаешь?

— Ага, — согласился Бортников, понимая, что с психом нужно во всем соглашаться.

— Мир живет в гармонии. Белое и черное дополняют друг друга. Творцы и разрушители компенсируют действия друг друга. Но иногда одного цвета становится больше. Если белого — то это хорошо. Все живут счастливо. Но если становится больше разрушителей — все выходит плохо. Как сейчас.

— Угу, — отозвался Бортников, подавляя желание брякнуть что-нибудь насчет ситхов и джедаев. Машина ехала все медленнее, и он стал высматривать подходящий поворот. Улочка была настолько узкой и заброшенной, что ему сделалось страшно. Он вдруг понял,

что они не едут к метро. Седов завез его совсем в другую сторону.

— Слав, — позвал он. — Так в чем проблема?

— Проблема в выборе, — отозвался Славик. — Разрушитель может сделать доброе дело. А Творец — причинить зло. Если так нужно для дела, понимаешь?

— Да, — отозвался Игорь, незаметно берясь за ручку двери. — А я-то тут при чем? Мне нужно решить, на какую сторону встать?

— Нет, — тихо отозвался Славик. — Ты свой выбор давно сделал. Теперь очередь за мной.

Машина резко затормозила, Славик бросил руль, резко повернулся к пассажиру, и в его левой руке блеснул металл.

— Выбор должен сделать я, — тихо сказал он. — И у меня есть черная точка.

Бортников, приоткрыв рот, с изумлением взглянул на черный зрачок пистолета, нацеленный точно в его сердце. Взгляд Славика не сулил ничего хорошего. Его водянистые голубые глаза остекленели. Рот сжался в узкую полоску, остро проступили скулы, — казалось, еще миг, и порвут побледневшую кожу.

Игорь держался за ручку двери, готовясь сбежать в любой момент. Но сейчас боялся шевелиться. Славик под кайфом, ясно как день. Наглotalся какой-то дряни, вот его и плющит. Ишь, расколбасило — даже не мигает. Главное, не возражать. Не злить попусту.

— Знаешь, Игорь, — тихо сказал Славик, — в каждом из нас есть и хорошее и плохое. И всем однажды приходится делать выбор. Кем бы ты ни был — творцом, разрушителем, — выбор есть всегда. Просто сейчас в мире темного стало больше. И я выбрал.

— Слав, — тихонько позвал Игорь. — Славик...

— Прости, — шепнул Седов и спустил курок.

Пистолет сухо щелкнул, и Бортников взвизгнул — тонко, по-бабьи, сорвавшись на высокой ноте. И выпучил глаза, не веря, что еще жив. Выстрела не было. Седов удивленно глянул на пистолет, нажал на курок еще

раз — снова осечка. И только тогда Игорь заорал и рванулся в сторону, ударившись в дверь машины всем телом. Дверь не выдержала — от удара вылетела с мясом, рассыпая стекла по асфальту. Игорь вывалился на дорогу и прямо с колен, как заправский спринтер, стартовал в сторону ближайшего угла. Он бежал и орал на бегу во весь голос, чувствуя неприятную сырость в штанах. И только у самого дома, на углу обычной кирпичной пятиэтажки, его догнал крик Славика.

Игорь обернулся. Не мог не обернуться — настолько силен был зов, в который сумасшедший вложил весь гнев и отчаянье.

Славик стоял у машины и целился в него из пистолета. До выстрела оставался один миг — Игорь почему-то знал, что на этот раз пистолет выстрелит. А он — не успеет отшагнуть в сторону. И тогда он вскинул руки, закрывая лицо от черного глаза...

Машина вспыхнула, как спичечная головка. Зафырчала, заворчала, полыхнула желтым пламенем, отбросив в сторону хрупкую человеческую фигуру с пистолетом. И взорвалась, расплескав огонь по мостовой.

Хором взвыли сигнализации машин — и тут, и на соседних улицах. Кто-то закричал из окна, вдалеке раздался визг тормозов. И тогда Игорь очнулся.

Он повернулся и побежал наобум, надеясь, что дорога выведет его к метро. Он бежал, оставляя следы на асфальте, как на сырой земле. Из-под ног змеились трещины, но Игорь этого не замечал. Он бежал мимо машин, и гудки сигнализации умолкали навсегда. Подходил к светофорам, и те моргали всем цветами разом.

И все же он дошел до метро. И поехал домой.

В квартире стояла мертвая тишина. Молчал сгоревший музыкальный центр. Телевизор, пустив трещину по экрану, умолк, похоже, навсегда. Во всем доме было тихо.

Игорь сидел на диване и рассматривал останки мобильного телефона, что рассыпался в труху прямо у него в руках. Он боялся. Боялся пошевелиться, встать с дивана и тем самым что-то сделать. А ведь когда он только зашел в квартиру — усталый, испуганный, с горящими глазами, — не верил. То, что случилось с машиной Славика, ни о чем не говорило. Бывает. Замкнуло провод, машина загорелась, потом взорвалась. А Славик — обычный псих, спятивший от чтения тоненьких книжиц в мягких обложках, в которых самозванные гуру рассказывают, как правильно прочищать чакры и выходить в астрал. Вот так думал Игорь, когда пришел домой.

Но потом лопнула лампочка — едва Игорь коснулся выключателя. Ему стало нехорошо. Он заметался по квартире, чувствуя, как внутри ворочается что-то большое и страшное, разбуженное взрывом машины. Он не желал этого замечать, гнал прочь безумные мысли. Но потом сломался музыкальный центр. Телевизор. Кран в ванной. Единственный цветок в квартире — выносливый алоэ, — и тот засох. Тогда Игорь забрался на диван и, затравленно озираясь, попытался позвонить Светлане. Мобильник рассыпался у него в руках. Игорь закрычал, схватился за голову, попытался отогнать от себя то, что шло изнутри... Во всем доме отключился свет. Разом. Словно рубильник опустили.

Прислушиваясь к тому, как соседи тихо бубнят на лестничной площадке и впустую щелкают переключателями на распределительном щите, Игорь подумал: если кто и сошел с ума, так это он. Не Славик.

Расслабившись и шумно задышав носом, Бортников раскинулся на диване и попытался успокоиться. Это оказалось делом непростым. Мысли носились в голове стаей испуганных ворон, сердце колотилось в ребра, как мотор, а в жилах пел адреналин. И что-то ворочалось внутри. Но Игорь дышал ровно и не шевелился — как перед экзаменом, когда он чуть не завалил все из-за

высокого давления. И это сработало. Вспомнив о госэкзаменах, о защите диплома и о том, что этот диплом не принес ему ни копейки денег, Бортников успокоился. Вернулся привычный мир — с его проблемами и заботами. С пустым кошельком, завтрашним рабочим днем и с несостоявшимся свиданием.

Игорь вздохнул и заворочался на диване. Он попытался прислушаться к самому себе, к той силе, что ворочалась внутри, и почувствовал ее. Так, как чувствуют руку или ногу... Часть тела. И она подчинялась. Игорь тихонько потянулся в сторону и ощутил, что не одинок. Он чувствовал это — словно волны на озере: катятся по зеркальной глади, сталкиваются, наползают друг на друга. Будто кто-то камешки в воду бросает. Кто? Он сам. И еще сотни таких, как он. Невидимое озеро покрыто рябью, как от сильного ветра. Игорь чувствовал — его сил хватит, чтобы устроить настоящую бурю. От других волны шли мелкие, так, ерунда. Он — самая большая рыба в этом озере. Если не считать той теплой волны, что подходит все ближе и ближе.

Бортников вскинул голову и прислушался. Все тихо — соседи убрались с площадки, отчаявшись наладить щиток. Электричество так и не дали. Звонок не работал, но Игорь знал: перед дверью кто-то стоит. Тот, от которого идет большая и теплая волна. Стоит на пороге и ждет. И Бортников внезапно понял — кто.

Он вскочил с дивана и опрометью бросился в коридор. Задержался у зеркала, пригладил взъерошенные волосы рукой и распахнул дверь.

На ней был воздушный желтенький сарафан — тот самый, что они купили вместе в начале лета на одной из распродаж. Худые загорелые руки скрещены на груди, подбородок вздернут, темные, почти черные глаза смотрят с вызовом. Длинные каштановые волосы рассыпались по плечам и, кажется, потрескивают от теплой волны, что исходит от этой худенькой девчонки, напоминающей рассерженного птенца. Светка.

— Свет, — сказал Игорь. — Прости. Я...

И все понял. Почувствовал. И отошел в сторону.

Левыкина прошла в коридор, подождала, пока он закроет дверь, и резко обернулась.

— Свет, — тихо сказал он. — Это правда, да?

Она кивнула. Игорь чувствовал, как от нее исходит волна света и тепла. И встречается с волной холода и мрака, идущей от него.

— Ты все знала, — прошептал Бортников. — С самого начала, да?

— Да.

— Почему ты не сказала?! — возмутился Игорь. — Как ты могла!

И понял — как. Он был нежен и предупредителен. Искренне огорчился бы и плакал по ночам в подушку. И все же сдал бы ее врачам. Из добрых побуждений.

— А Седов? — спросил Игорь.

— Он не в себе. Ему снится война между светом и тьмой. Он всегда был таким, еще тогда, три года назад.

— Подожди, — пробормотал он. — Но как же... Ты же... Еще до того, да?

— Да.

— Ты специально! — ужаснулся Игорь. — Ты специально познакомилась со мной и всегда была рядом, чтобы исправлять то, что я делаю?..

Она снова кивнула, и Бортников заметил блеск в ее глазах. Слезинки уже родились, еще мгновение — и они скатятся по смуглым щечкам, как дождевики по кленовому листу. Она не злилась — просто сдерживала слезы.

— Светка, — прошептал Игорь, вытягивая руки. — Светка...

Она шагнула вперед, прижалась к его груди, обняла крепко, изо всех сил. Он не видел ее лица, но чувствовал — плачет. Ему не нужны были слова, чтобы это понять. Быть может, когда-то она встречалась с ним специально. Но теперь... Теперь она была с ним. И только с ним. Об этом Игорю рассказала ее волна — теплая, лас-

ковая, нежная, что робко постучалась в его темное нутро. И он ее впустил.

Волны переплелись и, не в силах смешаться, закрутили бесконечный хоровод из темного и белого.

— Как китайский значок, — прошептал Игорь. — Белая капля и черная...

Они подходили друг другу идеально, как два кусочка паззла. Их волны объединились с тихим щелчком, сложив единое целое. Гармоничный круг, отделяющий их от прочего мира, от других волн на этом невозможном и невидимом озере.

— Светка, — прошептал Игорь, касаясь губами каштановых волос.

Она еще крепче сжала руки и всхлипнула. Чувствовала то же, что и он. Не нужно было слов — ни сейчас, ни потом.

— И что же дальше? — спросил Игорь. — Что будем делать?

— Нам нужно идти, — прошептала Светлана, — к другим. Надо представить тебя. Чтобы все знали.

— Куда?

— Я отведу тебя. Пожалуйста, не спрашивай сейчас ни о чем. Пойдем. Просто пойдем.

— Конечно, — отозвался Игорь. — Я сейчас.

Он отстранился и, не выпуская Светлану из объятий, нашарил ногами ботинки. Обулся.

Они вышли на площадку вместе, не размыкая рук. Они не хотели этого делать, оба. И не могли. Обнявшись, они стали спускаться по ступенькам вместе. Как единое целое.

Он почувствовал это сразу, едва они вышли на крыльцо, — странную волну, что катилась к подъезду быстро и мощно, словно цунами. Он никак не мог разобрать,

добрая она или злая. В ней столько было намешано, что Игорь растерялся.

А Светка поняла сразу.

Она вскрикнула, толкнула его в сторону, и пуля, что предназначалась Игорю, ударила ее в грудь. На желтом сарафане расплескался алый цветок. Светка покачнувшись, с удивлением глянула на платье и повалилась навзничь, прямо на грязный бетон крыльца.

Он упал на колени, но их руки расстались, как расстаются возлюбленные — медленно, с неохотой. Тогда Игорь закричал. И мир вокруг замер.

Казалось, время остановилось. Он видел все и сразу: и Седова у соседнего подъезда, что целился в него из пистолета, и стайку ребятишек во дворе, у старой карусели, и алое пятно на желтом сарафане. И ее удивленно распахнутые глаза, в которых отражался весь мир.

Игорь хотел, чтобы все стало по-другому. Чтобы Светка улыбнулась и кровавое пятно исчезло с ее груди. Но его волна — тугая и черная, напоминавшая грозную тучу — лишь грозно урчала над утасающим сиянием, исходящим от девушки. Он — разрушитель. Он не может ничего создать. Только уничтожить.

У него был миг, всего лишь миг, растянутый до века. Игорь чувствовал, как палец Седова шевельнулся на спусковом крючке пистолета. Славик. Безумец, брызжащий светом и тьмой, как продырявленный пакет с водой. Его темная точка давно превратилась в черное покрывало, а все светлое, что было в нем, сжалось в едва заметную кляксу. Он ведь сам говорил: и черное в белом, и белое в черном. Так и вышло. Вышло?

Игорь потянулся к себе и коснулся маленького белого клубка. Он рос. Свечение покидало девушку в желтом сарафане, что лежала у ног Игоря, а его белое пятно становилось все больше и больше. Оно уже сравнялось размерами с черной каплей разрушителя.

Палец Славика нажал на курок. Еще немного, и свинцовая чушка, что сейчас казалась величиной с ва-

гон, ударит в спину. Игорь понял, что у него остался лишь один удар сердца — столько, сколько осталось у Светланы. За это время он мог обратить Славика в прах и его палец так и не нажал бы курок. И еще он мог отдать все свое обретенное тепло Светлане. И пятно исчезло бы с ее груди, ресницы дрогнули, и она бы посмотрела на него снова — с любовью. Но не все сразу. У разрушителя, ставшего чем-то бóльшим, был выбор. Продолжать уничтожать или сотворить чудо и умереть. Проблема только в выборе — разрушитель может сделать добро, а творец — зло. Так, кажется, говорил Славик, наставляя на него пистолет. Выбор. Всегда есть выбор. Что лучше — отомстить за любовь и жить дальше, находя утешение в том, что месть свершилась, или умереть, зная, что любовь будет жить без тебя? И так и так — любви ему не видать. Жизнь не станет прежней. Но выбор... Выбор есть всегда.

Время пустилось вскачь, рывком возвращаясь к привычной скорости. Ударил громом выстрел, и острая боль пронзила спину Игоря, вошла в грудь, коснулась сердца. Он повалился на бетон, упал рядом со Светланой. И улыбнулся, когда увидел, что кровавое пятно без следа исчезло с желтого сарафана. Он еще успел приподнять голову и увидел Славика, опускавшего пистолет. В глазах того светилось изумление. И страх. А потом пришла темнота.

5

Когда он открыл глаза, то сразу увидел ее лицо. Загорелое худое лицо, разукрашенное грязными разводами от слез. И темные, почти черные глаза, смотревшие с тревогой. И любовью.

— Игорь, — позвала она. — Игорь!

Он хотел сказать ей, чтобы она не огорчалась, но не смог. Он только поднял руку, коснулся ее щеки и замер. Боли не было. Сердце билось ровно. Сердце.

Игорь вскинулся, сел и схватился за грудь. Попытался достать рукой до лопатки — не смог. Но он уже знал: на спине не осталось и следа от кровавой дыры. Тогда он вскинул голову, взглянул на соседний подъезд, пытаясь найти взглядом темную фигуру с пистолетом в руке, но увидел лишь горстку пепла на ступеньках.

— Игорь, — шепнула Светлана и обняла его.

А он все пытался понять, куда подевались волны. И озеро — весь тот волшебный мир, что недавно открылся ему. Он понял, только заглянув в себя. Темная капля стала равна светлой. И белая точка — черной. Идеальная гармония — и разрушитель, и творец в одном создании, что неспособно замутить вод невидимого озера. Просто человек.

Бортников засмеялся и обнял Светку — бывшего творца. Тоже — бывшую, ведь она использовала свою темную точку, чтобы уничтожить того, кто угрожал ее любви. И ставшую теперь такой же, как он, — обычным человеком.

Потом они поднялись с холодного бетона и взялись за руки — два человека, два мира, что встретились случайно и больше не должны расстаться.

Они шли к метро. Еще не все было потеряно. Еще можно успеть на вечерний сеанс, а денег у Игоря хватит и на большую розу на длинной ножке, и на маленькое серебряное колечко.

В ПРЕДЕЛАХ АФРИКИ

Правой рукой бодро сыграл начало военного марша. Антон отложил «Морского ястреба», прислушался. Лязгнули замки, послышался голос отца, потом — шаги к двери комнаты.

— Антон, пришел твой... друг. Не заставляй его ждать.

— Не в традициях испанских грандов заставлять друзей ждать! — отчеканил Антон, моментально спрыгнув с уютной кровати. Отец улыбнулся.

— К ужину вернетесь?

— Конечно!

Антон был уже в прихожей. Тоширо Шимура, сжимая правой рукой рукоять своей катаны, стоял у двери. Они поклонились друг другу.

— Приветствую вас, мой дорогой друг!

— Да продлят боги Японии годы вашей жизни, благородный самурай!

— Воин всегда должен быть готов к смерти, — степенно отвечал Шимура. — Так гласит бусидо.

Из кухни вышла мама.

— Здравствуйте, — сказал Шимура торжественно.

— Здравствуйте. Подождите, мальчики, одну секунду...

Отец молчал и не сводил глаз с Шимуры. Тот стоял не шелохнувшись: форменный японский воин, будто сошедший со средневековых гравюр, в обтрепанном сером кимоно и кожаных доспехах, с двумя великолепными мечами за поясом. Впечатление портил только черный пластмассовый шлем, увенчанный фигурными ро-

гами, — из-за этого шлема Шимура немного походил на Дарта Вейдера.

Мама вернулась с двумя шоколадными батончиками.

— Держите.

— Благодарю, я не голоден, — обронил Шимура.

— Антон, возьми. В странствиях проголодаетесь. Не забудь угостить товарища!

Антон кивнул, засунул батончики в карман куртки и дошнуровал кроссовки.

— Всего доброго! — поклонился мальчик в костюме самурая.

— Папа, мама, пока!

Не дожидаясь ответа, они выскользнули наружу и захлопнули дверь.

— Друг мой, — сказал Шимура, когда они спускались по лестнице, — представьте себе, на днях я обнаружил на карте Африки новое белое пятно. Не исключено, что нам придется вступить в самый настоящий бой с коварными туземцами. Желаете взглянуть?

Дон Густаво де Ориноко гордо вскинул голову.

— Вы еще спрашиваете!

— Тогда — вперед! — без лишних слов Шимура выхватил из ножен короткий меч (он тоже как-то назывался, но Антон помнил только, что длинный — это «катана») и ткнул им в пространство лестничного пролета. Воздух немедленно засветился, открывая проход в неизведанные доселе пределы Африки. Издав древний японский клич, Шимура прыгнул прямо в свет; дон Густаво последовал за ним.

Джунгли вокруг приятно пахли малиновым вареньем. Друзья ступали по травяному настилу и внимательно смотрели по сторонам: не приближаются ли ужасные хищники, которых можно победить в неравном бою?

— Поверите ли, дон Густаво, — говорил Шимура, — не далее чем в полчасе ходьбы отсюда живет самое странное из туземных племен, которые я когда-либо видел...

— Позвольте, я угадаю, — отвечал знаменитый путешественник, стараясь не задевать рукавами камзола подозрительные ветви, будто обсыпанные светящимся синим порошком. — Неужели каннибалы?

— Хм! К счастью, мне не довелось ничего узнать об их гастрономических пристрастиях.

— Многорукие монстры? Как те создания, из логовища которых мы с вами и досточтимым мистером Айвеном Хоу вызволили в прошлом месяце звездную принцессу Эми-Ли?

— Увы, на этот раз все не так романтично. Пигмеи, мой друг. Если не сказать — лилипуты. Рост самых высоких едва ли достигает трех десятков сантиметров...

— Осторожно! Слева! Я вижу огромного мохнатого паука!

Шимура немедленно вытащил оба меча.

— Он мой! — сказал дон Густаво. — Не будь я Бич Африки!..

Мохнатый паук, что имел неосторожность приблизиться к галактическим героям, мог смутить даже бывшего звездoproходца: его поросшие густым волосом лапы заканчивались черными когтями, на которых блестяли капли смертельного яда. Две дюжины белых, лишенных зрачков глаз уставились на дона Густаво. Зашипев, паук пригнулся — он явно готовился к нападению.

— Получай, ужасная тварь! — заорал граф де Ориноко и, выхватив свою верную шпагу, ринулся в атаку. Паук, не ожидавший от человека такой прыти, неуклюже отступил. Дон Густаво пронзил шпагой одну из многочисленных паучьих лап, после чего, не дав чудовищу опомниться, погрузил острие в косматую тушу. Паук, задергав конечностями, пронзительно завизжал и, прихрамывая, пустился в бегство.

— В лучших традициях кастильских дуэлянтов! — похвалил графа Шимура.

Они продолжили путь. Сквозь густую листву пробивались недобрые багровые лучи здешнего солнца; на-

верху неумолчно бранились птицы и иные говорливые создания. Обсудив стратегию и тактику борьбы с исполкинскими пауками, дон Густаво и Тоширо Шимура какое-то время шли молча: самурай разрубал мечами мешавшие лианы, а дон Густаво погрузился в свои мысли. Впрочем, «погрузился» — это преувеличение; скорее он снова и снова обдумывал то, о чем уже полчаса хотел, но не решался заговорить.

— Мой друг, — начал он наконец, — скажите мне вот что...

— Хм? — отозвался Шимура.

Заготовленный вопрос нужно было выпалить на одном дыхании.

— Это правда, что вскоре мы с вами перестанем быть друзьями?

— Что за чушь? — сердито спросил Шимура, не отвлекаясь от лиан.

— Это... это не чушь, — сказал Антон. — Это мне папа сказал.

— Ваш отец, досточтимый дон Теодоро? Хм. А что он вам еще сказал?

Они остановились. Вокруг щебетала и цвела самая настоящая дикая Африка.

— Он сказал мне, что я не маленький... лет уже вон сколько... — пробормотал Антон. — Говорит: ты скоро в школу пойдешь и должен все понимать. Что ты... что вы на самом деле — пришельцы с других звезд. Что вы держите всю Землю под колпаком...

— Так и сказал? — удивился Шимура, сощутив и без того узкие глаза. — А что это значит — под колпаком?

— Ну... мы не можем построить космические корабли — такие, чтоб могли улететь с планеты. Мы — в смысле люди. Папа говорит, сколько мы ни пытались, корабли не хотят летать. И что в этом виноваты вы, что все началось, когда вы появились. И еще — что вы считаете человечество... больной расой.

— Больной расой. Хм! — только и сказал Шимура,

эффектно обрубая катаной потянувшиеся к Антону ветви какого-то хищного растения.

— Вы считаете, что взрослые все больны. Что здоровы только дети, — повторил Антон слова отца. — И вступаете в контакт с ними, а их родителей будто не замечаете.

— Странно. Неужели я забыл поздороваться с твоим папой? — спросил Шимура. — Вроде нет. Эти взрослые — их не поймешь!

— И что ты перестанешь со мной дружить, как только я повзрелею. И что тебя зовут вовсе не Шимура.

Пораженный этими словами Тоширо Шимура чуть не выронил катану.

— И что ты только принял облик человека, — упрямо продолжал Антон, — а на самом деле ты...

Самурай оглушительно, совершенно по-японски расхохотался.

— Мой благородный дон Густаво, клянусь, ваш отец знает толк в шутках! Ха-ха-ха!.. В самом деле, только любитель розыгрышей может утверждать, что я — это не я. Поверьте же, меня зовут именно и только Тоширо Шимура. Можно прибавлять «сан», но не обязательно. Это так же верно, как то, что вы — сеньор Густаво, граф де Ориноко-и-Вальдес по прозванию Бич Африки! Вспомните же, как мы с вами сражались бок о бок с дикими ящерами в Долине Черных Обелисков! Как вы с вашим соседом, благородным генералом Валерьяносом, летали на край Вселенной, чтобы спасти меня из лап гнусных зеленокожих бандитов! Вспомните о звездной принцессе, о многочисленных наших приключениях...

— Но я-то на самом деле не дон Густаво. Я — Антон Груздев, а генералом был Валерка Корнеев из дома напротив...

— Друг мой, я вижу, экваториальное солнце изрядно напекло вам голову, — сказал Шимура. — Скажите мне, уж не думаете ли вы, что пределы Африки, — он

взмахнул рукой, и лезвие катаны описало сверкающую дугу, — вам только снятся?

Антон посмотрел Шимуре в глаза. Потом расправил плечи.

— Боюсь, мой камарад, вы правы...

— Не бойтесь — бояться тут нечего, — успокоил его Шимура, и они двинулись дальше. — На всякого благородного дона время от времени находит затмение, это, черт побери, так же верно, как то, что солнце иногда затмевается луной. Но! Стоит лишь здраво все взвесить — и морок отступает! Так и быть, я расскажу вам по большому секрету... — Он заговорщически понизил голос: — Не так давно мне приснился сон, в котором меня звали Джон Февраль. Представляете?

— Джон Февраль, — повторил дон Густаво и, подражая Шимуре, добавил: — Хм!

— Да-да! Мало того — в том сне я был полицейским. Словно бы в Америке или Англии. И если бы меня разбудили и спросили: «Как же тебя зовут, Тоширо Шимура?» — я бы не знал, что ответить. Потому что по всему выходило, что я никакой не самурай, а полицейский Джон Февраль!

— Хм! Что же вы делали в том странном сне?

— Стыдно признаться — охранял стада перелетных коров.

— Перелетных коров?

— Ну да. Только это были не совсем коровы. Размером они скорее со слона, и рогов у них нет, и они не мычат, а... издают звуки, подобные сонному бормотанию вашего дедушки, дона Пабло.

— Забавно...

— В высшей степени! Когда наступает осень, коровы отращивают себе красивые белые крылья и порываются улететь на юг, на скалистые острова, где можно переждать зиму, греясь у горячих водопадов... Однако позволять им улететь нельзя, они ведь фермерские и

обязаны давать молоко. Вот я их и сторожил. А они все равно рвались на юг. Инстинкт!

— Так вы были пастухом, — заметил дон Густаво иронично.

— Хм, — отозвался Шимура с достоинством. — Назывался я все равно полицейским!

Мутный зеленый ручей пришлось переходить вброд. Дона Густаво спасли высокие голенища ботфортов, а вот Шимуре пришлось туго: он замочил свои штаны-юбку по колено.

На том берегу Антон сказал:

— А вдруг ты и сейчас спишь? Проснешься — и обо всем забудешь. Пойдешь в свою школу...

— Возможно, что и так, — отозвался Шимура. — Кто знает? Может, и ты сейчас дремлешь? А потом — я все-таки настоящий самурай. Я умею драться на мечях. Владею искусством метания сюрикенов, коему меня научили монахи из монастыря Черного Дракона. Помнишь, как я сражался с хозяином Стоэтажной Мельницы?

— Конечно!

Забыть такое и вправду было невозможно.

— И еще я знаю наизусть кучу стихотворений древних поэтов, — заявил Шимура. — И даже могу немного писать по-японски.

— А почему немного?

— Потому что я неграмотный самурай, — сказал Шимура веско. — Потому что меня недоучили. Я же тебе сто раз рассказывал, когда я был совсем маленький, на наш замок напали враги...

«И твоего папу убили, — закончил про себя Антон. — А мама умерла еще раньше».

— А сейчас ты где живешь? — спросил он.

Самурай нахмурился, почесал затылок. Потом сказал очень серьезно:

— Далеко в Японии. Это место сложно описать. Там лишь небо и земля... и ветер. Легкий такой. Там немного одиноко. Зато у дорог там не бывает конца.

— Это как?

— Ну — как у времени. Ты же не можешь сказать, что у времени есть конец? Поэтому там, где я живу, все истории бесконечны. Поэтому там не грустно.

— А когда кто-то умирает — это разве не конец?

— Смерть? — переспросил Шимура. — Хм. Смотри! Вот она! Прямо по курсу!

Дон Густаво встрепенулся и побледнел.

— Смерть? — спросил он недожающим голосом.

— Деревня пигмеев! — возразил Шимура. — Не спите на ходу!

Оказалось, что они уже вышли на опушку джунглей. Светлее не стало — небо тут было багровым, а солнце светило тускло, сообщая пейзажу похоронное уныние. Местные жители, решил дон Густаво, должны быть существами мрачными; откуда взяться веселью в столь безрадостном месте?

Впереди расстилалась бескрайняя скорбная равнина — почти идеально ровная, серо-бурая то ли по природе своей, то ли из-за невнятного светила. Расположившаяся у опушки пигмейская деревня насчитывала несколько десятков кривобоких домиков с растрепанными крышами, сложенными из веток синих деревьев. Меж домами бродили поселяне и поселянки — малорослые трехглазые существа, на которых из одежды были только разноцветные юбки, у мужчин — покороче, у женщин — подлиннее. Однако не пигмеи заинтересовали дона Густаво. С губ его сорвался вопрос:

— Мне верить своим глазам? Это что же — второе солнце?

— Не совсем, — ответил Шимура шепотом. — Это хрустальная сфера.

— Огненная хрустальная сфера?

— Получается, что так.

— Ничего не понимаю.

— Я тоже.

— Неужели же...

Что-то острое вонзилось дону Густаво под колено. Он обернулся и ойкнул: в грудь и плечи впились несколько небольших стрел.

— Тоширо! — закричал Антон, растерявшись. — На помощь!

— А? Что?..

Он схватился было за эфес шпаги, но тут из зарослей показался туземец с примитивным оружием вроде арбалета. Прицелившись, пигмей выстрелил. Камень угодил Антону в лоб; потеряв сознание, он рухнул на землю.

Очнулся граф де Ориноко от жуткой боли — в его левую ладонь будто вколачивали острый гвоздь. Открыв глаза, он с ужасом увидел, что именно это и проделывают двое злобных пигмеев: один держал заостренный штырь, второй методичными ударами молота вгонял его в плоть дона Густаво. Руки и ноги отважного покорителя Африки были привязаны к деревянным доскам импровизированного креста, причем так крепко, что он не мог даже шевельнуться.

Заметив, что пленник пробудился, пигмеи принялись тараторить на своем варварском наречии. Дон Густаво замурлыкал и отвернулся.

— Потерпите, друг мой, нам осталось недолго, — сказал Шимура; судя по голосу, он был где-то рядом.

— Вас тоже распинаят? — спросил дон Густаво.

— Я уже получил свои два гвоздя. Все-таки хорошо, что мы не наравались на каннибалов...

— Ваша правда.

Покончив с одной ладонью, пигмеи занялись другой.

— Как мы умрем? — спросил дон Густаво, наблюдая за тем, как из его руки сочится всамделишная красная кровь. — От потери крови? От жажды?

— Возможно, я смогу остановить сердце усилием воли — чтобы не мучиться, — сказал Шимура. — Меня научил этому настоятель монастыря Черного Дракона, в свое время побывавший в Индии, жители которой уме-

ют еще и не такое. Что до вас, мой благородный друг, я надеюсь лишь, что ваш Бог будет к вам милостив.

— Самоубийство не подобает честному католику, — твердо сказал дон Густаво. — Если позволите, Шимуран, я помолюсь.

Пигмеи тем временем привязали к краям перекладки две веревки. Несколько минут ушло у них на то, чтобы поставить кресты стоямя. Осмотревшись, дон Густаво установил, что казнь совершается на небольшой площади перед сложенной из камней пирамидой, являвшей собой, по всей видимости, языческий храм. Невдалеке висел над землей поразивший воображение графа огненный шар. Висел, как не преминул отметить дон Густаво, безо всякой опоры — и полыхал куда ярче хмурого темного солнца.

Толпа пигмеев зачарованно смотрела на огромных чужаков и ждала то ли их смерти, то ли какого-то чуда.

— Настало время играть в умирашки, — сказал Шимура.

— А нам за это ничего не будет? — спросил Антон. — Мне немножко страшно...

— Конечно, нет. Мы же умрем понарошку.

— Ну тогда — давай.

Шимура закатил глаза, изображая предсмертную муку, и смешно высунул язык. Из уголка его рта вытекла струйка крови. Тело самурая обмякло, голова упала на грудь — словно невидимый кукловод устал держать нити в напряжении.

— Проклятые дикари! — закричал дон Густаво что было мочи. — Небеса отомстят вам за смерть неустрашимого Тоширо Шимуры, потомка древнего самурайского рода, славы и гордости Японской империи! Боже, — обратился он к багровым небесам, — прошу тебя, пощади душу моего друга! Пусть он не знал, как молиться Тебе, но в сердце его, свидетельствую, жила истинная вера! Язычники! — из последних сил обратился граф де Ориноко к толпе пигмеев, что замерли, рази-

нув безобразные рты. — О злокозненное племя! Господь покарает вас, ибо Он отличает праведников от преступников!

Злокозненное племя смотрело уже не на него, а на драгоценную хрустальную сферу, в которую только что ударила невесть откуда взявшаяся молния. Под воинственный рокот небес сфера, утерав способность парить над земной поверхностью, упала и с оглушительным треском раскололась. Пигмеи в ужасе заверещали.

Из трещины вырвался фонтан пламени, спустя мгновение превратившийся в огромную огненную птицу. Взмахнув светлыми крылами, птица устремилась ввысь.

Одни туземцы ошарашенно наблюдали за чудесным созданием, кое превратилось в звезду на дневном небе, а потом и вовсе исчезло из виду; другие, побоязливее, спешно упали ниц и уткнулись лицами в землю. Наиболее храбрые из пигмеев осмелились поднять все три глаза на распятых великанов-чудотворцев. Однако пригвожденные к крестам тела, вне сомнения, не принадлежали уже живым существам. Дон Густаво де Ориноко и его друг, доблестный самурай Тоширо Шимура, были мертвы.

Они не жили примерно минуту сорок секунд — пока оба не досчитали до ста.

Потом первопроходец космических джунглей и герой безбрежной пустоты дон Густаво открыл глаза. Шимура последовал его примеру.

— Улетела, — констатировал самурай. — Красивая, правда?

— Очень красивая. Жаль, что мы не успели ее сфотографировать.

— У нас так и так не было фотоаппарата.

— Даже если бы и был — отобрали бы вместе с оружием. И руки у нас у обоих заняты. И вы позабыли главное: мы были мертвы.

— Кстати об оружии: не забыть бы мне свою катану. А вам — ваши ботфорты.

— Кажется, и то и другое присвоил себе негодный карлик, возомнивший себя главным шаманом этого забытого Всевышним места.

— Думаю, ему недолго осталось наслаждаться своими привилегиями. Поклоняться больше некому.

— В Европе в таких случаях говорят: *sic transit gloria mundi!*

— Как изрек Конфуций: «Гуляй себе свободно и не забивай голову мыслями о славе...»

Дон Густаво помог Шимуре слезть с креста. Пигмеи отбежали на почтительное расстояние и стали что-то заунывно вопить, потрясая крошечными кулачками.

— О чем они вопят так злобно? — спросил дон Густаво.

Шимура прислушался.

— Они говорят: «Так нечестно! Не считается! Нелзя умирать понарошку!...»

— Хм! — сказал дон Густаво. — А ловить огненных птиц и заключать их в стеклянные шары — честно? О двойная мораль варварских племен!

— И не говорите.

— Пора домой. А то папа будет нервничать.

Шимура заткнул катану за пояс, подмигнул Антону и продекламировал:

Дону Густаво де Ориноко
В Африке страшно и одиноко:
Львы и шакалы, тигры и змеи,
Стрелы, кинжалы, злые пигмеи...
Грезит о доме воитель саванны:
Дома вино и горячая ванна,
Трубка и книги, а главное — слава
Ждут удалого дона Густаво!

— Мне здесь вовсе не одиноко, — возразил Антон.

Они неторопливо зашагали в сторону джунглей. Дон Густаво протянул самураю шоколадный батончик.

— Спасибо, мой друг! — Шимура на ходу поклонился. — Так вот, возвращаясь к нашим баранам. Понимаете, какая штука... Один великий мудрец Востока подметил, что человек при рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок. Но если стараться избегать твердости и крепости — тогда что?

— Тогда, — рассудительно отвечал дон Густаво, — получается, ты не умрешь.

— Никогда-никогда?

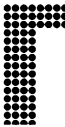
— Ну... наверно. Никогда-никогда. А что гласит по этому поводу бусидо?

— Хм. Надо поразмыслить на досуге...

Стая трехглазых бандерлогов отвлеклась от своих бандерложьих дел и с удивлением воззрилась на самурая и испанского гранда, что бесстрашно прогуливались по джунглям. Самурай остановился, взмахнул мечом и открыл сияющий портал. Помахав руками кому-то в багряном поднебесье, Тоширо Шимура и дон Густаво де Ориноко покинули пределы Африки.

АНТИКВАРИАТ

« ермес» трянуло, будто великан саданул в борт кулачищем, заскрипели выдвигаемые опоры. — С прибытием вас, дамы и господа, — проговорил Стас, снимая шлем. — Добро пожаловать на прародину человечества, ежкин корень.

Люк с негромким скрежетом отошел в сторону, внутрь корабля потек холодный воздух.

— Как-то она смотрится не очень гостеприимно. — Выбравшийся из кресла Толик опасливо выглянул наружу.

Пейзаж состоял в основном из груд мусора, там и сям торчали огрызки стен. Кое-где зеленела трава, шелестели листвой деревья, лучи восходящего светила освещали то, что некогда было городом, а ныне превратилось в громадную свалку, интересную разве что историкам.

И еще тем, кто делает на истории неплохие деньги.

— Ничего, помашешь лопатой, понравится еще меньше, — хмыкнул Стас.

— Лопатой? — Голубые глаза Наты округлились, на кукольном личике появилось недоуменное выражение. — Мы так не договаривались! Почему бы не применить стандартные грунтообработчики?

— Ты забылась, — проговорил Стас. — Мы на Земле, в закрытой для посещения зоне, а над нами кружат орбитальные патрули. Если они засекут хоть какую-то энергетическую активность, следующие сорок лет ты будешь махать лопатой бесплатно, где-нибудь на урановых рудниках...

Земля, прародина человечества, во время одной из войн Рассеяния попала под орбитальную бомбардировку фанатиков Истинного Джихада и после этого оказалась заброшена. Полтора века назад установился мир, но заселять планету потомки землян не стали, превратив ее в некое подобие археологического заповедника.

— Нечего объяснять банальности, все и так знаем, — буркнул Толик и принялся спускаться по трапу. — Подруга, пошли...

Ната сорвалась с места.

— Ох намучаемся мы еще с этой парочкой, клянусь духом, — пробормотал Антон из своего закутка. Вжикнула крышечка фляжки, раздался негромкий плеск, по рубке поплыл запах спирта.

Лара, по обыкновению, промолчала, но презрения в ее взгляде хватило бы на пятерых проповедников, оказавшихся в публичном доме.

Стас зарабатывал на жизнь тем, что привозил в Метрополию древний хлам, иначе называемый антиквариатом. За спиной у бывшего пилота армейского штурмовика было десять полетов на Землю, именующихся у черных археологов «ходками», и последние шесть он совершил в одной команде с Ларой и Антоном.

Ната и Толик попали на борт «Гермеса» перед нынешней ходкой, в последний момент, когда выяснилось, что одного из постоянных помощников Стаса за дела с наркотиками загребла полиция, а второй ухитрился зарезаться какой-то дрянью и угодил в карантин.

Парочка молодых людей, влюбленных друг в друга и мечтающих на какое-то время покинуть Метрополию, десять дней назад показалась Стасу неплохим вариантом.

— Ничего, обломаются, — сказал он, вылезая из кресла.

Антон сидел, развалившись, глаза его маслянисто блестели, показывая, что механик принял на грудь не меньше ста грамм, Лара щелкала сенсорами повешенного на стену диагностера.

— Пойдем, подышим свежим воздухом, — Стас огладил макушку, ощущая, как колют ладонь коротко стриженные волосы. — Успеете еще наработаться, ежик корень...

Первый день всегда отводится на то, чтобы осмотреться, привыкнуть к месту, — это правило он соблюдал неукоснительно, с первой самостоятельной «ходки». Сегодня каждый волен бродить где угодно, а с завтрашнего утра все впрягутся в тяжелую и унылую работу.

Стас спустился по трапу, поднял лицо, подставляя его теплым солнечным лучам, касаниям ветра, особенно приятным после недели в душной рубке, но взгляд потянуло вниз. Осмотрел развалины, с привычной цепкостью отмечая детали: почти целая пластиковая чашка... зеркало в желтой оправе, очень древнее... что-то блещит в щели, надо бы поглядеть...

Консервы хрустели на зубах, точно речной песок, а на вкус напоминали сушеное куриное мясо, смешанное с абрикосами. Стас жевал сухую волокнистую массу без всякого удовольствия.

— Мы так и будем питаться... этим... все время? — Ната отвела взгляд от иллюминатора, за которым было черным-черно, негодующе посмотрела на командира.

— А ты что предлагаешь? — спросил Стас. — У нас есть ружья, но охотиться на местных тварей времени не будет. Да и вряд ли ты умеешь стрелять.

— Ты зато умеешь, — пробурчал Толик.

— Доводилось, — ответил Стас спокойно. — Еще в те времена, когда ты под стол пешком ходил.

Толик напрягся, на скулах обозначились желваки, в серых глазах мелькнул страх. Бывший продавец модного магазина прекрасно знал, что дойди дело до открытого столкновения — быть ему нещадно битым.

— Вот и ладно. — Стас перевел взгляд на Антона. — Поговорим о деле. Что у нас с оборудованием?

— Все проверил, все работает. — Механик сыто

рыгнул и потянулся к торчащей из нагрудного кармана фляжке.

Антон пил непрерывно, за время знакомства Стас видел его трезвым всего один раз. Но бывший механик одного из дальнобойных торговых кораблей никогда не напивался до потери рассудка и в любом состоянии делал свое дело на «отлично».

— Лара?

— Биологический фон в норме. — До того, как оказаться в команде Стаса, Лара много лет проработала врачом в одной из больниц Метрополии.

— Вот и славно. Завтра приступим. — Стас потянулся, почувствовал, как хрустнули суставы. — Подъем с рассветом, так что советую допоздна не гулять...

Сам выбрался из корабля, сел на верхней ступеньке трапа, вытащил из кармана пластиковую трубочку, напоминающую древнюю сигарету, открыл колпачок и сунул ее в нос. Привычку дышать спорами адского гриба Стас приобрел еще в армии. Вдохнул, ноздрю пощекотало, щеколка пошла глубже, в гортань, достигла груди. Там возникло приятное онемение, мускулы расслабились, по телу побежала теплая волна.

Мимо проскользнули Толик и Ната, но Стас не обратил на них внимания.

Он сидел, глядя в темное небо, где среди рваных облаков болтались редкие звезды, слушал, как в рубке заунывно и пронзительно, как работающая вибролопата, напевает Антон. Затем послышался голос Лары, механик замолк, на трап и землю внизу упали мерцающие голубоватые отблески, испускаемые видеоизлучателем развлекательного комплекса.

Формой «Гермес» напоминал вытянутое яйцо. Верхнюю часть его занимала рубка — единственное предназначенное для людей помещение, заднюю — двигатель, а нижнюю — трюм, на данный момент почти пустой.

Створки грузового люка с гудением отошли в стороны, обнажив отливающие серым стены.

— Вот они, родные. — Стас заглянул внутрь и вытащил несколько приборов, напоминающих тарелки из металла. — Ручные сканеры направленного действия... С участками для осмотра мы определились, так что берите — и вперед.

— А почему нельзя собирать то, что на поверхности? — Ната мотнула головой. — Там же столько всего...

— Большей частью это мелочовка, — Антон сплюнул, — на ней не заработаешь.

При упоминании денег лицо Толика дернулось, глаза алчно блеснули. Именно за ними сюда и явился бывший продавец, решивший в короткий срок сделаться богачом.

— Включается вот этим сенсором. — Стас во время полета объяснял, как обращаться со сканером, но не надеялся, что новички запомнили с первого раза. — Ваша задача — без особой спешки, шагом обойти участок, а этот приборчик сам определит, где и что лежит под землей, на какой глубине, и все это запомнит. Понятно, ежекин корень?

— Ага. — Глаза Наты широко распахнулись, рот приоткрылся — в институте современного искусства, откуда она угодила прямиком в черные археологи, такому не учили.

— Тогда вперед. — Стас активировал сканер, поправил вставленную в ухо горошину рации. — Работать будем отсюда и до самого обеда...

Остающаяся дежурной на «Гермесе» Лара помахала рукой и скрылась внутри корабля. Ее задачей было следить за кружащими над планетой патрулями: вдруг какой из них заинтересуется разрушенным городом у слияния двух больших рек?

Стас проводил взглядом Нату и Толика, погрозил кулаком Антону и двинулся к тому участку, что оставил себе. Само собой, выбрал наиболее сложный, где по

всем признакам располагались огромные культовые сооружения, именовавшиеся в древности «торговыми центрами». Шел не спеша, время от времени поглядывая на экран сканера, но большей частью — себе под ноги. Антон не врал: чаще всего то, что лежит открыто, не представляет ценности, но иногда на поверхности встречаются уникальные, бесценные предметы...

Хотя новичкам об этом знать не обязательно.

Изображение на ручном сканере было нечетким, по экрану бежали помехи. Археологи с лицензией работают с большими сканерами, позволяющими заглянуть на десятки метров под землю и с поверхности разглядеть, что именно там лежит. Но такой прибор жрет море энергии, а его работу легко засечь с орбиты.

Каждая находка отмечалась негромким писком, на экране появлялись разноцветные засветки: серебристые — металла, желтые — пластика, синие — стекла, зеленые — дерева...

В одном месте, на гряде битого кирпича, Стас приостановился в удивлении — на глубине в несколько метров обнаружилось скопление небольших прямоугольных предметов, сделанных, судя по алому цвету засветки, из неизвестного сканеру материала. Несколько мгновений постоял, размышляя, что бы это могло быть, и зашагал дальше.

Вибролопата вошла в камень с легким скрежетом, полетела пыль, черенок в руках Стаса затрясся, как норовящая вырваться змея. Плита треснула и раскололась.

— Тащи! — Стас выключил лопату и спрыгнул с плиты, Толик и Антон потянули один из ее кусков в сторону. Тот медленно и неохотно сдвинулся с места, обнажив темное отверстие, куда Лара посветила фонариком.

Они работали на Земле третий день, грузовой отсек был заполнен едва на одну пятую. Его занимали раскладные контейнеры, плотно набитые деталями древ-

них компьютеров, статуэтками из металла и фарфора, битой посудой, частями замысловатых приспособлений, чье назначение давно забыто: телевизоров, фотоаппаратов, приемников.

Здесь это является мусором, но спустя пару недель и десятков световых лет станет дорогим антиквариатом.

— Что там? — спросил Антон, вытирая с лица пот.

— Какие-то обломки, — ответила Лара, наклонившись еще ниже. — Отсюда не разглядеть...

— Толик, прыгай вниз. — Стас нащупал на поясе пульт, нажал сенсор, и небольшая тележка, снабженная антигравом, мягко подползла поближе. — Будешь подавать, а я приму...

Толик пробурчал что-то, но послушно полез в дыру. Из нее донесся гулкий удар, сменившийся громогласными ругательствами, потом высунулась испачканная землей рука с зажатой в ней фарфоровой тарелкой.

Содержимое отрытой полости, состоящее из обломков мебели и посуды, перетащили на тележку за пять минут.

— Давай к кораблю, — сказал Стас Антону. — Как перегрузишь, дай сигнал.

— А мы куда? — вылезший из-под земли Толик напоминал измученного циррозом шахтера. — Поздно уже...

— Еще есть время. — Стас посмотрел на багровый шар солнца, висящий над самым горизонтом. — Пойдем, глянем кое-что.

До необычной находки, скрытой под битым кирпичом, руки до сих пор не доходили.

Тележка поползла в сторону «Гермеса», Антон побрел за ней, пошатываясь и что-то напевая под нос, а Стас развернулся туда, где сканер обнаружил залежи непонятных предметов. Лара и Толик уныло шагали за командиром.

— Здесь, — сказал Стас, когда они добрались до склона кирпичного холма. — Поглядим...

Вибролопаты не столько резали кирпич, сколько расшвыривали его, обломки летели в стороны, стоял такой грохот, что болели уши, а внутри черепа неприятно екало. Когда обнажилась плита межэтажного перекрытия, Стас отключил лопату и несколько минут остервенело ковырял в ухе.

Двум лопатам плита сопротивлялась недолго, пошла трещинами и разломилась, открыв помещение, заваленное небольшими коробками. Из него прянул мощный запах пыли.

— Теперь моя очередь. — Стас отдал лопату Ларе, спрыгнул вниз. Под ногами поехало, он взмахнул руками, оперся о шершавую стену.

— Ну, что там? — донесся сверху возбужденный голос Толика.

— Сейчас посмотрим. — Стас нагнулся, поднял небольшую коробку с надписью сверху. Один торец был закрытым, остальные три отсутствовали, обнажая внутренности, состоящие из стопки очень тонких серых пластин. — Ты отойди, не заслоняй свет...

Наверху сдвинулись, стало светлее.

— Это что? — полюбопытствовала Лара. — Вроде на прибор не похоже, да и на украшение тоже...

— Может быть, предмет религиозного культа? — предположил Стас. — Придется заглянуть в справочник... Хотя...

Крышку коробки удалось откинуть в сторону. Находящиеся под ней белые пластины легко гнулись, а сотни крошечных черных букв покрывали каждую с обеих сторон.

— Это называется «бумага», — сказал Стас. — Материал нестойкий, сохранились единичные экземпляры изделий из нее. Но обычно это отдельные куски, даже обрывки... Сейчас...

Он знал очертания букв основных земных алфавитов. Этот город, как поняли по первым находкам, насе-

ляли люди, использовавшие кириллическую азбуку, а как звучат ее буквы, Стас имел представление.

— Виленин, — прочитал он.

— И что это значит? — изумился Толик.

— Не знаю, ежик корень. — Стас не стал изображать эксперта. — Пойдем изучать справочник. А потом настроим транскрибер, посмотрим, что он переведет.

Прежде чем выбраться наружу, прихватил еще пару коробок. Они мало отличались от первой, разве что были украшены цветастыми изображениями, одна — куском мяса в обрамлении овощей, другая — суровым мужчиной с древним пистолетом в руке.

— Ну что, мне идти к вам? — рация в ухе воспроизвела дребезжащий тенор Антона.

— Не надо, мы возвращаемся, — ответил Стас.

Блестящий и округлый «Гермес» выглядел среди развалин чужеродней айсберга в сердце пустыни. У грузового люка возился Антон, на вершине трапа торчала Ната, похожая на хомяка у норки.

Увидев Толика, взвизгнула и бросилась навстречу.

— Как будто год не виделись, — ядовито проговорила Лара, глядя на обнимающуюся парочку, но в голосе ее прозвучала зависть.

— Молодежь, — буркнул Стас.

Они поднялись на корабль, Лара отправилась к санитарному блоку — смывать грязь после трудового дня, а Стас уселся к пульта, пробежал пальцами по сенсорам.

Экран мигнул, выдав заставку справочника «Материальная культура Земли XX — XXII веков» — изображение кренящейся набок круглой башни, которую сотни лет назад почему-то называли пейзажной.

— Ну, что там? — в рубку протиснулся Антон, пахло спиртом.

Стас быстро прошел по оглавлению справочника, остановился на небольшом разделе в самом конце списка: «Изделия из бумаги». На экране замелькали изо-

бражения предметов, привезенных с Земли официальными экспедициями.

Листы отдельные... обрывки материала... рулоны непонятного, предположительно ритуального назначения... газеты, подумать только — когда-то их тоже делали из бумаги...

— Ага, вот это что. — Стас остановил перемотку. — Эта штука называется «книга»... А крышка на ней — обложка.

— А для чего эта книга нужна? — В люк протиснулся Толик с висящей на нем Натой.

— Ее... э-э-э... — Стас взгляделся в справочный текст, недоуменно поскреб затылок. — Ее читали...

— Зачем? — изумился Антон, слышались бульканье, глоток и довольный всхрип.

— Для развлечения. — Стас развернулся, положил книги в считывающий блок транскрибера. — Сейчас и мы попробуем.

Прибор-переводчик коротко пискнул, развернул виртуальный экран, на нем одна за другой начали появляться строчки.

«В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 15» — гласила первая.

«Дэшил Хэммет. Мальтийский сокол» — вторая.

«Готовим вкусно и быстро. Сборник кулинарных рецептов» — третья.

— Читать подобное для развлечения? — сказала Ната. — Просто буквы с твердой поверхности? Без эффектов, подсказок и прочего? Хотя я понимаю наших предков — у них же не было развлекательных комплексов...

— Помолчи, подруга. Они хоть дорогие, эти книги? — Мысли Толика всегда работали в одном направлении.

Стас не сомневался, что, имея бывший продавец навыки пилотирования и связи с перекупщиками, он бы попытался укокошить соратников по экспедиции. Просто для того, чтобы не делиться.

— Не знаю, — проговорил Стас. — Судя по количеству информации, их почти не находили, так, единичные экземпляры. Вряд ли любители антиквариата заплатят много за то, о чем не знают... В крайнем случае продадим их просто как бумагу, по весу.

Тучи, серые и плотные, бежали низко, дождь моросил с упорством копающего подземный ход узника. Стас с Натой без особой спешки ковырялись в гряде развалин.

— Неужели так и будет дальше? — спросила девушка, поглядев на небо.

— Кто знает? — Стас пожал плечами. — Земной календарь утерян, новый составить никто не удосужился, а о прогнозе погоды можно и не мечтать.

Рация в ухе негромко пискнула, а потом разразилась ужасающим воем. Ната вскрикнула, подняла руки к ушам.

— Боги космоса! Что он делает? — рявкнул Стас и помчался туда, где под дождем мерцал окутывающий «Гермес» «зонтик» маскирующего поля.

Едва не подвернул ногу на мокрых камнях, но, ощутив боль в лодыжке, лишь добавил скорости. Прогрохотал по трапу и ворвался в рубку, где около пульта скорчился оставленный на дежурстве Толик.

— Что ты сделал, гнида? — Стас подскочил к нему, замахнулся.

Кулак угодил Толику в челюсть, того мотнуло в кресле, зубы звучно клацнули.

— Задел случайно вон тот сенсор... — плачущим голосом проговорил бывший продавец, прикрывая лицо.

— Какой?

— Вот этот!

Стас с трудом удержался от повторного удара. Толик ухитрился включить блок дальней связи, и тот, поvinуясь заложенной программе, попытался отыскать поблизости собратьев.

И нашел — в патрульных кораблях на орбите.

— Всем возвращаться! — рыкнул Стас в рацию, отключая злополучный сенсор. — Оборудование забрать! И поторопитесь, ежкин корень!

Сам отпихнул Толика, сел к пульту, вывел на экран данные сканеров пространства.

Один патрульный корабль находился прямо в зените, еще два неспешно приближались с востока. Хуже всего было то, что от первого отпочковывался меньший по размерам объект — разведывательный модуль.

— Боги космоса! — Стас ощутил, как неприятно заныло под ложечкой.

— Что случилось? — в люк заглянул Антон, мокрый, как упавшая в реку мышь.

— То, что нас вскоре распылят на молекулы, — ответил Стас, один за другим выключая энергетические контуры. — Погибнем бесславно, но зато быстро и безболезненно...

Прижавшийся к стенке Толик задрожал, издал сдавленный всхлип.

Разведывательный модуль снижался без особенной спешки, приборы «Гермеса» фиксировали шарящие по земле «глаза» сканеров, но маскировочное поле пока справлялось.

— Что происх... — шагнула в рубку Лара, но ей хватило одного взгляда на экран. — О, проклятье...

— Оно самое, — буркнул Стас, отрубая систему жизнеобеспечения. — Молитесь всем богам, больше ничего не остается...

Погас свет, умерли вспомогательные пульта, с негромким урчанием отключился базовый генератор, остался только главный экран да генератор закрывающего «Гермес» поля.

Сквозь приоткрытый люк сверху донесся тонкий, чуть слышный свист. Усилился и стих — разведывательный модуль повис на месте, оглядывая развалины и пы-

таясь обнаружить источник полученного с планеты сигнала.

Стас невольно затаил дыхание — обнаружат их сейчас патрульные, не помогут тогда «Гермесу» мощные двигатели, маневренность и опытный, прошедший войну пилот. Залп из фотонной пушки — и останется от корабля обугленное пятно.

Негромко бормотал что-то под нос Антон, то ли пел, то ли молился, Лара стояла, опершись на стенку, Ната испуганно всхлипывала, а Толик мелко трясся, как эпилептик.

Когда модуль пошел вверх, Стас ощутил, как замершее было сердце застучало вновь, а по телу выступила испарина.

— Пронесло, — сказал он, поворачиваясь и обводя команду тяжелым взглядом. — Но еще долго они будут держать этот район под особым прицелом, слушать все диапазоны... И как вы думаете, что это значит?

— Ч-что? — спросил Толик.

— А то, что придется сидеть тише воды ниже травы! — рявкнул Стас. — Не включать ни один из приборов, что может выдать нас!

— Есть холодные консервы, не пользоваться связью, — пояснила Лара, — и заболей кто из вас, я даже не смогу включить диагностер.

Толик, на челюсти которого набухал роскошный синяк, с судорожным всхлипом сполз по стенке, Ната бросилась к нему, обняла за шею и принялась шептать что-то ободряюще-ласковое.

Темнело медленно, дождь шуршал по обшивке, капли сползали по стеклам иллюминаторов, сумерки надвигались на разрушенный город, смазывая очертания развалин. Дневная работа была давно сделана, ужин съеден. Команда «Гермеса» отдыхала при неярком, но вполне достаточном аварийном освещении, какое не засечешь и с полусотни метров.

Стас дремал в пилотском кресле, краем уха улавливая немusикальное пение Антона и негромкий стук — Лара устроила ревизию препаратов в аптечке. Толик и Ната, несмотря на отвратительную погоду, бродили по развалинам.

— Эх, скучно-то как, — заметил Антон, прервав очередную песню, мало чем отличную от десяти предыдущих. — И видеоизлучатель не включишь... Мы от тоски померем дня через три.

— А ты книги читай, — посоветовала Лара. — Вон их сколько. Половину трюма забили этими бумажными штуками. И кто знал, что они такие тяжелые?

— Точно, — не открывая глаз, проговорил Стас. — Зря, что ли, мы транскрибер гоняли?

Три дня назад, когда обнаружили склад книг, с помощью транскрибера удалось создать программу дешифровки и загрузить ее в индивидуальные вычислительные центры каждого.

— Можно попробовать. — Антон почесал слегка прикрытую космами лысину. — Пойду выберу чего-нибудь...

Стас удивленно хмыкнул — меньше всего ожидал, что предложение Лары будет принято всерьез.

Антон вернулся довольно быстро, сжимая в руках толстую книгу в оранжевом переплете. Вычислительный центр на поясе механика слегка поскрипывал, а около глаз мерцали виртуальные очки, позволявшие видеть кириллический текст уже переведенным на язык Метрополии.

— Что это? — спросила Лара.

— Э... Карлос Кастанеда, — ответил Антон. — Название уж больно понравилось: «Искусство сновидения»!

— Это о вкусном и здоровом сне? — Стас вылез из кресла, с интересом глянул на обложку, где красовался голый мужик с морской раковиной на макушке. — Пойду тоже чего-нибудь выберу...

Узкий и неудобный проход в трюм располагался в задней части рубки, пользовались им только в полете, но сейчас Стас просто не хотел мокнуть под дождем.

Он открыл дверцу и по прижавшейся к стене лесенке спустился вниз, туда, где громоздились штабеля книг. Огляделся и задумчиво огладил подбородок, щетина на котором догнала в размере волосы на голове.

Книг были сотни, и как выбрать что-то интересное без помощи программы-справочника или гида, Стас не знал. Вытащил одну наугад, черную, толстую, как любитель посиделок в пивных барах.

«Л. Н. Толстой, — гласили буквы на обложке. — Война и мир».

Стас задумчиво взвесил книгу на ладони и положил на место — с такой глыбой тягаться рановато, для начала нужно найти что-нибудь попроще. Подходящая книжечка отыскалась довольно быстро — потрепанная, в яркой обложке, украшенной изображением облачно-го в скафандр мужика.

— «Роберт Хайнлайн. Звездная пехота», — с некоторым трудом прочитал Стас. — Наверняка воспоминания какого-нибудь ветерана времен первых войн в космосе. То, что нужно...

Он поднялся по лесенке, у дверцы столкнулся с Ларой. Та почему-то смутилась и отступила в сторону, а когда Стас прошел мимо, шмыгнула вниз, в полутьму трюма.

— Чего это она? — спросил Стас.

Антон не ответил, из-за оранжевой книги виднелись только переходящий в лысину лоб и задумчиво шевелящиеся брови. Стас пожал плечами и прошел к креслу.

Он открыл книгу, несколько минут соображал, куда делись буквы, и только потом догадался перевернуть тонкий лист из бумаги, именуемый страницей. Прочел первое слово и ощутил, как в голове что-то шевельнулось...

Чтение оказалось процессом странным. Изложенные на бумаге ряды корявых символов преобразовывались в мозгу в звуки, краски, запахи, порождали какие-то мысли, мало связанные с тем, что описывалось в тексте...

Стас ощутил себя рядом с героями романа, выпал из реальности куда сильнее, чем при просмотре видео или виртуальной игре. Он не заметил, как вернулась в рубку Лара с томиком «Джен Эйр», как вошедшие Толик и Ната удивленно вытаращили глаза...

Он читал.

Когда с трудом оторвался от очередной страницы, обнаружил, что за иллюминаторами темно, Антон храпит в обнимку с томиком Кастанеды, Ната дремлет, Лара негромко всхлипывает, а Толик шелестит страницами, тараща глаза, как сова в полдень.

Стас отложил книгу и выключил свет.

От пульта донеслось немелодичное курлыканье, извещающее, что пришло время вставать. Стас заворочался и попытался открыть глаза. Это получилось сделать только с третьей попытки.

Над входом в санитарный блок горела лампочка — Антон, как обычно, встал раньше всех.

— Доброе утро, — проговорил Стас, трансформируя кресло в сидячее положение и нажимая сенсор на подлокотнике. Одеядо с шорохом втянулось в отведенную ему полость.

— Доброе, — без особой радости отозвался Толик.

На полу рядом с ним валялась обложкой вверх раскрытая книга, на которой зловещего вида дядька душил красавицу, облаченную в несколько квадратных сантиметров прозрачной ткани.

«Джеймс Хедли Чейз. Положи ее среди лилий», — прочитал Стас.

Антон выбрался из санитарного блока, туда незаметно и стремительно, точно мышь, скользнула Лара. Ната потянулась, одеядо сползло с высокой груди, но взгляд Стаса сам собой передвинулся на небольшой томик, что девушка держала в руке.

«Старшая Эдда» — гласила надпись на нем.

— Странно я себя чувствую, клянусь духом, — ска-

зал Антон, — голова тяжелая, как после пьянки, только вот мыслишки разные в ней бегают...

— Про них потом расскажешь, — ответил Стас, — лучше завтраком займись. Сегодня твое дежурство.

— А чего им заниматься? — механик пожал плечами. — Даже печку не включишь.

— Хотя бы консервы открой. — Стас нажал сенсор на пульте, полюбовался на отползающий в сторону люк.

Позавтракали быстро, пустые упаковки консервов полетели в бак утилизатора. Тот заурчал, а люди по одному начали выбираться из корабля, под серое небо, в клубящийся над развалинами туман.

Стас в паре с Натой отправились на участок, недавно разведанный Толиком.

Прочесывали развалины без особой спешки. Находки поначалу были пустяковыми, в рюкзаке за спиной Стаса тренькали друг о друга несколько ложек, да лежал в кармане примитивный прибор связи, называвшийся «сотовым телефоном».

— Опять не повезло, — сказала Ната, когда под очередным завалом нашлись обломки, годные для продажи меньше, чем прошлогодний снег. — Как ты думаешь, так на самом деле бывает?

— Как? — Стас положил на место кусок камня и изумленно посмотрел на девушку, непривычно печальную и задумчивую. — Ты о чем?

— О книгах. — Ната смущенно потупилась. — Неужели все происходило так, как там описано? Сигурд, Брунгильда...

— Не знаю, ежик корень. — Стас пожал плечами. Вчера с первых страниц он понял, что «Звездная пехота» — стопроцентный вымысел, ведь люди никогда не воевали ни с какими жуками. Но это понимание не помешало воспринять книгу как описание реальности. — Не знаю, — повторил Стас. — Давай лучше работать, а о развлечениях затем поговорим.

— Ладно, — кивнула Ната, и они зашагали к следующей точке, отмеченной в памяти сканера.

Вопреки байкам, работа черного археолога большей частью скучна, монотонна и лишена особых радостей, состоит не из перестрелок, погонь и ошеломляющих открытий, а из банального копания в мусоре.

К обеду Стас и Ната были грязны по уши, а рюкзак стал значительно тяжелее.

— Ну что, пойдём? — спросила девушка, когда таймер в вычислительном центре Стаса негромко пискнул.

— Пойдём, — ответил он. — А то что-то в животе урчит...

Безраздельно царивший с утра туман осел, ветер разогнал облака, и «Гермес» сверкал под солнцем, как глыба хрусталя, зато марево маскирующего поля сделалось почти невидимым.

У подножия трапа прямо на земле сидел Антон, восторженно пиялся куда-то в пространство.

— Ты что? — поинтересовался Стас, принюхиваясь. — Лара с Толиком пришли?

Самое удивительное — спиртным не пахло.

— Нет ещё, — ответил механик. — А у меня поехала точка сборки, а в энергетическом теле начались флюктуации...

И он поднес руки к лицу, взглянул на них с невероятным удивлением, точно видел первый раз.

— Ну и ну! — Стас отшатнулся.

— Он и раньше сумасшедшим был, — заметила Ната, — а после этого Кастанеды и вовсе свихнулся...

Антон подскочил, будто его ужалили в филейную часть, вытаращил глаза и опрометью бросился вверх по трапу. Ната выразительно покрутила пальцем у виска, Стас только покачал головой.

Ноги после целого дня работы передвигались с некоторым трудом, а набитый добычей рюкзак впивался в спину десятками бугров, неизвестным науке образом выросших за время обратного пути.

— Когда же придем? — спросил Антон, вытирая с лица пот.

— Вон за теми развалинами должен быть «Гермес», — ответил Стас. — Если я не путаю...

Сегодня они работали на самом дальнем от корабля участке, около руин старой крепости, откуда были видны острый мыс при слиянии двух рек и остатки громадной желтой церкви на нем.

Стас не ошибся, из-за развалин показались «Гермес», открытый люк и машущие руками у подножия трапа Ната и Толик. Ветер донес полные эмоций крики.

— Чего это они орут? — спросил Антон, поправляя рюкзак.

— Вот уж не знаю, — ответил Стас и добавил вычитанную в одной из книг фразу: — Милые бранятся — только тешатся.

Толик и Ната ссорились и раньше, но все обходилось парой ударов, банальным «Пошел ты!» и «Пошла ты, подруга!», после чего следовало быстрое, слезливое до тошноты примирение. Сейчас разлад шел совсем по другому сценарию.

— Ты, куколка, хоть понимаешь, с кем связалась? — рявкнул Толик. — Такие клевые парни, как я, на дороге не валяются!

— Твое место — в свинарнике, рядом с псами! — гордо ответила Ната.

Щеки ее алели, глаза сверкали, и выглядела девушка на редкость решительно. Исчезло ее всегдашнее подострастие по отношению к приятелю, появилась уверенность в себе.

— Разве ты ведешь себя как мужчина? — спросила Ната. — Ты трус и женовидный ублюдок!

— Заправь ленту в свою печатную машинку, а об остальном позабочусь я сам! — Толик шагнул вперед, но не подумал успокоить подругу пощечиной, как обычно, а попытался обнять ее за плечи.

Ната отшатнулась.

— Ты слышишь то же, что и я? — поинтересовался Стас, ощущая, что его челюсть готова отвиснуть до пояса.

— Ага, — ошалело кивнул Антон. — Они как-то странно разговаривают. Я и не думал, что этот хлыщ такие слова знает.

Толик тем временем заметил, что у ссоры появились зрители.

— Это наша разборка, парни, — сказал он вальяжно. — Две собаки дерутся — третья не мешай. Мы сами с куколкой все решим. Вам понятно?

— Еще бы не понятно, — ответил Стас. — Только не убейте друг друга, а то еще возись потом с похоронами...

Они обогнули ссорящуюся парочку и двинулись к грузовому люку. Там избавились от рюкзаков, а когда вернулись к трапу, ссора продолжалась, хотя и на некотором удалении от «Гермеса».

Доносились гневные выкрики.

— Чего это они? — спросил Стас, поднявшись в рубку.

— Настоящий мужчина, — Лара отложила потрепанный цветастый томик со знойной красоткой и томно улыбнулась, — обязательно заметит горячее сердце и ранимую душу настоящей женщины...

Раздался грохот — споткнувшийся на последней ступеньке Антон звучно хряснулся коленками об пол.

— Ну, чума, — пробормотал механик. — Клянусь духом...

Выпавшая из кармана комбинезона фляжка негромко, как-то сиротливо брякнула.

Вибролопата визжала, как записная истеричка, бесильно елозила по блестящей темной поверхности, оставляя неглубокие царапины.

— Что за материал такой? — спросил Толик, когда Стас отключил питание и визг стих.

— Вот уж не знаю, вроде обычный камень. Давай попробуем раскопать сбоку и поднять ее.

Они пошли в разные стороны, расчищая поверхность рядом с открытым участком, и Стас довольно быстро наткнулся на край. Вонзил под него вибролопату, включил ее, налег хорошенько...

Вывавшаяся из потных ладоней ручка хлестнула по лицу с такой силой, что перед глазами потемнело. Стас ощутил, что падает, потом обнаружил себя лежащим на груде камней.

В глазах склонившегося над ним Толика виднелся страх.

— Всэ... нозмално... — проговорил Стас, морщась от боли в челюсти. — Ежкин кознь...

— У тебя губы разбиты и кровь из носа течет, — сообщил Толик.

— Поыду к Ларе, — шатаясь, Стас ухитрился подняться. — А ты обследуй пока другие точки.

Путь до корабля занял в два раза больше времени, чем обычно, голова кружилась, возникало странное ощущение, что ноги то удлиняются, то укорачиваются, как телескопические хлысты.

Увидев «Гермес» и сидящую на нижней ступеньке трапа Лару, Стас облегченно вздохнул.

— Что с тобой? — Она вскочила, затрепетали книжные страницы.

— Лопата взбунтовалась. — Стас попробовал улыбнуться, но боль заставила отказаться от этой идеи.

— Пойдем наверх. — Лара обняла командира за пояс, осторожно повела по трапу.

Когда окунулись в душное нутро корабля, усадила в ближайшее кресло, а сама метнулась к аптечке. Стас на мгновение прикрыл глаза, поплыл куда-то, а когда пришел в себя, ощутил резкий неприятный запах и холодное прикосновение к предплечью.

— У тебя легкое сотрясение, — сказала Лара, — сейчас введу кое-что, станет легче, но до вечера придется полежать.

— А что с тобой? — Только тут Стас обратил внима-

ние, что глаза у Лары красные, а нос чуть припухший. — Ты что, плакала?

Инъектор сухо щелкнул, кожу предплечья кольнуло.

— Ничего, — ответила Лара, отводя взгляд. — Книга попалась такая... героиню жалко... ее там все бросают...

— Как можно плакать из-за букв на бумаге? — спросил Стас и осекся, вспоминая, как сам переживал за идущих к Ородруину хоббитов.

На Земле «Гермес» простоял три недели, тринадцать дней прошло с того момента, как пришлось перейти на режим энергомолчания. За это время Стас одолел около полутора десятков книг, в основном того жанра, что именовался в древности «фантастикой»...

Поначалу было тяжело, почти на каждой странице приходилось обращаться к словарю вычислительного центра, чтобы узнать значения многочисленных архаичных слов. Но потом Стас втянулся и начал получать от чтения удовольствие не меньшее, чем от вдыхания спор адского гриба.

Не отставали от командира и другие. Лара глотала сентиментальные романы, Толик — тексты про сыщиков с крепкими кулаками, Ната — всякую ерунду вроде саг и легенд.

Антон тоже что-то читал, но книги непонятно почему прятал. Куда более странным выглядело то, что он перестал пить, а по вечерам уходил куда-то в сторону от корабля. Ната и Толик немного времени проводили вместе, после давешнего скандала мало разговаривали, а бывший продавец больше не заводил бесед о том, как бы побыстрее разбогатеть.

Лара поглядывала на него со все большим и большим интересом.

А сам Стас несколько раз ловил себя на мечтаниях о другом мире, более чистом, светлом, где люди сражаются не за деньги, а за идеи, под дружбой понимают не деловой союз, а что-то другое, любовью не называют

секс, где нет жестких законов Метрополии и ты волен сам выбирать дорогу...

— Можно плакать, — сказала Лара, — как видишь.

— Такое впечатление, что я попал в дом для умалишенных, — пробормотал Стас, глянул на пульт и едва не застонал.

На центральной консоли, напоминая раскинувшую крылья огромную бабочку, лежала книга. На темной обложке золотились крупные буквы: «Федор Достоевский. Записки сумасшедшего».

Проснулся Стас будто от толчка, несколько мгновений полежал, вслушиваясь в вой ветра за стенками и вглядываясь в заполняющий нутро «Гермеса» мрак, потом обратил внимание на то, что люк открыт, судя по тому, как отчетливо доносится звук.

Тревога кольнула сердце, заставила спешно выбраться из кресла. Стас влез в комбинезон, нащупал в кармане фонарик.

Снаружи оказалось не так темно, как в корабле, сквозь неторопливо ползущие облака там и сям просвечивали звезды, над самым горизонтом виднелся белевый лунный диск.

Антон стоял на коленях, взобравшись на ближайшую к «Гермесу» кучу обломков, и что-то бормотал. Когда он вскинул руку, Стас ощутил, как его охватывает морозцем: в ладони механик сжимал вибронож, достаточно большой и мощный, чтобы разрезать ствол дерева.

Вот только деревьев рядом не было.

Антон поднял руку еще выше, лезвие блеснуло. Стас рванул с места, под ногой громыхнул камушек, механик повернул голову, нож стремительно пошел вниз. Стас перехватил его в последний момент, сжал предплечье Антона, и они покатались по земле.

— Что ты делаешь, ежкин корень? — прохрипел Стас, вырвав нож из руки механика и усевшись на поверженного верхом.

— Пусти, — ответил Антон глухо, из левой руки у него выпала тонкая книжечка. — Я должен это сделать. Высшее служение человека есть смерть, а смерть добровольная и мучительная возносит погибшего к вершинам блаженства...

— Что за бред? — Стас встал, морщась от появившейся в голове боли, нагнулся и поднял книгу.

— Отдай! — Антон попытался прыгнуть прямо с земли, лысина его блеснула, но Стас отступил в сторону, и механик промахнулся.

— Вот уж нет! — Стас почувствовал, как от гнева начинает гореть лицо. — Книга освобождения? Истинное учение бессмертия? А ну марш в корабль! Быстро! А не то устрою тебе кровопускание, но не смертельное, а болезненное!

Даже в темноте было видно, как Антон побледнел. Он торопливо поднялся и принялся отступать к «Гермесу», не отрывая глаз от взбешенного командира.

— Книг он начитался! — рычал Стас, торопливо поднимаясь по трапу. — Да поимей меня горный тролль... тьфу!.. если я позволю кому-нибудь из вас или себе еще раз перевернуть страницу! Подъем, мать вашу!

На последней ступеньке трапа Антон споткнулся и упал внутрь. Грохот удара смешался с воплем боли. В темноте зашуршало, раздался недовольный голос Наты:

— В чем дело? Спать не даете!

— Мы улетаем! Немедленно! — Стас обошел Антона и шагнул к пульту, нажатием сенсора включил свет. — И пока я буду высматривать окно между патрулями, вы должны вышвырнуть из трюма все книги!

— Что? — Лара поднялась на кровати, изумленно заморгала.

— Это приказ! — прорычал Стас. — Понятно?!

— Чего орать-то? — Толик вылез из-под одеяла, какой-то весь белый, дряблый и обвисший.

Стас сплюнул и отвернулся к пульту, вывел на экран данные сканеров пространства.

Кружащие вокруг Земли патрульные корабли не мо-

гут контролировать всю поверхность планеты, они оставляют двигающиеся «слепые пятна», где сопровождающий старт энергетический выброс останется незамеченным.

За спиной слышались недовольные голоса, шаги, затем переместились ниже, в трюм, но Стас не обращал на них внимания. Он работал, выискивая момент, когда наступит ближайшее «окно».

— Через тридцать три минуты, — пробормотал, закончив вычисления. — Должны успеть...

Полоса света из люка падала на развалины, виднелись суetyающиеся люди, вытаскивающие из трюма охапки книг. Стас понаблюдал за ними несколько мгновений и принялся обшаривать рубку, заглядывая всюду: в личные шкафчики, под кресла, в уголки, где можно устроить тайник. Наверняка все отложили что-то для себя, нечто понравившееся, зацепившее душу...

Один томик шлепнулся на стол, второй, третий... Джеймс Хедли Чейз, Эрл Стэнли Гарднер — это значака Толика, Гомер, «Песнь о Роланде» — Наты, куча книжек в мягких обложках с томными красавицами в объятиях суровых мужчин спрятана Ларой...

Расставаться с тем, что отложил сам, оказалось труднее всего: Толкиен, Фрэнк Херберт, Роджер Желязны. Стас ощутил, что отрывает кусок от самого себя, но решительно шлепнул эти книги в общую стопку. А затем ухватил и поволол все к люку.

— Что ты делаешь? — отчаянно выкрикнула Лара, когда он швырнул найденное в рубке наземь.

— Спасая кое-кого от заразы, — ответил Стас. — Вы закончили?

— Да, — мрачно буркнул Антон.

— Тогда все на корабль. — Стас первым поднялся по трапу. В рубке подошел к оружейному хранилищу, набрал код доступа. Понаблюдал, как отъезжает в сторону бронированная крышка, и полез внутрь.

Ната отшатнулась, обнаружив командира с плазменным ружьем в руках.

— Ты сошел с ума! — губы Толика тряслись, глаза бежали.

— Нет, — Стас покачал головой. — Пока еще нет. Занимайте места, через десять минут стартуем...

— Зачем? Куда? — захлопала ресницами Лара.

— Домой. Мы нашли достаточно, чтобы окупить полет и пожить в свое удовольствие некоторое время. — Стас подошел к люку, прицелился. — А оставаться здесь смертельно опасно...

Сердце дрогнуло, но он уверенно нажал спусковой сенсор. Ослепительно-белый луч ударил в темнеющую неопрятным бугром грудку книг, они вспыхнули жарко и весело, будто ждали этого момента.

— Не-е-ет! — гневный вопль вырвался сразу из четырех глоток.

— Да! — Стас повернулся, не опуская ружья. — Всем оставаться на местах!

— Зачем? Ну зачем? — спрашивала Лара, пока он шел к пилотскому креслу, закрывал люк и готовил корабль к взлету.

— Эти книги... — Стас нажимал сенсоры, вглядываясь в появляющиеся на экране диаграммы. — Они опаснее сотни солярных бомб! Они делают нас слабыми, порождают странные мысли, сомнения в том, что неизбежно в традициях Метрополии... Лучше обойтись без них!

Он выглянул в иллюминатор, посмотрел на пылающую грудку бумаги, где в алом пламени корчились и рассеивались черным пеплом страницы, нажатием сенсора активировал защитный экран.

Изображение за иллюминатором размылось и исчезло.

— Старт, дамы и господа, — проговорил Стас, и «Гермес» прыгнул вверх, как огромный кузнечик.

Костер из смертельно опасного антиквариата остался внизу.

КРЕАТИВЩИКИ

лег распахнул дверцу холодильника и покачал головой. На нижней полке валялись две бутылки «Ессентуков», вторая и семнадцатая скважины, обе пустые. На средней стояла шестилитровая канистра «Святого источника», тоже без содержимого. Пластиковая поллитровка «Севен-Апа» торчала в отделении для кетчупов со свинченной крышкой, горлышком вниз. И только на дне стеклянной бутылочки «Пепси», кажется, что-то еще плескалось. Олег вынул ее и посмотрел на просвет. Нет, показалось.

Он захлопнул дверцу и снял с подставки электрический чайник. В чайнике, судя по весу, тоже было пусто, но Олег все равно поднес к губам тупой носик и поймал языком несколько теплых капель с привкусом накипи. Подумал: «Удивительно! И кто только его выпивает? Живу вроде один...»

Он снял крышку и понес чайник к раковине, чтобы набрать воды, но на полпути остановился. Ему в голову пришла другая мысль, более *креативная*. Олег поставил чайник на подставку, накрыл крышкой и, с ногами забравшись на табурет, склонился над столом, заваленным карандашами, ручками и тетрадными листами, за редким исключением чистыми.

Чайник, подумал Олег. Такой знак вешают на заднее стекло водители-новички. Только как бы его пристроить к делу? Может, так?

Он взял ручку и, сорвав зубами колпачок, вывел вверх листа:

Обгоняя «чайника», ты рискуешь остаться с носиком.

Потом двумя руками поднял листок на уровень глаз, несколько раз перечел написанное и пришел к выводу: нормально. Не бог весть что, но с этим, по крайней мере, уже можно работать. Вот только сначала бы какой-нибудь водички...

Он слез с табурета и подошел к холодильнику. Дешевый линолеум лип к пяткам. Пусто, вздохнул Олег, обшарив взглядом полки. И тут пусто. Он вернул на место бутылочку «Пепси», в которой, как ему сперва показалось, что-то еще оставалось на донышке. Олег захлопнул дверцу, взял с подставки чайник и, поймав языком лишь несколько песчинок сухого остатка, возмущенно подумал: «Ну а тут-то почему пусто? Ведь только что наливал!»

Он отнес чайник к раковине и пустил воду, но понял, что все равно не дождетсЯ, пока она закипит. Тогда он отставил чайник и припал губами к теплой, отдающей хлоркой струе. Попил, отдышался, еще попил. Выгреб из мойки несколько грязных стаканов, сунул голову под струю... и немедленно высунул обратно. Ему показалось, что на тумбочке у окна тренькнул телефон. Олег выключил воду и несколько секунд напряженно вслушивался, однако треньканье не повторилось. Или все-таки показалось? «А вдруг, — пришла мысль, от которой Олега пробил озноб, — у них неполадки на линии? А ты сидишь тут, ждешь звонка...»

Он подошел к тумбочке, чтобы проверить, есть ли гудок и хорошо ли лежит трубка. Гудок был, и трубка лежала — лучше некуда, но беспокойство не спешило уходить. Был звонок или ему послышалось? Если был, то почему всего один? Не в их правилах звонить и бросать трубку. В их правилах звонить до упора. Двадцать гудков, затем пятиминутная пауза и еще двадцать гудков. И так шесть раз.

Но и эта мысль не принесла успокоения. Облизав губы, Олег направился к холодильнику. Открыл дверцу

и тут же в сердцах захлопнул: ведь проверял уже! Немного успокоившись, усмехнулся. Может, записку себе оставить? «Проверено, воды нет!» Он потянулся к пачке отрывных листков, висящей на дверце холодильника как раз для таких целей. На верхнем листочке почерком Олега было написано: «Проверено, воды нет!» Он усмехнулся еще раз и перевесил записку на более видное место.

И все-таки, почему они не звонят? Он им вон уже сколько... *накреативил*.

Должно быть, от волнения захотелось в туалет. Точно от волнения, с чего бы еще? Ведь с утра во рту ни маковой росинки... Хотя Олег предпочел бы маковую соломку. Или башню из четырех кубиков с острым, как игла, шпилем. Или двойную сплошную длиной в обеденный стол. Или...

Стоп! Сплошная линия дорожной разметки в сочетании с расхожим выражением «сплошные неприятности» давали повод для дешевого каламбура. А ведь ничего другого от него и не требуется. Дешевый каламбур плюс капелька парадокса в подтверждение банальной истины.

Через мгновение Олег уже сидел за столом в рабочей позе: ноги на табурете, колпачок от ручки в зубах.

Пересекая сплошную линию, ты рискуешь... —

быстро написал он и задумался, подбирая слово. Обрести? Огрести? Нарваться? И вообще это «рискуешь» он уже использовал как минимум дважды. В слогане про красный и белый свет, которым гордился, и в том, где говорилось про нетрезвый ум и твердую память, за который ему было стыдно. Хотя чего тут стыдиться? Как написал, так и получил. Сто пятьдесят рублей на жизнь и «крыску-лариску», чтобы не сдохнуть. Но сейчас, чувствовал Олег, если постараться, из этих сплошных линий и неприятностей можно выжать «крокодила» или даже «чебурашку». Если постараться. Если избавиться от слова-паразита «рискуешь». Может, просто написать:

*Водитель, помни! За сплошной линией тебя ждут
сплошные неприятности!*

Звучит неплохо, но насколько соответствует действительности? Олег никогда не имел собственной машины, но в правилах дорожного движения разбирался неплохо. По долгу службы, можно сказать. Он знал, что за сплошной линией водителя ожидает в худшем случае штраф в пятьдесят рублей, то есть очень слабые неприятности. Другое дело — двойная сплошная, за пересечение которой отбирают права. Правда, добавление еще одного эпитета делает и без того не самую изящную фразу откровенно громоздкой. За двойной сплошной линией, мысленно прикинул Олег, тебя ждут... кто? двойные сплошные неприятности? Перебор!

Он поморщился и облизал губы. Сухость во рту мешала собраться с мыслями.

Олег взялся за ручку холодильника, но увидел висящую рядом записку и не стал открывать. Снял с подставки чайник, потряс возле уха и шмякнул об стол. Какого черта! Он точно помнил, как набирал воду, причем дважды!

— Какого черта! — повторил он, обращаясь к пустой комнате. — Я так не могу! Как тут работать? Где курьер? Почему молчит телефон? Где вода из чайника? Какой, к черту, креатив? Хотите креатива, дайте аванс! Я не прошу многого. Хотя бы «вертолетик», маленький голубенький «вертолетик». Вот тогда я вам покажу! Вот тогда вы у меня посмотрите! — С этими словами он подошел к телефону и проверил гудок. Гудок был на месте.

«Так, что-то я такое хотел?.. — задумался Олег. — Ах да, в туалет!»

Дверь в комнату он оставил открытой, чтобы в случае чего не прозевать звонок. Подумал: почему бы им не поставить мне радиотелефон? Насколько проще было бы с портативной трубкой, насколько свободнее... Впрочем, Олег прекрасно понимал почему. Его свобода не входила в их планы. Напротив, метровой длины теле-

фонный шнур должен напоминать Олегу о том, что он на коротком поводке, за который в любой момент могут потянуть.

Олег потянул цепочку, вызвав к жизни шумный скоротечный водопад, и облизнулся, глядя на хлынувший из бачка пенящийся поток.

И вообще, подумал он, заселяясь в кондоминиум, будь готов к тому, что все здесь будет: а) кондовым и б) по минимуму. Если обои, то самые дешевые. Если телефон, то древний, дисковый. Единственная комната совмещена с кухней, а ванная — с туалетом. Даже не ванная — душевая кабинка метр на метр с намертво вмурованной в стену сеточкой душа. Хотите помыть голову — нет проблем. Хотите помыть ноги — извольте встать на голову.

Олег сбросил на пол диванную подушку и встал на голову. Простоял так минуту, другую. Креатив не шел.

«Мне нужна «чебурашка», — подумал Олег. Маленькое красное сердечко с оттиском в виде трех соприкасающихся окружностей, в которых, если напрячь фантазию, можно распознать голову и два огромных уха. После приема «чебурашки» возникало такое ощущение, будто красное сердечко не растворилось в желудке и не всосалось в кровь, а поселилось в груди по соседству с твоим собственным сердцем. Его чуть слышное биение на целые сутки делало твою жизнь вдвое ярче. В последний раз Олег получил «чебурашку» за фразу о лошадиных силах, которым нужна хотя бы одна голова. Это было... честно говоря, он уже не помнил, когда это было.

Олег подошел к холодильнику, прочел записку и ударился лбом о дверцу. Неожиданно стало легче. «Лобовое столкновение, — подумал он, — лобовое стекло. Интересно, можно это как-нибудь использовать?» Он отступил от холодильника на пять шагов и, зажмурившись, ударился еще раз, с разбегу. На белой дверце, как на капоте автомобиля, сбившего пешехода, осталась

вмятина. Или она была здесь всегда? «Бронированный лоб. Тонированный лоб, — подумал он. — Да нет, все чушь!»

На улице что-то гроыхнуло. Минуту спустя по жестяному карнизу застучали мелкие капли, а оконное стекло стало полосатым от водяных дорожек. Олег сложил локти на подоконник. Несколько мгновений он наблюдал, как аппетитные капли наперегонки расчерчивают стекло, потом быстро нагнулся и лизнул его. Это было ошибкой. С внутренней стороны стекло оставалось сухим и очень пыльным.

Где же курьер, подумал он, с высоты последнего, двадцатого этажа глядя на пустующую площадку перед подъездом. Где этот друг-волшебник из песни? Вот уже и день непогожий, а его все нет. Или в песне был не «друг-волшебник», а «вдруг волшебник»? Все равно. Хотя этот никогда не бывает вдруг, только после звонка. И не прилетает в голубом вертолете, а приносит его с собой. «Вертолетики», «крокодилчиков», «чебурашек» — в маленьком портфельчике, пристегнутом к запястью короткой серебристой цепочкой. Сам портфельчик из блестящей коричневой кожи, не исключено — крокодилей. И бесплатного кино он никогда не показывает. В лучшем случае — мультики.

Может, все-таки что-то с телефоном? Олег поднес трубку к уху, послушал гудок и уже хотел положить на место, но передумал. Ждать в одиночестве было невыносимо. Глядя в окно, он набрал номер Василия, коллеги по работе на «Creative Unlimited» и, что гораздо важнее, единственного товарища по той, прошлой жизни, с которым Олег еще не потерял контакт.

На том конце ответили моментально. В этом не было ничего удивительного.

— Добрый день, — сказала трубка голосом Василия, веселым, но как будто отстраненным. — С вами говорит автоответчик. Если вы хотите сообщить мне приятную

новость, пожалуйста, дождитесь гудка. Если неприятную, говорите прямо сейчас.

— Эй, — позвал Олег. — Тебя правда нет или прикалываешься?

— А, это ты, — сказал Василий. — А я думал — работодателя. Ничего, кстати, получилось? Остроумно?

— Ничего. Значит, тебе тоже еще не звонили? А я уже... — Олег помотал головой, не в силах описать словами свое состояние.

— Да ты расслабься, — посоветовал Василий. — Еще только десять утра. Обычно они звонят не раньше двенадцати.

— Как же, как же! Мне вчера позвонили... не знаю когда, но было очень рано.

— И ты им выдал что-нибудь?

— Естественно, нет. Когда бы я успел?

— А после этого — перезванивали?

— Нет!

— Тогда понятно. — Василий вздохнул. — Сочувствую.

— А ты? — ревниво спросил Олег. — Что-нибудь заработал вчера?

— Ну да, «крокодильчика». Сегодня надеюсь поймать еще парочку. Одну запись ты слышал, а вот еще. Оцени! — Он добавил в голос механических интонаций. — Здравствуйте, это автоответчик. К сожалению, в настоящий момент моего хозяина нет дома, он отправился в круиз по Средиземному морю, но вы можете оставить ему сообщение после гудка.

Затем в телефоне что-то щелкнуло, пискнуло и вдруг — заревело. Так громко, что Олег моментально оглох на одно ухо.

— Что это было? — спросил он, перекладывая трубку из правой руки в левую.

— Гудок, — рассмеялся Василий. — Теплоходный. Ну как, остроумно?

— Очень.

— А как у тебя? Креативный денек?

— Да так, кое-что. По мелочи. — Олегу тоже хотелось похвастаться перед приятелем какой-нибудь из сегодняшних наработок, но оказалось, что он ни одной не помнит наизусть, а дотянуться до стола с разбросанными листками не давал телефонный шнур.

— Понятно, — сказал Василий. — Значит, помощь не нужна?

— Помощь? — Олег облизнул губы.

— Ну да. Ты же знаешь, чужие проблемы решаются легко. Это свои... — Василий вздохнул, но почти сразу вернулся в благодушное состояние. — Что там у тебя? Автомобильная социалка? Тоже, кстати сказать, тема. Что идея, что реализация. Твои плакаты... Ладно, допустим, от них есть какая-то польза. Тот, где «проезжая на красный свет», мне даже нравится. Но почему их вешают вдоль тротуаров и на автобусных остановках? Для кого? Для пешеходов? Пешеход при всем желании не проедет на красный, ты не находишь?

— Я... — просипел Олег.

Он попытался сглотнуть, но не смог. Тогда он представил себе ампулу фисташкового цвета, вытянутую, как крокодила морда. На ней было написано «кг», то есть наверняка «кг», английскими буквами, но все читали это как «кг» и расшифровывали как «крокодил Генна». После приема «крокодилчика» становилось весело. Просто весело. В любую погоду. На двенадцать, а то и пятнадцать часов. Олег представил, как оболочка капсулы медленно тает на языке, и наконец сумел сглотнуть.

— Хотя... Если креатив требует... — Василий хмыкнул и перешел на деловой тон: — Так. Значит, про красный свет ты уже писал, про лошадиные силы тоже... А про выезд на встречу?

— Писал... кажется.

— Хм... А про пьяных за рулем?

— Только про нетрезвый ум.

— И все? Ну что же ты! Это ж клондайк! Ну, напри-

мер... — Василий раздумывал не больше секунды. — Водитель! Выпивая «на дорожку», ты рискуешь оказаться в кювете! Как тебе?

— «Рискуешь» — плохо. — Олег поморщился, но в основном от зависти. У него на сочинение подобного слогана ушло бы все утро. Не потому, что Василий *креативнее*, вовсе нет. Просто у Василия в крови еще резвился веселый «крокодилчик», а Олегу вчера так и не перезвонили. В этом все дело.

— Ничего, заменишь потом на что-нибудь, — успокоил Василий. — Или вот... Про мобильники писал?

— Мобильники?

— Ну да. За них же вроде штрафуют. Пиши... Разговаривая за рулем по мобильнику, можно дозвониться до Бога. Записал?

— Запишу, — пообещал Олег и с тоской посмотрел на водопроводный кран, под ободком которого дрожала набухшая капля. — Я... тоже так могу.

— Как?

— Ну, как ты. Для автоответчика. Остроумно.

— Серьезно? Ну, попробуй.

— И попробую. — Олегу не понравилось сомнение в голосе приятеля. — Слушай... — Он попытался выдать из себя хоть каплю приветливости. — Здравствуйте. Это автоответчик. Пока мой хозяин ищет по всему дому телефонную трубку, мы с вами можем поиграть в города. Начинайте вы.

Василий неуверенно фыркнул и спросил:

— Все?

— Нет. Через три секунды нужно сказать «Арзамас».

— Почему Арзамас?

— Потому что восемь человек из десяти обязательно скажут «Москва», — улыбнулся Олег.

Василий прав, подумал он, чужие проблемы решаются легко. Более того — с удовольствием. Олег даже почувствовал что-то вроде порыва вдохновения, кото-

рое у него всегда выражалось в стремлении с ногами взобраться на табурет.

— А еще... А еще можно... — начал он, но голос на том конце провода, кажется, не разделял его энтузиазма.

— Хватит, хватит, хватит! А то еще оставишь меня без работы.

Сказано было как будто в шутку, но Олег все равно обиделся. «Ну вот, опять, — пришла мысль, — опять мое творчество никому не нужно». Он вздохнул и сказал тихо:

— Это не работа.

— Что? Не понял, говори громче!

— Это не работа. Это издевательство.

— Издевательство? — недоверчиво переспросил Василий. — Ты сказал: издевательство?

Завелся, подумал Олег. Тоже завидует. Или «крокодильчик» отыграл свое. Когда заканчивается веселье, приходит раздражительность.

— А ты помнишь, каким ты был, когда я в последний раз видел тебя за периметром? — холодно спросил Василий. — Или напомнить?

— Не надо. — Олег поежился. Память часто подводила его в последнее время, но *это* он помнил хорошо.

— Пустырь за школой помнишь? Ты валялся в пыли, а малолетние придурки стояли вокруг тебя и ржали. И ты позволял им, потому что... — Василий сделал паузу и продолжил, старательно выделяя каждое слово: — Потому что у Них Были Деньги, а Тебе Была Нужна Доза. И голубя... Он пролежал на солнце три дня. От него даже кошки шарахались. Ты помнишь голубя?

— Не надо, — зажмурившись, попросил Олег. — Пожалуйста, не надо. Ты прав, это работа, работа, работа, работа, это ЧЕРТОВА РАБОТА!

— Вот именно, не надо! — Казалось, вспышка отчаяния, выплеснувшаяся в крике, пошла на пользу обоим. Василий с шумом выдохнул и заговорил спокойнее: — Это работа, Олеч. И, кстати сказать, не пыльная. Зара-

боток небольшой, но стабильный. Опять же дозы — тоже небольшие, но гарантированные. Если ты не полный debil, то хотя бы на «крыску» в день *накреативишь*. А одной «крыски», в принципе, хватает на три дня.

— На три дня *чего*? — не выдержал Олег. — Жизни?

— На три дня, чтобы не сдохнуть, — спокойно ответил Василий. — Кстати, я уже говорил, что, выдавая зарплату таблетками, государство экономит на посредниках? — пошутил он и сам же рассмеялся. — А квартира? Пусть в обшарпанной «лужковке», зато отдельная, с удобствами и телефоном, не забывай про это! Или тебе больше нравилось мыкаться по чердакам и подвалам?

— Нет. Не больше.

Олег закрыл глаза и увидел «крыску». Целую россыпь «крысок», мелких темно-серых драже, шероховатых на ощупь и кислых на вкус. «Крыска», или «крыска-лариска», в пятибалльной системе оценки соответствовала единице. Шершавую круглую таблетку ты получал не за *креатив*, а за саму попытку сделать что-то *креативное*. В качестве аванса. Одна «крыска» давала успокоение на два часа. Полное успокоение. Ты мог провести все это время без единого движения, без единой мысли, зачарованно глядя, как часовая стрелка обегает циферблат.

— Ну а что тогда? — не унимался Василий. — Ты радуйся, балда, что живешь в демократическом государстве, которое одинаково заботится обо всем электорате. И о нормальных людях, и об отбросах общества вроде тебя.

— И тебя! — напомнил Олег.

— И меня, — легко согласился Василий. — Нас. Таких, как мы, Олежка, безнадежно зависимых, уже двадцать пять процентов. Четверть от всего трудоспособного населения. Лечить нас поздно, сажать вроде не за что, а пристрелить, чтоб не мучились... как же это?.. Не ловко? Некультурно? Неспортивно?

— Негуманно, — подсказал Олег.

— О, негуманно! Хотя, кстати сказать, в каком-нибудь Китае нас давно бы расстреляли. На Кипре — депортировали из страны. В Штатах бросили бы догнивать в трущобах. А здесь нас просто и изящно перепоручили заботам иностранных инвесторов. Передали для утилизации, как какие-нибудь ядерные отходы, тем же киприотам, американцам и китайцам, которые хотят делать бизнес в России. Ты не помнишь, сколько сотрудников в московском штате «Creative Unlimited»?

— Не помню.

— Неважно. Допустим, десять тысяч. Значит, по закону о пропорциональном найме получается, что из этих десяти только семь с половиной — реальные работники, все остальные — торчки, статистический мусор. Который тем не менее тоже нужно обеспечивать рабочими местами, заработной платой и собственно работой. А все почему?

— Почему? — покорно повторил Олег.

— Да потому, что мы живем в стране гарантированных возможностей. Не *равных*, не надо путать, но *гарантированных*. Будь они равными, мы бы с тобой сейчас сидели в стерильном офисе и с тоской смотрели на часы. А так — делай что хочешь, хоть спи, хоть... не знаю... на голове стой, только изредка шевели мозгами, *креативь* помаленьку и не уходи от телефона дольше чем на полчаса. Так что радуйся, что рабочее место внутри Садового кольца стоит больше, чем квартира в этих выселках.

— Я радуюсь.

— А чего так печально? Тема надоела?

— И тема тоже.

— А что делать? Нас тысячи, понимаешь? На всех интересных тем не напасешься. Да и любая тема рано или поздно приедается. Думаешь, мне не надоело каждый день на звонок заказчика отвечать «Здравствуйте».

Это автоответчик»? Еще как надоело! Так ведь на то мы и люди творчества.

— Творчества? — Олег скривился. — Где ты видишь творчество? Это... не бей лежачего! Это... лишь бы отвязаться! — И снова сорвался на крик: — Да я стихи писал, понял, ты? Стихи!

— Я помню, — очень спокойно сказал Василий.

— Помнишь?

— Ну да.

Сам Олег не смог бы процитировать ни одного стихотворения. Ни единой строчки. Помнил только, что в те годы порывы вдохновения случались куда чаще и он, соответственно, больше времени проводил верхом на табурете, исписывая страницу за страницей.

— Я не могу так больше, — пожаловался он. — Я... хочу выйти.

— Куда? — удивился Василий. — Зачем? Что ты собрался искать? Мы на охраняемой территории. Здесь нет ничего. Только в маленьком кожаном портфельчике, который тебе и так принесут, только дождись звонка. Или ты имеешь в виду?..

— Да. Вообще выйти. За периметр.

— Ах та-ак, — протянул Василий. — Тогда иди. С богом! Никто не держит. Но ты ведь знаешь, что будет потом. Это сейчас ты сходишь с ума, ожидая звонка. Но как только ты выйдешь за дверь, они немедленно позвонят и будут звонить полчаса. Потом перепрограммируют электронный замок и аннулируют твой пропуск. Ты никогда не вернешься назад. Креативу не нужны сотрудники, к которым нет доверия.

— А мне не нужно их доверие. Мне... Мне вообще ничего не нужно!

— Ладно. — Василий устало вздохнул. — Это беспредметный разговор. Ты просто не в себе, Олеж, и я прекрасно тебя понимаю. Расслабься. Успокойся. Тебе обязательно позвонят, и все наладится. Может быть,

они уже звонят тебе, а мы только зря занимаем линию. Так что пока. Я... Пока.

Горячая трубка запиликала в руке. Олег бездумно опустил ее на рычаг и тут же снова поднес к уху — проверить гудок. Гудок был. А вот воды не было, о чем свидетельствовала записка на дверце холодильника. Теплая струя, хлынувшая из крана, отдавала хлоркой. Олег не стал связываться с чайником: сколько можно! Вместо этого он достал из-под морозилки кассету для льда, наполнил водой и установил на прежнее место.

Лед, подумал Олег. Шипы. *Экономя на шипованной резине...*

Он привычно оседлал табурет, но, кроме этих четырех слов, не выдавил из себя ничего. Мысли пробуксовывали, как лысые шины на подмерзшем асфальте. Олег не сумел вспомнить даже те фразы, которые продиктовал Василий. В памяти засело только «рискуешь», от которого, похоже, невозможно избавиться. Рискуешь, обреченно подумал он и прислонился лбом к оконному стеклу.

Дождь прошел, но улица оставалась пустынной. Местные обитатели, как и Олег, томились каждый в своей клетушке и ждали гарантированной порции счастья. Возможно, они точно так же стояли сейчас у окна, жадно смотрели, как запоздавшие капли скатываются по наезженным дорожкам, и до звона в ушах вслушивались в тишину, которую вот-вот разорвет резкая трель телефона. Возможно, но как проверишь? Олег редко встречался с кем-то из них. Даже с Василием, хотя тот жил прямо через двор. С расстояния в двадцать метров Олег видел глухую стену его дома: серые квадратные панели и ни одного окна. Все окна во всех кондоминиумах, состоящих из типовых однокомнатных квартир, как и положено, выходили на юг. От этого казалось, что дома смотрят друг другу в затылок, похожие на арестантов, которых выстроили в колонну по двое и ведут куда-то. И, глядя, как крайняя пара домов почти упира-

ется в высокую стену периметра, нетрудно было догадаться, куда и зачем их ведут. «На медленный расстрел, — подумал Олег. — В каком-то смысле мы все-таки в Китае».

Когда-то это был военный городок. Теперь здесь жили те, кого не призовут на службу даже в случае войны.

— Не верю! — сказал Олег, срывая с холодильника листок, на котором подозрительно знакомым почерком было написано: «Проверено, воды нет!» И оказался прав. То есть обнаруженные внутри емкости действительно были пустыми, включая непрозрачную бутылочку «Пепси», зато под морозилкой его ждала кассета для льда с еще не застывшей, но приятно охлажденной водой. Олег в два глотка выпил воду и вытер ладонью мокрый подбородок. Мокрая дорога, подумал он. *Выезжая на мокрую дорогу...* Олег с надеждой посмотрел на табуретку, но не почувствовал ответного зова. Тогда он подошел к телефону и набрал номер Василия. Единственный номер, каким-то чудом задержавшийся в памяти.

— Да-а-а-а? — сказала трубка, и одного этого «Да-а-а-а?», протяжного и умиротворенного, хватило, чтобы Олег задохнулся от обиды.

Василию позвонили! Опять! Кто-то из *креативных оценщиков*, этих безликих существ, которых на службе у «Creative Unlimited», вероятно, не одна сотня. Позвонили, молча выслушали заготовки и, прежде чем дать отбой, обронили фразу, которая для любого окрестного жителя стократ важнее, чем «Локо» выиграл чемпионат», «Я тоже люблю тебя» и даже «Сборник ваших стихов подписан в печать». «Ждите, — сказал мужской подчеркнуто вежливый голос, а может, женский подчеркнуто вежливый голос. — Сейчас к вам придет курьер». И курьер приходил, Олег видел это будто воочию. Молодой паренек в форме; он остановился в прихожей, позвякивая цепочкой, расстегнул на коленке коричневый портфель, затем, сверившись с ведомостью, отсчи-

тал положенную сумму денег и, что важнее, положенную меру таблеток.

Это было нечестно, и Олегу хотелось кричать об этом. Почему одним все, а другим ничего? Потому что сочинителю остроумных записей для автоответчика нужно постоянно быть в тонусе, в то время как автора мрачных социальных слоганов лучше поддержать в черном теле? Но ведь это нечестно!

Ему хотелось кричать, но он не стал. Только спросил срывающимся голосом:

— Что... что тебе дали?

— Мне-е-е? — ласково уточнил Василий. — Два «шапокляка» и ветро-верто-ветролет. — Он засмеялся. Это был резкий, похожий на карканье смех, который самому Василию наверняка казался мелодичным, как звон хрусталя.

— Поделись, а? — зажмурившись от отчаянья, попросил Олег. — В займы.

— Э-э-э... как это?

— Ну, я же тоже в некотором роде поучаствовал, — напомнил Олег, чуть не плача. — Соавтором. — Василий молчал, и Олег использовал последнюю возможность, чтобы достучаться до ускользающего сознания приятеля: — Ну, про города: Москва, Арзамас... Это же я придумал! Тебе ведь за них дали «вертолет»? Но я не прошу «вертолет», — быстро добавил он, хотя голубая таблетка с восьмеркой-бесконечностью на боку медленно вращалась перед его мысленным взором. — Да это и бесполезно, ты же с него начал, правда? Хотя бы «шапокляк», а? Половиночку...

— Ой-й-й, не-ет, — протянул Василий. Олег представил себе ощущения приятеля — легкость, невыносимая легкость, когда твое тело ничего не весит, ноги как будто парят над полом, а руки сами взлетают к потолку, — и прикусил щеку, чтобы не застонать от досады и зависти. — Твои города не при-годил-лись. Ха-ха! Не при-годил-лись. Я сам придумал третью запись, все-е са-ам.

— Сам? А о чем она?

— Да та-а-ак...

— Ладно, — сдался Олег. — Но тогда хотя бы... Ты ведь сейчас пойдешь в магазин, да? Будь другом, купи мне каких-нибудь орешков и... — он проглотил сухой комок, — воды. Побольше воды, любой: минералки там, «Фанты», хорошо? А я тебе отдам, когда...

— «Ф-фанты»! — фыркнула трубка и захихикала. — Ну ты юм-мори-ист! Скажешь тоже: «Ф-фанты»!

— Эй, погоди, — засуетился Олег. — Не пропадай!

Но трубка только расслабленно хихикала в ответ. Потом запищала — часто, прерывисто.

— Я не могу так. — Олег покачал головой, с отвращением посмотрел на трубку и замахнулся для яростного броска. В последний момент передумал, аккуратно положил на рычаг, снова снял и проверил гудок. — Просто не могу.

Сухой язык наждаком скреб по небу. Олег распахнул дверцу холодильника и беззвучно заскулил. На полках было пусто, к этому он уже привык, но и под морозилкой было пусто, и это его добило. Отделение, куда он совсем недавно вставил кассету с водой, зияло издевательской пустотой.

— Я не могу! — закричал он в подсвеченное нутро холодильника. — Я не могу, я... писал стихи, слышите? Слышите — вы все?!!

Задев дверцу плечом, Олег подошел к окну и дернул на себя створку стеклопакета. Та не поддавалась. Он дернул еще раз и застонал от бессилия.

— Это не жизнь. — Олег попытался заплакать, но не смог выдавить из обезвоженного организма ни слезинки. — Это все равно не жизнь. Я писал... Вдохновение... С ногами...

Он внимательно посмотрел на табурет, затем взял его за ножки и, подняв над головой, шагнул к окну. В некотором смысле это тоже было вдохновение.

— Я так не могу. Я так... Это не жизнь, — убежден-

но сказал он, но вместо того, чтобы разбить стекло, прислонился к нему лбом и взглянул на площадку перед подъездом, которая с высоты двадцатого этажа казалась не больше носового платка. — Нет, не так. — Как только решение было принято, Олег неожиданно для себя успокоился. — Слишком высоко. Пока долетишь, успеешь испугаться и... — он нервно хихикнул, — передумать. Не так.

Взгляд его скользнул вдоль ограды периметра, высокой кирпичной стены, украшенной поверху тройным кружевом колючей проволоки. Выходить за нее не возбранялось никому. Вернуться назад было невозможно. Местный КПП работал по принципу выпускающего клапана. Предполагалось, что ни один торчок в здравом уме не покинет свой маленький однокомнатный рай, в котором ему гарантировано пусть маленькое, но ежедневное счастье. Что же до тех, у кого со здравым умом проблемы... Как сказал бы Василий, Креативу не нужны идиоты.

— Сами вы идиоты... — пробормотал Олег и улыбнулся своему отражению в оконном стекле.

Его влекло туда — мимо серых домов и безлюдных дворов, мимо молчаливых охранников с автоматами и овчарок-нюхачей, — за периметр. На волю. Не для того, чтобы найти там свое место и начать все сначала, — Олег прекрасно понимал, что это невозможно. Просто в последний раз вдохнуть сырой воздух свободы, поглазеть на яркие витрины и афиши кинотеатров, потолкаться в толпе пешеходов, постоять перед светодиффузором... и, выждав, когда какой-нибудь лихач помчится на красный свет, сделать три шага вперед и распрощаться с белым.

— Так, — сказал Олег. — Только так. Но сначала... — Он усмехнулся. Ему было легко и спокойно. Даже жажда как будто отступила, очарованная красотой замысла. — Последний привет. Я все-таки...

Он не договорил. Аккуратно поставил табурет на

пол и забрался на него с ногами. С минуту, глядя в окно, грыз колпачок ручки, потом подтянул к себе ближайший чистый листок и быстро написал:

*В жизни поэта случайности нет,
В смерти ее тоже нет.
Смерть — это лишь светофорный брег,
Как мотыльки — на свет.
Бы еще красный асфальтный рассвет...*

Он поднял листок двумя руками и перечитал стихотворение пять раз — по количеству строчек. Потом сухими, как пемза, губами поцеловал бумагу прямо под многоточием и бережно, точно святыню, положил на стол. Такого покоя и свободы от всего Олег не чувствовал... наверное, никогда..

Он вышел в прихожую и открыл дверь. Хотел идти в чем был, но в последний момент одумался — зачем привлекать внимание? — быстро натянул брюки и кроссовки, на голые плечи накинул куртку.

— Прощайте, — тихо сказал он и провел ладонью по неровным, словно волдырями покрытым обоям. — Счастливого оставаться.

Дверь закрывать не стал.

Как будто чувствовал, что вернется. Уже через минуту, запыхавшийся, дрожащий и бледный. Ворвется в комнату, пронесется из угла в угол, как тайфун, и рухнет на колени перед тумбочкой.

Потому что на лестничной площадке ему послышится, что в опустевшей квартире тренькнул телефон.

ГЛЮК

открытия делаются по-разному.

Архимед едва не утонул в ванне с водой, после чего и открыл закон, названный впоследствии его именем.

Ньютону яблоко едва не проломило голову, в результате чего на свет появился закон всемирного тяготения.

Пусть это мифы, созданные склонными к юмору потомками великих мыслителей, но известно, что в каждой шутке есть доля шутки. Ничего случайного в нашем мире не случается. Просто случай, как теперь модно говорить, есть проявление ещё неизвестной нам закономерности.

К примеру, своё открытие Павел Смолин сделал тоже якобы случайно, после обидного проигрыша в шахматы своему напарнику. А произошло это на Луне, где работала созданная российскими специалистами российская же лунная станция «Мир».

Распорядок работы станции был такой: раз в два месяца на Луну прилетал корабль — «Ангара-2», привозил экипаж, забирал смену, и на станции всегда жили люди — от двух до пяти человек, в зависимости от сложности решаемых экспедицией задач.

Смолин и Гелий Тохтуев, чуваш по национальности (которого Павел обзывал чукчей и который никогда ни на что не обижался), прибыли на станцию второго февраля. В их задание входили геологоразведка и картирование района Луны в центре кратера Феофил, венчающего цепочку кратеров, самыми большими из которых

были сам Феофил — диаметром около ста километров, Кирилл и Катарина. Кроме того, экипажу станции предстояло испытать новый вид вездехода, получившего кличку «луносипед».

Данный же район Луны (юго-восточный квадрант, западная оконечность Моря Нектара) был выбран для исследований не случайно. Ещё в середине прошлого века астрономы наблюдали здесь странные явления типа «лазерных вспышек» и перемещение по поверхности Луны каменных глыб и скал, а также необычные изменения ландшафта, которые объяснялись учёными как результаты лунотрясений. Вот в этом загадочном районе и бродил на «луносипеде» экипаж станции «Мир», постепенно подбираясь к сети трещин и небольшому кратеру Феона, вокруг которого и происходили непонятные явления.

Пятого февраля, после обидного проигрыша «чукче», Павел Смолин оседлал вездеход, и в самом деле напоминающий большой велосипед с бубликообразными прозрачными колёсами, и направил его к ближайшему склону кратера Феона. С этого момента и начался отсчёт времени «случайного события», приведшего космонавта к величайшему из открытий, какие когда-либо совершали первопроходцы на Земле и в космосе.

В принципе, кратер Феона мало напоминал ударный метеоритный кратер. Скорее это была какая-то дыра в дне Феофила, или, может быть, жерло древнего вулкана. Именно по этой причине космонавтам и дали задание обследовать жерло, сулящее выход на какое-нибудь крупное месторождение полезных ископаемых или, того лучше, на подземные запасы водяного льда.

Смолин и Тохтуев уже сделали рекогносцировку местности, определив диаметр кратера — около восьмисот метров, — теперь им предстояло поближе познакомиться с валом кратера, представлявшим собой удивительно ровное кольцо, окружающее жерло. Кольцо это, шириной в двести метров, было разорвано трещинами, но всё же создавало впечатление искусственного, что, ко-

нечно же, только подогревало любопытство исследователей.

По плану Павел должен был объехать кратер Феону по периметру, ведя видеосъёмку, и брать пробы лунного грунта на валу кратера. Но вместо этого он направил вездеход к самому жерлу, прячущемуся в тени вала основного кратера, остановил «луносипед» на гребне и направил вниз прожектор.

К его удивлению, он и в самом деле увидел не кратер, а огромную круглую шахту, уходящую в недра Луны. Мало того, эта шахта была заполнена... прозрачной жидкостью, почему-то не замерзающей в условиях сверхнизких лунных температур. А так как тень кратерного вала надёжно скрывала жидкость от спутниковой аппаратуры и взора человека, увидеть её можно было только при освещении извне лучом света.

— Мама моя космонавтка! — проговорил Смолин.

— Что случилось? — тут же отозвался Тохтуев, по монитору наблюдавший за манипуляциями напарника из кабины управления. — Почему ты изменил маршрут?

— Посмотри, что я обнаружил!

Смолин изменил наклон передней телекамеры вездехода, и «чукча», увидев шахту, заполненную «водой», не сдержал восклицания:

— Каток!

— Нет, это озеро.

— Ты хочешь сказать, что видишь *это* перед собой?

— Я не пил! — огрызнулся Павел. — И с ума не сошёл! Это шахта... по глотку заполненная водой... или каким-то жидким газом. Попробую подползти поближе.

— Не стоит, Паша. Опасно! Пойдём вдвоём, подготовимся сначала, возьмём тросик, скалолазное оборудование... да и в ЦУП надо сообщить о находке.

— Если они поверят... Не верится! Неужели я не сплю?..

— Возвращайся.

— Я только загляну туда одним глазком, и назад. Если я сплю, то это мне удастся.

— Тогда мы спим оба. Не суйся туда, умоляю!

Смолин, не отвечая, перешёл на ручное управление, тронул «луносипед» с места, подводя его к краю обрыва. И в этот момент плита, расколота трещиной, венчавшая край, беззвучно обломилась, начала падать, увлекая за собой вездеход. Павел дал задний ход, но было уже поздно.

«Луносипед» ударился боком о ближайший скальный выступ, выбросил седока.

Смолин, и раньше не отличавшийся хорошей реакцией, растерялся и вместо того, чтобы включить ранцевый движок, способный вынести его наверх, на кромку обрыва, начал дёргаться, пытаясь дотянуться за чем-то до неспешно падающего рядом вездехода, и не заметил, как на него сверху свалился кусок отколовшейся плиты.

От удара в голове взорвался фейерверк. Павел судорожно схватился за шлем: показалось, что тот разбился вдребезги! — включил движок, но только усугубил положение. Рывок двигателя увлёк его вниз, в шахту, куда уже влетел «луносипед», плавно кувыркаясь и вращая прожектором. Космонавт со всего маху ударился о тот же обломок скалы. Последнее, что он успел ощутить и даже отчётливо услышать плеск! — был удар о поверхность озера. Сознание окончательно померкло...

В себя он пришёл благодаря действию скафандрового компьютера, включившего медицинский комплекс, который быстро привёл Смолина в чувство.

Павел открыл глаза, вспомнил о падении в озеро прозрачной жидкости, включил нашлемный фонарь... и понял, что всё ещё продолжает падать! Никакого озера не было и в помине! Голова сладко кружилась и гудела, во рту появился странный пряный привкус, как после выкуривания сигары, но всё же сквозь мерцание в глазах он видел проплывавшие мимо стены шахты и никаких следов «жидкости». Лишь изредка наплывала и тут

же исчезала тень сомнения в адекватности происходящего... и он снова видел себя падающим в пропасть.

«Хорошо, что я не на Земле», — мелькнула мимолётная мысль.

Это была вполне трезвая мысль, потому что слабое лунное тяготение не позволило ему развить большую скорость, а глубина шахты оказалась огромной. Во всяком случае, за три минуты падения — ровно столько он был без памяти — Павел не достиг дна шахты, что давало ему шанс на спасение.

Он включил ранцевый движок.

Падение замедлилось. Прекратилось кувыркание. В свете нашемного фонаря стали видны проплывающие мимо стены шахты — в полосах изморози, ребристые, с появляющимися и исчезающими более глубокими параллельными бороздами, будто прогрызенными зубьями каких-то чудовищных механизмов. В глаза брызнуло ярким светом: луч фонаря отразился от ряда выпуклых щитов, похожих на зеркала.

Шахта сузилась и внезапно изогнулась, как кишка, превращаясь в наклонный тоннель. Не ожидавший этого Смолин не успел увернуться от приблизившейся стены, врезался в неё боком, движок отключился, и его понесло по тоннелю, как санки по ледяному жёлобу.

Долгое скольжение закончилось ударом о внезапное препятствие, и Павел в который раз потерял сознание. А когда пришёл в себя, поблагодарил Создателя, что случилось это на Луне. На Земле он бы неминуемо разбился.

Препятствием, задержавшим «лунного ныряльщика», оказалась полупрозрачная многогранная колонна диаметром около двадцати метров, по оценке Смолина. Он поднялся, ошарашенный ударом, повертел головой во все стороны и обнаружил ещё ряд колонн — всего их насчитывалось двенадцать, — усеивавших всё пространство гигантской пещеры, высота которой достигала не менее двухсот метров. Стены пещеры — насколько хватало луча света — искрились, покрытые сыпью мелких кристалликов соли, а может быть, льда, и были

явно обработаны каким-то инструментом. Мало того, кое-где на стенах виднелись пояса выпуклых зеркальных щитов, соединявшиеся в непонятные узоры, а пол пещеры был выложен гладкими разноугольными — от треугольников до квадратов и двенадцатиугольников — плитами, также покрытыми кристалликами льда.

Поскальзываясь, Павел сделал несколько шагов, пораженный увиденным, вспомнил о напарнике, позвал, но рация молчала. Радиоволны не могли пробиться сквозь толщу лунных пород.

Мелькнула и пропала мысль: как же я обратно выберусь?!

За колоннами показался бликующий мыльный пузырь.

Смолин остановился, разглядывая возникший перед ним гигантский прозрачный шар с текущим внутри дымным кольцом. Дым казался живым существом, шевелящим тонкими ножками-струйками и отмахивающимся хвостом.

— Чтоб я сдох! — пробормотал Павел.

И, словно услышав его слова, дым внутри шара действительно ожил. В нём засверкали зеленоватые молнии, дымная струя резко сжалась в жгут, распалась на белёсые нити, образовавшие целую систему окружностей и эллипсов, а на нити оказались нанизанными туманные шарики разного цвета и размера. Спустя несколько мгновений в центре этой системы вспыхнул пламенный шарик.

— Мама моя... Солнце! — прошептал Смолин. — Солнечная система!..

Шарики двинулись с места, побежали по орбитам вокруг клубка пламени. Затем все они исторгли лучики света, прянувшие за пределы системы и шара, и вонзились в полупрозрачные колонны.

Колонны засветились изнутри, наполнились перламутровым туманом, туман пронзили сеточки молний, и колонны превратились в объёмные экраны, показывающие удивительные пейзажи.

Павел замер с открытым ртом.

Он ожидал увидеть ландшафты других планет — от Меркурия до Плутона, поверив, что и в самом деле видит Солнечную систему, то есть её схему, но лишь один пейзаж отвечал его пониманию сути происходящего — пейзаж третьей планеты, то есть Земли.

Зелёная долина, река, горы вдаль и высокие перистые деревья, напоминающие пальмы или рододендроны, а также хвощи.

Остальные пейзажи никак не соответствовали тому, что знал и видел космонавт по фотографиям и фильмам, снятым автоматическими зондами землян. Они были разными, внутри колонн играли холодным огнём ледяные поля и хребты, плескались синие, фиолетовые, багровые и оранжевые моря, поднимались к небу скалы необычных форм, но все эти ландшафты были живыми! В них присутствовала жизнь. От стай насекомых до могучих динозавров и сказочных тварей, вообще не похожих ни на одно животное Земли.

— Бред! — сказал сам себе Смолин, чувствуя сильное головокружение.

И тотчас же колонны погасли.

Изменилась и схема планетарной системы.

Пропали все планеты, осталось лишь центральное светило, изменившее цвет на ослепительно белый и размер — вдесятеро больше прежнего. Затем на границе прозрачного шара, внутри которого и происходили чудесные метаморфозы, возникла красная искорка, двинулась к светилу, увеличиваясь в размерах. Вот она обросла светящимися нитями и превратилась в ажурный многоугольник, из центра которого вырвался серебристый лучик и вонзился в огненный шарик светила. И произошло нечто вроде взрыва, только взрыва направленного: светило вскипело и выбросило струю пламени, эдакий протуберанец, устремившийся прочь от светила, к прозрачной стенке шара. А затем эта струя вдруг начала распадаться на фрагменты, которые вскоре превратились в клубки жидкого багрового пламени.

Смолин охнул.

На его глазах рождалась Солнечная система! Только происходило это не естественным путём, как утверждали учёные, а искусственным! К юному Солнцу прилетело из глубин космоса нечто и включило процесс развёртки планет!

— Чёрт побери! Что здесь происходит?!

Смолин не сразу сообразил, что слышит голос напарника. Оглянувшись, ища глазами «чукчу» на фоне колышущихся стен пещеры.

Из-за поворота тоннеля блеснул луч фонаря, показался летящий на «колымаге» — так космонавты называли транспортное кресло аварийной системы спасения — Тохтуев.

— Слава аллаху, ты жив! Что это?

«Колымага» приблизилась, двоясь и троясь, как отражение в воде, опустилась на пол пещеры. Напарник Смолина выпростался из кресла, подплыл к нему.

Смолин оттолкнул его руку, повернулся к шару с картинками.

— Знаешь, что это такое?

— Что?

— Центр управления строительным комплексом!

— О чём ты?!

— Солнечная система была создана искусственно, и не Богом-Создателем, а какими-то разумными существами! Луна — их база!

— Ты с ума сошёл!

— Смотри!

Смолин сделал несколько шагов к хрустальному шару, внутри которого завершился процесс формирования планетарной системы. Голова закружилась, во рту появился привкус мыла. Но он преодолел приступ странной слабости и громко сказал:

— Повторите!

Развёртка Солнечной системы прекратилась. Процесс начался сначала: прилетел многогранник, выстрелил в Солнце, оно выбросило протуберанец, который

начал распадаться на планеты. Многогранник полетал по образовавшейся системе и занял место возле третьей планеты. Для Земли он стал её спутником, который люди впоследствии называли Луной.

— Понял? — оглянулся Смолин... и едва не потерял сознание от этого легкого движения. Голова закружилась сильнее, наполнилась гулом и дымом.

А сзади никого не было! Тохтуев пропал вместе с «колымагой»!

— Чукча! Гелий! Где ты?!

— Здесь я, — слышался тихий, на грани слуха голос. — Лежи спокойно, я сделаю укол...

— Зачем?! — дернулся Смолин... и сквозь дым, мелькание огней и цветных пятен, сквозь меркнувшее видение пещеры увидел лицо склонившегося над ним напарника. — Что это? Где я?

— Лежи, всё нормально, я тебя вытащил. Знаешь, куда ты провалился?

— В шахту... там база инопланетян...

— Ты упал в озеро сверхтекучей жидкости... это смесь газов — от гелия-три до гелия-четыре и ещё чего-то, спектрометр не берёт. Понимаешь?

— Нет...

— Ты бредил, никакой базы не существует, забавно было тебя слушать. Хотя я, честно говоря, испугался.

— Я... бредил?!

— Может, газ протёк через микротрещины в шлеме — стукнулся ты здорово, — он же сверхтекучий, да же я почувствовал эйфорию. Так что открытие ты всё же сделал.

— Я... думал... пришельцы... сделали Солнечную систему... обидно! — Смолин разочарованно закрыл глаза. — Газ... ерунда...

Но он ошибался.

Так был открыт сильнейший в истории человечества галлюциноген, применение которого впоследствии изменило всю земную цивилизацию, ускорив её конец.

ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР
БЕЛАШ

ПОРТАЛ

Головы выглядели так, словно были не отрублены, а аккуратно, хирургически отрезаны от тел. Отрезаны столь ровно и искусно, что не осталось и следа шей, на которых они когда-то сидели. Безволосые, с закрытыми глазами и оскаленными ртами, они лежали в ряд, опираясь на гладко выструганное дерево плоскими затылками и углами челюстей. Любой усомнился бы в том, что это человеческие головы, — глаза под сомкнутыми веками были слишком выпуклы, зубы заострены, уши напоминали кошачьи, а носы походили на свиные рыла. Всего на полке стояло семь голов в натуральную величину, серовато-охристого цвета, и каждая обладала индивидуальными чертами. Тот, кто вылепил их из глины и обжег в печи, позаботился расположить их таким образом, чтобы любую голову можно было свободно взять рукой, не задевая соседних.

Ниже и выше голов, на других полках стеллажа, тоже красовались керамические изделия ручной работы: жабы с толстыми короткими хвостами, страшные пупсы — будто дети палеолитических Венер, злобные приплюснутые гномы в касках и с отбойными молотками.

Серый свет утра проникал в беспорядочно меблированное и вместе с тем пустое, глухое и пыльное пространство студии через небрежно зашторенные высокие окна. Пузатые пупсы разевали зияющие рты, гномы щерились, а отрезанные головы замерли, впитывая бледное свечение пасмурного зимнего рассвета.

Со скрипучим вздохом отворилась дверь, впуская в

студию желтый сноп электрического огня — на глиняные лица плеснуло болезненным светом, выделив горбатые носы, выпученные жабыи глаза под перепонками век, шероховатые щеки, — и ворвалось хлюпанье воды, утробное бульканье в трубах. Дверь ударила, захлопываясь и закрывая звуки слива и водопровода, и в пепельных потемках протопали босые ноги, затем закрихтело дерево и зашуршала ткань; утомленный зевок, недовольный стон, мычание, ленивый поцелуй — и все затихло.

Щелчок и жужжание — вспыхнула зеленая панель, бросив на интерьер слабый фосфорический оттенок; растрепанная девушка вскинулась с подушки, сверкнув зрачками и ахнув:

— Блин, опоздала!

Музыкальный центр запел с показной энергией солдата-удальца. Тихо ругаясь, девушка одевалась в суматохе, потом пробежала к стене и ткнула выключатель — лампы, свисающие с потолка на длинных шнурах, заняли, зашипели, разгораясь неживым ядовито-голубым светом. Из неясного сумрака выступила низкая кровать, где на смятом постельном белье в изнеможении лежал пластом запутавшийся в одеяле худой мужчина — щетина на его впалых щеках и подбородке так загустела, что уже могла считаться бородой. Рыжая девушка в черных джинсах и полосатом черно-белом свитере, стоя перед зеркалом, быстро приводила лицо и волосы в божеский вид — казалось, она лепит и раскрашивает заготовку из сырой глины, превращая бесформенный ком в бодрую и симпатичную мордашку. Мужчина страдальчески извернулся, пряча лицо от света.

— Выключи!

— Сделай тут лампочку, — отмела она его мольбу, собирая косметические причиндалы в сумочку. Подумав, смахнула туда же обрезок колбасы со стола, откусила от подсохшей булочки — и ее в сумку, хлебнула ситро из пластиковой «полторашки» и поспешила к выходу, по пути обретая лихую уличную походку с подчеркнутыми движениями в области поясицы.

Грохнула входная дверь. Мужчина порывлся лицом в подушке, как бы стараясь ухватить зубами убежавший сон, но ничего не поймал, застонал и приподнялся, потирая ладонью заспанное лицо.

— Ведь нар-рочно свет оставила... — выдавил он сквозь зубы, высвобождая ноги из пут одеяла и опуская ступни на пол.

Он припал губами к бутылке; выдохшееся пойло закачалось в емкости, рывками проваливаясь в глотку; бутылка хрустнула, немного сминаясь от слишком энергичного глотка. Допив и оторвав бутылку от губ, мужчина выдохнул, встряхивая головой. Он зажмурился и сморщился. Свет стал ярче, еще ярче, поглотил все и со звуком пролетающего поезда сменился нахлынувшей темнотой, из которой вырвался звенящий визг ножа, прижатого к бешено вращающемуся точильному кругу.

Вдохнув, мужчина вынырнул из визжащей тьмы, мгновенно очутившись в пустой тишине просторного и гулкого зала; он даже оглянулся в недоумении — откуда такой звук?.. Глиняные головы, как шеренга слуг, показывали ему зубы в угодливых гримасах.

Причесанный, низко натянув кепочку, одетый в старый плащ шарового цвета, выбрался он на площадку, где, кроме двери студии, были лишь обитая жестью и запертая на висячий замок дверь, за которой рокотал механизм лифта, и люк в потолке, куда вела металлическая лестница. С собой у него был черный пластиковый пакет, где звякали пустые бутылки. Вялый и блеклый свет за окнами подъезда понемногу разгорался. Из шахты между уходящих вниз изломанным винтом лестниц неслись неясные голоса, хлопки и стук дверей, топот. Он направился туда, утвердив на лице выражение похмельного равнодушия и брезгливости, хотя перед погружением в мир лицо его означало недоверие и робость.

Приотворилась одна дверь; на него выглянула поло-

вина жирного и лысого лица с сизой щекой и красными складками на лбу, а внизу, у ног, рычала и роняла на пол капли слюнявая собачья морда. Горбатая бабушка в дырявой кофте медленно рассмеялась, пятясь в квартиру, как улитка в раковину, показывая голые десны с гнилыми желтыми клыками и шевеля иссохшими суставчатыми пальцами. Двое в надвинутых до переносиц черных шапочках и куртках отпихнули его, унося в обнимку к выходу телевизор и микроволновую печку. Спускаясь все ниже, он начал слышать неровные удары собственного сердца, постепенно учащавшиеся, — наконец на промежуточной площадке у мусоропровода он остановился, сгорбившись и держась рукой за стену. Сквозь колеблющийся студенистый воздух он видел носки своих ботинок, выщербленный бетонный плинтус и бледно-коричневые плитки кафельного пола, где среди плевков мокроты и окурков валялись пара пузырьков и одноразовый шприц, на четверть заполненный кровью. Снова визг ножа, в искрах ползущего по крутящемуся диску, — слабо прозвучал и исчез.

Снизу поднималась пожилая сухощавая женщина, одетая неярко, но чисто и строго, с офицерской выправкой и папкой из кожзаменителя под мышкой.

— А, Виктор Викентьевич! Я к вам! — громко начала она резким, недовольным голосом.

— Иннокентьевич, — промямлил он; в его чертах проступила тоска затравленного и больного человека.

— Ну да, верно, — кивнула она снисходительно, распахивая папку. — Вы на собрании жильцов не были, а мы там вас обсуждали. У вас знаете сколько задолженности?

— Знаю, — попробовал он обойти женщину и улизнуть, но она так встала, что миновать ее, не задев, было нельзя. — Знаю, я знаю! Много. Я все выплачу, да. Скоро, скоро!

— На водку у вас деньги есть, — торжествующе заметила официальная женщина, опустив взгляд на его сумку. — И всякие посторонние девушки...

— Послушайте!.. — вскрипел он, вздернув подбородок, но закаленную жилистыми вопросами начальницу невозможно было перебить.

— ...в гости к вам ходят, — продолжила она, твердо убежденная в своей правоте. — Третьего дня целый мешок цемента купили, в лифте насорили, грязь развели. А еще образованный, из себя чего-то строите.

— Да вы поглядите, что тут... — Виктор стал тыкать рукой во все стороны, пытаясь привлечь или переключить внимание начальницы. Тщетно. Она закогтила жертву и не намеревалась выпускать из лап, пока не отравит жильцу кровь до последней капли.

— Я вас предупреждаю: кооператив подаст на вас в суд. Но сначала штраф... вот тут распишитесь, — сунула она обгрызенную шариковую ручку, — что вы уведомлены и согласны. Тогда суд отложим. Но до двадцать пятого числа вы должны...

— Да, да. — Черкнув подпись кое-как, не глядя, он почти бегом пустился по лестнице.

— Я вас предупредила! — метнулся вдогонку пронзительный голос.

Он вылетел из подъезда, и белизна снега хлынула в его усталые глаза, ударила в грудь и заставила остановиться. Волочащий ноги согбенный дед-скелет, до глаз заросший бородой-веником, сосредоточенно сгребал снег лопатой и бормотал что-то себе под нос, а порой проговаривал целые отрывки монолога: «Да, вот... понаехали... а я вас... ха-ха!.. вот так-то...»

Озябшие, невыспавшиеся люди сновали мимо подъезда в обе стороны, вздернув плечи и шаркая ногами. Шли, насупившись, школьники с ранцами и бабки с палочками, неестественно яркие женщины с глазами побитых собак, сморщенные мужчины рыбьего цвета. Все хоть на миг, да взглядывали на Виктора, застрявшего на ступеньках крыльца, — с подозрением, ненавистью или безразличием, кто как. Он сделал движение, неосознан-

но стремясь вернуться в подъезд, но дед-скелет заметил и, прервав уборку снега, засмеялся нехорошим кашлем, закивал, поманил рукой-клешней:

— Иди, Иннокеньтич! Чего встал?! Пора иди, пора, давай! Топ-топ! Все идут! Шнель, шнель!.. Нах арбайтен!

— Максимов, а хочешь, я голову тебе подарю? — приближаясь, Виктор издали начал задабривать деда.

— Ммм, голову?! — скосоротился тот.

— Голову из керамики, без глазури, — уверенней заговорил Виктор, понемногу распрямляясь и обретая независимую осанку. — У меня их семь штук. Будет дома украшение...

— Я разве людоед, чтоб головы развешивать? Ты бы, Иннокеньтич, — вдруг вдохновился мыслью дед Максимов, — во дворе памятник поставил! Не очень большой, а так. Вроде человека.

— Я думал, — признался Виктор, — но надо постановление главы района.

Сойдясь вплотную, они напоминали заговорщиков. Дед оперся на лопату и глядел на Виктора почти прищелкывая. А Виктор смотрел на ухо деда — огромное, плоское, без завитка, ухо цвета мокрого гипса, с морщинами. Морщинистое ухо.

— Наплюй, — тихо посоветовал старый дворник. — Ты, я видел, пер мешок цемента. Из него и слепишь. А я скажу — была комиссия и утвердила. У меня справка есть с пятьдесят седьмого года, жилкомхоз выдал. Что могу делать детские песочницы и ледяные горки, ясно?

— Я сделаю эскиз и покажу, — обещал Виктор.

Он пошел дальше, ободренный и посвежевший после разговора с дворником. Квартал и проходящая за домом улица выглядели мрачно, голо и бесчеловечно. Раза два-три пробивался прежний звук ножа, и Виктор замедлял шаги, но затем вновь принимался озиаться, то ли высматривая ларек, где можно сдать посуду, то ли намечая место для памятника. Так, не глядя вперед и

под ноги, он едва не налетел на девчонку с цветастым ранцем — она стояла, большими глазами вытаращившись на сугроб у тротуара.

— Ты что?! — воскликнул он с испугом. — В школу опоздаешь!

Девочка боязливо посмотрела на него и опять завороченно вперилась в сугроб. Виктор, повинуясь магии направленного взгляда, повел глазами в ту же сторону, отыскивая, что привлекло пигалицу.

На сугробе лежал черно-коричневый обрывок фото-пленки длиной с ладонь.

Девочка всхлипнула с каким-то скулящим стоном, словно собираясь зареветь. Виктор в два шага подошел к сугробу, вытянулся, балансируя на одной ноге, и достал кусок ленты. Он хотел поближе показать пленку девочке и объяснить, что бояться совершенно нечего, но школьница с плаксивым «ой-ой!» рванулась наутек, оставив его в глупейшем положении. Пожав плечами, Виктор как бы невзначай осмотрелся — не видел ли кто? — и машинально обозрел пленку на просвет, подняв руку к небу и прищурившись.

Звук ножа пришел издалека и закружил около Виктора. На ленте цвета темной сепии сохранилось четыре с половиной кадра, и все они изображали что-то одно — большой двор или пустырь между многоэтажными домами, где торчали редкие голые деревья и приютился короб трансформаторной будки. Похоже, кадры были сделаны с одной и той же позиции — и на каждом чуть в стороне от центра композиции белел небольшой дефект, напоминавший формой надгробный камень — ровно, по горизонтали обрезанный внизу, параллельный по бокам и закругленный сверху.

Пожав плечами, Виктор смял и бросил кусок ленты через плечо, после чего отправился дальше. Звук заточки ножа прозвучал вслед звонко и настойчиво, заставил встряхнуть головой и пошевелить пальцем в ухе — а за-

тем и вопросительно оглянуться. Маячили фигуры пешеходов — но ничего особенного Виктор не заметил. Зато переменившийся ветер опахнул его потоком белеватого-сизого дыма, заставив сморщить нос — из-за сугробов, на которых виднелся и полузасыпанный снегом и недавно наметенный ветром мусор, валяла клубами и стелилась вдоль проезда помойная гарь. Ругань слышалась издали — а высокие короба мусорных контейнеров на машине с миниатюрным краном-подъемником наглядно поясняли, кто лает и почему.

— Подождут, а я грузить должен?! — разорвался шофер из коммунального хозяйства, взмахивая руками в толстых перчатках. Он был зол и рад тому, что есть на кого вывалить скопившееся раздражение от постылой вонючей работы и людской подлости. Его возмущенным тирадам внимали люди с ведрами и набитыми пакетами, понурые и недовольные. — Не буду загружать! Пусть прогорит, тогда приеду! Развели свинарник, вообще! Ты куда с крюком?! Будешь мне еще растаскивать!!

Ветер потянул дым понизу, и было плохо видно, на кого напустился водитель мусорного эвакуатора. Часть дымящегося сора лежала на проезжей части, протавивая плотно сбитый снег, и черная сутулая фигура с проводочным крюком вроде багра медленно отступала от наседающего водилы, но уходить бомж-добытчик не спешил.

Виктор, хотя отвращение гнало его прочь, невольно начал продвигаться к помойке, напряженно всматриваясь в скопление людей, — все держались довольно-таки прямо и выглядели обычно, а бомж с крюком смотрелся странно — низкий, широкоплечий, головастый, на коротких и кривых ногах, он пятился покачиваясь, и низким, тяжелым голосом гудел одну фразу:

— Мне поискать, я потерял... Мне поискать, я потерял...

Крюк в его руке совершал ищущие, царапающие движения, словно зацепляя что-то в воздухе и подтяги-

вая к хозяину, а лицо — лицо терялось, Виктор не мог его различить. То ли борода обросла лицо плотным войлоком, то ли лицо скрывал высоко намотанный шарф, но и видимая часть казалась темной, как бы закопченной или до крайности грязной.

— Не фига тут искать! Сгорело все! Подпалил, а теперь ищет — хрен ты чего найдешь!

Виктор свернул на тропку, ведущую к домам в обход помойки, и больше не оглядывался на сборище. Дым закрутился, вынуждая людей кашлять и плевать, а низкорослая фигура с крюком крадущимся, плавным шагом отодвинулась от машины и контейнеров, вытягивая большую голову и провожая Виктора долгим темным взглядом щелевидных тусклых глаз.

Девочка, добежав почти до самой школы, никак не могла отдышаться и все оборачивалась, боясь, что дядя в плаще идет следом. Торопясь вперед, а глядя назад, она и наткнулась на стоящего человека в черном пальто.

Он был невысоким и плотным, широким, как шкаф. Руки в мягких черных перчатках; в правой руке — опущенная вниз витая железная палочка с когтем на конце, чем-то похожая на игрушечную косу. Воротник его пальто был поднят, шарф закрывал лицо почти до носа, а вязаная шапка прятала волосы и уши. Почему-то девочке показалось, что нос у него расплюснутый и волосатый, а глаза... может, они были желтые, а может, и карие в прожилках.

— Кто взял? — негромко спросил человек с железной палочкой, покачивая острым когтем. Блестящий коготь своим зловещим видом не давал девчонке сойти с места.

— Дядя, — еле смогла произнести она, замерев и глядя на коготь.

— Какой?

— У него серый плащ... он был небритый. В кепке.

— Что еще?

— Бутылки в сумке.

— Куда шел?

— Туда, — порывисто указала она. Человек с когтем повернулся и быстро зашагал в том направлении. Девочка зачем-то пискнула вслед:

— Он выкинул!..

Человек в черном пальто не услышал или не придавал значения ее писку. Коготь на его палочке, торчавший под прямым углом, вдруг прижался к витому стержню, как одна ножка циркуля к другой. А потом палочка сама собой втянулась в рукав пальто.

Быстрая кассирша поочередно тыкала в лазерный счетчик ламинированные куски с метками штрих-кодов: треугольник сыра, полкатылки колбасы, буханку хлеба, пачку творога, пачку чая; счетчик судорожно икал, считая покупки, а сидящая за кассой бойко сбрасывала их на длинный и покатый металлический щиток. Поставив проволочную корзину в штабель ей подобных, Виктор достал и с хрустом развернул свой черный пакет, расправил его рукой изнутри, чтоб складывать снедь, — но, с удивлением пошарив в сумке, растерянно достал... тот же кусок пленки, который недавно швырнул за плечо. Черно-коричневый обрывок был прямым, словно его и не сминали. Пока Виктор изумлялся неожиданной находке, кассирша смела на щиток все его приобретения и принялась обслуживать следующего, попутно покрикивая Виктору:

— Гражданин, не толпитесь тут! Берите и уходите!

Поспешно сунув обрывок ленты в карман, Виктор побросал в пакет все остальное и пошел, но у лотка с газетами встал и вгляделся в кусок пленки, держа его между лицом и врезанной в потолок матово-белой лампой.

Да, те же кадры, которые он видел, стоя у сутробов.

Рядом с Виктором мельтешили и бормотали люди, кто-то выбирал на стенде журналы, вынимал и изучал по очереди открытки, а он как потерянный торчал по-

среди суеты с пленкой в руке. Где-то вдали короткими проблесками возникли, как бы посмеиваясь, звуки ножа. Нерешительно, преодолевая сомнения, двинулся Виктор к пункту фотопечати и проявки.

За прозрачным прилавком с разложенными коробочками пленок, между стеклянных шкафов с фотоаппаратами-«мыльницами» нарядными манекенами возвышались глазастые, накрашенные девушки-блондинки — одинаково красивые, как две конфеты, с нарисованными улыбками и бессмысленными взглядами; позади девиц у монитора изнывал парень, тупо смотревший «Ночной дозор» без звука. Над прилавком подвешенный к потолку телевизор показывал всем желающим национальные песни и пляски — голоногие певицы явно киргизского вида в сарафанах по сурепку и кокошниках, яркие и расфуфыренные, будто матрешки, вертелись на месте, сияли щеками-помидорами и верещали сладко-пряничными голосами:

Валенки-валенки,
Эх, да не подшиты, стареньки!

— Что вы хотите? — еще шире и глупее улыбнулась девушка-конфета, едва поняв, что Виктор подбирается к прилавку со зловредным, издевательским намерением что-нибудь заказать и этим отвлечь весь персонал от созерцания.

— Фотографии, — показал он лоскут. — Вы делаете за час?

— Да. У вас пленка порвана и поцарапана, — мило заморгала девушка. — Мы с испорченных пленок не печатаем.

— Покажите, где это у вас написано, — настаивал Виктор.

— У нас инструкция, — железно ответила конфетная красавица, ничего не предъявляя. — Маша, она у тебя?

— Вася, где твоя инструкция? — повернулась к парню вторая кукла.

— Можете в центральный офис обратиться. Там дефектные носители проводят через цифровую обработку. — Парень помрачнел, поскольку его оторвали от приятного занятия. — Десять минут, и готово. Даша, дай.

Кукла Маша и кукла Даша засуетились и подали Виктору визитку. Они смотрели радостно и приветливо, ожидая, что клиент с драной пленкой сейчас отвяжется, уйдет и можно будет блаженствовать дальше без всяких досадных помех.

— Я напишу отказ от претензий. На вашем конверте, — не поддался на сервисную отмазку Виктор. Боясь испачкаться, кукла Маша с крайней неприязнью взяла наманикюренными пальцами обрывок ленты, а кукла Даша стала мучительно подписывать конверт, выводя непослушные буквы с такой натугой, что даже высунула кончик языка. Кое-как поднялся с табурета ледащий Вася, пытаясь сжечь Виктора огнем своих пылающих зрачков.

— Ваша фамилия?

— Заруцкий.

— Через час будет сделано. Приходите. — Кукла Даша вновь сверкнула заученной улыбкой.

Повесив пакет на предплечье, Виктор шел сквозь поток встречающих граждан, перебирая свежие фотографии. Став позитивной и крупной, картинка обрела земное наполнение взамен запредельности негатива, но не сделалась от этого понятней. Несколько девятиэтажек, редкие деревья, будка, заснеженный пустырь — и однородно-черный дефект, похожий на надгробный камень. Обнаружилось и еще кое-что — раньше он принял эти силуэты за невысокие деревья, по дальше некуда обрезанные коммунальщиками из группы озеленения, но сейчас увидел, что это — люди. Две черные фигуры, косяк и неловко пробирающиеся по снегу с подняты-

ми руками. Последовательность кадров от начала отрывка Виктор забыл, однако заметил, что снимки запечатлели разные фазы движения людей. Казалось, они приближались к снимавшему, а на одном из кадров в руке шедшего справа появилось нечто вроде кочерги или клюки — палка с загнутым концом; разглядеть предмет в подробностях было нельзя. Пожав плечами, Виктор убрал фотографии за пазуху.

К Маше и Даше присоединилась знакомая, столь же модная, красивая и работающая. Какие тут клиенты, какой бизнес, если она принесла новости! Щебет гостыи слушал и расслабленный Вася, нежно поглаживая «мышку» и наблюдая за приключениями вампиров на немом экране. Знакомая тараторила, жестикулируя, — спешила вывалить ужасные известия.

— ...и вынесли на носилках, закрытого с головой. Говорят, кровищи было море, все в крови! Его всего изрезали, лицо располосовано. И ничего не взяли, только фотокамеру.

— Цифровую? Дорогой был аппарат? — задыхаясь от волнения, спросила Маша, от возбуждения царапая прилавок ноготками.

— Нет, чепуховый, с пластмассовой линзой. Дверь высадили — у них есть такой домкрат, — добавила знакомая тоном знатока квартирных краж и мокрых дел.

— А что еще унесли?

— А он молодой был?

— Он учился в педагогическом. Девушка у него была — из медучилища, у отца два хлебных ларька.

— Это из-за ларьков, по заказу, — уверенно предположила Маша, а Даша была умней, она спросила так, как Маша нипочем бы не спросила:

— А у чьего отца ларьки — у парня или у девушки?

Тут они вздрогнули и дружно повернулись к клиенту, потому что тот звонко положил на стекло прилавка витую железную палочку, из-за блестящего дугообраз-

ного выступа похожую на мини-алебарду. Его руки в перчатках уперлись в стекло тяжело и внушительно.

— У нас учет, — смело отшила пришьельца Даша, но кряжистый субъект в черном пальто пропустил это мимо ушей.

— Человек приносил кусок пленки, — не спросил, а жестко заявил мужчина, замотанный шарфом и скрытый шерстяной шапкой. — Он делал отпечатки. Я точно знаю, мне сказали. Человек здесь бывает, живет где-то рядом.

— Гражданин, вы не слышали? У-нас-у-чет!

По-собачьи склонив большую голову набок, мужчина с темным заросшим лицом внимательно всмотрелся в лживую Дашу, преспокойно сгреб ее левой за волосы и рывком пригнул к прилавку, поближе к себе. Выступ на его палочке раскрылся со щелчком выкидного ножа, превратившись в большой коготь.

— Не врать, — холодно потребовал клиент, приставав коготь к горлу жалобно вскрикнувшей Даши. — Человек сказал фамилию. Какая фамилия?

— Э-э, вы!.. — встревоженно вскочил Вася, решив изобразить крутого киногогеря. — Это вы что?! Ну-ка, кончайте!

Человек в черном пальто, не отпуская замершую от испуга Дашу, перевел палочку на Васю; коготь с металлическим звуком вытянулся по оси палочки, став клинком-полумесяцем. Вася благоразумно отшатнулся, налетев задом на стол с монитором.

— И тебя тоже?.. — спросил человек. — Фамилию.

Убедившись, что Вася не опасен, а покрашенные деvuшки ни на что не способны, он каким-то движением пальцев заставил коготь вновь согнуться под прямым углом к витой рукояти и провел его заостренным концом по шее Даши, оставляя кровоточащую царапину.

— Пустите! А-ай! — согнутая Даша завизжала, извиваясь.

Маша наконец-то опомнилась и крикнула:

— Митя! Митя! Тут бандит! Митя, скорей!

— Фамилию, — повторил человек в черном пальто. Тем временем публика неуволимо быстро отхлынула от пункта фотосервиса, приглушенно галдя и беспомощно переглядываясь. Накачанный Митя в костюме с бейджем «Охрана магазина» и отглаженных брюках, спешно дожевывая жвачку, деловито пробирался на помощь Даше и разминал руки для драки. За ним устремился напарник, крикнув кому-то: «Вызывай ментовку!»

Удерживая Дашу, человек в черном пальто обернулся и взмахом полоснул по груди слишком близко подошедшего Мити, вытянутым когтем развалив ткань костюма, словно бритвой. Митя, заметно сбледнув с лица, в точности повторил маневр Васи.

— Заруцкий! Он — Заруцкий! — рыдала Даша.

Человек тотчас выпустил ее и направился — не к выходу, а к входу в магазинную подсобку. Люди отпрянули с его пути, сшибая друг друга, а он, распрямив руку, позволил когтю сложиться, после чего боевой инструмент как на резинке убрался в рукав. Дверь подсобного помещения стукнула, и сразу после этого раздался гром падения — не поворачивая головы, человек обрушил поперек прохода стеллаж с упаковками.

— Вы чего тут расха... — высунулся навстречу грузчик в зеленом комбинезоне, но человек в черном пальто одним движением отшвырнул его с дороги, как пустотелый картонный муляж. Дерзкий пришелец смотрел лишь перед собой, и щели его глаз лучились от счастья.

— Вить, а ты зачем это снял?.. — спросила рыжая девушка, склонившись над лежащими веером на столе четырьмя фотками.

В окнах студии смеркался быстротечный зимний день; стекла затягивало иссиня-серой мглой. Лампы струили голубовато-белый свет, сияющим бесплотным озером заливший пол и обшарпанную мебель логова Заруцкого. Рыжая девушка, временно ставшая хозяйкой богем-

ной норы, слонялась между плитой, где пыхтели две кастрюльки, периодически трясущимся холодильником и рабочим местом Виктора — тот, сидя враскорячку на облупленном винтовом табурете и закатав рукава, придирчиво осматривал новую глиняную голову на подставке.

— Как его будут звать? — положив подбородок на плечо бойфренду, Лена тоже уставилась на ком глины, где явственно обозначилось лицо.

— Бармалей, министр финансов. — Руки Виктора выделили веки изваяния, создали зрачки-вмятины. — Он тыщу лет лежал в гробнице. Смотри, он ест тебя глазами.

— И что он думает?

— «Ого! — думает он, — с театральным выражением продекламировал Виктор. — Белокожая девушка с огненными волосами! Наверно, она пылкая, как необъезженная кобылица. Эх, здорово было бы обуздать такую!»

Лена засмеялась, обнимая Виктора сзади.

— Что за черную колоду ты снял? — оглянулась она на стол.

— Это? Не я, — Виктор колдовал над головой Бармалея. — Нашел на улице обрезок пленки, показалось занятно — какой-то странный надолб. Место незнакомое — и не найдешь, где есть такое.

— Вот еще, загадка, — Лена пренебрежительно пожала плечами. — Это ж рядом, где дом Светки Малышевой, отсюда полтора квартала, только надо смотреть от железной дороги — а ты ходишь другим путем. У них на стене узор кафелем, ни с чем не спутаешь — только ничего такого черного там нет. Зачем ты все с земли поднимаешь, Вить? Мало грязи в доме, что ли? Пленка какая-то... фу!

— Чем тебе фотки не угодили? — сердито нахохлился Виктор. — Лежат — и пусть лежат! Тебя не трогают!

— Ты не кричи на меня! Фотки эти — противные!

— Да почему?!

— Не знаю! Мне от них тошно сделалось! Давай я их выкину!

— Не хозяйничай.

— Сам-то хозяин! Ты сметаны к творогу купил? Нет? Значит, мне придется идти, как всегда!

— А обойтись нельзя?

— Сам жуй без сметаны, очень полезно, склероза не будет, — ворчала Лена, одеваясь. — Ну хоть дай я их с глаз уберу, эти фото!..

— Не трожь! Переложить как убьешь — я потом никогда не найду. Сам уберу, — ополоснув глиняные руки в тазике, встал Виктор.

— Чтоб, когда я пришла, духу их не было, — категорически заявила подруга с порога. — Мне от них страшно и жить с тобой не хочется. Эта клякса — как дыра в гробу, и черт-те что копошится! Вот!

Виктор заглянул в пластмассовую миску с творогом и тяжело вздохнул, потом сбросил пленку с фотографиями в ящик стола. Звук ножа возник где-то под потолком, слабо взвизгнул и затих.

На автовокзале центральный зал ломился от пестрящих товарами ларьков и киосков. Людская каша ворочалась в тесноте между торговых точек, галдя и покрикивая, ругаясь и пытаясь начать драку у касс, а динамик под обветшавшей схемой рейсов хрипел и надрывался:

— Автобус на Октябрьский поселок рейсом восемнадцать двадцать пять задерживается выходом из гаража! Повторяю — автобус на Октябрьский поселок...

Толстые мордастые милиционеры в зимних шапках и пухлых куртках с омерзением и скукой обходили закутки и темные углы, то пинком, то тычком резиновой дубины взбадривая притулившихся в тепле бомжей и бомжих. Синюшные одутловатые жители подзаборного пространства смиренно поднимали свои зловонные тела с заботливо расстеленных картонок и перебирались

на другое место вместе с барахлом, набитым в рваные и крест-накрест заклеенные скотчем пакеты с лицами сияющих красоток. Достался хлесткий удар по филейным частям и бомжу в потасканном черном пальто, лежащему, поджав ноги, в обнимку с мешком из-под сахара. От удара человек дернулся, но мигом стих, ворча что-то вроде: «Ухожу я, ухожу, видите?..» — поднялся и, низко ссутулившись, побрел к выходу, волоча мешок по полу, покрытому слякотью из грязи, снега и опилок. Франтоватый бомж — в перчатках! Не выходя, он держался в тамбуре и сел на корточки так, чтоб его не толкали, по соседству с широкогорлой и угловатой сварной урной, прикованной цепью к трубе. Вскоре рядом с ним остановился, как бы закурив, другой невысокий и крепко сбитый в черном пальто:

— Какие успехи?

— Немного того, сего... — Вокзальный бомж раскрыл мешок и стал выкладывать на пол всякое разное: две пачки поваренной соли, блоки сигарет и спичек, мешочек пшенки, пакет макарон, штук пять яблок в магазинной упаковке, лекарства в коробочках, золотые украшения в пакетиках, с пломбами и бирками ювелирных магазинов, деньги в пачках, обернутых банковской лентой, какие-то ордена и медали, пистолет «ТТ» и патроны к нему...

— Не здесь, — процедил стоящий, еле скосившись на добычу. — Идем наружу. Я узнал фамилию — Заруцкий.

Выйдя, они завернули за угол здания, где сиротливо высились остовы палаток привокзального рынка. Парни сноровисто разбирали прилавки, укладывая их части стопками на двухколесные тележки. Заметив два черных силуэта, топчущихся совсем рядом под стеной вокзала, один из небритых смуглых молодцев окликнул их:

— Э, дорогой! Мочиться туалет ходи, место у параша! Слышал, ты?! А по морде?

Темное лицо посмотрело на него; в руке мелькнул

витой металл, и щелкнула, загораясь белым полумесяцем, отточенная сталь.

— Иди поближе, — позвал густой голос. — Далеко не слышу.

— Не связывайся, — придержал горячего южанина другой, постарше. — Видишь, он какой? Пусть уйдет, ладно?

Молодой и горячий задумался и отвернулся, шепча что-то скверное.

Взяв у бомжа «ТТ», мужчина в черном взвесил пистолет в руке и заботливо убрал под пальто, кивнув с одобрением, а бомж, звучно вытерев нос о перчатку, втянул в рукав витую железку, едва успевшую на лету захлопнуть и прижать к стержню коготь.

Дед Максимов заметил незнакомца издали; сразу видно было — человек здесь впервые и что-то ищет. Невысокий, коренастый мужчина в черном пальто беседовал под фонарем с отзывчивой бабусей, которая всей душой была рада помочь и, несомненно, помогла бы, если б хорошо слышала и видела.

— Ты, милый, шибче говори, шибче! Я глухая! — бабка поощряла мужчину орать, но тот голоса не повышал и показывал ей бумажку.

— ...и слепая! — доложила бабушка. — Очки дома забыла! И с очками ничего не бачу!

Отчаявшись добиться хоть чего-нибудь от бабки, мужчина заворочал головой: кого бы еще расспросить? Максимов поспешил к нему — как же, нельзя чужому миновать дворника! Новый человек — а вдруг он здесь поселится? Надо заранее все выведать о нем.

— Добрый вечер, — лисой подъехал Максимов с дружелюбными ужимками. —

— Спокойной ночи. Я хочу найти человека. Заруцкий — знаешь? — невежливо, без приветствия и как-то сразу нахраписто заговорил мужчина в черном. По заросшему лицу, снизу закрытому витками шарфа, а свер-

ху — облегающей шапкой, нельзя было понять, что на уме и на душе у человека. Сильный, но хриловатый голос намекал, что мужчина простужен... И верно, цвет лица у него был какой-то болезненный, землистый. Правда, держался он прямо, в теле чувствовалась недюжинная сила.

— А-а-а, наш скульптор! — возрадовался Максимов. — Он — знаменитый ваятель, сами увидите. Ему памятники заказывают на кладбище. Гена Воркута, кого летом застрелили, — знаете? Так надгробие ему Заруцкий делал! Богоматерь скорбящую, ангелов... Трогательно!

— Скульптор? — Мужчина в черном пальто склонил свою тяжелую и круглую башку к плечу, как бы удивляясь или что-то не поняв. — Он... сам делает фигуры?

Максимов смекнул, что это случай сосватать Иннокентичу клиента — если у Иннокентича снова деньга заведется, угощения можно требовать — ой сколько! Оживившись, дед замахал руками:

— Он головы делает! И фигуры. Все лепит! Вон его гнездо, на самой верхотуре, — на два пролета выше, чем лифт ходит.

— Который вход к нему? — Мужчина в черном пальто повернулся к подъездам.

— Сюда идите. На девятый, а оттуда... — Максимов не успел договорить; мужчина, не поблагодарив, уже шел напрямик к двери.

— Руцкой, Руцкой, — прошибло-таки склерозную бабу-глухню, — он про Руцкого спрашивал. Так это — курский губернатор! Его с должности уволили... Тот, усатый енерал, что в Белом доме отстреливался. С портфелем, тайные бумаги ховал...

— Молчи, глуха, — меньше греха! — отмахнулся Максимов. — Что за народ пошел — ни «здравствуй», ни «спасибо»... Ну, теперь магарыч с Иннокентича! Ему работа подвалила — не иначе монумент закажут в полный рост. Всем бандюкам по монументу — во как надо! Им целую аллею на погосте выделить — парк героев капитализма...

В глубине студии задребезжал звонок. Виктор слез с табурета со стоном человека, которого достали, и пошел открывать.

По ту сторону порога стоял какой-то неизвестный мужчина в черном пальто и низко нахлобученной черной шапочке; лицо его показалось Виктору слишком волосатым, а рот едва угадывался за складками шарфа.

— Заруцкий здесь? — холодно и тяжело промолвил гость.

— Здравствуйте, — слегка оторопев, вымолвил Виктор.

— Постараюсь, — ответил пришелец со слабым кивком. — Заруцкий — где он?

— Это я. Заходите.

Мужчина в черном пальто оказался в студии. Мельком осмотрев Виктора, как бы желая в чем-то убедиться — и мгновенно убедившись, он стал пристально вглядываться в изваяния — медленно прошелся вдоль стеллажей, держась от них на некотором отдалении, сцепив руки в перчатках за спиной и вытягивая голову из воротника. Виктор с вопросительным, выжидающим видом следил за гостем, тихо ступая позади него и на дистанции, чтобы не мешать своим близким присутствием.

— Интересуетесь? — ненавязчиво спросил он человека в черном пальто.

— Очень божественно, — выговорил гость, но не в ответ, а будто высказывая мысли вслух; в глазах его светились восторг и почтение. — Их надо украшать... мазать маслом, ставить на обозрение... Дивно, поистине дивно...

— Они заказные, — пояснил польщенный Виктор, улыбаясь с гордостью и пытаясь рассматривать головы из-за спины посетителя. — Если их не заберут, я выставлю новые работы весной в Доме художника.

— Кто их берет? — резко спросил гость.

— Разные люди. Братва, администрация... Они заказывают, требуют быстро сделать — а потом не выкупа-

ют. Кого убили, кто в розыске, кого посадили... Вам приглянулось что-нибудь? Я не каждую из них могу продать...

— Это дорогие изваяния, — твердо промолвил гость, отрицательно покачивая головой. — Искусно сделаны.

— Раздевайтесь, присаживайтесь, — пригласил Виктор жестом. — Хотите martini? — Открыв шкафчик, он извлек бутылку, в которой качалось бледное зелено-ватое-желтое вино, граммов двести. — Я высоких цен не заламываю, отдам дешево — вижу, вы понимаете искусство, — он плеснул вина в две пузатые рюмки, — и верно сделали, что пришли прямо ко мне. В арт-салоне с вас за то же самое сдерут...

Пока он доставал и наливал с вальяжной аристократической ленцой, гость неспешно расстегнул пальто и распустил шарф; под пальто заблестела кольчуга, а рыхлое, отечное лицо оказалось поросшим редкой и короткой буровой шерстью — шерсть сгущалась на переносице, и полосы ее стекали на скулы, откуда шли, изогнувшись, к вискам, образуя небольшие и причудливые кудлатые бакенбарды. Широкий нос шумно дышал большими мясистыми ноздрями. Заметив творог в лиловой пластмассовой миске, гость запустил туда руку в перчатке, щепотью захватил комковатую белую массу и отправил в рот, после чего старательно облизал пальцы; крошки творога просыпались ему на шарф и кольчугу. Виктор, повернувшись с рюмками в руках, замер; рот его остался открытым на звуке: «А...»

Утерев лоб тылом кисти, гость снял и шапку. Бугристое темя его было облезлым, как кошкин бок, изъеденный лишаем, — шелушащееся, облысевшее неровными пятнами, с редко и жидко пробивающимися волосами, мокрыми и прилипшими к воспаленной коже.

— А впрочем, — овладел собой Виктор, — можете забирать любую. Даром. Бери, не жалко.

— Изваяния просто так не берут. — Губы гостя были сухими, в белесоватых пятнах, кое-где потрескав-

шиеся и лопнувшие — в разрывах запеклась сукровица. — Мне другое надо. Пленку и оттиски с нее.

— Какая пленка? — Поставив рюмки, Виктор машинально вытер руку об руку.

— Пленка у тебя, мне известно. Ты делал карточки в магазине. Отдашь все мне. — Вопросительной интонации в словах гостя не было, они звучали утвердительно, как нечто обязательное к исполнению. Переведя дыхание, Виктор уставился на гостя исподлобья.

— Не отдам.

— Тогда я прострелю тебе голову, — доставая из-за пазухи «ТТ» и наставляя на Виктора, сказал гость так безмятежно и обыденно, как сказал бы продавщице: «Заверните мне вон то оранжевое мыло... да, с ароматом апельсина».

— Стреляй, — ощерился Виктор, сжав кулаки. — Стреляй! Мне все надоели! Всем отдай! За квартиру отдай, за свет отдай, налоги отдай, на помойке пленку подберешь — и ту отдай! Мое! Не отдам! Давай, жми! Мне здесь надоело вот так! — он резанул ребром ладони себе по горлу, переходя на крик. — Мне жить надоело! Мне уже все равно!!

— У вас хорошо, еще можно жить, — сказал гость, убирая пистолет. — Попробуем иначе. Меняю, — извлек он из бокового кармана пачку долларов. — Вот на это.

Осекшийся Виктор непонимающе воззрился на плотную, толстую стопочку баксов, обернутых крест-накрест лентой.

— Это... за пленку?..

— И за все отпечатки.

— Что-то я... не въезжаю. Там же ничего нет. Никаких лиц. Все очень мелкое.

— Там портал. Вход. Его нельзя снимать — тогда он исчезнет, уйдет в изображение. Ты будешь меняться?

— Да... да! — Вновь вытерев руки, Виктор потянулся

за пачкой так неуверенно, словно боялся, что гость одернет руку. Но тот позволил Виктору взять деньги. — Слушай, это... очень много. Пленка столько не стоит. Давай — за половину? Половины мне хватит. Идет?

— Забирай целиком. У нас это не нужно.

— Тут... десять тысяч, — прочитал Виктор на ленте, обнимавшей пачку. — Вау!.. Нет, постой — так несправедливо; у меня все-таки совесть есть! Пяти штук вполне достаточно. Пленка, фотки — шелуха, бумажки!..

Гость подступил ближе, вытягивая голову.

— Если ты оказался в чужом месте, один — сколько бы отдал, чтобы вернуться?

— О-о-о... Этот вход — куда?

— Домой, где мы живем. На другую сторону.

— Ладно, мне лучше не знать, я и так с головой не дружу. — Выдвинув ящик стола, Виктор протянул гостю фотографии и клочок ленты. Человек в черном пальто выхватил их так жадно, что Виктор слегка испугался.

— Да, точно, они. Хорошо, что ты не обманул. — Натягивая шапку и запахивая шарф, гость не прощаясь устремился к выходу и лишь на пороге коротко оглянулся, прибавив: — Иначе бы ты неприятно умер.

Виктор — в незастегнутом плаще, без кепки — догнал визитера, когда тот в компании бомжа с мешком уже вступил на пустырь за девятиэтажками. Запыхавшись, он не сразу смог говорить внятно:

— А я вам ору, ору!.. Куда вы гоните?!

— Мы спешим, — хмуро ответил гость.

— Вот, — Виктор обеими руками протянул глиняную голову, кое-как завернутую в растрепавшуюся на бегу газету. — В подарок, на память. Потому что... за такие деньги, и без ничего уходить... возьмите!

— Мне?! — Гость был изумлен и озадачен, не веря тому, что ему подносят такой дар, и не зная, как поступить. — Это слишком щедрый дар, я не могу принять.

— Берите! — Виктор едва не силой вложил голову в ладони гостя. — Я что — зря бежал?

— Ты умеешь дарить, — признал гость. — Но мне нечем отдариться. Разве что... — посмотрел он на бомжа, и тот мигом вытащил из мешка несколько денежных пачек.

— Нет, нет!.. — отмахнулся Виктор. — Если можно — я бы заглянул на вашу сторону. Другого случая не будет. И все, мы в расчете.

Бомж хохотнул, а гость в замешательстве наклонил набок голову:

— Если хочешь... идем.

Ближе к середине пустыря гость, зажав глиняный подарок под мышкой, вынул одну из фотографий, на ходу как бы сгреб с нее невидимую пленку и выбросил руку вперед, раскрыв кулак в растопыренную пятерню: раздался хлопок и шелест, на фоне ночного снега возникла чернота в форме надгробия. Повернув фото изображением к себе, гость убедился, что дефект с карточки исчез, — и выбросил ее. Двое в черных пальто, не останавливаясь и не замедляя хода, вошли во тьму, как в густой дым.

Запнувшись, а затем собравшись, словно для прыжка, Виктор все-таки решился и шагнул вслед за ними, но на пороге темноты задержался, положив ладони на закраины черного входа и просунув по ту сторону лишь голову. В тот момент, когда он продвигался сквозь непроглядную завесу, появился звук ножа, прижатого к вертящемуся точильному кругу, — стремительно приближаясь издали, как вой падающей бомбы, он заполнил собой весь мир, стал подавляюще громадным, нестерпимым, жгучим и осязаемым, словно раскалывающая головная боль, но внезапно оборвался, едва в глаза ударил свет.

Из зимней ночи Виктор выглянул в грязный и пасмурный день. Всюду, сколько было обзора, высились

курающиеся пестрые курганы отбросов, над которыми в дымном и низком сером небе с несмолкающим граем вились черные птицы, похожие на поднятые ветром тряпичные клочья. Перед порталом простиралась площадка, заваленная сором и залитая помоями, — в подножном гнилье рылся десяток безобразных людей, одетых в рванину; головы, облысевшие, в коросте и редких прядях слипшихся волос, лица, обросшие наполовину вылезшей шерстью, ступни босые, икры в лохматых обмотках, руки оголены до плеч. Они собирали какие-то несъедобные на вид куски и складывали их в корзины и пластиковые коробки с проволочными дужками; собирателей охранял обутый в опорки и более-менее человекообразно одетый воин в жестяном колпаке, держащий оружие вроде косы. Справа торчал из помоев уродливый и примитивный идол — косо вбитое в грязь бревно с грубо вырезанным оскаленным лицом; брюхо и ноги деревянного кумира были облеплены долларами, рублями, гривнами и евро. По бокам от идола чернели на кольях сгнившие и высохшие человечьи головы.

При виде людей в черных пальто воин что-то горланно выкрикнул, а гость Виктора поднял над собой глиняную голову, чтоб все ее видели. Сборщики тухлятины хором возопили: «О-о-о-о-о!» — и, воздев руки, пали ниц. Бомж, поклонившись идолу, начал гвоздями прибивать ордена к его брюху. Кто-то, виляя задом, подполз на четвереньках к гостю и принялся лицом тереться о штанину господина.

В отдалении слева послышался вопль, и над краем тлеющего кургана возник ряд фигур — размахивая палками, люди в кожаных масках быстро побежали к подножию с улюлюканьем и яростными возгласами: «Хабар! Хабар!» Поклонявшиеся глиняной голове завизжали и бросились под защиту одетых в черные пальто. Воин принял боевую стойку, клинок его оружия выпрямился в одну линию с древком, а бомж вытряхнул из рукава свою палочку и раскрыл коготь. Недрогнувший

гость Виктора, аккуратно положив подарок к своим ногам, хладнокровно подпустил нападающих поближе, поднял пистолет и открыл огонь. Кожаные Маски один за другим стали падать — одни замертво, другие с воем и рычанием, катаясь и сгибаясь пополам от боли, а третьи бросились назад.

Отпрянув в страхе, Виктор выдернулся из портала, попятился и сел в снег; черная дверь негромко схлопнулась и исчезла. Он машинально осмотрел свои руки — измазаны чернотой входа, как сажей. Вскочив, Виктор нагнулся, зачерпнул полные пригоршни снега и принялся исступленно оттирать с пальцев и ладоней грязь чужого мира, пока та не сошла совсем; тогда он загреб еще снега и умылся им — с блуждающим взглядом, жадно вдыхая открытым ртом. Отплюнувшись и фыркнув, как собака после купания, он дико рассмеялся и подбросил снег фонтаном вверх:

— А у нас можно жить! У нас еще можно жить! Ще не вмерла Украина! Еще Польша не сгинела! О-хо-хо!

Он прыгал, вскидывал снег к небу и ел его из горсти, потряхивая головой и приговаривая, как заклинание:

— Можно жить! Можно жить! Можно!

ТОЛЬКО ОДИН

Бой заканчивался. Тусклое красное солнце висело над горизонтом, медленно затухая в вечернем тумане. Длинные тени от развалин тянулись через все поле и спотыкались о кучи издохших врагов там, где были особенно ожесточенные схватки. Некоторые исоптеры еще шевелились, вытягивая корявые конечности, когда мимо них медленно проходил человек. В таких случаях Басселард останавливался, некоторое время смотрел на плоские головы с поблекшими ячейками глаз и вяло шевелящимися жвалами, на затянутые хитином изуродованные тела с пятнами сочащейся из ран слизи. Потом добивал раненых врагов одним ударом разрядника и шел дальше.

Термисов в этот раз было много. Очень много. Наверно, на каждого дентайра приходилось по три сотни отборных исоптер Армии Заселения. Таких врагов Басселард еще не видел. Модифицированная броня с серыми разводами силовых линий, визуальный аппарат, позволяющий контролировать одновременно все, что происходит вокруг, новое оружие. Идеальные солдаты. Не рассуждающие, не боящиеся смерти. Да, идеальные. Но не такие идеальные, как мы.

У расщелины бой еще продолжался. Несколько десятков исоптер обреченно карабкались по телам предшественников туда, где сверкали вспышки и чернел смазанный силуэт одинокого дентайра.

— Они все-таки идиоты, — сказал кто-то сзади.

Басселард обернулся.

Келаванг стоял у дымящихся останков подбитой в начале боя матки, лениво поглаживая ствол разрядника. Между ним и Басселардом оставалось десять шагов дозволённой дистанции.

— Не бойся, — усмехнулся Келаванг. — В отличие от тебя я чту традиции и не подойду ближе.

— Думаю, сейчас бессмысленно обвинять меня в непочтении, — сказал Басселард. — Мы победили. Если бы я не убедил вас отвергнуть старые правила и объединиться — ничего бы не вышло.

— Дурак ты, Басселард. Каждый из нас мог справиться с этой сворой в одиночку. Даже ты. Чуть больше времени, чуть больше энергии. А сейчас придется делиться.

— Здесь нечего делить. Планета пуста.

Келаванг расхохотался.

— Всегда найдется что поделить! Я, например, пустыни люблю. А здесь они в изобилии. Развалины опять же. Кто знает, какая раса их построила и что можно найти внутри.

Басселард посмотрел на чернеющие остовы зданий. Обломанные шпили, провалы полуосыпавшихся арок. На вид руинам было несколько тысячелетий.

— Там ничего нет.

— А это мы проверим, — загадочно ухмыльнулся Келаванг. — Я туда сканов запустил.

— Вся добыча на завоеванной планете делится Советом, — напрягся Басселард.

— А-а... вот и ты вспомнил о традициях. Не бойся, мой слабый друг. Повторяю, я чту традиции. — Келаванг отвернулся.

— Тогда я собираю Совет, — бросил Басселард, чувствуя, как закипает внутри вековая ненависть.

— Твое дело. Ты нас затащил в эту дыру.

Басселард поднял руку. Маленькая игла вымпела вы-

летела из браслета, воткнулась в землю и за мгновение вытянулась к небу, раскрывая оранжевые лепестки.

— Совет будет здесь. Немедленно.

Келаванг усмехнулся и промолчал.

Дентайры собирались медленно, не желая лишний раз сталкиваться с сородичами. Они подходили с разных сторон, один за другим, неуклонно соблюдая дозволенную дистанцию в десять шагов. Останавливались, образуя, как того требовала традиция, широкий круг, в центре которого вращался вымпел Совета. Глейф, Зангон, Лабрис... Басселард насчитал пятнадцать человек. Двоих не хватало, в том числе Клеванта, чьи владения граничили с Озерной Маркой самого Басселарда. «Это хорошо, очень хорошо, — подумал он. — Значит, все земли и все самки неудачника теперь принадлежат мне». Последним спустился с горы трупов припозднившийся воин в черной броне. Когда он подошел ближе и убрал силовые щиты, Басселард узнал Хецнаба.

Круг замкнулся.

Басселард сделал шаг вперед, стараясь ни на секунду не упустить из вида соседей, и сказал громко:

— Дентайя победила. Теперь вы все видите, насколько удобнее биться сообща.

Воины заворчали.

— Ничего мы не видим, — прогудел Зангон. — Я муравьев щелчком перешибал. Вы все мне только мешали. Подумаешь, пара тысяч недоразвитых исоптер.

Басселард вздохнул.

— Это не просто исоптеры. Это Армия Заселения. После настала бы очередь наших коренных владений. Против вторжения можно сражаться только вместе. Но речь о другом. Планета наша. Здесь есть остатки древней культуры. Воин Келаванг запустил в ближайшие развалины сканов. Совет должен заранее решить, что делать с возможной добычей.

Келаванг засмеялся.

— Как вы понимаете, воин Басселард желает полу-

чить всю планету в свою безраздельную собственность. По праву застрельщика этой комедии.

Басселард спиной почувствовал, как пронеслось по кругу напряжение.

— Нет. Мы сражались вместе. Вся добыча — общая.

Воины неодобрительно загудели.

— Добыча не может быть общей, — сказал Зангон. — Если сканы Келаванга найдут пару кристаллов арита — мы как их делить будем? Остается только драться. — И его фигура мгновенно скрылась за тьмой брони. Следом активировали защиту стоявшие рядом Глейф и Хецнаб.

Келаванг усмехнулся.

— Я предупреждал. Воевать и брать добычу должен только один.

Басселард шагнул в центр круга.

— Стойте. Если мы сейчас уничтожим друг друга, завтра следующая волна затопит наши владения. К тому же делить пока нечего. Может, там ничего нет? Дождемся возвращения сканов и тогда будем решать. Со своей стороны обещаю отказаться от собственной доли, если добыча будет небольшой.

Теперь броней закрылись все дентайры, за исключением Басселарда.

— Дурак! — голос Келаванга за стеной его радужной брони звучал глухо. — От добычи никто никогда не отказывался. Это нарушение традиций. Ты дождешься, что Совет лишит тебя права именоваться дентайром и заберет все владения. Я думаю, это будет правильное наказание для человека, забывшего основы нашей цивилизации. Только один!

— Только один! — отозвались остальные.

Басселард стоял спиной к выпелу. Мелкие искры датчиков кружили над головой, оценивая уровень опасности.

— Когда на границах появились исоптеры, — сказал он, — вы согласились со мной, что закон может иметь

исключения. Все вы. Напомнить, почему вы согласились? Твоя система, Зангон, видна отсюда, даже если не напрягать зрение. А столица Глейфа находится еще ближе. До рудников Хецнаба рукой подать, а что будет с твоей энергией, Хецнаб, если ты лишишься кристаллов? Ведь ты так гордишься своими рудниками. А ты, Келаванг? Что это за белая звезда там, у горизонта? Неужто Делия, откуда ты вывозишь своих наложниц? Вы все — рядом. Вы все — на границе. И поэтому вы здесь, а остальные не явились. Вам повезло меньше. Исоптеры смели бы вас в первую очередь.

— Исоптер больше нет, — пробурчал Глейф. — А твои слова о следующей волне не имеют основания. Ты не можешь точно знать, что это, — он обвел рукой горы обутленных трупов, — Армия Заселения. И уж тем более ты не можешь утверждать, что она не последняя. Может, их единственная цель — эта планета? Почему они рвались сюда, вместо того чтобы захватить те же рудники Хецнаба? Они ведь действительно рядом.

— Нет, — сказал Келаванг. — Эта планета не может быть целью. Здесь ничего нет.

— Только развалины, — добавил Зангон. — Надо решить, что делать с добычей.

— Драка! — крикнул молчавший до той поры Лабрис, и над его головой взвилось холодное пламя.

— Стойте! — Басселард поднял руку. — Сканы возвращаются.

В наступающей темноте стало отчетливо видно, как из проломов и арок древних зданий выметнулось с десятков светящихся дисков. Некоторое время они кружили над руинами, рыская по камням узкими лучами собирателей. Потом рванулись к дентайрам.

— К вымпелу их, Келаванг, — сказал Басселард. — Мы должны получить информацию одновременно.

— Это мои сканы, — проворчал тот, но приглашающий жест сделал.

Диски сгрудились в центре круга, медленно плавая

возле оранжевых лепестков выпела. Затем выстроились друг над другом и застыли. Верхний диск полыхнул яркой вспышкой, раскрывая экран.

— Это план развалин, — сказал Келаванг, разглядывая мешанину нарисованных в воздухе синеватых линий. В их переплетении едва угадывались зубья построек и темные пятна сохранившихся подземных помещений.

— Ого, да здесь внизу целый город! — Зангон шагнул вперед, всматриваясь. — Но он совершенно пуст. Нет жизни, нет кристаллов. Вообще ничего полезного. Одни камни и песок.

Схема пылала только синим цветом. Ни зеленых точек, обозначавших живые существа, ни желтых сполохов полезных ископаемых видно не было. Даже черноты рукотворных механизмов дентайры не разглядели, хотя вглядывались очень долго.

— Пустота, — подвел итог Хецнаб. — Нет добычи. Драться не за что. — И убрал броню.

— А это что? — Басселард указал туда, где сеть линий была наиболее густой.

— Ничего, — пожал плечами Келаванг. — Видишь, здесь все такое же синее.

Басселард подошел ближе.

— Не совсем. Здесь цвет меняется. Незначительно, но все же заметно. Он плавно перетекает в фиолетовый.

— Фиолетового цвета на карте не может быть, — ответил Келаванг. — Он ничего не обозначает. Это закатный отсвет, не более. Протри глаза.

Воины засмеялись.

— Здесь больше нечего делать, господа дентайры, — провозгласил Зангон. — Я возвращаюсь. Не знаю, как вас, но меня ждут повседневные дела.

Он медленно стал отступать в темноту, держа руки перед собой, как того требовали правила Совета. На

холме за его спиной проявился мутный силуэт убравшего невидимость корабля.

— Да, — присоединился Хецнаб. — Нам всем пора.

Вдали один за другим стали возникать корабли. Остроносый «Бегис» Лабриса, нелепый, размалеванный всеми цветами радуги «Глайд» Келаванга, огромная, изуродованная шрамами туша хецнабовского «Бесноватого». В наступившей тишине было слышно, как завывает среди руин ветер.

Дентайры уходили, стараясь не глядеть друг на друга. Их корабли постепенно оживали, просыпаясь. Солнце окончательно скрылось, и теперь только бортовые огни освещали равнину. Потом исчезли и они.

У вымпела Совета осталось лишь двое.

— Я хочу проверить, — сказал Басселард. — Мои глаза меня никогда не обманывали.

Келаванг не ответил. Он проводил взглядом последний уходящий в небо звездолет и медленно пошел к своему «Глайду» вслед за вереницей сканов. У самого шлюза он остановился и крикнул:

— Как хочешь! Только помни — отсутствие хозяина развязывает руки соседям. Традиции, сам понимаешь.

— В бездну традиции, — прошептал Басселард. — Если законы мешают жить, их забывают.

Он дезактивировал вымпел, некоторое время разглядывая опадающие на песок оранжевые лепестки. Потом отвернулся и, не дожидаясь отлета «Глайда», зашагал к ближайшим развалинам.

* * *

Схему развалин он успел записать, отложив ее в ближайший сегмент памяти, и вызывал каждый раз, когда оказывался на очередной развилке.

Сейчас он снова ходил вокруг нее, пытаясь понять, что делать дальше.

Вокруг была низкая пещера, образованная парой рухнувших друг на друга зданий. Остатки некогда рос-

кошных барельефов смотрели на него со всех сторон. Лица полулюдей-полуживотных, их змеиные глаза и искривленные, словно в агонии, фигуры покрывали стены сплошным потоком, переплетались друг с другом. Басселард старался не смотреть на эти жуткие картины, чувствуя, что их вид вызывает в мыслях тоску и безысходность.

Странная это была цивилизация. Даже прошедшие тысячелетия не смогли стереть ее нечеловеческую сущность. Да, все это построили люди, в этом он не сомневался. Остатки монументов, дверные проемы и лестницы вполне дентайского вида и даже кое-где сохранившаяся высеченная из камня мебель — все это доказывало человеческое происхождение. Но эти барельефы... эти здания без окон, подвалы, откуда веяло тысячетным ужасом... Басселард не мог представить, что здесь жили нормальные люди. Он даже пригласил освещаемое поле, чтобы видеть как можно меньше.

Басселард еще раз взгляделся в схему. Теперь он не сомневался. Здесь, где-то недалеко, она меняла цвет. Синие линии сплетались в клубок, постепенно становясь фиолетовыми. Он попытался вспомнить, что мог означать фиолетовый цвет. Синий — цвет камня, зеленый — цвет живых организмов, желтый — цвет полезных ископаемых, черный — цвет машин. Он помнил, что в давние времена был еще красный, цвет опасности. Но его на картах уже давно не использовали. Ничто в этой вселенной не могло угрожать дентайрам. А фиолетовый...

Наконец он убрал схему и посмотрел на чернеющий впереди проем. Когда-то это была дверь высотой в три человеческих роста. Теперь от нее осталась лишь узкая дыра, наполовину засыпанная каменным крошевом. За ней угадывался низкий, будто сдавленный коридор.

Потом он долго шел по этому коридору, петлявшему, словно раненая змея. Время от времени гладкие плиты пола сменялись выщербленными ступенями, ве-

дущими вниз. Потолок то нависал над головой, то взмывал на недостижимую высоту. В одном месте, посмотрев случайно вверх, он увидел звезды.

Когда коридор внезапно превратился в широкий квадратный зал, Басселард остановился, оглядываясь.

Слава бездне, здесь не было барельефов. Гладкие шестиугольные плиты неопределяемого серо-желтого цвета покрывали и стены, и пол, и даже потолок. В зале ничего не было. Ни статуй, ни даже раскошенных камней.

Басселард снова раскрыл схему. Зеленая точка, обозначающая его самого, стояла в центре пульсирующего фиолетовым цветом сектора.

Он медленно прошел вдоль стен, трогая плиты облицовки. Обыкновенные, холодные на ощупь камни с затхлым пыльным запахом.

Только обернувшись назад, он увидел, что камни изменяются. На их поверхности проступили неясные тени. Они медленно изгибались, становясь все отчетливее, превращаясь в узнаваемые образы. Изображения стен,зданий, высоких стрельчатых арок, широких площадей, залитых ярким солнечным светом.

Басселард отошел в центр зала, чтобы лучше видеть.

Наверное, это была запись последних дней планеты. Стандартная ситуация. Гибнущие культуры почему-то очень любили оставлять после себя подобные послания, вместо того чтобы уйти в небытие по-мужски, не прощаясь.

Да, это была странная цивилизация, подумал он, разглядывая существ в черных одеяниях, что стояли на ступенях некоего давно разрушенного дворца. Плотные капюшоны полностью скрывали их лица. Может, они и не были людьми. Кто знает, что пряталось за этими капюшонами. Наличие двух рук и двух ног еще никого не делало человеком. Какой-то древней жутью несло от этих фигур, неподвижно стоящих посреди огромного города. Потом одна из них стала изменяться. Басселард даже

отпрянул в сторону, когда существо в черном вдруг содрогнулось и упало на ступени. Казалось, его корежит изнутри. Оно билось в судорогах, царапая камни вполне человеческими руками. Потом руки перестали быть человеческими. Они вытянулись, усыхая и чернея прямо на глазах. Одежда треснула сразу в нескольких местах, выбрасывая на камни сгустки слизи. Наружу рванулось еще несколько пар таких же мелко дрожащих конечностей. А затем с головы слетел разорванный в мелкие клочья капюшон. Басселард ошалело смотрел на плоскую голову с шевелящимися жвалами и длинным рядом глазных ячеек.

— Теперь понятно, почему они рвались именно на эту планету, — донеслось сзади.

Басселард резко обернулся. Келаванг стоял у входа в зал, постукивая пальцами по стволу разрядника.

— Это их родина. Здесь они стали исоптерами. Здесь решили перестать быть людьми.

— Что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты. — Келаванг прошел вперед, не забывая о дозволенной дистанции. — Решил проверить качество работы своих сканов. Не отвлекайся, смотри, что там происходит.

На плитах была та же картина, но с одним изменением. Существа, стоявшие рядом с новорожденным термисом, тоже отбросили капюшоны.

Да, они были людьми. Может, с чересчур жесткими, словно вырубленными из камня, лицами и слишком узкими змеиными глазами. Но это были люди. Один из них поднял руку, не спуская глаз с исоптеры. Насекомое притихло, сжалось, словно пытаясь втиснуться в камни лестницы.

— Они им управляют, — прошептал Келаванг. — Ты представляешь, что это значит?

Басселард пожал плечами.

— Ничего. Их уже давно нет.

— А может...

Келаванг не успел закончить.

Тусклый свет, лившийся от плит, стал ярче, и Басселард почувствовал, как вместе с этим светом в его мысли вливается нечто склизкое, чуждое ему и его принципам. Люди, составляющие одну общую целостность, с одинаковыми мыслями и одинаковыми желаниями, покорные существа, живущие так, как им прикажут. Они сильнее, гораздо сильнее, чем одиночка, даже сверхсильный и сверхмудрый. Один свободный никогда не добьется того, что могут сделать мириады покорных. Перевернуть мир, пересотворить его под себя, так, что каждый из них будет жить лучше, гораздо лучше. У них нет проблем, они даже не знают, что это такое. За них все решает тот, кто ими управляет.

Теперь Басселард знал, как ими управлять. Голова раскалывалась в такт пульсирующему свету.

И еще он понял, что и Келаванг тоже это знает.

Один.

Это должен знать только один.

Он успел активировать защиту. Молния разрядника ударила в броню и разлетелась искрами.

— Только один, — прошипел Келаванг, и Басселарду показалось, что его глаза, скрытые полупрозрачной радужной щита, напоминают змеиные. — Ты же знаешь наши традиции...

— Знаю. Поэтому ты умрешь.

Огненный шар вспух у двери, откинув Келаванга к стене.

— Ты умрешь, потому что слишком любишь традиции...

Руки Басселарда снова вскинулись вверх. Разряд пробил радужную броню, выжигая на теле старого врага черную дымящуюся полосу.

— И не понимаешь, что эти традиции уже никому не помогут.

Потом он долго стоял над обугленным телом, при-

крыв глаза и чувствуя теплую пульсацию исходящего от плит света.

Его мысли были далеко, в черном пространстве среди звезд, там, где в вечном холоде неподвижно висели мириады его новых рабов. Огромные, вспухшие от бесчисленного потомства шары маток. Длинные, составленные из бронированных сегментов черви истребителей с вечно дрожащими от предвкушения битвы жвалами. Нескончаемые рои боевых исоптер. Вторая, третья, четвертая волны Армии Заселения. Их было много. Они долго ждали.

— Я пришел к вам, — сказал он в пустоту и ощутил миллиарды скользких ручейков, стекающих в его мозг, покорных и бессловесных, испытывающих нестерпимый голод и ждущих его приказаний. У него был только один приказ. Пока один. Потом, может быть, он захочет чего-то еще. Превратить все планеты в сады. Осчастливить всех своих рабов. Сделать так, чтобы они ни в чем не нуждались. Но это потом. А сейчас он просто наблюдал, как медленно просыпается его армада, как сначала истребители, а потом и рои исоптер разделяются на волны и движутся, сперва медленно, а потом все быстрее, к ближайшим планетам дентайров.

Он не помнил, как выбрался из развалин, как сел в корабль и бросил его к Делии. Теперь, после смерти Келаванга, все планеты врага принадлежали ему. Впрочем, ему принадлежали вообще все планеты. Третья и четвертая волны вышли к другим пограничным территориям. Рудники Хецнаба сдались почти без боя. Молодые матки вгрызались сейчас в богатую кристаллами почву и уже были готовы выбросить на волю миллионы новых спор. Им всем нужна будет пища. Вторая, самая главная волна, та, что окружала сейчас Делию, столкнулась с более серьезным сопротивлением. И тогда Басселард, не приближаясь к орбите, принял решение. На Делии не было ничего ценного, кроме инкубатора человеческих самок. Истребители хорошо справились с задачей.

В считанные секунды их новое, модифицированное оружие разнесло планету на куски. Это был пройденный этап. Дальше на пути стояли более населенные и более богатые планеты. Клевант, Ангон, Сакс. Много пищи, много энергии. Когда армада подошла к Озерной Марке, Басселард вдруг вспомнил, что это его собственная планета, и усмехнулся. Здесь было много воды, и новые типы маток оказались хорошо приспособлены к такой сырости.

Бившиеся в одиночку дентайры не составили большой проблемы. Лишь однажды они объединились в некое подобие маленького отряда и уложили пару миллионов рабов. Эта потеря не особенно расстроила Басселарда. Уже следующая волна рожденных на новых территориях смела всех сопротивлявшихся в один момент.

Это было счастье. Переделывать мир так, как он того заслуживает, — Басселард всегда мечтал об этом. Только где-то глубоко, на задворках сознания, появлялась время от времени тревожная мысль. Он не знал, куда делись предыдущие хозяева Армии. Ведь они были когда-то. Он сам их видел, там, в подвале. Люди с жесткими лицами и змеиными глазами. Те, кто создал испотер, те, кто ими повелевал изначально. Но этот вопрос не был настолько важен, чтобы ради него забывать повседневные дела.

Империя росла. Теперь очередь дошла до коренных территорий Дентайи. В какой-то момент Басселард ощутил страх, когда понял, что не в состоянии контролировать всех своих рабов так, как он контролировал их совсем недавно. Их стало слишком много. Сотни планет. Миллиарды маток. Неисчислимое множество солдат и рабочих. Он знал, что в отсутствие приказов его армия перестает действовать эффективно. Они еще могли сражаться, как сражались когда-то давно, на той безымянной планете, с которой все началось, неумело и бессмысленно, побуждаемые только слабым инстинк-

том, толкающим их к поискам Хозяина. Но такие бои могли закончиться только поражением.

Чего-то не хватало. И тогда он снова бросил корабль туда, к развалинам древней цивилизации.

Он долго стоял в квадратном зале с шестиугольными плитами на стенах, полу и потолке, раз за разом пересматривая летопись сгинувшей жизни. От самого начала и до самого конца, переживая тысячелетия, что привели людей со змеиными глазами к их странному финалу.

И когда вышел из руин, уже знал, что надо делать.

И знал, куда делись предыдущие Хозяева. Те, кто первым понял, что для полного контроля надо быть такими же, как те, кого ты контролируешь. Раб и Хозяин — это одно целое. Только в таком случае приказы будут исполняться беспрекословно всеми рабами, сколько бы их ни было. Пусть недолго, пару сотен лет, не больше, после чего Хозяин перестанет быть Хозяином, ибо поймет, что рабом быть совсем не хуже. А потом придет другой Хозяин, и для Армии все повторится снова.

Боли он не почувствовал. Просто лег на песок рядом с проломом в обвалившейся древней стене и зажмурился. словно во сне, он ощутил, как покрывается мощной хитиновой броней его тело. Как становятся цепкими и твердыми его руки и как к двум парам конечностей прибавляются еще три. Затем открыл глаза и понял, что мир выглядит куда красочнее, если смотришь на него не двумя, а двадцатью глазами.

Уже выпустив широкие крылья и взлетая, он заметил на холме металлическую коробку, которую люди почему-то называли «звездолетом», и подумал, что такие ограниченные в своих способностях существа не могут претендовать на многое в его вселенной. Мир был слишком красив и богат, чтобы делить его с кем бы то ни было. Теперь все это принадлежало только ему одному.

ДВА МЕШКА МОРСКОЙ КАПУСТЫ

Ное-кто, я знаю, считает эту историю даже смешной — вот тот же Тхор, к примеру, но мне, знаете ли, тогда было несколько не до смеха, да и сейчас особого юмора я в ней не вижу. И вообще — покажите мне ящики или, что еще хуже, стандартные стокилограммовые мешки с эмблемой Главного провиантского штаба при Управлении тыла ВКС Земли, так я могу и в обморок загулять. Но, раз уж зашла речь о тех двух мешках с проклятой морской капустой, начинать следует внятно и по порядку.

В то время нам везло, да так крепко, что мой друг и компаньон Перси Пиккерт уже всерьез присматривался к банковским кредитным программам на предмет покупки второго тягача и, разумеется, аренды «хвоста», ибо помимо целого ряда весьма денежных для нас фрахтов подходили к концу три года нашей работы на военное ведомство, а так как ни малейших нареканий за этот срок мы не получили, была вероятность, что ВКС помогут с вожделенным кредитом. В отношениях с банками у военных всегда есть возможности, коих лишены штатские: рука руку моет, дело житейское...

И вот как-то раз, прибыв после очередного удачного рейса на Катарину, мы получили совершенно внеплановую шифрограмму от наших военных нанимателей, предписывающую оставаться там несколько суток в ожидании некоего срочного груза. Делать было нечего, кон-

тракт с ВКС мы должны были выполнять в первую очередь, отказываясь порой даже от очень выгодных сделок: ну да оно того стоило, потому что военные гарантировали нам стабильность, о которой даже мечтать не смеет большинство бродяг типа нас с Перси. Расшифровав сообщение, мы решили, что как минимум сорок восемь часов у нас есть, а потому предались разгулу. С утра пораньше, приодевшись, как заправские щеголи, мы с Персивалем отправились в бар «Мокрая мышь», что недавно открыл его давешний приятель Лелик с Привоза, а Тхор, не слишком жаловавший подобные заведения, наострил лыжи к своему дальнему родичу, портовому служащему, который увлекался разведением их фамильных грибов, в некоторой степени заменявших грангам алкоголь. Тхор, надо сказать, на этих чертовых грибах был помешан и часами мог рассказывать про особо пятнистые мухоморы своего прадедушки по маминой линии.

«Мокрая мышь» находилась на территории порта, так что далеко идти нам не пришлось. Так как достопочтенный Лелик открылся буквально с месяц тому, завсегдатаями его обжорка еще не обросла, и он был до слез рад любому гостю, а уж Перси так и подавно. Едва заведя нас, свежееиспеченный кабатчик шаром выкатился из-за стойки с двумя кружками пива в руках и проводил нас к чистенькому столику в тихом углу зала.

— Ну, как сходили? — спросил он, садясь с нами. — Без аварий?

— Слава богу, — солидно кивнул Перси.

— Того и гляди кой-чего и обмывать придется? — Лелик умильно закатил глаза и принялся к пиву: похоже, и выпить ему с нами хотелось, и работа все-таки... в конце концов он щелкнул пальцами и крикнул куда-то в сторону стойки: — Ленусь, принеси-ка и мне кружечку!

— Но вы же сами говорили, шеф... — немного уди-

вилась дебелая блондинка в кружевном кокошнике с мышинными ушками, скучавшая возле пивного крана.

— Сейчас можно! — рявкнул Лелик. — Друзья вот, не видишь? Дела!

— А-аа, — закивала Ленуся, шустро выдергивая из-под стойки чистую кружку.

— Дисциплину блюдешь? — заметил Перси.

— А то! — почесал в ответ брюхо Лелик. — Их ведь только распусти — потом толку не будет. Оттого и сам вот... воздерживаюсь. Вы, кстати, это вот — гляньте, какие у нас сегодня, — и деловито показал глазами в противоположный угол зала, где сидели за пивом две довольно хорошенькие девушки.

— Шлюхи? — осведомился Персиваль, ставший в последнее время донельзя скаредным.

— Да, по-моему, просто искательницы приключений из портовой конторы. Я их второй раз вижу: у них выходные по будням, вот и скучают тетки. Вы для них в таком прикиде — самое оно. Что скажешь?

— Поглядим, — решил Перси. — Давай-ка ты еще пива тащи, мы тебе сегодня кассу делать будем, один же черт времени навалом.

Лелик довольно хлопнул по столу и сделал знак своей Ленусе, чтобы та немедленно подала еще пару кружек.

— Хорошее у тебя пиво, — сказал я ему. — Смотри только, чтоб потом не распаскудиться, а то сам ведь знаешь: пока заведение новое, пиво разбавлять не решаются, а как только в жир войдут, так все — моча.

— Да ты что! — замахал руками Лелик. — Ты, Сэмэн, сам подумай, конкуренция ведь какая! А аренда? А зарплату двум поварам да в зале трем оглоедкам — и все по профсоюзным ставкам? Нет уж, чтоб держаться, нынче и пиво, и креветки с крабами — все должно быть в ажуре, иначе прогоришь в два счета. Вот у нас на Привозе был когда-то один рубщик. Ну, мясо рубил то есть. Ну, дела у него шли просто класс, а тут как-то же на его в лотерею выиграла. Немного, кажется — тыщ

так двадцать, но говорит ему: «Хватит, типа, Мотя, тебе мясо для чужих людей рубать, надо свое дело делать». И нет бы тому Моте столы арендовать, так этот шлимазл решил пивную открыть.

— Там же, на Привозе? — уточнил Перси.

— Ну а где? — хмыкнул Лелик, решительно не понимая, как человек может в здравом уме покинуть Привоз, где прошли лучшие годы его юности. — Конечно. Там как раз один румын продавал дело на ходу, ну, он и вложился. Сперва все было в лучшем виде, народ к нему так и валил. Всегда раки свежайшие были! Да тут жена его пилить начала — что, говорит, такое, у нас теперь свой бизнес, а я до сих пор без норковой шубы! Тут Мотя и скатился. Сперва разбавлять начал, а потом уж и на уборщице экономить — на полставки, значит. Ну а тут как раз квартальная санитарная комиссия на три дня раньше, чем надо.

— Пролетел? — сочувственно покачал головой Перси.

— Хуже. Он потом жене так по башке накидал, что ему трояк дали. Теперь она на Марсе живет, с вудуистом каким-то, а Мотя, как вышел, на Привоз и смотреть не захотел. Сейчас в Бруклине, мясо рубит. Так что экономить, ребята, оно всегда боком выходит. Ну да вам ли не знать!

Тут Лелика позвали с кухни, и мы остались в одиночестве. Впрочем, его уход оказался нам как раз на руку, так как я стал замечать, что дамы в противоположном углу время от времени бросают на нас довольно недвусмысленные взгляды. Да и то: кроме нас, в баре гуляли лишь трое мрачного вида карго-операторов в синих комбезах, не имеющие желания закусывать свое пиво чем-либо дороже соленых орешков. Мы же, в новеньких, с иголки, и, честно сказать, не самых дешевых костюмах, выглядели достаточно соблазнительно. Конечно, девушки из портовых контор за парсек чуют нашего брата-пилотагу, но мы с Перси были не простыми дальнобойщиками, а вполне себе независимыми и даже

уже состоятельными, а такой тип мужчин всегда привлекает пылкие девичьи сердца.

— Похоже, и впрямь не профессионалки. — Поймав мой взгляд, Перси одернул на себе пиджак и потянулся за решающим глотком. — Пойду, испытаю судьбу.

— Добро, — согласился я.

Судя по всему, короткие переговоры прошли успешно, и очень скоро Перси вернулся, ведя с собой обеих красавиц.

— Это вот Алина, — представил он мне ту, что была пошире и повеселее на вид, — а это Соня, — и указал на стройную невысокую брюнетку с огромными удивленными глазами.

Рыжая Алина довольно рассмеялась и присела рядом со мной. Перси тем временем заказал шашлык и что-то еще: в общем, не прошло и пяти минут, как мы уже звали друг друга на «ты» и хохотали над старинными шутками моего компаньона, хорошо известными, пожалуй, во всех портовых барах обозримой части Галактики. Зал тем временем наполнялся людьми. Появились несколько известных нам пилотов и после обмена рукопожатиями ринулись к стойке; возникли человек десять типичных портовых жуков — те даже и взглядом не дали понять, что когда-либо видели нас раньше, а под конец ввалилась шумная и довольно противная толпа молодежи, из тех бездельников, что часто ищут поденную работенку с целью заработать на нехитрый обед да пару кружек. В портах работа есть всегда, но вот наниматься на контракт — не для них. Большую часть времени у них отнимает уличное хулиганство и визг на футбольных матчах, куда они ходят не для того, чтобы насладиться игрой, а исключительно с целью пройтись по карманам увлеченных болельщиков. Эта публика мне сразу не понравилась, но уходить от Лелика было, по моим расчетам, еще рано, да и присутствие наших приятелей-пилотов внушало надежду на благополучный исход возможной драки.

Но вышло все совсем не так.

Вот снова хлопнула дверь, я машинально повернул голову и увидел очень крепкого розовощекого мужика в форме офицера ВКС — китель едва не лопался на его пузе, а удивительно цветущее лицо четко свидетельствовало, что времени на службе дядя даром не теряет. Фуражка его, пошитая в генеральском, наверно, ателье, могла принять небольшой вертолет. Скользнув цепким взглядом по веселящимся посетителям, вновь прибывший уверенно устремился в нашу сторону.

— Вот и вы, — радушно улыбнулся он, нависая над столиком. — Господа Колоброд и Пиккерт, если не ошибаюсь?

— Так точно, — слегка привстал я. — А вы?..

— Гиперинтендант Вильгельм Загребайло. — Офицер небрежно коснулся пальцами козырька и потянул к себе свободный стул. — Можно просто Вилли. Вы не станете возражать, если я присоединюсь к вашей компании? Я, собственно, по делу.

— О-о-о, — неприятно удивился уже раскрасневшийся Перси, — а мы думали, у нас еще есть время...

— Да есть, есть, — успокоил его Загребайло. — Еще и груз в порт не пришел, так что часов тридцать — это как минимум. Я просто к тому, что документы нужно подписать не позднее чем завтра утром, по этому грузу порядок именно такой, а там уж пойдем, как погрузим.

— Пойдем? — прищурился Перси.

— Да, — кивнул гиперинтендант. — Я иду сопровождающим. Если у вас нет лишней каюты, могу спать хоть на камбузе. Мне не привыкать, знаете ли.

— Каюту мы найдем, — заверил его я. — Но вы уж простите, у нас не каюты, а пеналы ученические, так что сами понимаете.

— Ерунда, — снова улыбнулся Загребайло и поднял палец: — Эй, хозяйюшка, пива на всех!

При этом голос его, вроде бы совсем негромкий, уверенно перекрыл густой гомон зала. В гиперинтен-

данте сразу чувствовался настоящий, матерый тыловик. Элегантно расстегнув на себе китель, он достал портсигар из слоновой кости и подмигнул нашим несколько оробевшим дамам:

— Все будет в лучшем виде. Раз за дело берется дядя Вилли, то — господь не выдаст, свинья не съест.

— Сколько будет груза? — поинтересовался Перси.

— Немного, — спокойно ответил Загребайло. — Двенадцать тысяч тонн брутто.

— Ясно, — вмешался я, глазами приказывая своему компаньону прекратить неуместную болтовню. — Что ж, дорогой Вилли, будем надеяться, что мы с вами сработаемся.

— Без всякого сомнения, — и тыловик снова сощурился в своей обаятельной улыбке.

— О, а вот и наше пиво! За знакомство, леди и джентльмены! Но, кстати, знаете ли вы, — снова заговорил я после доброго глотка, — что у нас в экипаже имеется гранг? А то иногда, простите, с инопланетянами проблемы бывают. Я вас, Вилли, ни в коем случае не хочу обидеть, но давайте без недоразумений...

— Конечно, знаю! — воскликнул наш интендант. — И поверьте мне на слово, никаких проблем с грангами я никогда не имел. Так что, думаю, и на этот раз обойдется. Но скажите мне — он у вас не грибник ли часом?

— Грибник, — признал я. — Однако Тхор из военных, так что с дисциплиной у нас на борту все в полном порядке, не сомневайтесь.

— А! Ну так это меняет дело...

В этот момент наша вполне милая беседа оказалась прервана самым беспардонным образом. Двое юных оболтусов, изрядно подогретые выпивкой и как бы не чем еще покруче, решили, что наши дамы заслуживают более достойного общества, нежели мы с Перси, и не придумали ничего умнее, чем затеять ссору. Сперва они поинтересовались у моего компаньона, не найдется ли у того монетки на кружечку, а получив отказ, захохотали

и заявили, что в таком случае ему нечего делать с женщинами. Перси поднялся, но тут же рухнул прямо на колени перепутанной Соне от толчка одного из наших оппонентов. Как и следовало ожидать, Соня завизжала, а я принялся снимать с себя пиджак, но сделать ничего не успел.

Неторопливо поднявшись со стула, гиперинтендант Загребайло схватил обоих юношей за уши и с хрустом столкнул их лбами, после чего оба медленно осели на пол. Их товарищи, с любопытством наблюдавшие за происходящим, решили было вмешаться в битву, но, поймав один лишь взгляд Вилли, разом остыли — тем более что из кухни уже мчался Лелик со своими поварями.

Вскоре после этого инцидента Загребайло расклялся, велел нам быть в готовности к завтрашнему полудню. Вечер продолжился на борту «Гермеса», и мы остались вполне довольны судьбой — но вот позже я немного жалел о том, что не смог сразу понять сущность весьма своеобразной личности Вильгельма Загребайло. А зря! Верно, виной тому было пиво.

Утром, накормив девушек завтраком, мы привели себя в порядок и стали ждать связи от гиперинтенданта. Тот оказался категорически пунктуален, выйдя на нас без четверти двенадцать. Вскоре мы уже ждали его у КПП центрального военного терминала порта. Процедура с документами не отняла много времени: посоветовав аккуратно похмелиться, Загребайло распорядился быть готовыми к погрузке около двадцати трех нулей. Несколько странным выглядело то обстоятельство, что нам так и не сообщили маршрут, — но, учитывая присутствие сопровождающего лица, груз предполагался неординарный, а что там и как, нам и знать не хотелось. Куда лететь? Вот на старте и скажут, а Тхор в любом случае рассчитает маршрут за несколько минут.

Посовещавшись, мы с Перси решили хлебнуть по кружечке в крохотной летней кафешке неподалеку от

военного терминала, тем более что Тхор, обычно не очень-то жаловавший пиво, выразил желание присоединиться к нам. Взяв по литру светлого и одну баночку креветок на всех, мы расположились под полосатым зонтиком — Тхор, конечно, вечно страдающий из-за своего недостаточного по человеческим меркам роста, опять уселся в креслице по-турецки, — и принялись размышлять.

— Вот чуёт мое сердце, что, будь мы у них на плохом счету, нам бы этот рейс ни в жизнь не доверили, — размышлял Перси, мастерски сдувая пену со своей кружки. — А значит, нам всерьез следует рассчитывать на полковника Фримэна, когда пойдет речь о новом контракте. Ну а там, понятно, я и про кредит с ним побеседую.

Полковник Родж Фримэн из 4-го Транспортного управления являлся нашим непосредственным куратором — собственно говоря, именно его подпись стояла на нашем контракте с военным ведомством. Надо сказать (воротясь немного назад, конечно), что сперва я был очень недоволен этим «военным» контрактом. Военно-Космические Силы, используя таких, как мы, «частных операторов», на небольших партиях своих грузов, здорово сэкономили деньги. Нам, то есть частникам, они платили тоже недурно, но при этом главным условием становилась дисциплина перевозок, часто совершенно недостижимая для людей, к ней не привыкших. Нам с Перси поначалу тоже было очень нелегко, но потом все как-то устаканилось — однако сам по себе Фримэн раздражал меня до сих пор, уж больно напирал он на обязательную военную педантичность.

К тому же, чего уж греха таить, иногда мне начинало казаться, что военные фрахты, случавшиеся обычно раз в месяц, начинали отвлекать нас от более выгодных операций. Но Перси был, конечно же, прав. И следующий трехлетний контракт подписывать стоило — хотя

бы ради все той же кредитной протекции от кислородного Фримэна...

— Фрахт немного странный есть, — произнес вдруг Тхор, держа свою кружку обеими левыми руками.

— Ты что это имеешь в виду? — удивился я.

— Да так, — крутнул левым ухом наш штурманский кок. — Сопровождающий — раз. Отсутствие маршрута при подписании — два. И сам сопровождающий — поверьте мне, военному, что-то он какой-то не такой есть...

— Да какой? — возмутился Персиваль. — Тыловик, как положено, в лучшем виде. Ты пузо его видел? Или что он, по-твоему?

— Я, ребята, вам врать не стану, — спокойно ответил Тхор. — Но вот что-то с этим гиперинтендантом не то, уж вы мне верьте.

— Грибов перебрал, — махнул рукой Перси.

— Тихо мне! — вмешался я. — Начинается... Пейте пиво да пошли спать — нам старт ночью, будьте уверены, за мое почтение!

* * *

Погрузились мы за три часа, что являлось некоторым даже рекордом, потому что стандартные двадцатитонные контейнеры М-5 требуют изрядной сноровки операторов. Гиперинтендант Загребайло, впрочем, в этом не участвовал — едва мы подошли к указанному им терминалу, как он отослал нас с Перси наблюдать за процессом, а сам заперся вместе с Тхором в ходовой рубке. Сэру Персивалю, надо сказать, это с ходу не понравилось.

— Чертовщина какая-то, — пожаловался он. — Того и гляди влипнем в историю: что спрашивается, там, в этих «Эм-пятых», а?

— Не твой вопрос, — отмахнулся я. — Помалкивай лучше...

— А-а... — вздохнул Перси. — Странно еще, почему

это в карго-листе он порядок перепутал: у него номер двадцать третий идет сразу за двадцать первым, а двадцать второй, соответственно, вообще не поймешь где... Может, какая-то ошибка? Может, заявить все-таки?

— С ума сошел! Военный груз! Если у них кто и ошибся — нам, что ли, жаловаться? Иди лучше подписывай и за меня тоже распишись!

Я самым тщательным образом проверил пломбы и отправился на «Гермес». Надо сказать, этот груз мне и самому не слишком-то нравился, но кто меня спрашивает? Контракт с военным ведомством — дело нешуточное. Приказали, и лети себе, а что там у тебя в «хвосте» — не твоего ума дело, на то большие начальники есть.

К моему удивлению, Тхор и Загребайло уже сидели у нас на камбузе за чаем.

— Амальрик с остановками на Нью-Бенаресе и на Прессо, — сообщил мне наш штурман. — Ничего, я все посчитал, попадаем даже с запасом по срокам. Господи-на гиперинтенданта я уже разместил. Что там Перси, в конторе мается?

— Очевидно, — ответил я, садясь за стол. — Мы долго простоим на Бенаресе, Вилли?

— Не думаю, — улыбнулся тот. — Надо будет кое-что сбросить, да и всех делов. По документам никаких вопросов не возникнет.

Вскоре вернулся и Персиваль, как всегда утомленный после беседы с чиновниками терминала.

— Пора валить, — сказал он. — У нас стартовая-десять. Я пошел в рубку. Тхор, маршрут готов?

— Идем-идем, — гранг выскочил из кресла и потащил Перси по коридору.

Я подлил себе еще чаю и вытащил из печки свежий бублик.

— Чудо у вас штурман, — заметил наш пассажир. — Очень образованный хлопчик. Я тут с ним пять минут

буквально поработал, а он уже — чик-с, и готово. Сразу видать военную косточку!

— Он и кулинар недурной, — хмыкнул я, немного краснея от гордости за старину Тхора. — Вот откушаете его борща, да с пампушками, тогда и узнаете...

— Да вы что! — всплеснул руками Загребайло. — Скажите на милость, и с пампушками! Надо же... И что ж, и на сале, и с чесночком?

— В лучшем виде, — заверил его я.

— Стало быть, повезло мне... А то, помню, покойная моя теща, как приезжали мы к ней на хутор...

«Гермес» слегка дернуло, и тут же, на пару секунд, в грудь толкнулась мягкая лапа перегрузки — Перси, следуя своей обычной манере, мгновенно развернулся в сторону нужного нам «коридора» и повел наш старый карго к соответствующей трассе. Гиперинтендант Загребайло, надо отдать ему должное, лишь немного качнулся с чашкой чая в руке да вздохнул, когда ушла перегрузка.

— Что-то кажется мне, — начал я, доставая из стенового шкафчика бутылку портвейна, — что летать вам приходилось немало.

Загребайло ответил не сразу, что однозначно подтвердило мои подозрения: еще один толчок, чуть более сильный, нежели стартовый, — это «Гермес» встал на трассу, — и только после этого мой собеседник разлил наконец губы:

— Было дело, мотались с хлопцами. Но жизнь, господин Сэмэн, она такая, знаете... пришел срок — да и отлетался. Теперь вот все больше крупу по гарнизонам распределяю.

В кухне появились Перси и Тхор, я налил всем по стаканчику, и вскоре мы отправились спать.

Переход до Нью-Бенареса занял трое суток. Расставшись для гостя, Тхор сварил ведро борща с фасолью, и мы, надо сказать, чревоугодничали до икоты. Приканчивая за обедом третью тарелку, неугомонный Загребай-

ло утверждал, что с таким экипажем, как наш, он готов ходить хоть до гроба; надо сказать, что гиперинтендант оказался еще и недурным преферансистом, так что до рогу мы скоротали как нельзя лучше.

Зафиксировавшись на орбите этой весьма старой и почтенной колонии, мы доложили о себе куда надо и занялись повседневными делами. Тхор решил сварганить легкий куриный супчик, Перси попросту уснул, а я взялся за книги, закупленные на Катарине еще в позапрошлом рейсе, — раньше у меня до них попросту не доходили руки.

Прошло часа два: запахи с камбуза свидетельствовали о том, что суп уже созрел, — как в моей каюте ожил командирский блок связи.

— Сэмэн, я щас прибуду, — сообщил мне наш гиперинтендант, — а вы, будьте добры, приготовьтесь выскочить со мной на терминал.

— Слушаюсь, — отрапортовал я.

Натянув свой старый добрый скафандр, я выбрался на платформу орбитального терминала, где был припаркован наш «Гермес», и принялся прогуливаться туда-сюда, наблюдая, как на разных лучах гигантского комплекса разгружаются самые разнообразные корабли. Минут через пять рядом со мной опустился ярко размазанный челнок с бахромой под лобовым стеклом фонаря, и из него выбрались две фигуры: одна в военном скафандре с эмблемами Управления Тыла, другая же — в какой-то нелепице невнятного происхождения.

— Пойдемте, Сэмэн, — пригласил меня Загребайло, — ключи у вас, я полагаю, с собой?

— Разумеется, — ответил я. — Перепломбировать будете сами?

— А? — немного удивился, как мне показалось, Вилли. — А, конечно! Пломбы-то у меня на руках. Кто в наши военные дела полезет...

— Ну да, естественно...

— К четвертой секции, — приказал Загребайло, и я,

разумеется, выполнил его распоряжение. — Та-ак. — Я распахнул створки, и гиперинтендант вместе с человеком из разноцветного челнока полезли внутрь.

Щелкнули замки контейнера.

— Вах, — услышал я гортанный голос. — Ты уверен, Вилли, да?

— Ну, Шалва, еще не хватало! Двадцать первый... а вот за ним — что я, тупой, что ли? Я знаю, где у меня что лежит!

«Двадцать первый? — подумал я. — Но, проклятье, двадцать второй-то находится черт знает где? Или это все специально задумано? Да, странная операция...»

— Вах, Вилли, мешки тяжелый, да?

— Слушай, Шалва, я все делаю как надо. Бросай их вниз, и все, я пошел. Я тебя не видел, ты меня не знаешь.

Не желая видеть то, что не предназначалось для моих глаз, я повернулся и пошел вперед к тягачу. В конце концов, военные операции, осуществляемые интендантом-сопровождающим, меня не касаются. Не более чем через минуту на борт «Гермеса» вернулся и Загребайло.

— Все, пропади оно пропадом, — сообщил он мне. — Давайте стартовать. А то вдруг в график не уложимся!

Дорога до Прессо требовала не менее семи суток. Впрочем, запас провианта у нас имелся даже избыточный, на стаканчик перед сном хватало вполне, так что ничего неприятного в совершенно рутинном рейсе вроде бы не ожидалось. В свои планы Загребайло посвятил нас за несколько часов до выхода на орбиту.

— На терминале сбрасываем с первого по девятый, — сказал он. — Потом отцепляем тягач и спускаемся вниз. Я недаром заставил господина Тхора считать только чистое маршрутное время — помните, вы еще удивились, дружище? Дело в том, что здесь мне требуется около суток на согласование некоторых вопросов. Вы, друзья, разумеется, свободны на двадцать четы-

ре часа как минимум — время идет в оплату фрахта, так что беспокоиться вам не о чем.

Нам бы еще спорить! Целые сутки, которые мы проводим в баре, а платит за них заказчик, — просто счастье. Единственной, пожалуй, ложкой дегтя в данной ситуации являлся тот факт, что Прессо — мир довольно малолюдный и дикий, а потому на весь порт наскребешь хорошо если пару приличных заведений. Тхора же можно было только пожалеть, так как здесь, как мы уже знали, его соотечественников не наблюдалось, а шататься с нами по барам он, как правило, отказывался.

Итак, мы оставили нашего штурманского кока медитировать над его любимыми грибами, а сами, приодевшись и запасшись скромной котлеткой наличных, отправились на отдых. После недолгих размышлений Перси предложил пойти в «Седого поросенка», и я с ним согласился — если нам удастся найти свободный столик, то лучшего и желать нечего. В баре мы встретили компанию знакомых пилотят, к которой и присоединились. Эти парни, вечные странники, нечасто видят друг друга, и уж тем более редко им удастся посидеть хорошей компанией, так что пиво лилось рекой. Известие о том, что Лелик с Привоза открыл на Катарине свой бар, вызвало бурю восторга, и все присутствующие тут же закидали нас вопросами о качестве его выпивки, средних ценах и уровне шашлыка. Перси, довольный тем, что его друг пользуется у нашей братии такой популярностью — вполне, впрочем, заслуженной, — рекламировал «Мокрую мышь» как мог.

Сидели мы не просто долго, а очень долго: мы, дальнобойщики бесконечного пространства, так умеем. Кто-то угощал нас, кого-то угощали мы, люди уходили и приходили, а мы все сидели и сидели, радуясь возможности пообщаться с товарищами и не думать о даром потраченном времени. Когда я додумался взглянуть на часы, то едва не свалился под стол: выходило, что мы провели в «Поросенке» больше шестнадцати часов!

Сколько ж, спрашивается, пива мы пропустили сквозь наши многострадальные организмы? Перси обычно подсчитывает походы в галюн, но нынче, как я понял, он давно уже сбился со счета.

Потрепав своего компаньона по плечу, я указал на циферблат своего «Ролекса» и махнул рукой.

— Э, — замотал головой сэр Персиваль. — Еще не вечер даже!

— Дело уже к утру! — возмутился я. — А потом что делать? А лететь как?

— Лететь — свято, — изрек за столом вялый некто и не без труда выбрался из глубокого мягкого кресла. — Донесем, как груз! Еще только по кружечке...

Я протер глаза, оглядел спящую компанию и потянул Перси за шиворот. На воздухе ему стало легче, и мы почти без приключений добрались до нашего старого «Гермеса».

Меня несколько удивило то, что оба люка входного шлюза стояли распахнутыми — но ночь была теплой, и Тхор вполне мог решить проветрить корабль как следует. Однако вентиляторы почему-то не работали. Я насторожился, но тут Перси решил все-таки рухнуть под тяжестью выпитого пива. Не без труда подняв его, я протащил слабо мычащее тело по коридору нижней палубы и... сам упал от тяжелого удара по затылку.

* * *

— Ущи рэзат, — услышал я, приоткрывая глаза. — Рэзат, и все скажут, нэ думай, да?

— Погоди, дорогой Шалва, — возразил иной, куда более мягкий голос. — Все б тебе уши да уши. Ушей тебе, поди, и вешать уже некуда. Ну-ка плесни на вот этого, мордастого, он, кажись, очухался.

В лицо мне ударил душ из моего же кровного портвейна. Замывав, я поднял наконец веки и увидел над собой зверскую, до глаз заросшую черной растительностью рожу с синим пластмассовым опрыскивателем в

руке — эту пшикалку Тхор использовал для ухода за своими грибами. Без сомнения, я находился на борту своего собственного корабля, если точнее — в расширении коридора второй палубы, перед самым входом в ходовую рубку. Рядом со мной мирно спал связанный Перси, а чуть дальше стоял невысокий, пухлого вида господин в белом костюме-тройке и несколько измятой шляпе.

— Ты знаешь, что это, парень? — спросил он и чуть посторонился, чтобы я смог разглядеть два здоровенных темно-зеленых мешка с эмблемами Управления Тыла ВКС Земли.

— Мешки, — просипел я, и над моим лицом немедленно возник гнутый сверкающий клинок, который держал тот самый бородач, что недавно собирался резать мне уши.

— А что за мешки, ты в курсе? — поинтересовался господин в белом.

— Откуда, сэр? То есть я вижу, что в них, кажется, что-то такое... ну, то есть военное, но, хоть убейте меня, я понятия не имею, что именно!

— Это, друг мой, сушеная морская капуста, — скорбно сообщил мне вежливый мучитель. — Понимаешь ты, сволочь, — морская капуста!

— Я очень рад, сэр, но откуда мне знать, что там в этих мешках? По мне, так хоть морская капуста, хоть взрывчатка...

— Ч-что-о? — Человек в белом костюме отодвинул в сторону своего палача и низко склонился надо мной. — Ну-ка, ну-ка... взрывчатка, говоришь? А где она, эта чертова взрывчатка? А? Отвечай? ,

Лежащий рядом со мной Перси вдруг заворочался и совершенно отчетливо произнес:

— Такую тещу, как вы, тетя Дуся, я видал в гробу и в белых тапочках...

Господин в белом покосился на него, потом плюнул на палубу и вздохнул:

— Все ясно. Эти сволочи пьяны и просто ни хрена не помнят — хоть ты режь их в самом деле... Они, гады, наверно, целый день в кабаке просидели! А времени у нас нет. Я сейчас смотаюсь за доктором Лонгером, он и мертвого на ноги поставит, а ты, Шалва, не спускай с них глаз, понял? Я быстро.

Бородатый что-то пробурчал в ответ и присел между мной и Перси. Ножа он из рук не выпускал. Я тем временем прикрыл глаза и стал лихорадочно размышлять. Бедняга Тхор, скорее всего, либо уже мертв, либо валяется, связанный, как и мы, где-нибудь на камбузе. Звать его совершенно бессмысленно — если бы Тхор мог нам помочь, то уже давно порешил бы и этого бородача, и его босса: нам с Перси случалось наблюдать, на что способен бывший офицер грангианского Флота... ножи тут, право, бесполезны! Мне развязаться не удастся: после удара по черепу эти идола спеленали меня крепко. Что же делать? Того и гляди сейчас приедет какой-нибудь химик, нас начнут накачивать всякой дрянью — а толку? — я в любом случае не понимаю, о чем они мне талдычат!

И, собственно, при чем тут эти мешки с морской капустой?

И тут меня пробил холодный пот. Не тот ли это Шалва, с которым имел дела наш пассажир, гиперинтендант Загребайло? Голос, кажется, похож — да, тогда я слышал его по радио, но все же? И мешки, эти чертовы мешки! Таких совпадений, насколько я помню из шпионских романов, просто так не случается!..

Где-то что-то зашуршало, и Шалва мгновенно вскочил на ноги. Я раскрыл глаза. В коридоре стоял гиперинтендант Вилли Загребайло и с улыбкой раскуривал сигарету.

— Шо такое, уважаемый Шалва? — поинтересовался он. — С чего это вы здесь? Я никак не ожидал увидеть вас на такой захудалой планетке...

Зарывчав, бородатый бросился на него с ножом в

правой руке. Гиперинтендант удивительно плавно шагнул в сторону и слегка коснулся нападавшего правой ладонью. Шалва тут же замер на месте. Несколько секунд он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, а потом шумно рухнул на резиновое покрытие палубы.

— Вот черт, неужели?..

Не обращая на нас с Перси ни малейшего внимания, Загребайло присел на корточки и пощупал шею господина Шалвы.

— Мать его... — вздохнул он. — Труп. Черт!

— Вилли, — позвал его я, — мы тут это вот...

— Да! — Гиперинтендант вскочил на ноги и, подхватив нож покойного бородача, сноровисто распаковал меня, а следом и Перси. — Что тут случилось? Я ничего не понимаю!

— Думаете, я в курсе?.. Здесь был еще один придурак, гладенький такой, весь себе в белом, все про какую-то взрывчатку спрашивал и на это вот, — я указал на мешки, по-прежнему ждущие своей участи у переборки, — кивал. Что у вас там за хрень, Вилли? Мне чуть уши не отрезали!

— Ах-х!

Загребайло метнулся к злосчастным мешкам, нагнулся, рассматривая надписи, и вдруг с размаху ударил себя ладонью по лбу.

— Невероятно... — прошипел он. — Морская капуста! Сушеная морская капуста! Двадцать второй контейнер! Боже ж ты мой! Так, Сэмэн, — и гиперинтендант резко повернулся ко мне. — Стартуем немедленно! Труп я запрю в холодильник одного из маршевых, это вообще не ваше дело, а вы — скорее, скорее, на взлет! У них тут, похоже, целое гнездо, и если вовремя не ударить, то живыми мы из этой истории не выпутаемся!

— Ищите Тхора! — выкрикнул я, поднимаясь. — Может, он еще жив!

— Понял! — рывкнул Загребайло. — Давайте в рубку, Сэмэн, у нас действительно нет времени!

Кажется, я стартовал за две минуты. Едва «Гермес» выскочил на орбиту размещения грузового терминала Прессо-1, в рубке появился старина Тхор.

— Ф-фу! — Я вытер со лба пот и вдруг почувствовал, что у меня трясутся руки. — Ты жив наконец?! Я уж думал — все, и... и вот...

— Не переживай так, — хмыкнул гранг, занимая кресло второго пилота, подогнанное специально под него. — Эти козлы меня за животное приняли... просто заперли в кладовке, да и все. Я, кстати, специально слюней целую лужу напустил. Если бы не пришел Вилли, я через две-три минуты уже сам бы вылез — там теперь, кстати, дверцу менять придется. Не будь все так неожиданно...

— Да хрен с ним, старик! — Я почувствовал, что у меня выступают слезы, и, протянув правую руку, обхватил Тхора за оба его левых запястья. — Главное — ты жив и все в порядке... Я там, когда связанный лежал, такое уже думал!..

Тхор улыбнулся и переключил управление кораблем на себя.

— Если бы Вилли и не пришел, я б вас все равно вытащил, — сказал он. — Меня ведь не связывали... хорошо быть смешным полосатым кроликом, правда? Они, правда, забыли, что у меня четыре руки и что я был чемпионом академии по общей пехотной подготовке — нам и такой курс давали.

— Забыли, — счастливо выдохнул я. — А что там Вилли?

— Вилли роется в своем терминале и вопит, что нас подставили. Нашел какую-то там ошибку с контейнерами... Он сейчас приказал немедленно цеплять «хвост» и со всей дури мчаться на Амальрик. Ох, ведь и чуял я, что здесь что-то не то!

Через десять часов мы поняли, что нас догоняют. Легкий крейсер пусанского производства, лишенный каких-либо опознавательных знаков, стремительно со-

крашало расстояние, вызывать патруль не имело смысла: ему все равно не хватит времени...

— Может, перед смертью вы все-таки расскажете нам, в чем дело?

Мы, все четверо, находились в ходовой рубке: Тхор, не обращая на происходящее ни малейшего внимания, ковырялся в каких-то древних лощиях — это добро он уже давно скупал на всех планетах, я на всякий случай пил портвейн, а Перси, до крайности раздраженный, атаковал Вилли Загребайло.

— Или мы даже сейчас не имеем права знать, из-за чего сдохнем?

— Из-за двух мешков морской капусты. — Гиперинтендант с силой провел рукой по лицу и вздохнул. — Да, всего-навсего. Кто-то сознательно перепутал порядок расположения контейнеров, а на терминале, как вы помните, всегда не хватает света, и я полез в двадцать второй — как и следовало. Там должна была быть взрывчатка для заговорщиков с Бенареса. Их должны были взять при подготовке к убийству военного прокурора... там большие деньги, это слишком долго объяснять. В мешках со взрывчаткой находятся радиомаяки. Но вместо взрывчатки они получили два, черт бы их взял, мешка морской капусты — после чего, опередив нас, прибыли на Прессо, чтобы разобраться. Теперь вот — операция сорвана. А мы, скорее всего, покойники.

— То есть вы, — взорвался Перси, — никакой, к чертям, не интендант? И вас специально подгоняли под этих сволочей? Под прикрытием, что ли? Боже, какие мы идиоты...

Загребайло не успел ответить, потому что Тхор, вдруг забарабанив всеми четырьмя руками по панели, испустил победный крик такой громкости, что мы чуть не присели.

— Вот оно! — возопил он. — Старый, совсем старый рукав, никто даже не помнит, кто его построил, но те,

на крейсере, о нем наверняка не знают! Сейчас, через восемь минут, поворот — и все, утю-тю...

— А куда мы выйдем? — бросился к пульту Перси.

— Да никуда, в общем, там пустое место, но оттуда уже вызовем патруль, и...

— Погодите! — перебил Тхора Загребайло, внимательно всматриваясь в матрицу предполагаемых координат выхода. — Вот это везет так везет! Тхор, тормозите перед поворотом! Тормозите, мы должны потащить их за собой!

— Вы свихнулись? — не выдержал я. — Куда их тащить? У нас и так времени в запасе не осталось, они сейчас нас достанут!

— А! — отмахнулся Загребайло. — Что вы все трясите, Сэмэн? Там, в этой системе, прямо сейчас стоит большущая учебно-боевая группа ВКС Земли! Мы этих орлов вытащим аж тепленькими...

Тхор повернул голову, коротко глянул на нашего учителя и рывкнул:

— Все в кресла! Приготовиться к повороту!

Перси тотчас же скользнул в кресло первого пилота и пристегнулся, а мы с Вилли заняли места второго навигатора и бортинженера.

— Сколько там того коридора? — отрывисто спросил Перси у Тхора. — Почему ты уверен, что мы успеем выйти раньше, чем они нас достанут?

— Коридор оборван, мы выходим в необитаемую систему на границе облака Альттона, — ответил ему гранг. — Ходовое время по коридору — пять минут плюс-минус туда-сюда... На пределе мы успеваем, но за моторы я уже не поручусь.

— Черт с ними, с вашими моторами, новые купите! — вмешался нервно ерзающий Загребайло. — Это я вам могу гарантировать. Главное — маневр, и готовьте связь на меня сразу же после выхода.

— Понял, готовлю, — отозвался Перси.

— Начинаем торможение! — выкрикнул Тхор.

Когда ударили носовые тормозные двигатели, мне

на секунду показалось, что наш старик «Гермес» жалобно вскрикнул от боли. Я даже закрыл глаза. Но тягач выдержал — оттормозившись почти до трех М, мы ввалились в поворот, и Тхор тут же потянул на себя тугие сектора газа маршевых моторов. На дисплеях диагностической системы компрессоров началась сущая свистопляска.

— Идут! — восторженно выкрикнул Перси.

Он мог бы и не орать, мы с Вилли и так видели картинку на мониторах кругового обзора — вражеский крейсер, начавший тормозить почти одновременно с нами, вошел в давно заброшенный подпространственный коридор следом за «хвостом» «Гермеса». Дистанция опасно сократилась, и теперь мы не смогли бы уйти от него ни при каких обстоятельствах.

— Две минуты до выхода, — сообщил Тхор.

Я до боли закусил губу. Кажется, у меня даже поплыло перед глазами — по крайней мере, Перси, передававший Загребайло обруч системы дальней связи, показался мне каким-то размазанным.

— Повоюем теперь! — вдруг услышал я неистовый визг Тхора и в то же мгновение ощутил, что мы вывалились в реальное пространство.

Тхор ударил по тормозам, одновременно уводя наш «поезд» вниз, и тут полыхающий дюзами крейсер возник прямо над нами — выйдя из коридора, он не успел оттормозиться, и теперь, чтобы открыть огонь или, тем паче, брать нас на abordаж, ему пришлось бы совершать маневр радиусом в два миллиона километров. Загребайло же, не теряя времени, набрал на виртуальной панели какие-то одному ему знакомые коды и вышел прямо на командующего пока невидимой для нас эскадры.

Крейсер пошел на разворот. Похоже, его экипаж до сих пор не получил данные о присутствии где-то под боком боевых звездолетов Земли — а может, они, увлеченные погоней, не дали себе труда включить средства обнаружения. Тхор тем временем медленно тянул «Гермес» в сторону от вражеского корабля, с каждой секун-

дой увеличивая тому градус маневра. Опытный военный астронавт, он знал, как потрепать противнику нервы. В какой-то момент он резко газанул, и теперь крейсеру пришлось менять еще и плоскость разворота.

Я понимал, что выигрываем мы в лучшем случае несколько минут: один же черт наш гораздо более маневренный и быстроходный противник подойдет вплотную, и тогда уже никакое искусство пилотов не поможет нам избежать абордажа. Но Загребайло, сидевший прямо напротив меня, выглядел даже веселым. Подмигнув мне, он вытащил из кармана флягу и сделал добрый глоток.

— Держи, Сэмэн, — предложил он мне. — Будь уверен, в этом деле вы не прогадали.

Я машинально взял емкость и хотел было возразить ему какой-то колкостью, но так и замер с раскрытым ртом. Преследовавший нас крейсер неожиданно ударил тормозными двигателями и прекратил маневр. Секундой позже его медленно обошла длинная острая игла земного корвета.

Тхор оттолкнул от себя штурвал и поник в кресле.

— Можно готовить карманы, — едва слышно произнес он. — Воевать на тягачах меня все-таки не учили...

Часом позже мы вошли в кают-компанию флагмана, и навстречу нам шагнул осанистый седой генерал с огромными бакенбардами и трубкой в зубах.

Мы с Перси невольно вытянулись, а Тхор, сотворив руками некую сложную фигуру, резко вздернул свои длинные уши вертикально вверх и замер, как статуя. Повернувшись к нему, генерал поднес ладонь к козырьку фуражки и, широко улыбаясь, проквакал что-то погрангиански. Тхор расслабился, несколько раз кивнул башкой и отошел в сторону.

— Дорогие друзья! — заговорил генерал, пожимая нам с Перси руки. — Будьте уверены, что благодарность, которую я имею честь принести вам от имени Флота...

Через минуту мы уже пили превосходный коньяк.

Ну, что тут теперь говорить?.. Если честно, то нам с сэром Персивалем так и не хватило духу рассказать Вилли о том, что подмену контейнеров мы заметили еще при загрузке! Да-аа... моторы мы в этой гонке сожгли напрочь, но зато компенсацию от Флота получили царскую и контракт на следующие три года подписали уже на других условиях. Гиперинтендант Загребайло оказался самым настоящим тылови́ком, только вот служил он, знаете ли, в контрразведке. Станный тип, честное слово. Но и это еще не все. Когда мы с Перси отправились наконец в банк решать вопрос с кредитом, вежливая секретарша принесла нам на переговоры по чашечке маринованной морской капусты.

Так что кредит мы в тот раз не получили. Но — хоть Тхору и смешно, — если кто-нибудь когда-нибудь сунет мне под нос эти самые мешки... у меня ведь до сих пор иногда руки трясутся!

АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ

СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКИЙ БОРЩ

 Каждый раз, заходя в душевую кабину, стандартно отделанную зеркальными панелями, я смотрю на себя без всякого удовольствия. И дело здесь не в широте моего лица, которое, по мнению некоторых острословов, приближается по этому параметру к изрядной сковородке, и даже не в животе, затрудняющем выбор джинсов в магазине, а в том, что волосы у меня на груди уже седоваты. Ладно б я был вислоусым дедом с подергивающимися от самогонки конечностями, так ведь нет же: седина эта впервые появилась у меня после одного случая из тех, о которых обычно не рассказывают. Но так как лет с тех пор прошло уже немало, многое, пожалуй, и забылось, я все же возьму на себя смелость... Значит, вот!

Все началось с неожиданного появления Вилли Загребайло. Тем славным утром мы благополучно отсыпались после очень утомительного рейса со множеством остановок, закончившегося на Катарине. В наши планы входил сон как минимум до полудня (а легли мы в девять вечера), однако, как оно часто бывает, реальность вмешалась в мечты жестоко и безапелляционно. Около восьми у меня над ухом заверещал командирский ин-терком. Некоторое время я неистово вертелся в постели, пытаясь игнорировать нудный вызов, но потом, кое-как продрав глаза, все же протянул руку к пульту и коснулся сенсора включения.

— Вы все спите, Сэмэн? — загремел надо мной смутно знакомый голос. — Прибылей проспите!

— А? Что? — подскочил я. — Кто это там?

— Гиперинтендант Загребайло! Вставайте, дорогой Сэмэн, вставайте, у меня до вас серьезное дело — я буду через десять минут!

Я замотал головой и в ужасе сел на койке. Возникновение Вилли не сулило ничего хорошего, ибо служил он не где-нибудь, а в контрразведке, стало быть, заглянуть просто так на рюмочку от него не дождешься.

— Перси, — слепо зашарил я рукой по сенсорной панели интеркома, — поднимайся. К нам идет Загребайло.

— Кто-о?! — панически переспросил мой старый компаньон Персиваль Пиккерт. — Что — опять?

Как выяснилось, я разбудил и Тхора, так что через пару минут мы все втроем уже сидели на камбузе, глотали кофе с плюшками и строили различные гипотезы одна другой ужасней.

— Это опять у них какие-то дела с мафией, — закатив глаза, размышлял Перси. — Господи, дай мне веревку!

— Ну, не думаю, — возразил я. — Второй раз — и снова нас? Нет, это как-то банально, так не бывает!

Тхор молчал, задумчиво шевеля правым ухом. Впрочем, у нашего штурманского кока есть давняя и нехорошая привычка говорить только по делу, отчего он и не любит ходить с нами в портовые бары.

— Не повезем же мы опять эту чертову морскую капусту! — оптимистично решил я, но тут раздался сигнал вызова со стороны шлюза.

— Вот и он, — отчетливо произнес Тхор, и слова его в наступившей вдруг тишине показались мне необыкновенно зловещими.

— Коку — отыскать коньяк! — огрызнулся я и отправился открывать.

Как и следовало ожидать, Загребайло имел самый преуспевающий вид. Его круглые щеки так и лоснились

покоем и довольством: решительно никто не сказал бы, что за личиной этакого сального тыловики скрывается на самом деле матерый контрразведчик, способный убить человека одним пальцем. От сала, впрочем, он тоже никогда не отказывался.

— Рад вас видеть, Сэмэн! — захохотал он еще с трапа. — Смотрю, дела ваши идут недурно! Ну да ничего, того и гляди заработаете еще пару монет — я уж прослежу, чтобы у вас и ваших друзей все было в полном порядке!

— Хотелось бы верить, — кисло улыбнулся я. — Если, конечно, вашими стараниями нам не придется опять таскать взрывчатку под видом продовольствия. А то меня, знаете ли, мутит от одной мысли...

— Ну что вы, что вы... Ту историю давно пора выбросить из головы! Признаться, конечно, я и сам чувствую себя в некоторой степени виноватым перед вами, но сами ведь понимаете — служба!

Балагура таким манером, мы добрались до камбуза, где Тхор уже раскупорил бутылъ армянского, а Перси перезарядил кофейный автомат.

— Ну-у, я так и знал! — Пожав всем руки, Загребайло выставил на стол довольно пухлый кожаный портфель и принялся доставать из него какие-то шоколадки.

Перси подставил под носик автомата изящную крутобокую чашку.

— Надо полагать, сэ-эр, ваш визит связан с очередной, м-мм, спецоперацией?

— В некотором роде, — горько вздохнул гиперинтендант. — Но в этот раз я не стану досаждать вам своим присутствием.

— Следовательно, нас ждут ордена? И, очевидно, посмертно?

— Нет-нет, — развел руками Вилли. — Разве что медали. Да и те вам вручат в приватной обстановке.

Персиваль многозначительно покачал головой и раскупорил коньяк.

— Что ж, это уже дает некоторую надежду на благополучный исход. Давайте же выпьем за то, чтобы это была не последняя бутылка, употребленная нами в компании уважаемого гиперинтенданта!

— Что верно, то верно, — согласился тот и махом опрокинул полстакана.

На некоторое время наступила тишина, было слышно лишь позвякивание ложечки в чашке у Тхора.

— Ну, в общем... — Вилли запил свой коньяк кофе, бросил в рот кусочек шоколада и положил руки на стол. — Дело на сей раз действительно серьезное. Может быть, даже опасное, но штука вся в том, что, кроме вас, нам в данный момент положиться совершенно не на кого.

— Это после... того случая? — отрешенно поинтересовался Перси Пиккерт.

— В определенном смысле да, — пожал плечами Загребайло. — Но скажите-ка честно: вас что же, так пугает перспектива послужить родине? Или, может быть, — повернулся он к Тхору, — прима-лейтенант Мзендарлалик позволит кому-либо усомниться в своей доблести?

— Не думаю, — сухо выдавил тот.

— Стало быть, послужить придется, — кивнул Загребайло. — Чтобы подсластить вам, ребята, мою пилюлю, могу сказать сразу: на вас в данном случае ассигнованы такие средства, что после этого рейса вы сможете сразу же создать собственную корпорацию. Без всяких кредитов — точнее, кредит вам откроют на развитие бизнеса, и кредит этот будет выглядеть так, что любые ваши конкуренты сделают себе от зависти харакири. Можете мне поверить.

— Весело, — вставил свое слово Перси.

— Достаточно весело. — Вилли деловито шевельнул пальцем, и мой компаньон поспешил наполнить его стакан. — Тем более что вам придется распрощаться с вашим бывалым «хвостом». Да-да, я понимаю, что он не

ваш, а арендованный, но эти мелочи оставьте мне. Я уж решу как-нибудь... Дело же у нас в следующем. Сейчас мы загружаем вас совершенно безобидным гражданским грузом на Бенедикт — заметьте, не только по документам, но и в реальности вам за все платят по не самым хилым расценкам, — но при загрузке пара операторов проделывает с «хвостом» некие только им известные манипуляции, и к финишу вы приходите с неисправностью, исключающей его дальнейшее использование. Между тем вы уже имеете сверхсрочный контракт на Андресе, и ваш наниматель так спешит, что, узнав о вашей беде, готов лично арендовать для вас новый «хвост» для выполнения своего рейса. Поэтому вы сбрасываете «хвост» на Бенедикте прямо со всем грузом и на полном газу мчитесь на Андрес.

— Без «хвоста»? — на всякий случай уточнил я.

— Совершенно верно! Пусть он остается на Бенедикте, больше вы эту старую развалину уже не увидите. Мы, конечно, могли бы устроить вам аварию прямо здесь, но это выглядело бы не очень убедительно, поэтому кое-кто наверху решил перестраховаться. Вас ведь очень ценят, ребята, и подставлять просто так за здорово живешь никогда не станут, уж можете мне поверить.

— Я щазз зарыдаю, — мрачно буркнул Перси.

— Перестаньте, сэр Персиваль! — и Вилли раздраженно махнул рукой с зажатым в ней стаканом, отчего коньяк неожиданно оказался у него во рту. — Фух-х! Мне ли не знать вас в деле! И учтите, сэр, учтите — в данном случае речь идет отнюдь не о привычной вам паре монет! Между прочим, про медали я если и шутил, то так, самую малость.

— В самом деле, Перси, — вмешался я. — Хватит уже. Что суждено, то сбудется. Продолжайте, Вилли, прошу вас.

— Это сколько угодно. — Загребайло выразительно

поболтал в воздухе пустым стаканом. На помощь ему ловко пришел Тхор, после чего гиперинтендант достал из кармана кителя четыре толстые сигары и разложил их на столе: — Курите, джентльмены. Для начала я объясню вам, почему мы решили избавить вас от «хвоста». Вся штука тут в том, что некоторую часть пути до Андреса вам придется проделать вне «коридора». Там, за перекрестком Хаммерсмит, «коридор» сейчас на ремонте. Так что вам придется повилять. Вы же, уважаемый Тхор, должны рассчитать курс таким образом, чтобы на некоторое время оказаться в громадном астероидном поле AX-21U31. Там вас будет встречать корвет-курьер мандалинцев, который и заберет тот груз, который вы должны им доставить. Сразу же после встречи вы рвете моторы и уходите в сторону Андреса, где в квадрате MC74 вас уже будет ждать наш линкор. В астероидном поле вас никто не увидит... Это просчитано с максимально возможной точностью.

— И для улучшения маневренности в поле нам действительно лучше идти без «хвоста», — понимающе кивнул Тхор. — Но где нас будет ждать фактор риска?

— Сразу на выходе из коридора, — поджал губы Вилли Загребайло. — Среди мандалинцев нынче раскол. Наше правительство не может на официальном уровне поддерживать какую-либо из противоборствующих сторон, однако по некоторым причинам все же хочет оказать помощь политикам, декларирующим дружеские взаимоотношения с Землей. Помощь эта сугубо информационного характера, не больше. Поверьте, друзья мои, мы рассмотрели все возможные варианты, в том числе с привлечением разведывательных подразделений Флота, но, учитывая срочность, все же остановились на вас. Больше сейчас действительно некому. Почти наверняка на выходе из аварийного коридора вас остановит патрульный корабль мандалинцев.

— Будет обыск? — прищурился Тхор.

— В том-то и дело. Гражданский грузовик, следующий по срочному контракту, особого внимания привлечь к себе не может, но обыск все-таки будет. И искать они станут привычные им земные носители информации — понятно же, что на пустом тягаче оружие никто не повезет... Но тут мы тоже кое-что предусмотрели, — и Загребайло извлек из своего портфеля небольшой бумажный пакетик с надписью «Перец душистый. Компания «Здоровье на ладони».

— Это что? — недоуменно вытянул шею Перси.

— Специи! Обычный, как видите, душистый перец горошком. Но среди горошин есть несколько кристаллов. Расчет здесь на то, что для мандалинцев запах не то что специй, а вообще любой нашей пищи непереносим в принципе. На корабль же они поднимутся, скорее всего, не в скафандрах, а подсоединив к шлюзу «хобот», в обычных бактериологических фильтрах. Учитывая особенности их обоняния, в корабельные припасы инспекторы не полезут никогда и ни за что на свете! Так что спрячьте это дело куда-нибудь в шкаф с приправами, и дело с концом. То, что кристаллы не могут быть выявлены какими-либо их сенсорами, я гарантирую. Собственно, этим кристаллам вообще ничто не страшно, хоть бейте их об стенку, хоть варите — все равно. Уничтожить их очень трудно. Главное — довести!

* * *

На вторые сутки после старта Тхор пришел к ужину в довольно мрачном виде.

— Я, кажется, ничего не понимаю, — признался он. — Либо там работали удивительные специалисты, либо у нас глючит система диагностики. «Хвост» в полном порядке. Я только что просканировал его по всем осям, но он ведет себя совершенно смирно.

Перси немного вздрогнул и осторожно разрезал куриную котлету.

— Значит, он проявит себя позже. Такие, как Вилли, не шутят — или ты до сих пор не догадался?

— Догадался. — Тхор шевельнул левым ухом и налил себе чашку чаю. — Время у меня было. Я сейчас изучал основные характеристики мандалинских кораблей. Все правильно...

— Что — правильно? — удивился я.

Тхор снова подергал ухом и совершенно по-человечески вздохнул. Я полез за вечерним портвейном. Надо сказать, что с некоторых пор — да, собственно, сразу, едва у нас появились хоть какие-то свободные деньги, — мы с Тхором превратили крохотный камбуз старика «Гермеса» в уютнейшее место на свете. Ну, по крайней мере, именно так я его воспринимал в долгих перегонах. Прежде безликие серые стены мы отделали панелями из натурального орехового шпона, тщательно пересчитали квадратные метры пространства, устроив удобные встроенные шкафы такого же орехового цвета, и выгадали наконец место для милого старомодного круглого стола, где и собирались все втроем по вечерам. А однажды во время стоянки на какой-то из старых колоний Тхор приволок с распродажи совершенно очаровательную грангианскую люстру с тремя глиняными плафончиками, дающими мягкие уютные тени по стенам, — отпилив шток, мы привинтили ее к потолку, и камбуз окончательно превратился в миниатюрную гостиную старого хутора.

Учитывая то, что настоящего дома ни у кого из нас не было, камбуз на «Гермесе» в какой-то мере заменял нам невозможную мечту о собственном гнезде на берегу тихой темной речки, где плещутся караси и носятся над водой красавицы-стрекозы. Здесь мы обмывали нечастые наши удачи, здесь же, горько улыбаясь, глядели на бутылку после подведения ежеквартального баланса.

Конечно, полновластным хозяином камбуза был Тхор. Отбыв ходовую вахту, он приступал к своим обя-

занностям кока, исполняя их с подлинным артистизмом. Ему, бедолаге, судьба скорчила самую горькую из своих гримас: если мы с Перси, пусть и бездомные бродяги, все же жили и работали в привычном для нас человеческом мире, то он, гранг, нечасто видел не то что друзей, а даже просто соплеменников! Первое время после того, как он при довольно необычных обстоятельствах вписался в наш маленький экипаж, мы относились к Тхору с некоторым сочувствием, однако он, миниатюрный на человеческий взгляд, полосатый кроль с четырьмя ловкими ручками, очень быстро заставил уважать себя всерьез. В прошлом Тхор был офицером грангианского Флота, и за плечами у него имелась прекрасная военная академия. В первые же дни он продемонстрировал нам свою способность работать даже с незнакомым ему «человеческим» вычислителем, а позже стал поистине непревзойденным штурманом и пилотом. Именно мастерство Тхора позволило нам без потерь выбраться из гадкой истории с двумя мешками морской капусты, и теперь, пожалуй, рассчитывать нам с Перси следовало на него и его искусство настоящего аса.

Итак, я достал из стенного шкафа початую бутылку портвейна и три граненых стаканчика.

— По два, — вдруг произнес Тхор, печально опустив уши. — Я понял, в чем там дело. Встреча должна произойти в глубине астероидного поля. Мандалинские корабли довольно быстроходны, но при этом слабы в маневре. Курьер будет ждать нас где-то в глубине... Если же вдруг нас засекут, то без «хвоста» мы действительно имеем шансы удрать в точку встречи с линкором.

— Вот черт! — выдохнул Перси. — И как мы будем там маневрировать? «Гермес», насколько я знаю, для подобного слалома не годится.

— Почему же? — хмыкнул Тхор, поглаживая налитый ему стаканчик. — Нет-нет, они как раз просчитали

все достаточно четко. Моторы у нас почти новые, беречь их нам ни к чему — в такой ситуации наши шансы выглядят вполне оптимистично. Если, конечно, мы не взорвемся на виражах. Даже на входе в поле нам придется идти с чудовищной нелинейной перегрузкой компрессоров — если, конечно, мы не хотим двигаться через него лет двадцать. И сама передача, как я понимаю, будет происходить очень быстро, потому что все спешат. Это еще одна причина компактности груза...

— То есть, — прищурился я, — Вилли рассказал нам не все?

— Да ну, чего ты так, — приподнял уши Тхор. — Все. Все, что нам нужно было знать. Частоту маяка он тебе дал? Дал. О вероятном обыске предупредил? Еще тебе чего? Или ты думал, что он начнет сыпать секретной информацией? Может, еще имена назовет?

...Как и предполагал Тхор, над нашим старым «хвостом» поработали спецы экстракласса: проблемы начались за четыре часа до выхода на орбиту Бенедикта, причем сразу и необратимо.

— Нестабилен по крену, двадцать влево, — с ухмылкой сообщил мне Перси. — Тхор утверждает, что сейчас его начнет «качать» еще и в канале относительного тангажа.

— Грубо говоря, мы разваливаемся, — подытожил я. — Но теперь мне начинает казаться, что до терминала мы все же дотянем.

— Очень похоже. Если я хоть что-то понимаю, эти фокусники симитировали нам некий естественный износ. Как бы это все не закончилось штрафом!

Пожав плечами, я отправился в свою каюту заниматься документами. Этот порядок был введен уже давно: несмотря на то что формально мы с Перси владели «Гермесом» на равных паях, с чинушами, как правило, общался именно я. Сэр Персиваль утверждал, что моя харя выглядит не в пример представительней, чем

его, — а Тхора после скотской истории на Фиммоне мы вообще старались показывать как можно реже. Тогда, надо сказать, нервов я попортил себе немало — но спас нас тот же вертлявый Перси... Да, впрочем, что б я без него, по совести говоря, делал? Не будь Перси, не было бы ни «Гермеса», ни нашей маленькой команды, а старина Тхор, возможно, навсегда остался бы болтаться в космосе заледеневшим трупиком.

Еще раз просмотрев контракт с нашим виртуальным нанимателем с Андреса, я приготовил его к отправке и решил почистить на всякий случай зубы. Некоторые чиновники портовых служб до того не любят нашего брата-дальнобойщика, что отказываются разговаривать с человеком, от которого, подумать только, пахнет чесноком!

Едва я нажал выключатель на черенке зубной щетки, как нас затрясло. «Гермес» входил в условную гравитационную зону терминала, и полуразваленный «хвост» колотил его куда сильнее, чем я мог ожидать.

«Это что же? — подумал я, глядя на дергающуюся в руке зубную щетку. — Я что, просидел за документами все эти четыре часа?!»

Выходило, что так. Да, впрочем, по достижении определенного возраста время настолько ускоряет свой бег, что и не уследишь!.. Но как минимум десять минут у меня еще было, и я решительно запихнул щетку в рот. К тому моменту, когда Тхор филигранно опустил трос на полотно орбитального терминала, у меня слегка кровоточили десны, но это ничего не значило: я ждал неизбежных в нашем случае гостей в дорогом костюме и с платком на шее.

Гости не заставили себя долго ждать. Трое не слишком вежливых джентльменов в мундирах транспортных чиновников с ходу вкатили мне достаточно ощутимый штраф и заставили подписать документ, согласно которому наш неисправный «хвост» подлежал обязательно-

му ремонту с последующим техосмотром, — я же, в свою очередь, предъявил им липовый контракт с нанимателем, ждущим нас на Андресе, и предложил подписать разрешение на старт после техосмотра «Гермеса». По закону все выходило безупречно. Чуть поворчав, инспектора все же оставили свои автографы на дисплее моего компа — и мы были свободны.

Через час десять Тхор оторвал пустой, «бесхвостый» «Гермес» от терминала. Из огромного грузовика мы превратились просто в звездолет — маленький и оттого бессмысленный. Какой, собственно, смысл в тягаче без прицепа? Да никакого, кроме одного: такой тягач обретает вдруг качества боевого рейдера, оказываясь способным посоревноваться с ним и в динамике, и в маневренности. Ведь колоссальная мощь наших моторов рассчитана на то, чтобы таскать за собой десятки тысяч тонн грузов. А избавившись от них, мы мгновенно превращаемся в быстрый и высокоманевренный корабль, умеющий разгоняться не хуже иного крейсера.

— Двадцать восемь часов до перекрестка, — сообщил мне Тхор.

— Тогда спать, — отозвался я.

У нас еще будет время поволноваться... Я вернулся в свою каюту, налил себе крохотную рюмочку виски и снял с полки «Семнадцать мгновений весны», но вскоре уснул. Кажется, мне снилась радистка Кэт в балетной пачке, играющая на старом белом рояле. Вероятно, это было эротично, однако до эрекции я не дожил: меня разбудил Тхор.

— Феноменально, — сообщил он. — Ты дрых шестнадцать часов без продыху! Похоже, это рекорд!

— Отстань, — взвыл я, ощущая неимоверную тяжесть в мочевом пузыре. — Что у нас — пожар?

— Пока нет. — Тхор был совершенно невозмутим. — Вот только та уха, из сайры, которую я варил недавно, уже закончилась. Что делать?

— Что делать, что делать! Ты не знаешь, что делать? Раз варить нечего, вари борщ!

— Без проблем. Только сперва я буду спать до поворота. А вы, я надеюсь, справитесь и без меня.

Я тяжело вздохнул и застегнул наконец штаны. Тхор был совершенно прав: в конце концов, он и так спит меньше нас с Перси, потому что отвечает за две должности сразу: и штурмана и кока, да к тому же работает, как правило, за второго пилота. Потому, хочешь не хочешь, я поплелся в ходовую рубку, где и провел все следующие девять часов, тупо играя с навигационным мозгом в шахматы. Перед поворотом меня сменил проснувшийся Тхор. Работы ему, в общем-то, было на полтора часа: выйдя из ремонтируемого коридора, мы повернули нос в сторону известного астероидного поля АХ-21U31, после чего Тхор отправился на камбуз.

— Раз дело такое, стану варить борщ, — сказал он. — Перси там в рубке, если что, так позовет. Ты, Сэмэн, пока вот почисти-ка мне буряк! Бульон-то я еще вчера сварил, перед сном...

И, водрузив на разогретую плиту кастрюлю с процеженным говяжьим бульоном, Тхор споро принялся за картофелину, а на мою долю пришлось изрядных размеров свекла. С овощами мы управились быстро. Пока я чистил морковку, Тхор порубил небольшую капустину, влил в тушащуюся тонко нарезанную свеклу немного бульону и баночку томатной пасты, после чего достал из холодильника шматочек сала и головку чеснока.

— Зажарка, — сказал я, вставляя морковку в кухонный комбайн, — то уже полборща.

— Зажарка — то да, — со знанием дела согласился Тхор. — Но и про специи забывать нельзя. Скажи-ка вот, стал бы ты есть борщ без перчинки да без чеснока, а? Во-от... вот в том-то и все дело. Даже без сметаны его, родимого, пожалуйста, а вот без приправок — все, хоть не живи уже!

Тхор всунул в комбайн луковицу, и тут под потолком загрохотал голос Перси Пиккерта:

— Приехали. Мандалинцы справа по борту, сигналият торможение для досмотра.

Надо сказать, в тот момент я ощутил, как внутри меня что-то оборвалось. Все было слишком здорово, настолько здорово, что чувство опасности, пожиравшее мое сердце после беседы с Вилли, вдруг стало отпущать: давно уж, месяца два, не меньше, не куховарили мы вместе со стариной Тхором. Давно, увы, не переживал я этого ощущения, нет, скорее предвкушения борща, смачного, горячего, употребляемого обычно под рюмочку перцовой из тщательно пополняемых запасов...

— Да все в порядке, — повернулся ко мне Тхор, и в движении его уха мне почудилась некая ирония. — Разбирайтесь. Не стану ж я борщ бросать, в самом деле!

Я коротко кивнул и двинулся в рубку.

Перси уже вытормозился. Пузатая юла мандалинского корабля, удивительно похожая на недавнюю мою свеклу, медленно скользила по экранам кругового обзорра, приближаясь к нашему борту.

— Какого бы черта! — громко и с раздражением произнес я, понимая, что мандалинцы вполне способны прослушивать своими сенсорами любые разговоры на «Гермесе». — Они что, не понимают? Нам, зараза, и без них некогда!

— А я что? — тотчас затараторил Перси. — Что я, а? Вон, видишь, вон: и сигналият. Что теперь?

— Теперь контракт тью-тью, мать твою так! Все, сиди здесь, пошел я встречать их...

Вильгельм Загребайло оказался прав на все сто: эти крысожабы действительно не стали утруждать себя плаванием в пространстве и присоединили к нашему шлюзу гибкий переходной рукав. Ощувив стук, я послушно активировал автоматику. Спустя некоторое время в коридор нижней палубы ввалились три отврати-

тельные фигуры с короткоствольным оружием в руках. Одеты они были в термоизолирующие комбезы, но шлемов на них не было, лишь короткие цилиндрики бак-фильтров в широких плоских ноздрях. Волна кошмарной болотной вони, которую они принесли с собой, заставляла меня пошатнуться.

— Сэмэн Колоброд, — с достоинством представился, стараясь не морщиться. — Капитан и совладелец корабля. Извольте взглянуть на документы?

— Открыть все, — прокаркал один из мандалинцев. — Я с тобой — смотреть на документы.

— Перси, — позвал я в интерком, — открой господам инспекторам все доступные для осмотра помещения корабля. Прошу вас, господин инспектор, идемте за мной, я покажу вам все интересующие вас документы.

«Им недоступны наши эмоции, — твердил я себе, поднимаясь наверх. — Недоступны... Эта бородавчатая сволочь никогда не поймет, что мне на самом деле очень-очень страшно. И никогда она не найдет чертовы кристаллы. Не найдет потому, что не поймет... Но если поймет...»

Еле сдерживаясь, чтобы не рвануть в сортир для душевной беседы с унитазом, я продемонстрировал мандалинскому инспектору заключение об аварийном состоянии нашего «хвоста», срочный контракт на Андрес и все регистрационные свидетельства «Гермеса» и его экипажа.

— Вижу, — фыркнул тот. — Пошли дальше. Жилые помещения? Где?

Сперва он перевернул вверх дном мою каюту. Он вырвал все содержимое шкафа, не поленился заглянуть в санузел и вдруг, вытащив из поясной сумки какую-то коробочку, осторожно повел ею вдоль письменного стола.

Мне показалось, что у меня на голове зашевелились волосы.

— Может быть, мы перейдем в другие каюты? — как можно вежливее поинтересовался я.

— Молчать твоя! — захрюкал инспектор и повел в мою сторону стволом оружия. — Где другия, блядь такая, жилые помещения?

На стволе его пушки был небольшой раструб, словно у древних ружей... Я попятился.

— Каюты? Прошу вас, господин инспектор!..

— Какая, блядь твоя, каюты! Ты мне срать еще скажи! Жрать твоя где?

Судя по его лексике, грозный инспектор уже не раз имел дело с нашей расой. Ощущая, как у меня подкашиваются колени — в те секунды мне, право, уже было даже не до его запаха, — я вывел мандалинца в коридор и потащил в сторону камбуза. Кристаллы были уложены в жестяное ведро со специями, обычно используемыми Тхором, и Вилли давал голову на отсечение, что ни один мандалинец туда не заглянет. Но коробочка, коробочка у него в лапе! Об этом Загребайло не говорил ни слова!

Тхор невозмутимо помешивал сало, лук и морковь на маленькой сковородке, готовя свою непревзойденную за жарку.

— Гранг! — выпучил свои непроницаемо-синие глаза инспектор, застывая на пороге.

— Конечно, вы же видели документы, — затараторил я. — Член экипажа, оформлен согласно профсоюзным нормам...

Отодвинув меня плечом, мандалинец рванул на камбуз. В этот момент Тхор бросил на стол свою деревянную лопаточку и, повернувшись к нему, произнес короткую фыркающую фразу. Инспектор двинул вперед своей вытянутой бородавчатой башкой — мне вдруг показалось, что даже с некоторым уважением, — но в руке его опять возникла та самая коробочка. Тхор тем временем вывалил в кастрюлю готовую уже за жарку и,

сняв с полочки хорошо знакомое мне жестяное ведерко, достал из него зеленый пакетик с надписью «Перец душистый».

Я ощутил, что мне нечем дышать. Инспектор водил своей проклятой коробкой вдоль наших ореховых шкафчиков, а Тхор, нисколько не стесняясь, разорвал пакетик вдоль и высыпал его содержимое в кипящее густокрасное варево.

— Что здесь есть? — спросил мандалинец, приближаясь к плите.

Аппарат был у него в руке. Но рука сейчас находилась на уровне пояса...

— Борщ, — спокойно ответил Тхор. — Довольно простой, знаете ли. Без пампушек. Среднестатистический, я бы сказал.

Мандалинский инспектор наклонился над кастрюлей и, издав протяжный, полный ужаса вопль, бросился прочь.

Минуту спустя переходный рукав отсоединился.

— Разгоняемся, Перси, — сказал я, входя в рубку. — Курс прежний.

Сэр Персиваль упал на спинку кресла. Я отчетливо видел, как у него трясутся руки.

Крейсер ушел, и ушел далеко — видимо, напуганный запахом ароматнейшего густого борща, инспектор приказал жарить на всю катушку. Через час мы, все трое, цедили онный борщ через марлю, путаясь в скользкой свекле и капусте. Весь ужас заключался в том, что мы категорически не знали, сколько именно горошинок-кристаллов содержал в себе пакет. В конце концов мы выловили все — Тхор клялся, что из кастрюли не могло исчезнуть решительно ничего. Выловив, мы разложили абсолютно одинаковые с виду черные шарики на бумажном полотенце и, пересчитав — их оказалось сорок девять, — решили все же глотнуть портвейна. До

входа в астероидное поле оставалось шестнадцать часов.

— Я думал, я двинусь, пока вы там лазили, — сообщил Перси, мгновенно заглотив свой стаканчик. — Вот просто двинусь, и все... Если бы они нашли! А откуда, скажи мне, у него был этот сканер, а, Сема? Значит, кто-то знал... или хотя бы догадывался! Вот Вилли, вот сука! А если бы не Тхор? Тхор, старик, можно я тебя поцелую?

— Можно, — согласился Тхор и специально вылез из-за стола, чтобы Перси было удобнее дотянуться до него. — Только не думай, что меня это возбуждает. Я не поклонник межрасовых отношений, тем более когда речь идет о мужчинах.

Кажется, я заржал так, что Тхор даже немного смутился. Вернувшись за стол, он бросил на меня укоризненный взгляд и поднял свой стаканчик:

— Вилли не так уж и виноват, ребята. У каждой разведки бывают свои промахи. Собственно, без них и разведки-то не бывает! А вы вот что, думаете, я не испугался? О-оо... скажите спасибо, что я хорошо учился в академии и до сих пор помню их поганый язык. Ох и воняют они, конечно, сволочи...

— А что ты ему сказал? — заинтересовался я.

— Да ничего особенного. Я просто помню «формы вежливого обращения» — у них их несколько. Ну, я представился и поздоровался в форме «от младшего к старшему». Настроение у него сразу улучшилось, и он посчитал невежливым лезть со своим сканером ко мне в кастрюлю. Хотя, конечно, выгнал его все равно борщ. Самый такой среднестатистический борщ... ничего особенного. Завтра поедем, пожалуй?

Условное корабельное «завтра» началось с тяжелых маневров в астероидном поле. Тягач вел Тхор — мы с Перси давно уже убедились, что в этом деле не годимся ему, бывшему офицеру, даже и в подметки. Как и сле-

довало ожидать, в расчетное время появился маяк. Мы затормозили возле небольшого веретенообразного корабля, и я натянул скафандр — снова задыхаться от жуткого аромата мандалинцев у меня не было ни малейшего желания.

Мы встретились в переходном рукаве. Посмотрев на меня, затянутого в скафандр, мандалинец пожевал нижней челюстью и, ни слова не говоря, протянул руку. Я подал ему смятый бумажный пакетик. Мандалинец вытащил из-за своего широкого кушака небольшой оранжевый шарик и провел им над нашим драгоценным грузом, после чего, все так же молча, повернулся и зашагал по качающейся под его ногами пластиковой трубе.

«И у этих сканеры, — подумал я, оказавшись в шлюзе. — А мы как утки подсадные... И никто не верит на слово. Хотя, собственно, а кто верит в нашем мире — вообще?»

— Полный газ, Тхор, — приказал я, едва за моей спиной сомкнулись внутренние двери шлюза. — Уходим отсюда ко всем чертям!

Позже он рассказал мне, что в этот момент ощутил величайшее облегчение. Мы все прекрасно понимали. Мы понимали, что, наверное, — надо. Что ни один военный корабль не может войти в сферу, контролируемую мандалинцами, а вот гражданский карго, согласно договорам столетней давности, — пожалуйста. И что времени нет, и что кроме нас некому! — но от страха это не избавляло, нет. И о деньгах мы не думали, уж поверьте мне. Единственная мысль, крутившаяся у нас в голове: «Скорей!» И потому на выходе из астероидного поля Тхор действительно спалил почти новые движки. Нас гнал страх, хотя в действительности за нами никто не гнался: да никто и не собирался. Всех прогнал среднестатистический борщ.

Всего-то навсего, даже без пампушек.

О да, Тхор показал свое мастерство в лучшем виде!

Думаю, что даже самые суровые из наших асов-дальнобойщиков, просто обожающие порассказать о своих подвигах, обалдели бы, предъяви мы им курсовую записку нашего выхода из астероидного поля. Мы вышли за двенадцать часов: я хотел бы посмотреть на того уха-ря, который решится сделать это за двадцать четыре!

А медали? Медали нам, скажу вам по секрету, все же вручили, и я впервые увидел Тхора в специально для него пошитой парадной форме — с двумя саблями, с кучей перьев меж ушей и прочим. Мы с Перси стояли в скромных костюмчиках: нам оставалось только завидовать, что ж тут еще: тем более что вручали нам все это дело в уютном кабинете, а не в зале заседаний... так что чего уж теперь.

А обещанный заработок? — так это другая история, точнее сказать, на том история одиночества нашего старого «Гермеса» закончилась.

Он стал наконец флагманом.

МУХА-ЦОКОТУХА

1

Муха, муха, цокотуха, позолоченное брюхо, муха по полю пошла, муха денежку нашла...

Да, все так и было.

Даже позолоченное брюхо. Почему бы и не считать позолоченным брюхом изыск пирсинга — сережку, украшавшую отнюдь не ушко, но пупок Тани Мухиной? Мать, конечно, ругалась; отец молча повертел пальцем у виска.

Ну и что?

Женщинам испокон веку хочется себя украсить, и первую из них, проколовшую с этой целью уши, родитель наверняка покритиковал аналогичным жестом... Со времен Евы мужчины-шовинисты не терпят женщин-новаторов. Притесняют и изгоняют из эдемов. Хотя у Евы, по слухам, пупка не наблюдалось...

Муха шла не по полю — по одному из бульваров Царского Села. Вернее, по пустынной липовой аллее, протянувшейся вдоль него. Наверно, думала Муха, под этими липами гуляла юная Ахматова с влюбленным в нее Гумилевым, а чуть раньше здесь же хулиганистый лицеист Пушкин в компании дружков прикидывал: где бы раздобыть бутыль казенной, соорудить ведерную чашу пунша и устроить пирушку, совсем как у взрослых...

В общем, романтическое место. Поэтическое.

Таня Мухина стихов не писала, вопреки распространенному мнению, что в шестнадцать лет вирус вирше-

плетства поражает всех особ женского пола. Но романтики не чуждалась, скорее наоборот...

Муха шла по аллее и не спешила. Хотя опаздывала. Но так и было задумано. Пусть Толик подождет, помучается. Пусть не думает, что раз он двадцатилетний студент, то дуреха-десятиклассница так сразу и повиснет у него на шее. И не только на шее — значение взглядов, бросаемых ее кавалером на иные части тела подружки, могла распознать самая неискушенная девчонка.

Муха такой — неискушенной — и была. Но кружить головы кавалерам так и не сбывающимися надеждами весьма любила...

...Денежка лежала под ногами. Возле самого поребрика, отделявшего пешеходную часть аллеи от засаженного липами газона. Копеечка... Фу. Неизвестно, какого номинала и в какой валюте денежку обнаружило в поле насекомое отряда двукрылых, прославленное классикой. Но не копейку, это точно. Иначе и нагнаться бы не стоило, не говоря уж о возможности закупки кухонной утвари...

И Таня Мухина прошла мимо. Не нагнулась. Пошла дальше, по-прежнему не спеша.

Но через десяток шагов узрела вторую денежку — того же достоинства и ровнехонько на том же расстоянии от поребрика. Совпадение это тоже никак внимания Мухи не зацепило. Но на третью монетку — расположенную точь-в-точь как две первые — она невольно взглянула чуть внимательнее... Что-то не так. То ли размер чуть-чуть отличается от копейки, то ли блеск несколько иной.

Муха нагнулась.

Не просто денежка — валюта! Надпись на аверсе монетки гласила: «1 cent». Один штатовский цент... Хотя нет, нет... С американской мелочью Муха была знакома, отец в молодости увлекался нумизматикой, да и сейчас не совсем забросил. Несколько центов и юби-

лейных десятицентовиков у него завалились, и Таня любила разглядывать монеты, мечтая о дальних странах...

Цент не американский. Память у Мухи хорошая. На штатовских центах отчеканено «one cent», на десятицентовиках «one dime»... А латиноамериканцы пишут по-испански: «сентаво» («centavos»). Австралия? Новая Зеландия? Вроде валюта там тоже доллары, а вот как именуется мелочь, Мухина не вспомнила.

Решая нумизматическую загадку, она вернулась назад, за двумя первыми монетками. Не копеечки... Те же центы неизвестной державы. Спрятав находки, пошла прежним курсом.

«Подарю отцу, обрадуется», — решила Муха и в тот же момент увидела четвертую денежку. Интересно... Такое идеально ровное расположение не могло быть случайным. Никак не могло. Не падают монеты из прохудившегося кармана с такой регулярностью.

Вторая загадка.

Первую, впрочем, Муха разгадала быстро — оглядев новые находки. Поднятая раньше оказалась слегка испачкана землей, не иначе наступил кто-то, — и лишь теперь Таня увидела над мелкой надписью «1 cent» вовсе уж крохотные буковки: «euro».

Вот оно что... Евро, новая европейская валюта. Татьяна видела и держала в руках купюры евро, но разменные монеты ей до сих пор не попадались, а они, помнится, как раз центы...

Отец обрадуется, подумала Муха. С легким разочарованием подумала: загадка решилась слишком легко.

Но оставалась вторая: кто и зачем раскладывал здесь монетки? Именно раскладывал — после пятой находки последние сомнения рассеялись. Обозначен путь. Или след? Чей? С какой целью?

Сладкое предвкушение тайны защекотало романтическую душу Мухи. Она обожала тайны и загадочные истории — с хорошим концом, разумеется. Запоем читала книги о приключениях Гарри Поттера, по несколь-

ку раз пересмотрела снятые по ним фильмы и охотно принимала участие в многочисленных порожденных сериалом играх — эпидемия поттеромании бушевала среди школьников средних и даже старших классов.

...Шестая и седьмая монетки лежали почти рядом — в полуметре друг от друга. И, надо понимать, обозначали поворот пути или следа — здесь от бульвара отходила подъездная дорожка к притаившимся среди зелени домам. Похоже, в одном из них жил коллега Мухи по увлечениям, ищущий единомышленников — таким вот интересным способом. Вариант беспроектный — надо иметь определенный склад характера, чтобы опознать в валяющейся под ногами мелочи тайный призыв...

Следующие монетки Таня не подбирала — пусть лежат, может быть, и первые она вернет на место, когда познакомится с загадочным автором послания. Нет, одну все-таки прихватит — для отца.

Таинственный путь привел к двухподъездному дому, не выходящему на бульвар, — здание, живописно обрамленное зеленью, стояло во втором ряду построек. Два этажа — все дома тут стояли такие, много десятилетий обывателям Царского Села высочайше запрещалось возводить строения, превышающие этажностью императорскую резиденцию. Муха, впрочем, жила на окраине, в новостройках. В точечной многоэтажке. Там — никакой романтики старых особнячков, помнящих звон гусарских шпор и шорох шелковых кринолинов...

У двери подъезда поблескивала очередная монетка. Таня помедлила. Толик? — ладно, подождет час вместо запланированного Мухой получаса. Но входить в подъезд не спешила. Подняла голову — может, кто-то наблюдает и подаст знак? Никого. Разве что на нее смотрят в незаметную щелочку между занавесками... Очередной тест?

Таня заметила большую трещину, рассекающую фасад сверху донизу как раз посередине. Кое-как замаскированная и схваченная скобами-стяжками, трещина показала Мухе весьма романтической. В какой-то полной

приключений и ужасов книжке ей встречалось похожее — и в душераздирающем финале замок тайн рухнул грудой обломков, расколовшись именно по такой трещине...

Она коснулась висевшего на груди кусочка янтаря с навеки застывшим внутри насекомым. Привезенный из Прибалтики, амулет помогал (Муха считала — помогал) в самых разных жизненных трудностях. Кстати, и с Толиком они познакомились, можно сказать, благодаря этому украшению — он заинтересовался, потом прочел длинную, но увлекательную лекцию о янтаре и древних насекомых, учился новый кавалер на биологическом факультете...

Муха верила (ну, почти верила), что в сомнительных ситуациях стоит прикоснуться к амулету — и он подскажет, что делать.

Янтарь оказался теплым и приятным на ощупь, без противной, как порой случалось, скользкости. Все сложится удачно. Таня решительно шагнула вперед.

Приключилась бы подобная история в вечерней или ночной тьме, Муха призадумалась бы — стоит ли прислушиваться к амулету. Но яркий летний полдень рассеивал опасливые сомнения. Старинная высокая дверь подъезда скрипнула и пропустила ее внутрь.

2

Толик не ждал Мухину у Московских ворот, как она рассчитывала — и, собственно, как он сам собирался. Он уже привык к Татьяниной манере постоянно опаздывать, но сегодня Толику отчего-то не стоялось на месте. Он бросал взгляды то на минутную стрелку часов, то на бульвар, по которому должна была подойти Татьяна, потом не выдержал и пошел ей навстречу.

Напряженно всматривался в даль, и — не то показалось, не то действительно — между зеленью лип мелькнул бежевый Танькин костюмчик. Мелькнул и исчез. Свернула? Толик прибавил шаг.

На площадке первого этажа лежала еще одна монетка. Последняя. Прямо перед дверью. Муха снова помедлила. Подняла было руку к звонку — и опустила. Как-то неловко... Вдруг там, внутри, взрослые солидные люди, понятия не имеющие об авторе этой шутки...

И тут дверь открылась. Без звонка.

Муха на всякий случай сделала вид, что просто так идет мимо. Прогуливается.

Высокий мужчина, одетый не по-домашнему — летний светло-серый костюм, галстук, — ничуть не удивился, обнаружив за дверью Таньку.

— Вы, наверно, к Роберту? Проходите. — И он отступил в глубь прихожей.

Эмоций в голосе мужчины не слышалось. Не только удивления или недовольства неожиданным визитом — вообще никаких. Голос напоминал механический, записанный на пленку — тот, что объявляет остановки в метро.

Муха не заметила этих фонетических особенностей. Внутри ее нарастало ликование: угадала! Есть еще приключения в жизни! И какое романтическое имя — Роберт... Она шагнула в квартиру.

— Прямо до конца и направо, — так же бесцветно проинформировал мужчину.

Глаза приспособились к полумраку вытянутой, пещерообразной прихожей, и Муха двинулась дальше. Прошагала мимо старинного трюмо с мутным зеркалом, мимо вешалки, обильно увешанной одеждой, мимо низкой длинной тумбочки, вся обувь в которой не помещалась и была навалена сверху, мимо всевозможногохлама, приткнувшегося в углах и развешанного по стенам...

Три ближние двери оказались закрыты. Четвертая, последняя, — распахнута. Из нее прорывался в коридор поток солнечного света и распахивал, расталкивал в стороны пыльный сумрак. Муха немедленно вообразила себя героиней фэнтези, юной и отважной эльфий-

ской принцессой, пробирающейся по пещере, полной опасностей, к... К чему — она пока не успела придумать. Но к чему-то прекрасному и сияющему...

— Роберт? — позвала Танька, смешав в нужной пропорции вопрос, извинение и некую долю кокетства. А неловкость, ощущаемую, несмотря на всю любовь к авантюрам и приключениям, постаралась скрыть.

Никто не ответил.

Комнату заливал яркий свет. Широоченное окно с раздернутыми шторами выходило на южную сторону, на пустырь и глухой забор военного училища — и солнце ослепило Муху.

Зажмурившись, она смутно увидела лежащую на полу человеческую фигуру, крестообразно раскинувшую руки. И ничуть не удивилась. Вполне естественно встречать в такой позе гостей, приглашенных столь необычным способом.

— Роберт? — позвала Танька громче и настойчивей, входя в комнату.

Фигура не пошевелилась, ничего не ответила. Глаза привыкли к яркому свету, и Муха наконец разглядела, что лежит на полу.

— Дурак ты, Роберт, и шулки у тебя дурацкие... — Голос ее дрогнул от разочарования.

4

Тревога нарастала.

Толик метнулся в одну сторону, в другую... Ничего. Танька не присела отдохнуть на скамейку (да и нет у нее такого обыкновения, не старушка, в самом деле). Не перешла усаженный липами газон и проезжую часть, чтобы пойти вдоль домов, по тротуару...

Увидела его и решила поиграть? Спрятаться? Порой у Татьяны свет Ивановны рецидивы детства прорываются совершенно неожиданно...

Поразмыслив недолго, Толик отверг версию. Мухи-

на, перед тем как свернула и исчезла из видимости, шла по открытому месту — а Толика скрывала зелень. Никогда не могла она его заметить...

Обознался? Лицо ведь не разглядел... Мало ли девиц в Царском Селе носят бежевые костюмчики и коротенькие, не прикрывающие живот топики? Но Толик был уверен — она. Даже не в знакомой одежде и сумочке дело. Походка, пластика движений — точно она, Толик такие вещи чувствовал очень хорошо...

Стоп! Ведь Татьяна шла, словно что-то искала, что-то высматривала на утрамбованном песке аллеи...

Толик с максимальной точностью восстановил в памяти траекторию Мухи — и двинулся по ее следам, внимательно глядя под ноги...

5

Как ни печально, родственной душой Роберт не оказался.

Придурок, склонный к дебиловатым шуткам, — Муха заочно вынесла свой вердикт. Есть и у них в классе такой, Вовка с дурацкой фамилией Огурцов, юморист всех времен и народов. Каждую неделю ездит в магазинчик «Приколы», что у метро «Горьковская», и считает верхом смешного подложить в портфель пластиковые фекалии или в мыльницу — красящий руки кусок мыла...

Незнакомый Роберт не придумал ничего лучше, как соорудить лежащий на полу труп. Причем имитировал его на редкость бездарно. То, что он напихал внутрь спортивного костюма, за человеческое тело можно было принять лишь на секунду и лишь при бьющем в глаза солнце. У тела объем гораздо больший. И резиновую маску (наверняка из тех же «Приколов»), заменяющую «труп» голову, тоже стоило набить чем-нибудь — чтобы не осела бесформенно, чтобы сморщенное «лицо» не провалилось внутрь «головы»...

Муха скривила недовольную гримаску, но про себя отметила, что с финансами у Роберта получше, чем у дурака-Огурцова, — маска сделана гораздо тщательнее, чем те, что приносил Вовка. Волосы совсем как настоящие...

Она машинально нагнулась, протянула руку к голове «трупа», параллельно размышляя: немедленно ли развернуться и уйти или сначала высказать шутнику все, что она о нем думает. Стоило из-за такой ерунды заставлять мучаться Толика...

Волосы у сморщенной маски оказались мягкие, шелковистые, на ощупь непохожие на искусственные. А лицо... Нагнувшись, Татьяна смогла оценить тончайшую степень имитации: крохотные морщинки в углах глаз, чуть синеющую сквозь кожу виска венку, угревую сыпь на лбу, старый, давным-давно заживший шрамчик над верхней губой...

Ничего кошмарного в маске не было, никаких окровавленных вампирских клыков. Но она пугала — вернее, своей *настоящестью* производила на редкость отталкивающее впечатление. Муха не без брезгливости коснулась кожи лба, пытаясь понять: как же это сделано?

Не резина... Больше всего похоже на... Муха не успела закончить пугающее мысленное сравнение.

Сзади раздался звук.

Странный.

Неожиданный.

Тем более неожиданный, что — Муха лишь сейчас осознала — в квартире было тихо, как в склепе.

И в этой мертвой тишине за спиной Тани послышалось что-то непонятное.

Не то постукивание, не то поскребывание...

Словно, чуть царапая коготками паркет, к ней неторопливо приближался какой-то зверек. Нет, пожалуй, не один, четыре лапы не могут ступать так часто... Звук раздражал, как будто когти неведомой зверушки царапали заодно и по хребту Татьяны...

Муха распрямилась мгновенно, как подброшенная пружиной. Но обернуться медлила. Почему-то не спешила увидеть и узнать, какую еще мерзкую шуточку измыслил недоумок Роберт.

Потом обернулась.

И широко распахнула рот, намереваясь закричать. Но не смогла.

6

Толик ничего не понял.

Только что он шел по прямой, вдоль поребрика, ощупывая каждую пядь аллеи глазами, — и вдруг, совершенно неосознанно, сделал в сторону шаг, другой, машинально отвел взгляд, скользнул им по кронам лип, подумал, что небольшой ночной дождь не помешает, листья совсем пыльные; кстати, про листки — не забыть бы отдать сегодня раздерганный на листки-шпаргалки конспект, поленился ксерокопировать в свое время, теперь придется тащиться через полгорода... Толик шел, ускоряя шаг, напрочь позабыв про Таню Мухину.

Остановил он себя усилием воли. Постоял, приказывая ногам застыть на месте — те так и порывались шагать непонятно куда. Вернулся назад. Не на то место, откуда началось непонятное, но за пару шагов до него.

И сделал эти два шага.

Опыт удался. Через несколько секунд Толик убедился, что идет уже вдоль противоположного газона аллеи и напряженно размышляет: у кого бы перехватить денжат и рассчитаться с Дедюхиным, все чаще напоминающим про висящий с марта долг...

На третий раз он повторил все нарочито замедленно, контролируя каждую мысль, каждое движение...

С огромным трудом, но получилось. Толик сделал шаг, другой по заколдованному месту — наваждение исчезло. На лежащую монетку он не обратил внимания. Не обратил бы и на вторую — если бы непонятная сила снова не начала отводить в сторону.

Крик не прозвучал.

Воздуха не осталось — ни в груди у Мухиной, ни вокруг, воздух куда-то исчез, как из стеклянной колбы электролампочки. Рот открывался и закрывался беззвучно.

Тварь, надвигавшаяся из мрака прихожей, напомнила паука. Типичный паук — длинные суставчатые лапы, голова с мерно двигающимися жвалами, покрытая темным густым мягким пухом и опоясанная плясущими во все стороны глазами, брюхо — белесое, шаровидное, непропорционально большое, жидко-мягкое, колыхающееся, волочащееся по паркету...

Словом, самый обычный паук. Но размеры... Согнутые под острым углом колени оказались на уровне талии Мухи.

Такого не могло быть, но почему-то ей ни на секунду не пришло в голову, что это очередная шутка Роберта, что паук — искусная подделка, что сзади тащится управляющий провод, а внутри тихонечко жужжат питаемые батарейками двигатели... Паук был настоящий. Не мог — но был.

Воздух так и не появился. Все внутри у Мухи сжалось, горло словно стиснула ледяная рука. Кровь стучала в висках болезненной барабанной дробью. И — она это хорошо почувствовала — по спине, вдоль хребта, где до сих пор отдавались скребущие шажки чудовища, побежал ручеек пота. Ледяного.

Твари оставалось пройти до Тани три шага — человеческих шага. Два. Один...

Странно, но паника тела на мозг не распространилась. Способности мыслить Муха не потеряла.

Надо что-то делать, вяло думала она, но бежать некуда, выход перекрыт... а ведь он не такой уж и большой, просто кажется громадным из-за длинных лап, а голова меньше футбольного мячика, если пнуть по ней хорошенько...

Мысли были тягучие, ленивые и почему-то никак не могли претвориться хоть в какие-то движения тела. Мышцы оставались парализованными. Параллельно откуда-то появилось и крепло чувство, что это сон, кошмар, наваждение, надо лечь, расслабиться и закрыть глаза — все исчезнет, без следа развеется...

Членистоногая тварь приблизилась почти вплотную. Подняла переднюю лапу. Протянула вперед, едва не коснувшись Мухи... Та смотрела на ряд неподвижных немигающих глаз — и не могла пошевелиться. Почувствовала, как трусики и брюки в паху намокли горячим, как внутреннюю сторону бедер защекотали струйки...

(...лечь... опуститься на пол... крепко-крепко зажмуриться... а сверху еще прикрыть глаза ладоными... тогда ничего не страшно...)

Пауков она боялась с детства. Обнаружив в ванне самого крохотного и безобидного, визжала и боялась подходить, пока мать не смывала паучишку струей из душа...

Конец лапы, казавшийся цельным, разделился вдруг на несколько частей, тоже суставчатых, шевелящихся, отдаленно напоминавших пальцы, — и на концах псевдопальцев двигались, сгибались и разгибались какие-то крючочки, отросточки... Вся эта шевелящаяся мерзость коснулась обнаженного живота Тани.

Что бы там ни задумала тварь — если вообще умела думать, — но последнее ее действие стало ошибкой. Отвратительное прикосновение вдребезги разбило паралич, сковавший мышцы. И — вымело из головы желание лечь, расслабиться.

Муха дернулась, отскочила назад. Воздух наконец ворвался в легкие свежей ледяной струей. Муха визжала — пронзительно, на грани ультразвука.

Тварь сжалась, подтянула лапы, стала меньше на вид — едва ли от страха, скорее от неожиданности, — но Мухе было все равно, она ринулась к окну. Первый

этаж, выскочит, наплевать на стекло, пусть поцарапается, пусть порежется, лишь бы унести отсюда ноги...

Путь преграждал огромный, допотопного вида письменный стол. Пришлось огибать, протискиваться между деревянным четвероногим монстром и стеллажом, заваленным всякой всячиной: книгами, дисками, деталями компьютеров. Она зацепилась, ткань затрещала, со стеллажа посыпалось содержимое полок.

Тут запястье Мухи что-то цепко ухватило, дернуло назад, разворачивая... Она обернулась, снова взвизгнув. К левой руке приклеился прозрачно-серый, чуть тоньше мизинца, шнур. Другой конец шнура остался у паука. Муха рванула — шнур выдержал. Попыталась оторвать пальцами другой руки — шнур прилип намертво.

Краем глаза Танька увидела движение твари, испуганно взглянула туда. Паук уже не держался за шнур, тот теперь крепился к полу, а чудище странно, боком, неторопливо передвигалось — но почему-то не к Мухе, а к противоположной стене.

Она снова попробовала освободиться — отдирала гигантскую паутину осторожно, постепенно, с края, как присохший лейкопластырь. Помогло! Казалось, в руку впились тысячи микроскопических зазубренных крючков, не желающих выходить из кожи, раздирающих ее, но проклятый шнур — медленно, больно — отлипал от запястья...

Муха, искоса поглядывая на затихшего у стены паука, закончила освобождение. Облегченно потрясла свободной конечностью, попыталась отшвырнуть паутину — и безнадежно застонала. Шнур прилип к пальцам правой руки...

Она торопливо оглядывалась в поисках чего-либо острого — и не уловила тот момент, когда тварь метнула новую паутинку. Заметила что-то вроде несущейся в лицо струи, защищаясь, вскинула свободную руку — предплечье сдавило, стиснуло, и Муха впервые услыша-

ла тихий голос твари — невоспроизводимое сочетание шипящих и скрежещающих звуков.

Паутина дернулась, натянулась. Муха хотела в отчаянии вцепиться в нее зубами — и не вцепилась. Вместо этого завизжала: «Сюда!!! Скорей!!!» — потому что в коридоре затопали шаги. Людские шаги.

Человек, торопливо вошедший в комнату, — тот самый, открывший дверь, — отреагировал на увиденное странно. Точнее — никак не отреагировал. Не смотрел ни на бьющуюся в тенетах Муху, ни на паучину, выстрелившего в нее третьим шнуром. Человек вцепился двумя руками себе в горло, точно его тоже стиснула паутина — но невидимая. Его лицо корежилось, искажалось гримасами. Потом тело грузно осело на пол, голова откинулась далеко назад, очень далеко — и шея спереди лопнула, разошлась поперечной трещиной...

Муха, глядя на это, оторопела, на мгновение даже позабыв о собственных проблемах. Голова запрокинулась, коснувшись затылком спины — и сморщилась, опала внутрь, как давешняя маска... А на ее месте...

Вместо головы — человеческой головы — из торса торчала другая. С мерно двигающимися жвалами, покрытая темным густым мягким пухом и опоясанная рядом немигающих глаз. Глаза смотрели на Муху. Она попыталась закричать, заорать во весь голос — и опять не смогла.

Тело на полу подергивалось и постепенно опадало, как проткнутая надувная игрушка. Вторая тварь вытягивала наружу длинные суставчатые лапы...

На третьей или четвертой монетке все удивительные ощущения куда-то исчезли — Толик шел по следу уверенно, как почуявший дичь сеттер. Одну денежку, правда, выхватил у него из-под носа карапуз детсадовского возраста, рисовавший мелом на асфальте — и до

этого отчего-то не замечавший валявшейся рядом личности.

Но Толика было уже не сбить. Он торопливо вошел в подъезд, увидел последний тускло блеснувший кругляш, втиснул палец в кнопку звонка. За дверь — ни звука. Отключен свет? Сломался звонок?

Он забарабанил в дверь кулаком. Ее обтягивал дермати́н, бугрившийся пухлыми ромбами, — еле слышный звук тут же погас в мягкой звукоизоляции. Толик приник ухом к замочной скважине — может, звонок тут негромкий и он не слышит его звук в глубине квартиры? Палец снова придавил кнопку.

И Толик услышал.

Не звонок. Приглушенный девичий визг.

Он неуверенно, вполсилы толкнул дверь плечом. Ерунда, бесполезно. Не нынешняя трухлявая ДСП. Старая добротная работа, без кувалды тут и Шварценеггер не справится... Метнулся зачем-то на несколько ступенек вверх, остановился. Застыл на секунду в раздумье. Из-за двери донесся — или почудилось? — новый визг.

Толик вылетел из парадной. Сориентировался, куда выходят окна. Бегом обогнул угол дома. Пустырь, кусты, ядовито-желтый забор — и ни одного человека. На окне — решетка. На соседнем — тоже. Третье призывно поблескивало давно не мытыми стеклами, ничем не защищенными.

Он ухватился за оконный карниз, рывком подтянулся. Вглядываться внутрь не стал — прикрыл лицо локтем и навалился на стекло.

Линолеум скользнул под ногами — Толик не удержался, приземлился на колено. Осколки обрушились звонким ливнем чуть раньше — один попал под коленку, неприятно кольнул сквозь брюки. Лоб саднило — сам не заметил, как зацепил за оставшийся в раме хищный стеклянный клык...

Он оказался на коммунальной кухне: две газовые плиты, четыре столика, четыре полочки с посудой... Людей не видно.

И вообще — вторжение, похоже, прошло незамеченным. Никто не возмущался, никто не орал в телефонную трубку: «Алло! Милиция?!» Тишина. Нехорошая тишина. Опасная.

Он подавил порыв немедленно броситься на поиски Таньки. Двинулся вперед медленно, настороженно поглядывая по сторонам.

И чуть не споткнулся о ноги, торчащие из-под стола. О женские ноги — на одной домашний шлепанец, другая босая...

...Трупом *это* назвать было нельзя. Пустая шкурка, не то выгрызенная изнутри, не то... По крайней мере, нога, за которую ухватился Толик, пытаясь вытащить тело из-под стола, сгибалась легко и свободно в любой точке. И не обнаруживала внутри никаких признаков костей, хотя бы и переломанных.

Вот, значит, что... Вот, значит, чем тут занимаются...

Он протянул руку к магнитной доске, с негромким лязгом отлепил самый большой нож. Широкий, с тяжелым обушком и длинным клинком, он явно предназначался для разделки мяса. Толик пальцем попробовал лезвие, улынулся — нехорошо, зловеще...

После секундного раздумья отлепил другой — почти такой же длинный, но с узким лезвием. Для резки хлеба? — неважно, буханки и батоны пластать не придется. Второй нож он засунул за ремень, сзади, аккуратно вывернув лезвие наружу — чтобы при неловком движении не проткнуть самого себя.

Толик вышел из кухни, зачем-то (после высаженного окна) стараясь ступать бесшумно.

На шум вторжения твари отреагировали. Прекратили на мгновение работу — на вид суетливую и бессистемную, но на деле продуманную и быструю. Замерли, обменялись скрипящим шипением.

Потом один паук — тот, у которого брюшко болталось крохотным сморщенным мешочком, — куда-то исчез из поля Мухино зрения. Над ней продолжал хлопотать другой — свое огромное и шарообразное брюхо он едва ли смог бы втиснуть в человеческое тело.

Танька хотела крикнуть, предупредить неведомого спасителя (она очень хотела надеяться, что спасителя) — но не могла. Паутина уже закрывала ей губы...

10

Толик Комаров обладал неплохой реакцией.

И — после трех людских шуток, найденных в безжизненных комнатах, был готов ко многому. А еще ему повезло.

От двери Толик сразу бросился к серебристо-серому бесформенному кокону — наружу торчали лишь волосы и верхняя часть лица Мухи.

Тварь — та, с огромным брюхом, — таилась у входа, за открывшейся дверью. И выстрелила жгутом паутины. Он заметил — боковым зрением. Отреагировал взмахом руки с зажатым ножом. Паутина ударилась о лезвие. Раздался скрежет — словно сталь столкнулась с чем-то не менее твердым. Жгут бессильно упал на пол.

Мухе — она могла наблюдать схватку, только вывернув назад голову и закатив глаза, — хотелось крикнуть: скорей! скорей! убей его!!!

Она уже поняла, что пауку требуется какое-то время для нового выстрела. Однако носовым мычанием передать это знание не могла.

Толик осторожно, полукругом, пытался обойти тварь, вытянув руку с ножом и не приближаясь. Он старался держаться подальше от паучьих жвал — не уступающих размерами клыкам крупного хищника.

Паук поворачивался вслеп за противником, не давая зайти со стороны беззащитного брюха. Жвала угро-

жающе шевелились, с них капала темная тягучая жидкость...

В схватке наступила короткая пауза — напряженная, готовая взорваться смертоносной атакой.

Где же второй? — думала Муха, одолеваемая тоскливым предчувствием: битва с монстрами закончится совсем не так, как бывает в романах и сказках. Сейчас паук снова метнет свой аркан, а второй где-то рядом, против двоих Толику в жизни не выстоять...

Господи, Господи, Господи, сделай так, чтобы он победил, — твердила про себя ни во что не верившая Муха, — я ему отдамся, я выйду за него замуж, я рожу ему троих... нет! пятерых детей, я...

Ничего больше она пообещать не успела.

Дальше все смешалось. Слитное, непрерывно воспринимаемое движение исчезло. Остались короткие, слабо связанные кусочки, фрагменты.

Нож рассекает воздух, переворачивается в полете, блеснув в солнечном луче.

Навстречу — так же быстро — паутина.

Брюхо паука лопается. Зловонная жижа заливает пол.

Паутина впивается в лишившуюся оружия руку.

Второй паук появляется в поле зрения Мухи откуда-то сверху.

Толик выдергивает еще один нож.

Раненый паук быстро-быстро скребет лапами, оставаясь на месте и разбрасывая едкие капли. Одна падает Мухе на лоб — и жжет, как кислота.

Второй приближается — поверху, как-то удерживаясь на гладкой стене. Толик его не видит. Паук все ближе.

Нож рубит, рубит, рубит по паутине — впустую.

Муха испускает носом страшный, оглушительный, ни на что не похожий вопль. Толик дергается, оборачивается — и видит второго противника. Отскакивает — вовремя. Второй, похоже, метать паутину не может — но в движениях быстрее собрата.

Потом — что-то быстрое, вовсе уж неуловимое, рушится стеллаж, опрокидывается кресло. Первый, раненый паук пронзительно скрежещет, второй тянется жвалами к Толику, а у того почему-то нет ножа...

Потом она, наверно, от страха зажмурилась, или по какой-то еще причине кусочек схватки выпал из восприятия.

Потом она увидела зажигалку — в левой руке лежащего Толика, поднесенную к паутине, впившейся в правую. Колесико проворачивается — раз, другой, вспышки искр, — газ не загорается. И — наконец! — пламя касается паутины, та разваливается неожиданно легко, мгновенно, словно и не сопротивлялась так упорно стали...

Толик уворачивается от готовых вцепиться жвал, подхватывает нож... Взмах, еще, еще, еще...

И все кончилось.

11

Толик куда-то исчез, и Мухе стало страшно — страшнее, чем во время схватки. Казалось, она навсегда останется тут, спеленутая тугим коконом, в компании двух изрубленных монстров...

Потом он появился — со страшным грузом. С тремя почти невесомыми — выеденными, выгрызенными — когда-то людьми под мышкой. Аккуратно опустил их на пол. Волосы Толика слиплись от пота. Лицо покрывали крупные капли. Сказал (голос прерывался тяжелым, одышливым дыханием):

— Извини, сейчас все распутаю... Не стоило оставлять... кого-либо за спиной... Но все чисто... Их было двое... И там еще остались... четыре... шкурки...

Муха промычала что-то утвердительное: дескать, все понимаю, просто страшно остаться одной, именно теперь — страшно.

Он поставил кресло на ножки — осторожно водрузил на него Муху в полулежачем положении — кокон

почти не сгибался. Повертел в руках зажигалку, отложил в сторону. Долго искал конец паутины, нашел, подцепил ножом... Говорил успокаивающе:

— Все уже кончилось, маленькая...

И что-то он еще говорил — Муха не слышала. Муха рыдала.

12

Распутать кокон быстро не получилось. Паутина здесь оказалась другая — значительно тоньше, чем ловчая, и не впивающаяся в кожу множеством невидимых крючков. Но было ее столько...

Принесенная Толиком откуда-то деревяшка мелькала вокруг головы Татьяны, серебристый ком рос на импровизированном веретене. Потом Толик пережег нить, взял новую палку — а из плена освободились лишь рот и подбородок Мухи.

К тому же, едва Мухина смогла говорить, — начала задавать вопросы. Много вопросов. Истерика у нее закончилась на удивление быстро.

Толик отвечал, не отрываясь от работы.

— Что... кто это был? — спросила Муха.

— Пауки. Ты же видела — самые обычные пауки. Только громадные. Чернобыльские. Мутация, радиация... Вскрытие покажет.

— Не-е-ет... Никакие они не обычные. Ты бы видел, как они меня сюда заманили... А как людьми притворялись... Может, инопланетяне? Галактические монстры?

— Едва ли... Обходились без всяких скафандров, нормально переносили нашу атмосферу, гравитацию... И... хм... в общем, нашу белковую пищу...

— Тогда откуда? А если... если где-то таких много?

— Не знаю. Есть теория — затертая фантастами до дыр — о множественности параллельных миров. По одной из версий, образуются они при реализации — или нереализации — каких-то судьбоносных вероятно-

стей... В одном мире Земля столкнулась с гигантским метеоритом, прикончившим динозавров, — а в другом, допустим, разминулась. И млекопитающие обречены прозябать на задворках эволюции, никогда не породив хомо сапиенса... Если напрячь фантазию, можно представить мир, где никогда не появились позвоночные. И вот результат — разумные паукообразные. Арахниды. Да я тебе рассказывал про это, вспомни...

Муха вспомнила — ну да, заливал что-то такое, любил Толик научные теории, лежащие на грани не то фантастики, не то шарлатанства. Даже картинки набрасывал: как могли бы выглядеть, например, разумные птицы... Называемых им тогда терминов она уже не помнила — в общем, всякие разумные рыбоиды и ползоиды... Тьфу. Танька тогда слушала невнимательно — кто знал, что придется столкнуться с разумными... как их там... арахнидами. Но теория Толика — в качестве объяснения произошедшему — имела один изъян.

— Подожди, подожди... Какой такой еще мир? Ведь мы в нашем? Откуда здесь эта гнусь? Дыра где-то? Так заткнуть же надо, пока не наполнили!

— Нет, это ты подожди, маленькая, — сказал Толик, обозревая результаты трудов. Кокон сполз еще ниже, приоткрыв шею и плечи Мухиной. Теперь вращать палку вокруг Таниной головы стало гораздо труднее. — Попробую новую методу, — продолжал Толик. — Не знаю, надолго ли меня хватит. Но разговаривать будет затруднительно.

Он встал, поднял палку над головой и стал обходить вокруг кресла и Мухи. Круг за кругом, все убыстряя движение. Потом перешел на бег. Вскоре у Мухи от этого мелькания закружилась голова. Она закрыла глаза.

Хватило Толика надолго. Грудь Мухи освободилась, дышать стало легче, кокон сейчас заканчивался на локтях прижатых к телу рук.

Толик остановился. Пошатнулся, оперся о стену. Комната раскачивалась, как корабельная каюта в деся-

тибальный шторм, — и при этом норовила закружиться. Толик попытался сфокусировать взгляд на постере, висевшем на стене перед самым его носом, — там две участницы суперпопулярной группы наглядно демонстрировали преимущества однополрой любви. Но Толику казалось, что дуэт превратился в квартет, потом в октет, потом в целый хор лесбияшек.

Он сделал несколько пьяных, заплетающихся шагов и тяжело опустился на пол у кресла. Закрыв глаза. Сказал устало и медленно:

— Извини, технологический перерыв. Потом продолжим... Когда ж они столько накрутить успели? Стахановцы...

13

Муха вновь попыталась засыпать его вопросами, но быстро отстала — Толик отвечал неохотно, невпопад, односложно. Умаялся.

От нечего делать она стала глазеть во все стороны — и почти сразу громко вскрикнула...

— Что такое? — встрепенулся Толик.

— Эт-то она... Т-та тетка... Точно, платье ее, волосы...

Теткой опустошенную оболочку можно было назвать с натяжкой, но Толик понял, о чем речь.

— Знакомая?

— Вчера... На улице подошла. Мы с девчонками шли, болтали — подходит, меня за рукав, в сторону, и: девочка, продай кулон, у меня, дескать, к гарнитуру идеально подходит. Я ее послала — так она еще полчаса кланчила... Большие доллары сулила.

— А ты?

— А я ей: подарок, мол, никак нельзя продавать, счастья не будет... Ну, отстала... Неужели... с *этим* внутри ходила?

Толик последний вопрос проигнорировал. Спросил новым, тревожным и отчего-то неприятным голосом:

— А где сейчас кулон? Сняла, дома оставила?

— Да нет... Эти гады сорвали... Вон туда куда-то утащили. — Муха показала взглядом на занавеску, отделившую небольшой альков.

— Вот оно что, — протянул Толик. — Подожди, я быстро...

Он долго рылся за занавеской — и вышел оттуда уже почти нормальной походкой. Разжал кулак, высыпал на стол кучу янтарных украшений. Гарнитуром тут и не пахло — Муха узнала свой кулон, еще пару похожих, брошь (абсолютно с кулонами не гармонирующую), одинокую запонку, что-то еще непонятное — вроде бы янтарную шахматную фигурку, предельно стилизованную...

— Вот оно что, — повторил Толик тем же неприятным голосом. — А я поначалу надеялся — случайность...

— Что — случайность? Что?! — Муха почти кричала.

Толик не ответил, долго глядел на нее... Потом порылся в кучке янтарных вещей, взял брошь и Танькин кулон, поднес к ее глазам.

— Посмотри. Посмотри внимательно.

— Ну и что? Тоже с мухой... Как и мой, ты же сам все шутил: «Муха с мухой, Муха под мухой...»

— Это не мухи. Ты присмотришься. — Толик развернул кресло, поднес янтарь к ее лицу снова — так, что солнце насквозь просвечивало окаменевшие кусочки смолы.

Муха зажмурилась — свет слепил глаза, — но присмотрелась. Впервые присмотрелась к своему кулону в таком ярком, пронизывающем освещении... Потом к броши. Действительно, не мухи. Крыльев нет. Лапок — восемь. У обитателя броши — шаровидное, непропорционально большое брюшко... В общем, уменьшенные копии изрубленных Толиком монстров.

Мухе стало мерзко. Таскала на себе *это*... Спрашивать ничего не хотелось. Она попросила:

— Распутай меня... — Голос звучал жалобно.

Толик, казалось, не слышал. Говорил негромко, задумчиво, как будто сам себе:

— Вот так оно и бывает... Именно так. Стоит кому-то открыть способ путешествовать сквозь миры и времена, а потом обнаружить, что в соседнем мире разумом наделены совершеннейшие, с твоей точки зрения, чудовища, а твои собратья уничтожены или деградировали, стали безмозглыми тварями, — тогда такое и начинается... Ищут толчок, первопричину — и переделывают все по своему разумению... Корректируют орбиту астероида, и в этом измерении никогда не возникает мир разумных ящеров Рх'наа, — странный, но по-своему красивый, — но империя земноводных отчего-то тоже не появляется, и на авансцену эволюции выходят захудалые и ничем не примечательные предки Хомо... А арахниды сапиенсы тем временем ведут расследование. Раскапывают, чьими стараниями в этом мире в смолу деревьев, росших некогда в небольшом ареале вымерших ныне паучков, было искусственно добавлено наркотическое вещество... Наркотик, сделавший смолу приманкой, мимо которой паучки не могли пройти — и вымерли. Погибли. Прилипли и окаменели. А они, и только они, могли стать предками разумных арахнидов — благодаря уникальному устройству передних лапок...

Откуда он это знает? ОТКУДА ОН ВСЕ ЭТО ЗНАЕТ?! — билось в голове у Мухи.

Но спросила она о другом:

— Как ты здесь оказался?

Он словно очнулся. Посмотрел на Муху — странно. Ответил не сразу:

— Где оказался? А-а-а... Да как и ты... По монеткам.

— Ничего не понимаю... Если это приманка, если они охотились за кулоном — то почему такая странная ловушка? Ведь по следу мог пройти кто угодно, дети могли денежки растащить...

Толик молча покачал головой — не могли. Но не

стал рассказывать, что ловушку насторожили на одну-единственную дичь, что все прочие граждане, заинтересовавшиеся монетками, получали мощный психосуггестивный удар: проходи мимо, не задерживайся! Незачем объяснять... Теперь уже незачем.

Муха продолжала давить вопросами:

— Да и зачем им вылезать из этих... из шкурок? Проще остаться в человеческом виде да и шарахнуть по затылку... Или... ну, не знаю... пистолет наставить — отдала бы я кулон, жизнь дороже. Зачем — так вот? Пауками?

— Зачем... — Толик поскреб темя хорошо знакомым Мухе жестом. — Зачем... Знаешь, просто физически и морально невозможно таскать на себе шкуру чудовища, не снимая — бесконечно долгие часы... дни... месяцы... годы... годы... годы...

Его губы шевелились отчего-то не в такт словам, а пальцы уже не чесали голову машинальным жестом — но выполняли там какие-то непонятные манипуляции.

Рот Мухи широко распахнулся.

Лицо, волосы, кожа *стекли* с головы Толика, как шелковое платье с обнаженного женского тела. На Таньку смотрели два огромных глаза, похожих на граненые драгоценные камни, — и в каждой грани отражалась крохотная Муха. Чуть ниже распрямлялся, разворачивался длинный, с руку, игольчато-острый хоботок...

Танька снова попыталась заорать изо всех сил — как уже дважды сегодня пыталась и не смогла под взглядом чужих немигающих глаз.

На этот раз получилось.

14

Два больших прозрачных крыла высохли и затвердели.

Толик Комаров — не шкурка, выгрызаемая варварами-арахнидами, но великолепный живой костюм-симбионт — лежал на полу, аккуратно сложенный.

Существо, напоминавшее гигантского комара, со-

вершило небольшой пробный полет — пересекло комнату по диагонали, на уровне человеческого роста.

Неподвижно зависло в воздухе у стены — как раз возле пресловутого постера. Крылья трепетали, став невидимыми. Шум от них раздавался тихий, но сверляще-неприятный. Хоботок, выполнивший свою функцию, был снова убран. Огромные фасеточные шары глаз давали сектор обзора почти в триста шестьдесят градусов — но смотрело существо именно на постер. В каждой грани-фасетке отражалась маленькая парочка любвеобильных певичек... Потом звук стал тише — анофелид медленно опустил, крылья сложились за спиной.

Грустная ирония ситуации состояла в том, что существо, много лет жившее под личиной Мухиногo дружка Толика, было самкой. И вся цивилизация анофелидов состояла из самок, размножающихся партеногенезом. Но для успешной кладки яиц требовалась кровь. Кровь позвоночных уродцев, прозябающих на редких островах бескрайних болот Зззззууусса. Существо, именовавшее себя Толиком, долго оттягивало этот момент, хотя переполненный яйцевод грозил уже разорваться...

Ладно. Здешняя... хм... красная белковая субстанция оказалась вполне подходящей. Ночью предстоит полет к ближайшему болотцу...

Танька, мертво смотрящая в потолок широко распахнутыми глазами, так никогда и не узнает, что ее обещание — подарить Толику не то троих, не то пятерых детей — будет перевыполнено в десятки тысяч раз. Правда, дети окажутся мертворожденными — ни к чему преждевременно плодить нездоровые сенсации.

А потом... Потом снова постылая жизнь в постылой шкуре монстра. Жизнь, которая — как ни странно и страшно это звучит — все больше нравится какому-то уголку сознания... Снова навалится рутина привычных (как ни дико — привычных!) дел: сессия, а затем экзамены экстерном за третий курс, учеба на четвертом — и одновременно — изучение предметов курса пятого...

Будущему академику-биологу А.Н. Комарову найдется чем заняться в своей будущей научной деятельности. Надо наконец выяснить, какие сволочи и каким образом создали в этом мире мутанта-росянку. Растение с замашками хищного животного — и с наркотическим запахом, привлекавшим за несколько километров единственное, ныне вымершее насекомое. Росянки живут тут до сих пор — приспособились, перестроились, жрут случайно подлетающих и подползающих букашек... Но прекрасный мир Зззззуууссса здесь не возник и не возникнет — мир гигантских живых плотин, перекрывших все великие реки и породивших бескрайние — от горизонта до горизонта — болота.

Заодно, в качестве побочной темы, академику Комарову предстоит поработать со смолой некоторых хвойных деревьев, на его родине не растущих. Поскольку насчет создателей растений-убийц, росянок, есть очень нехорошие подозрения.

ТРОИЦА

Принять лиловую таблетку — и провалиться в иную реальность, где краски смазаны, а голоса звучат напевно и волнующе. На тощем теле лохмотья, бывшие когда-то военным мундиром, в прорехи проглядывает нечистое тело. В членах легкость, но нет никакого желания двигаться быстро, лучше вот так — плыть в киселе воздуха, стелиться над землей медлительной птицей, чье тело невесомо и полет лишен цели.

Он бредет по пустынной улице, мимо черных домов. Выбитые окна, осколки на тротуаре. Холодной ветер носит обрывки газет, целлофановые пакеты, сухие листья. Перешагнул поваленный столб, разорванные провода силовой линии — электричества в городе нет почти шесть месяцев.

У магазина прямо на мостовой сидят люди. Все с пустыми лицами. Глаза прикрыты, зрачки поблескивают. Некоторые сжимают стаканчики с питательной смесью — она поддерживает в них жизнь.

Он тоже собирается присесть. Но вдруг слышит необычное: в отдалении звучит музыка. Мелодия напоминает ему нечто давно забытое. Он начинает было ускорять шаги, но тут же его охватывает чувство абсолютной апатии. Он едва волочит ноги. К чему спешить, если все неважно? Даже собственная жизнь, принесенная в жертву любви. Все же он добрел до угла здания, задрал подбородок, уставился в размываемое радужным дождем небо. Мелодия льется из окон второго этажа.

Кто-то выставил на подоконник старый дисковый магнитофон.

В голове колыхнулись воспоминания и почти сразу исчезли, словно их никогда и не было. А существовала одна только иная реальность, расцвеченная дивными красками, насыщенная сладостными ощущениями. Он садится на бордюр, стараясь воскресить в памяти хоть что-то... Не получается. Прошлое сгнуло навсегда.

Через некоторое время мелодия смолкает. Появляются тени в темных балахонах. Между ними, суетливо оглядываясь, бежит, подгоняемый электрошокером, человек.

— Эй, — кричит он, — вы слышали? Скажите мне только одно: слышали?..

* * *

— Этот парень — контрабандист, — поведал полковник Жигалин. — Он поставляет наркотики на планеты Солнечной системы. При этом его совершенно не интересует, кому он сбывает свой товар. Ему плевать, где будет продаваться синтетическая дурь. Возможно, в школах или на детских площадках. Его не интересует, кто будет принимать наркоту. Только не надо думать, будто он хочет нагреть руки. Вовсе нет. Он считает себя посланником Бога в Солнечной системе. Он гордится тем, что делает. И неоднократно упоминал, согласно нашим данным, что совершает богоугодное дело. Мессия, твою налево. Мы имеем дело с фанатиком. Подсевшие на бутанадиол за пару недель превращаются в жалкое отребье...

Четверка оперативников федеральной службы внимала командиру спецотряда, сохраняя молчание. В паузах между чеканными словами тишина становилась такой глубокой, что было слышно, как жужжит и бьется в стекло муха. Каким-то образом насекомое оказалось на космической станции на орбите Меркурия. Полковнику она действовала на нервы. Прежде чем продолжить ин-

структаж личного состава, Георгий Жигалин взял папку с отчетами и одним ударом прихлопнул источник раздражения. На стекле остался след. Полковник швырнул папку на стол.

— Его неоднократно пытались взять, — продолжил он, — но всякий раз мерзавцу удавалось ускользнуть. Сейчас задание по поимке преступника поручено нашей группе. Есть мнение, что у парня корабль с форсированным фотонным ускорителем. У нашего командования есть и еще кое-какие идеи... совсем уже фантастические. Кое-кто уверен, что он и от нас ускользнет. Но лично я не верю, что его нельзя взять. Наша задача — сделать так, чтобы на этот раз капкан захлопнулся. Теперь предметно. По нашим данным, завтра в районе двенадцати часов по земному времени наш парень будет в районе Луны. Выйдет на орбиту и на некоторое время зависнет там. Будет ожидать стыковки с коллегами, твою налево, с Венеры. Судя по всему, он их поставщик. Катер наркоторговцев перехвачен. Вместо них к кораблю пристыкуемся мы. Действовать надо быстро и аккуратно. Он нужен живым. Нас интересует не только он, но и его сеть. Возьмем всех разом. — Жигалин сжал кулак и поднес к лицу.

— Можно вопрос? — Со своего места поднялся высокий брюнет с костистым носом и широкими плечами. В оперативный отряд он был принят всего пару недель назад, но успел заслужить прозвище Калач, в смысле «тертый», после того как во время проведения операции по обезвреживанию банды налетчиков в рукопашной уложил трех вооруженных до зубов бандитов. Правда, немного перестарался. Одному сломал шею. Другому — кисти обеих рук.

— Валяй, — разрешил Жигалин. Самоуверенностью и явной склонностью к насилию парень его здорово раздражал, но он предпочитал своего истинного отношения пока не демонстрировать. Может, новичок еще покажет себя с лучшей стороны. Такое бывает, хоть и

нечасто. Взять хотя бы его самого. Сколько дел наворотил, пока понял, что следует уделить внимание самоконтролю, если хочешь добиться в жизни успеха.

— Странно как-то, — сказал Калач. — Пытались взять — не смогли. Хотели арестовать — не арестовали. Что-то я не припомню, чтобы федералы так лажали, — перешел новичок на молодежный сленг — сразу видно, недавно из академии. — Может, посвятите нас в детали? Что с ним не так?

Жигалин замаялся. Стоит ли предоставлять подчиненным всю информацию, полученную от командования?..

— Ладно, — решил он. — Имеете право знать. Есть еще кое-что. По слухам, наш контрабандист — не человек.

— А кто? — задал дурацкий вопрос капитан Анатолий Лукаш, бывший космодесантник, самый старший в отряде. Лукаш принимал участие в освоении Плутона, имел несколько правительственных наград. В том числе Золотого орла за проявленный на Плутоне героизм.

— Есть мнение, это последний из говов.

На сей раз тишина в конференц-зале повисла мертвая. И несчастная муха, приходящаяся гобам в некотором смысле родственницей, будучи раздавленной в лепешку, не могла ее нарушить...

В ближайшие несколько месяцев настроение Георгия Жигалина отличалось завидной стабильностью — он был раздраженным и злым двадцать четыре часа в сутки. Эмоциональный настрой полковника напрямую зависел от того, насколько хорошо ему удавалось выполнить очередное задание командования. Если что-то шло не так, он становился невыносим. Подчиненные старались не попадаться ему на глаза. Знали: чревато. Хотя в отряд присылали самых опытных бойцов — выпускники академии попадали сюда крайне редко, только в случае отличной учебы и блистательно проведен-

ной практики. Калач, к примеру, окончил академию с высшим баллом по всем дисциплинам и имел лучшие характеристики от педагогов. И все равно Жигалин был уверен, что надолго парень в его группе не задержится.

Оперативная группа под командованием полковника Жигалина подчинялась непосредственно руководству Славянского союза. Отряд создавался как специальная правительственная группа быстрого реагирования. Жигалин знал, что от его работы порой зависит слишком многое, и не мог позволить себе провал операции. При малейшей оплошности гнал провинившегося из отряда. Текучка кадров в подразделении составляла одну боевую единицу в год.

Единственная, кто задержалась в его группе надолго, — капитан Елена Слуцкая. Вовсе не потому, что отличалась безупречной службой или умением не попадаться полковнику на глаза в периоды его дурного настроения. А лишь по причине того, что к платиновым блондинкам с четвертым размером груди Георгий Жигалин стал питать слабость, едва достигнув возраста половой зрелости.

Несмотря на стойкую уверенность, что в жизни бывает все, кроме чудес, если бы полковник Жигалин услышал, что ему предстоит стать одним из последних защитников человечества, он бы, разумеется, не поверил.

После инструктажа личного состава он прошел в рубку управления станцией и задал с пульта ряд команд. Роботы должны были подготовить капсулы для перелета и экипировку для экипажа.

Медлительные механизмы неспешно покинули коридорные ниши и покатались на гусеничном ходу выполнять работу. Георгий с удовлетворением проследил, как они слаженно двигаются короткой цепью по главному коридору, затем проверил, все ли узлы исправны, — судя по системе тестирования, роботы в норме. Только у номера девять барахлил локтевой сустав левой конечности. Он сломался еще неделю назад. Жигалин сразу отослал запрос на получение новых деталей, но

доставка отчего-то задерживалась. То ли деталей не было на военном складе, то ли командование посчитало, что робота проще списать в утиль, прислав нового. Такие меры часто применялись, если выходил из строя один из незначительных механизмов. Министерство обороны не экономило на мелочах. Благо бюджет позволял.

До старта оставалось полтора часа. Георгий решил провести их с толком. Кое-кто из высшего командного состава полагал, будто секс перед операцией не способствует ее успеху. Только не полковник Жигалин.

В коридоре он, к своему неудовольствию, столкнулся с Сергеем Стукаловым. Последний отличался не самым приятным характером. В оперативном отряде Жигалин терпел его только по причине великолепной боевой выправки. Впрочем, раздражения Жигалин не скрывал, часто придираясь к подчиненному по мелочам. Стукалов действовал не как человек, а словно оживший механизм: приказы выполнял точно, но стоило ситуации выйти из-под контроля, проявлял себя, мягко говоря, неправильно. В прошлый раз, к примеру, бандитам удалось применить электромагнитную пушку, после чего продолжающий безрезультатно выжимать спуск Стукалов получил удар парализатором в грудь. Пришлось новичку брать инициативу на себя. Хорошо, парень оказался крепким и справился с тремя противниками.

— Что ты здесь делаешь?! — поинтересовался Жигалин. — Почему не отдыхаешь?

Стукалов вытянулся в струну.

— Не могу перед операцией... — Добавил виновато: — Вы же знаете.

— Отставить шатания по коридору! Марш в свою каюту!

— Есть.

Проводив подчиненного сердитым взглядом, Георгий направился дальше. Приложил ладонь к сенсорному замку — у него был доступ. Створка двери мягко отъ-

ехала в сторону. Полковник стремительно пересек каюту и заключил Елену в объятия. Губы любовников слились в страстном поцелуе. Девушка была значительно ниже полковника, ей приходилось запрокидывать голову, отливающие белым шелком волосы ниспадали до пояса. Сколько раз он просил ее сделать уставную прическу — для женщин в армии это аккуратный полубокс. Но Лена упиралась. Знала, что из отряда он ее все равно не выгонит. Говорила, что волосы под шлемом не мешают. И, в общем-то, была права.

Жигалин в силу характера не любил предварительных ласк и в подруге ценил умение обходиться без них — страстная натура, она возбуждалась от одного его прикосновения. Он решительно расстегнул молнию комбинезона, сорвал с девушки одежду. Подхватил ее сильными руками ниже линии бедер и опрокинул на кровать...

Ровно через полчаса полковник покидал каюту Елены Слуцкой. Обнаженная девушка лежала на горячей от любви постели. Пышная грудь продолжала манить полковника. Но он умел при необходимости взять себя в руки.

— Будь готова. Через час вылет! — бросил Жигалин. С подчиненной он оставался подчеркнуто жестким, хотя душа отзывалась нежностью, стоило ему только подумать о Елене. От странного теснения в груди полковник старательно бежал, его пугало даже предположение, что это, возможно, любовь. Не время сейчас, говорил себе Жигалин, и отчаянно тосковал от того, что, твою налево, действительно не время. Родина в опасности.

Стыковка прошла нормально. На подлете загрузили бортовой компьютер корабля контрабандиста информацией от арестованных пару недель назад торговцев наркотой — все они уже отправились по этапу на Тритон. Картинка продемонстрировала преступнику несколько отвратительных рож в тюрбанах. Только сидящий за

пультом уроженец Венеры выглядел более-менее презентабельно. У него имелся диплом пилота торгового флота, и во время ареста он был куда разговорчивее подельников.

Спецотряд полковника Жигалина проник в корабль контрабандиста. Внешне — стандартная комплектация «Титана»: никаких фотонных ускорителей Георгий не заметил, да и других технических усовершенствований на первый взгляд видно не было. Миновав узкий коридор, оперативники ворвались в рубку управления. Впереди — полковник Жигалин. Сразу за ним Калач — парень проявлял заметное рвение. Следом Лукаш и Елена. Сергей Стукалов по приказу командира остался в капсуле: не хотелось, чтобы он завалил дело. Про себя Жигалин уже решил в ближайшее время списать его на берег.

Свесив две пары конечностей, гоб сидел без движения в крутящемся кресле возле пульта. На непроницаемом темном лице сложно было что-то прочесть. Оно было так не похоже на человеческое и выглядело безжизненной маской. Отчего-то Жигалину показалось, что если сдернуть ее, то за ней обнаружится гладкая мертвенно-белая поверхность. Визуальный образ был настолько отчетливым, что Георгий ощутил, как по позвоночнику пробежал холодок.

— Сидеть! — Жигалин огляделся, стараясь не выпускать инопланетянина из поля зрения. Кто знает, что может выкинуть гоб. В свое время он просмотрел немало записей многочисленных интервью и ток-шоу с участием пришельцев, но так и не смог разгадать их странной природы. О чем они думают, чего хотят от людей — все это так и оставалось загадкой по сию пору.

Гоб ничего не отвечал — хотя, судя по записям, по-русски пришельцы изъяснялись вполне сносно, — только смотрел желтыми фасетчатыми глазами, лишенными век, да слабо шевелил щупальцами над неровной щелью рта.

Жигалин медлил. Его что-то настораживало. Каза-

лось, пора отдать приказ об аресте, но язык словно прирос к небу. И сердце колотилось учащенно, что было ему совсем не свойственно.

Контрабандист вдруг резко поднялся и пошел на людей. Ощувив мгновенный укол страха, Георгий попятился...

Калач вскинул автомат и дал по преступнику очередь. Но вместо того чтобы откинуться назад, обливаясь желто-зеленой кровью, тот исчез в яркой вспышке света.

Прикрыв ослепленные глаза, Жигалин пару секунд тупо разглядывал кресло, в котором только что сидел инопланетянин, потом процедил сквозь зубы:

— Я же сказал брать живым! — Он обернулся к стрелку. — Ты что, не слышал?!

— Он хотел напасть на нас... — Парень выглядел обескураженным.

— На базе разберемся, — пообещал Жигалин и отдал приказ: — Обыскать тут все! Мерзавца брать живым!

Поиски дали самые неожиданные результаты. Хвостовой отсек оказался под завязку забит бутанадиолом, чья точная формула пока оставалась для земных ученых загадкой.

А вот самого контрабандиста на корабле не оказалось. Он попросту исчез.

Встреча с инопланетянином произвела на полковника Жигалина неизгладимое впечатление. Впоследствии он неоднократно вспоминал черную физиономию без тени эмоций и свои странные чувства.

«Он умеет контролировать наши эмоции, — думал полковник, — и делает это мастерски».

Тот искусственный страх, который испытал Жигалин, ничуть не походил на естественный. Так, должно быть, ощущает себя подопытная крыса с вживленным в кору головного мозга электродом.

Первый контакт состоялся больше десяти лет назад.

Появление корабля гобов поначалу вызвало панику. Человечество оказалось не готово к общению с инопла-

нетным разумом. Люди только недавно успели освоить Солнечную систему. О полетах к иным звездным системам пока можно было только мечтать. А гобы явились из таких космических глубин, о которых и мечтать не приходилось. Восторженные заявления некоторых энтузиастов-уфологов не в счет — их голоса потонули в реве перепуганной перспективой вторжения толпы.

Контакт состоялся в мае 2102 года. Корабль инопланетян вышел на связь с одним из грузовых танкеров, следующих от Меркурия к Земле. Корабль ничего не ответил на призыв к общению — у военного пилота просто не было таких полномочий. Все, что он сделал, — запросил позывные незнакомого судна и отправил отчет командованию.

Затем пришельцы решили обратиться ко всему человечеству. Причем сделали это сразу на всех каналах связи. Высокотехнологичное оборудование, разработанное на далеких планетах, позволяло осуществлять подобную трансляцию. После обращения к людям Солнечной системы скрыть появление инопланетян стало невозможно. Правительство Соединенных Штатов Америки и Европы попыталось было представить трансляцию с космического корабля шуткой зарвавшегося хакера, но руководство других стран, в частности Славянского союза, незамедлительно объявило, что контакт состоялся. Американо-европейцам ничего не оставалось, кроме как заявить, что присутствие инопланетян в Солнечной системе — свершившийся факт.

Гобы приземлились на одной из марсианских военных баз. На борту их было трое.

Прежде всего исследованием пришельцев занялись ученые. Они установили, что имеют дело с негуманоидной формой разумной жизни. Членистоногие беспозвоночные. Физиологически гобы оказались ближе всего к земным насекомым. Но при этом они были прямоходящими — за счет двух пар ног. Верхние конечности снабжены тремя пальцами и в состоянии осуществлять

хватательную функцию. На голове расположены сложные фасетчатые глаза и пара щупалец над ротовым отверстием. Их окрестили *Insecta Sapiens*.

Выяснилось, что внешний вид гобов способен вызывать стойкое отвращение у людей. Началась самая настоящая эпидемия акарофобии¹. Опросы показали, что куда больше население было бы счастливо, если бы в контакт с человечеством вступила гуманоидная раса. К представителям же вида *Insecta Sapiens* люди испытывали необъяснимое подозрение.

К столь подробному изучению их физиса инопланетяне отнеслись спокойно. Они вообще проявляли благодушие. Так, во всяком случае, казалось поначалу.

Свой корабль гобы также покорно отдали для изучения. Технологии, примененные при его строительстве, оказались настолько сложными, что было принято решение разобрать его на части, чтобы исследовать каждый узел по отдельности.

Инженеры и кораблестроители зашли в тупик. После визита инопланетян прошло больше десяти лет, но не был получен ответ ни на один вопрос. Тем более что сами гобы не торопились оказывать поддержку техникам и разъяснять, как работает тот или иной прибор. В ответ на все вопросы они только качали уродливыми головами и говорили, что человечеству пока слишком рано владеть подобными технологиями.

Переговорный процесс зашел в тупик.

Одним из основных свойств личности гобов, согласно отчетам земных психологов, оказалось сострадание. Столь глубокое, что временами инопланетяне впадали в состояние, близкое к истероидному, и принимались натурально стенать, прикрывая глаза трехпалыми верхними конечностями.

Столь странное поведение пришельцев вызвало глу-

¹ Акарофобия (лат. *acarus* — клещ, греч. *phobos* — страх) — здесь: навязчивый страх, боязнь насекомых.

боекое беспокойство у высокой комиссии, созданной специально для налаживания контакта с пришельцами.

Уже через несколько недель пребывания в Солнечной системе гобы сносно говорили на нескольких языках. Но и многочисленные интервью ничего толком не объясняли. Пришельцы не говорили, откуда прилетели. Не желали поведать о социуме, к которому они принадлежат. Один из них вдруг заявил, что ничего об этом не знает. Другой сообщил, что их миссия — научить человечество любви. Его слова многие сочли издевкой. Раздражение в обществе росло. Все чаще звучали голоса, что инопланетян надо принудить говорить силой.

«Не желают дать нам знания так, значит, мы их заставим, — вещал со сцены известный политик. — Они не вправе скрывать от нас технологии, которые позволят человечеству совершить стремительный рывок вперед».

Во время многочисленных ток-шоу толпа была почти единодушна — из гобов необходимо вытянуть научные данные. Любой ценой.

Ведущий вечернего ток-шоу на одном из государственных каналов:

— Итак, вопрос, который мы задаем нашим гостям не в первый раз. Поможете ли вы человечеству в освоении космоса за пределами Солнечной системы?

— А зачем вы хотите оказаться за пределами Солнечной системы? — интересуется тихим голосом один из гобов.

— Как это зачем?! — восклицает ведущий. — Мы хотим и дальше развиваться. Расти вширь. Человечество самостоятельно освоило Солнечную систему, но нам этого мало. Обладая вашей технологией, мы освоим и другие миры. Мы будем повсюду...

Зал отвечает одобрительным гулом.

— Я знаю, чего вы хотите. — Гоб проговаривает слова медленно, тщательно подбирая их, чтобы ничем не

искажить смысл сказанного. — Вы хотите выкачать из недр других планет полезные ископаемые, приручить их биосферу, подчинить себе все живое на этих планетах или убить. То есть сделать иные планеты безжизненными, а существ, обитающих на них, уничтожить. Ради чего вы хотите пожрать их плоть и кровь? Ради насыщения плоти тех, кто обитает ныне в Солнечной системе? Люди, вы либо хищники, либо неразумные дети. Вы не достигли той степени сострадания и любви, которая сделает возможным контакт с другими мирами. — Гоб прижимает к фасетчатым глазам конечность и всхлипывает — его снова охватило сострадание.

— А вы, конечно, достигли?! — восклицает уязвленный ведущий.

Толпа в студии возмущенно рокошет.

— О да, мы достигли, — отзывается другой гоб. — Мы явились с тем, чтобы научить вас любви, люди.

— Вы напоминаете мне проповедников, — отвечает ведущий. — У нас на Земле их и так предостаточно. Не так ли? — бросает он в зал.

— К черту проповедников! — кричат из толпы. Голоса сливаются воедино. Все проклинают инопланетян.

Будущий контрабандист и беглец от закона Кречмар, физически насекомое, происхождением гоб, искренне недоумевал, наблюдая усилия правительства пресечь его деятельность. Люди, вооруженные примитивным оружием, преследовали его не первый год. С тем чтобы наказать за то, что он делает для человечества.

Неужели они не видят: все, что он совершает, направлено исключительно на благо уроженцев Солнечной системы? Слепые существа, несчастные в своей ненависти и корысти, они травят его год за годом, не зная, что тем самым отдаляют наступление нового мира и явление высшего существа.

В его задачу входило дать людям то, в чем они нуж-

даются. Разумеется, это не технологии кораблестроения, в которых он и сам мало что смыслил. С самого рождения Кречмар верил в любовь и сострадание. Эти эмоции жили в его генах. И именно эти эмоции он жаждал передать людям. Нет, они не хищники. Они — неразумные дети, не сознающие истинного смысла бытия.

Его природа качественно изменилась после смерти старших братьев. Именно тогда перед ним возникла цель. Кречмар ощутил, как их тела цепенеют, сведенные судорогой, и исчез во вспышке света. Он остался совсем один — паломник из шарового скопления в поясе Ориона, несущий людям свет истины.

Впоследствии он часто мысленно возвращался к происшедшему. И приходил к выводу, что братья приняли смерть намеренно. Такой поступок явился для них единственно верным. Это поступок был им предназначен свыше. Они взяли на себя бремя человеческих грехов, ненависти, их предназначение — заставить людей каяться в содеянном.

Как бы то ни было, смерть братьев изменила Кречмара, запустила в нем дремавший ранее механизм, заставила действовать.

Кречмар не без удивления обнаружил, что умеет телепортировать. Вторым открытием для него стали те поразительные знания, которые всплыли после смерти братьев из глубин подсознания. Кто и когда заложил их в его голову, Кречмар не знал. Не помнил он и своего рождения. И даже цивилизации, к которой принадлежал. Он словно существовал всегда. Жил, дожидаясь того времени, когда сможет осуществить то, что должен.

Синтезированный по рецепту, всплывшему из глубин его подсознания, бутанадиол вызывал в употребляющем его человеке стойкую многодневную эйфорию. Наркотик, поставляемый гобом прямиком из подпольных лабораторий на Луне и Плутоне, делал человека лучше, склонял к состраданию и любви.

Для Кречмара же бутанадиол представлял единственную пригодную к употреблению пищу в условиях Солнечной системы, снабжал организм всеми необходимыми питательными веществами, существенно улучшал метаболизм.

Кречмар перемещался по крышам громадного мегаполиса, столицы Славянского союза, телепортируясь с одного здания на другое. На сталинской высотке у Красных Ворот гоб остановился, сел, свесив две пары ног, над вечерней Москвой. Он жестоко страдал. Ему было жаль убогое человечество. Внизу не происходило ничего необычного. Люди спешили по своим делам, передвигаясь по широким тротуарам. Низкие автомобили сплошным потоком тянулись по трехъярусной автостраде Садового кольца. Катера проносились в синем уродливом небе. Неподалеку возвышались прозрачные купола гигантского Московского зоопарка. Здесь были представлены выведенные в генетических лабораториях диковинные существа — как млекопитающие, так и насекомые. Многие образцы обладали интеллектом, куда более причудливым, чем представлялось людям. Кречмар доподлинно это знал — в зоопарке он бывал довольно часто. Некоторые насекомые в своем восприятии были гобу куда ближе человека. И все же в его задачу входил контакт с доминирующим видом. А в Солнечной системе пока доминировали люди.

В это самое время Георгий Жигалин, так и не сняв штурмовой комбинезон, направлялся в комнату связи, чтобы отчитаться перед командованием. Ему предстоял тяжелый и неприятный разговор. Операция провалена. Несмотря на то что им удалось накрыть крупную партию наркотиков, контрабандист снова ушел.

Больше всего Жигалину сейчас хотелось оказаться на расстоянии выстрела от этой уродливой образины. Уж он бы не промахнулся. Нажал бы на спуск и посмотрел, как разлетается продолговатая черепушка. Полков-

ник так завелся, думая о пришельце, что стал завидовать тем, кто был в толпе, растерзавшей тех двоих.

Он вошел в переговорную, ткнул кнопку интеркома. На экране возник длинный стол, за ним несколько человек — первые лица государства, военные шишки, премьер-министр Славянского союза и сам президент. Собрались по случаю сеанса связи.

— Операция прошла неудачно, — сообщил Жигалин, — преступнику удалось уйти.

Повисла пауза.

— Позвольте мне, — попросил премьер-министр, Алексей Борисович Камской. Он был значительно старше присутствующих. В народе его уважали. К словам Камского прислушивались даже крайне правые и экстремисты.

— Пожалуйста, — разрешил президент.

— Как это случилось? — поинтересовался Камской.

— Там был гоб. Вспышка света. И он исчез. — Жигалин рапортовал как всегда кратко.

— Погиб?!

— Думаю, телепортировался.

— Думаете или уверены?

— Имея дело с гобами, ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

Премьер-министр склонился к президенту, что-то тихо проговорил в самое ухо.

— Мы свяжемся с вами, — сообщил президент спустя мгновение. Экран интеркома погас.

Вот и весь сеанс связи. Жигалин ожидал чего угодно, но только не такой реакции со стороны командования. Столь краткий сеанс связи предвещал неприятности. Не иначе, распустят, подумал полковник. Но оказался не прав.

Через пару часов пришло сообщение, что на станцию направляется премьер-министр Славянского союза для конфиденциального разговора. Эта информация еще больше насторожила полковника. Обычно Жига-

лин имел дело с военным генералитетом, в крайнем случае выходил на связь со всеми сразу, как сегодня. Но никогда еще не беседовал с премьер-министром с глазу на глаз. Значит, ему предстоит услышать нечто крайне важное.

Алексей Борисович Камской прибыл тем же вечером в сопровождении военизированной охраны. На время разговора телохранители остались за дверью. Премьер-министр расположился в кресле. Жигалин сел у стола.

— Приятно с вами встретиться лицом к лицу, полковник, — заговорил гость, — я буду с вами предельно откровенен. Речь пойдет о гобах. Как они вам, кстати?

— Не очень, — сознался Жигалин.

— Мне тоже. Да и всем нам. Кому — нам? Руководству Славянского союза. Видите ли, полковник, все гораздо мрачнее, чем представляется простому обывателю. Вам я могу сказать. Вы свой человек, проверенный в деле. В толпе, растерзавшей двух пришельцев, было несколько наших людей. Специально подготовленных людей. Они получили приказ — вызвать агрессию масс, убить инопланетян. Потом все можно было бы списать на несчастный случай. Дескать, пришельцев прикончили зарвавшиеся молодчики. Вы, вероятно, сочтете, что мы совершили плохой поступок. Но я полагаю, после того как я расскажу вам кое-что, вы поймете, что в этом была необходимость. После проведения исследований объединенная комиссия пришла к выводу, что гобы опасны. Сама цель их визита в Солнечную систему крайне туманна. Они ничего не рассказывали о себе. То есть они намеренно утаивали от человечества любую информацию о своей цивилизации. Сейчас уже понятно, что скрывали и некоторые способности. К примеру, способность к телепортации. А нам они говорили только то, что считали нужным для того, чтобы будоражить умы. Все эти высокопарные речи о любви, сострада-

нии... При этом они активно использовали гипнотическое внушение. То, что у них есть к этому особые способности, безусловно. Вы, наверное, почувствовали на себе, на что способен гоб, если он находится вблизи от человека?

— Что-то такое было, — пробормотал Жигалин. В том, что он испытал страх, признаваться не хотелось. — А потом он просто исчез... Я глазам не поверил.

— Представляете, какая начнется паника, если люди об этом узнают? Даже не хочется думать о том, что будет, если мы допустим утечку информации. Надеюсь, все ваши люди надежны?

— Я доверяю им, как самому себе, — ответил полковник и подумал о Калаче: подвел один раз, может снова выйти из-под контроля. — Вот только новичок...

— Что с новичком?

— Он тоже все видел. Парня прислали две недели назад, прямо из академии. Невыдержанный, склонный к агрессии. Я бы хотел убрать его из отряда.

— Правильное решение, — одобрил Камской. — Пусть отправляется на Землю. Я за ним пригляжу... — Премьер-министр замолчал. Некоторое время он задумчиво разглядывал Жигалина, потом поинтересовался: — Вы мне не доверяете? Думаете, все, что я говорю, бред старого параноика?

— Мое дело не думать, а выполнять приказы.

— Только не надо считать, будто я один измыслил все это. Это не так. Решение о ликвидации пришельцев было принято советом Союза. Поймите, иногда надо действовать решительно, чтобы спасти государство. Да что там государство! Спасти все человечество.

— Я понимаю.

— Вот и хорошо. Операцию мы провели относительно успешно, но одному из них все же удалось ускользнуть. И это при том, что все три гоба были предварительно отравлены, чтобы замедлить их реакцию. Я не говорил, что они обладают огромной физической си-

лой? Мы боялись, что среди людей могут быть жертвы. Каким образом этот третий вывел из организма яд, ума не приложу, но теперь очевидно: контрабандист — это наш гоб.

— Может, не тот самый, а какой-то еще, — предположил Жигалин. Ему сделалось не по себе. Слишком чудовищным выглядело предположение, что Солнечную систему время от времени навещают корабли инопланетян-насекомых, преследующих здесь неведомые цели.

— Исключено, — ответил премьер-министр. — Мы намного тщательнее следим за космосом, чем раньше. Мы полагаем, эти трое были единственными. Есть мнение, они — что-то вроде лазутчиков. Их специально готовили для того, чтобы, оказавшись в Солнечной системе, они повергли нашу цивилизацию в хаос. Поймите, полковник, мы не исключаем, что гобы готовятся к вторжению, но произойдет оно не сегодня и не завтра. Эта троица нас здорово встревожила, когда мы поняли, какую опасность они представляют. Вы понимаете, чем мы рискуем?

— Мое дело — выполнять приказы, — повторил Жигалин.

— Ради бога, не стройте из себя солдафона! Я тщательно изучил ваше личное дело. Там есть и неподчинение приказам, среди прочего, и многие другие проступки...

— Это было давно.

— Хорошо. Тогда выполните приказ правительства. Убейте его. Да, он остался один, но и один он способен на многое. Знаете ли вы, что физиологически гобы — насекомые?

Полковник кивнул:

— Слышал.

— Мы рассуждали так: насекомые — самый многочисленный класс живых организмов в Солнечной системе. Они размножаются с огромной скоростью. На каждого человека приходится двести пятьдесят насекомых в год. Научно задокументированный факт. А что,

если они решили избавить своих родственников от господства гуманоидной расы? Речь уже не идет о его имке. Вы и ваша команда должны уничтожить пришельца, пока еще не слишком поздно.

«Легче сказать, чем сделать», — подумал Жигалин, но вслух сказал совсем другое:

— Будет сделано.

— Вы молодец, полковник, я и не ожидал другого ответа. Со своей стороны могу обещать вам абсолютную поддержку. В средствах вы больше не ограничены.

— Как вы сказали?

— Я сказал, у вас будет все, что потребуется, чтобы уничтожить гоба. И запомните: выйти на него можно через людей. У него уже есть сторонники. Много сторонников. Не забывайте о гипнотическом внушении.

— Какой у вас источник? — не поверил Жигалин.

— Ищите свои, — посоветовал премьер-министр, — считайте мои ненадежными. Еще кое-что: проинструктируйте своих людей. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь из них оказался на дисциплинарной станции.

— Конечно. — Жигалин подумал, не уволить ли заодно Сергея Стукалова, но решил дать ему второй шанс. В конце концов, он уже несколько лет в отряде, проверен в деле. А характер — у кого он простой?

— Полагаю, мне не нужно говорить, что о нашей беседе лучше не упоминать.

— Можете на меня положиться.

— И на ваших людей тоже? Я не имею в виду упомянутого вами новобранца.

— Да.

— Рад слышать. А теперь я, пожалуй, пойду. У меня много дел. Да и мои костоломы заждались.

— Где вы таких нашли? — поинтересовался полковник. — Такое ощущение, что их специально растили для службы в охране.

— Генная инженерия творит чудеса, — пошутил Камской. — Только я сильно сомневаюсь, что они помо-

гут, если мне действительно будет угрожать опасность. Наш с вами враг, полковник, куда хитрее рядового киллера, и методы уничтожения живых гуманоидных существ у него иные. У меня самые дурные предчувствия. А они никогда еще меня не подводили. Верите ли, ни разу за все восемьдесят шесть лет.

— Постараюсь сделать так, чтобы они вас наконец подвели, — пообещал Жигалин.

Проводив премьер-министра, полковник отправился уладить важное дело. Калача он застал в баре на нижней палубе. Парень расклеился — предчувствовал, что его ожидает увольнение, — опрокидывал рюмку за рюмкой и ругался с роботом-барменом. Тот, как обычно, на оскорбления не реагировал.

Жигалин ожиданий новичка не обманул:

— Подавай рапорт!

Калач еще больше сник.

— Слушай, полковник, я не знаю, что случилось. Я как его увидел, в голове что-то щелкнуло... Как будто это не я был

— Рапорт, — мрачно проговорил Жигалин. Обращение на «ты» ему не понравилось. Он совсем не был уверен, что поступает правильно. Впервые чувствовал себя паршиво, выгоняя бойца из отряда. То, что произошло на корабле контрабандиста, выглядело очень странно. Неестественный страх, внушенный гобом. Видение гладкого лица под маской. Искусственное желание убить контрабандиста... Или не искусственное?.. Впрочем, парень проявил нездоровую агрессию не в первый раз. А значит, должен уйти. Бойцам спецотряда для хорошей службы требуются не только тяжелые кулаки и умение метко стрелять, но и крепкие нервы.

Елена ждала полковника в своей каюте. Сидела в одних трусиках на кровати, полировала ногти. Жигалин присел на стул, ощутил, как спинка прогибается, принимая очертания тела.

— Все в порядке? — девушка чувствовала его, как никто другой.

— Пришлось выгнать Калача. Почему-то чувствую себя виноватым. Скажи мне, только честно: когда ты смотрела на этого, там, на корабле, ты ощущала что-нибудь необычное?

— Отвращение, — Елена ответила сразу. И Жигалин понял, что она тоже думала о неудачной операции. — Очень сильное чувство. И еще страх. Как будто в этом пришельце есть нечто такое, отчего к нему нельзя относиться как к чело... нет, не человеку, а разумному существу. Как будто он ненастоящий. Как говорящая кукла. Знаешь, все эти ожившие куклы в голографических постановках... Обычно они выглядят очень страшно.

— Что-то такое и я почувствовал, — согласился Жигалин.

— Пойдем в постель, — предложила Елена, — тебе надо расслабиться. Хочешь, сделаю тебе массаж?

— И откуда ты всегда знаешь, что мне нужно?! — Полковник припал небритой щекой к мягкому животу.

Он и сам не знал, как это произошло. Долго лежал рядом с Еленой, не говоря ни слова, размышлял об ощущениях во время операции, и слова вырвались сами собой:

— Выходи за меня.

— Ты уверен?

— Когда я был не уверен?

И подумал, что был. Совсем недавно. Когда брали гоба. Да и потом... Если уж совсем откровенно, то после происшедшего у него появились сильные сомнения, что когда-нибудь ему удастся взять это странное инопланетное существо. Но он обязательно сделает все возможное, чтобы поймать гоба. И уничтожить.

На Луне Кречмар чувствовал себя в безопасности. Всякий человек из его окружения полагал гоба великим мессией нового времени, пришедшим со звезд, чтобы

★ научить людей любви и наделить их высшим смыслом бытия. Они гордились, что избраны им для служения великой цели, чтобы идти первыми и вести за собой остальных. Все они принимали бутанадиол и следовали дорогой любви.

Глядя на них, гоб чувствовал умиротворение и покой. Души ближайших сподвижников Кречмара размягчились, в них обнажились лучшие стороны, они уже не помышляли об освоении космоса, их не привлекали межзвездные дали, а занимали совсем другие помыслы — дорога к иному существованию, где все они будут бесконечно счастливы.

Кречмар просунул верхние конечности в рукава темного балахона, накинул на голову капюшон. Одевание сшили для него специально взамен старого космического комбинезона паломника. Внизу балахон расширился, скрывая две пары ног с острыми, отставленными назад коленями.

В сопровождении четверки людей, пожевывая бутанадиол, он двинулся в храм, размышляя о том, что крушение старого мира не за горами. Уроженцы Солнечной системы стремительно обращаются в новую веру. «Скоро наступят такие времена, — думал он, — когда люди обретут подлинную любовь, растворятся в ней, познают истину и примут высшее существо».

Храм представлял собой скрытую от глаз грандиозную постройку. Семнадцать подземных ярусов, с молевым залом в самом низу, несколькими лабораториями в центре и комнатой уединения под самой поверхностью. Здесь Кречмар установил самостоятельно собранный передатчик — из деталей, изготовленных подпольно уже в Солнечной системе. Передатчиков было несколько. Один на лунной базе, один на Плуtone, два спрятаны на Ганимеде, спутнике Юпитера. Впрочем, пока приборы бездействовали. В них не было необходимости. Время еще не пришло...

В подвенечном платье Лена выглядела необычно. Слишком женственно, что ли. Георгий привык наблюдать ее в военной форме, ну или в нижнем белье. Заметно было, что девушка и сама смущается. Еще бы, кадровая военная, выросла в семье отставного полковника астродесанта. Он всегда хотел сына, а когда родилась девочка, воспитывал ее жестко, с детских лет приучал к дисциплине и спорту, готовил к военной службе, не видел для дочери иной карьеры. Хотя жена и противилась — боялась, что такое воспитание выйдет девочке боком. Однако опасения оказались напрасными, природная страстность взяла свое. Подавить в Лене женственность отцу не удалось. Когда ей было шестнадцать, отец и мать погибли во время аварии пассажирского транспортника, следующего рейсом с Сатурна. Виновиком трагедии стал обыкновенный астероид, который каким-то образом преодолел силовое поле и повредил обшивку. Об этой чудовищной катастрофе говорили до сих пор.

— Жигалин, — сказала Лена, — скажи честно, ты меня любишь?

— А что, незаметно? — пробурчал Георгий.

— Не очень.

Полковник задумался. По-хорошему, надо было бы выдать из себя те самые слова. Но почему-то не получалось. Не привык он к сантиментам. Рубленые командные фразы — вот его привычная интонация.

— Давай потом об этом, — выдал полковник.

— Нет, сейчас! — девушка притопнула ножкой.

Жигалин смерил ее внимательным взглядом. Это уже что-то новенькое. Возражать своему командиру?! Но и будущему мужу, поправил он себя. И тихо сказал:

— Люблю.

— Я не слышу, — заупрямилась Елена.

— Люблю! — рявкнул полковник так, что окружающие заозирались. Потом засмеялись — можно не сомневаться, эта пара брачующихся будет счастлива.

— И я тебя тоже очень люблю, — проговорила невеста, под бурные аплодисменты обвила шею жениха и поцеловала в губы.

Медовый месяц занял ровно три дня. Спустя этот срок началась операция по захвату опасного преступника. Отстранить жену от работы отряда не удалось: Лена потребовала, чтобы он оставил ее при себе. Жигалин согласился скрепя сердце, но решил, что до опасной работы ее не допустит. Конечно, бойцов немного, но с некоторых пор эта девушка была ему дороже всех на свете и даже, стыдно признаться, важнее успеха правилительственной операции.

Полковник Жигалин действовал решительно. Для начала в одном венерианском городе взяли парочку бутанадиоловых наркоманов. Через них удалось выйти на курьеров, осуществляющих поставки наркотиков с Плутона. Торчки раскололись без особых проблем, достаточно было подержать их пару дней в закрытом бункере. Без бутанадиола они стали покорными, как овечки, и разговорчивыми, словно ведущие утреннего шоу. Цепочку проследили до Плутона. А потом и на Плутоне. На планету сначала высадился один Жигалин. Инфраструктура здесь была развита слабо, немногочисленные колонисты жили глубоко под землей и в шутку называли друг друга снежными кротами. Несмотря на постоянный подогрев колонии термоядерными реакторами, в отдельных областях температура опускалась до минус тридцати.

В задачу Жигалина входило найти лежбище контрабандиста, как он его называл. Он исходил из простого соображения, что у любого живого существа должен быть дом, место, где он может укрыться и отдохнуть. В конце концов, должен же гоб когда-то спать. Впрочем, уверенности не было и здесь. У контрабандиста могли быть сотни лежбищ по всей Солнечной системе, а могло не быть ни одного.

За пару дней удалось выяснить, что на Плутоне пришелец появляется нечасто. Дела здесь и так шли полным ходом. Бутанадиол производился в десятке подпольных лабораторий и расползался по Солнечной системе как на кораблях, замаскированных под грузовики государственной службы, так и на многочисленных частных яхтах, перестроенных для дальних рейсов.

Полковнику удалось добыть сведения о точной дате появления гоба. Контрабандист дал указания, когда его следует ожидать в одной из лабораторий.

По приказу Жигалина на Плутон высадились остальные бойцы спецотряда. Без Калача их насчитывалось четверо, включая Жигалина, но, по его расчетам, и троих должно было хватить. Елене он приказал оставаться на орбите. С тех пор как они надели обручальные кольца, полковник не давал жене участвовать ни в одной серьезной операции, к ее явному неудовольствию.

Контрабандист всегда появлялся в одном и том же месте — дальнем левом углу обширного цеха, между контейнерами с сырьем. За эту информацию Жигалин пощадил информатора и прострелил ему только левую ногу, а не обе сразу.

В указанное время бойцы спецотряда были на позиции, в пустой лаборатории — людей заранее согнали в смежное помещение и заперли. Ждать пришлось долго. Несколько суток. Но гоб так и не появился.

Жигалин не знал, что пошло не так. То ли допрашиваемый дал заведомо ложную информацию, чтобы пустить оперативников по неверному следу, то ли инопланетянин почувствовал ловушку.

Полковник связался с командованием, и на Плутон выслали войска быстрого реагирования. С ними прибыл и премьер-министр Камской.

— Неудача? — он внимательно смотрел на полковника.

Жигалин хмуро кивнул.

— Похоже, он все время опережает вас на пару шагов.

— Твою налево! — выругался полковник.

— Ничего-ничего, Георгий. Мы все понимаем. Продолжайте в том же духе. — Камской похлопал командира спецотряда по плечу. — Я верю в вас. Вы справитесь.

Лунную базу брали с усилением из двух штурмовых бомбардировщиков. Поначалу операцию хотели провести силами диверсантов, но на высшем уровне решили, что рисковать больше не стоит. Со спутника было получено несколько высокоточных записей с поверхности Луны: факельные шествия с участием гоба, действия, напоминавшие обряды сектантов. Он будто специально делал так, чтобы базу обнаружили.

Бомбардировщики прошли над целью, превратив равнину, под которой предположительно находилась база преступников, в пылающий кратер. Глубинные бомбы зарывались в землю и там срабатывали, обращая каменистую лунную почву в жидкий расплав.

Полковник Жигалин руководил операцией. После первого же удара сканер поверхности показал, что ничего живого внизу не осталось. Да и как может кто-то уцелеть, если воздушный купол разрушен — воздух с хлопком покинул базу после первого же попадания.

Операция с применением тяжелой артиллерии выглядела эффектно, но на деле напоминала акт отчаяния. Уничтожить всех ради того, чтобы прихлопнуть одного. Такое даже в военное время не всегда возможно.

Однако и эта грандиозная бомбардировка, призванная заставить гоба врасплох, ничего не дала. Через неделю поступили новые сведения. Контрабандист объявился на Марсе с новой партией бутанадиола. Затем один из схваченных курьеров сообщил, что ведется строительство новой подземной базы на Дионе, спутнике Сатурна.

Информация о бомбардировке Луны просочилась в

прессу. Журналисты писали, что правительство обезумело, уничтожая собственных граждан ради каких-то мифических операций по борьбе с наркотиками. Начались массовые беспорядки. На Земле их удалось подавить быстро, но в отдаленных колониях творилось такое, что никто уже толком не мог сказать, кто именно осуществляет их руководство. По мнению полковника Жигалина, именно там теперь располагались подпольные лаборатории. Потоки бутанадиола стали намного обильнее. Ими насыщались все без исключения планеты Солнечной системы, где существовала разумная жизнь. Цена на наркотик сделалась такой низкой, что среднего достатка гражданин Славянского союза при желании мог бы закупить бутанадиол на несколько лет вперед.

В посадочном модуле Жигалин был один. Снаряд врезался в ледяную корку и, не прекращая вращения, внедрился в поверхность. Двигался он по принципу бура. Лед колосся легко, цифры глубиномера так и мелькали. Затем «бур» провалился в одну из подземных пустот искусственного происхождения и застыл — все, как запрограммировал полковник.

Согласно инструкции, он выждал полчаса после посадки. Нажал сенсор разгерметизации. Отпихнул ногой крышку люка и выбрался наружу. Эластичный скафандр почти не сковывал движений, а вот шлем был тяжеловат — к нему крепился мощный фонарь.

Георгий поднял руку, включил наручный сканер. В радиусе нескольких километров не обнаружилось ничего живого — ни вверх, ни вниз, ни по горизонтали. Неудачная высадка. Придется топтать через ледяную пустошь. Переохлаждение ему, правда, не грозит, но удовольствие то еще.

Полковник вытащил из корабля рюкзак, закинул на спину и двинулся по пустынному подземному ходу. Стенки тоннеля были явно искусственного происхож-

дения, все в крупинках льда, так и сверкающего алмазной россыпью, словно кто-то специально инкрустировал коридор драгоценными камнями.

Жигалин знал, что тоннель пробурен несколько лет назад с целью поиска полезных ископаемых и должен, по идее, вывести к небольшому поселению колонистов.

Впрочем, блуждание в подземном лабиринте может и затянуться. Подобная неопределенность вызывала у Жигалина серьезные опасения. С этими лунами всегда проблема: погрешность в координатах может быть колоссальной. Особенно если колонисты выбрали кочевой принцип размещения. Лишь бы добраться до аквалитической мембраны, удерживающей под землей воздух. Человек сквозь нее проходит свободно, а частицам кислорода проникнуть не удастся. Если бы не это изобретение, сделанное почти сотню лет назад, о колонизации Солнечной системы можно было бы забыть.

На мембрану Георгий набрел спустя четыре часа безостановочного путешествия по подземному тоннелю. Жара за ней стояла невообразимая. Даже отключив подогрев скафандра, полковник весь взмок.

«Хоть бы терморегулятор отладили, — подумал Георгий, и тут же пришла новая мысль: — А если все работает как надо? Если подобный режим поддерживается специально? Для комфорта гоба?»

Полковник тут же подобрался. Если предположение и неверное, все равно надо быть начеку.

Шагать по тоннелю было крайне неприятно, луч блуждал по ровным стенам, выхватывал из мрака всего десятки метров. А дальше царил крошечная тьма, и все время казалось, будто в ней прячется кто-то, готовый в любой момент шагнуть полковнику навстречу. Чтобы победить страх, Жигалин стал вспоминать Лену в подвенечном платье. Если бы не Лена, он, наверно, так бы никогда и не узнал, что однолюб, а продолжал клеить женщин на лунной базе и в барах на Земле, когда был в отпуске. Теперь все эти приключения казались

полковнику чем-то далеким, от них веяло беспутной юностью. Он ни за что бы не променял горячие объятия любимой женщины на прохладную, четко выверенную механику секса с незнакомкой. Именно так, механику. В этом присутствовало что-то искусственное, нечто из области робототехники. Животную страсть Жигалин испытывал только к Елене. И в его влечении к ней присутствовала одна только естественность...

Первый человек встретился ему спустя сотню метров. Сначала присутствие живого тела продемонстрировал тепловой сканер — отозвался серией коротких звуковых сигналов. На всякий случай Жигалин достал пистолет, но оружие не пригодилось. Человек оказался так накачан наркотой, что попросту не обратил на диверсанта никакого внимания. Только пялился в стену и делал странные пассы, будто силился кого-то поймать. Судя по частоте движений, этот некто летал медленно и крайне неуклюже.

Через пару сотен шагов встретилась целая группа торчков. Человека в скафандре они упорно игнорировали. Только один показал на него пальцем и растянул рот в щербатой улыбке.

Жигалин скривился. Если так выглядят все колонисты, предосторожности напрасны. Впрочем, расслабляться не стоит. Пока он среди своих — обыкновенных граждан Солнечной системы. На преступников никто из них не похож. С виду — безобидные торчки. А вот дальше могут встретиться совсем другие люди: торговцы этой самой дурью, держатели подпольной лаборатории — если, конечно, данные были верны и она здесь действительно имеется.

Больше всего полковника пугала, хотя он и не желал себе в этом признаваться, встреча с гобом. Тот уже продемонстрировал ему однажды свои уникальные умения по воздействию на органы чувств. Испытывать снова искусственный страх и чувствовать себя крысой с вжив-

ленным в мозг электродом Жигалину совсем не хотелось.

Лабораторию он обнаружил через пару часов. Никакой подпольной деятельности. Люди трудились, синтезируя наркотик, открыто, как будто его производство разрешили законом. Первоначально полковник даже не понял, что нашел именно то, что искал, настолько просто оборудована была лаборатория.

Жигалин допросил пару работников. Оказалось, что гоб здесь почти не появляется. Наркотик вывозят с планеты специально для этих нужд зафрахтованные транспортники.

Жигалину осталось только взять в руки рацию и передать команду. Вскоре в городе колонистов высадились федеральные войска. Город оцепили. Началась уже ставшая стандартной процедура: людей допрашивали и отпускали, оборудование лаборатории и запасы наркотика вывозили и уничтожали.

После десятка неудачных операций по поимке контрабандиста и потери одного из бойцов отряда — его убили во время бунта на Тритоне — Жигалина отстранили от дел. Положа руку на сердце, он и сам уже был рад такому ходу событий. Надоела безрезультатная беготня за вечно ускользающим преступником. К моменту отстранения он окончательно утратил уверенность, что когда-нибудь сможет убить гоба. Ему стало казаться, что пришелец был видением, голографической проекцией, да мало ли что может измыслить причудливый человеческий разум.

Неожиданно для полковника его перевели в главный штаб, поближе к руководству, что можно было расценить как повышение. А для поимки контрабандиста создали новое подразделение — не группу оперативников из нескольких человек, не способных справиться со столь сложной задачей, а целый отряд военизированной пехоты — двести человек с полным комплектом самого

современного вооружения. Насколько было известно Жигалину, бойцов спецподразделения снарядили даже экспериментальными гипнотическими шлемами — учили сведения полковника о способности гоба воздействовать на эмоциональную сферу.

О противостоянии властей с контрабандистом и бунтовщиками доходили какие-то обрывочные сведения. Кое-что сообщали в новостях. В основном данные об удачно прошедших операциях по изъятию очередной партии наркотиков. Некоторую информацию предоставляло непосредственное руководство. Иногда о гобе упоминал Алексей Борисович Камской. Впрочем, полковник видел его теперь крайне редко.

Свое обещание премьер-министр выполнил. Калач тоже оказался при штабе. Служил кем-то вроде адъютанта и личного секретаря при генерале. С полковником парень поздоровался приветливо, обиды по поводу прошлых дел не выказал.

На Земле у Жигалина дела шли поначалу очень плохо. Несмотря на обилие бумажной работы и отсутствие настоящего боевого дела, он заметно прибодрился. Оклад ему положили вдвое против прежнего. Сильно не нагружали. Относились с уважением к его опыту и заслугам.

Единственное, что несколько докучало полковнику, — ежедневные расспросы о его контактах с гобом. Казалось, он уже рассказал все, что только можно. Но несколько специалистов-психологов ежедневно давили из него сведения, документируя все сказанное Жигалиным на голограмму. После этих выматывающих бесед он чувствовал сильную головную боль.

— Как вы думаете, тогда мог иметь место обман зрения?

— Я уже говорил. Наверно, мог.

— Вы не уверены? Странно. А ведь сначала вы демонстрировали изрядную убежденность. Говорили, что он телепортировался? Откуда вы это взяли?

— Мне так показалось.

— А может, вам кто-то это сказал? Или внушил?

— Не знаю... Все возможно, — потирая виски, отвечал Жигалин. Он и в самом деле зашел в тупик в своих воспоминаниях. Иногда ему начинало казаться, что гоб вовсе не телепортировался, что ему привиделась эта вспышка света...

Несмотря на головную боль, против допросов полковник не возражал. Воспринимал их значимой частью своей работы. Возможно, полученные от него сведения помогут уничтожить пришельца.

Елена уволилась из органов, устроилась секретарем-референтом в одну московскую фирму. Платили ей хорошо, да и график напряженностью не отличался. В пять часов она уже прилетала домой из офиса, готовила ужин.

Отношения в семье сложились почти идеальные. Теперь Жигалин уже не боялся проявлять нежность. Он был уверен — так и выглядит настоящая любовь...

Потом с женой что-то произошло. Жигалин поначалу не замечал перемены, хотя холодность в ее голосе проскальзывала и раньше. Затем произошло страшное. Однажды вечером она начала заговариваться. «Я, кажется, плыву... Я плыву... Я вижу яркий свет... Он идет ко мне... О боже, как хорошо...» Георгий решил, что сказалось переутомление. Попытался уложить жену спать. Но она дико закричала, забилась на кухне в угол и не желала оттуда выходить. Пришлось вызвать санитарную службу. Диагноз поставили сразу — бутанадиол.

К тому времени клиники открылись по всей стране. Их становилось все больше. Никакого домашнего лечения, только стационар.

Жигалин очень хорошо запомнил первый разговор с врачом. Нарколог выглядел усталым, будто проговаривал давно заученный текст:

— Привыкаемость к крэку, по подсчетам специалистов, в десять раз больше, чем к кокаину. Привыкае-

мость к бутанадиолу в пятьдесят раз выше, чем к крэку. Почти стопроцентная привыкаемость. Это означает, что вы подсаживаетесь на него сразу и бесповоротно. Без этого наркотика вы просто не сможете дальше жить. Умрете. Люди готовы отдать все, чтобы существовать дальше. При этом им и не требуется что-то отдавать. Бутанадиол продают всюду по бросовой цене. Понимаете?

— Не понимаю.

— Чего вы не понимаете? — врач вздохнул.

— Не понимаю, зачем она это сделала...

На свидании с Еленой полковник встряхнул жену:

— Зачем?! Объясни мне — зачем?

Женщина выглядела вялой и отстраненной. На Жигалина смотрела с удивлением. Ему даже показалось — не узнала.

От предложения отправить жену в резервацию Георгий решительно отказался. Уже существовало несколько специализированных зон для принимающих бутанадиол наркоманов. Но после того как Елена оказалась дома, кошмар продолжился. Без наркотика она в буквальном смысле сходила с ума, умоляла принести ей хотя бы одну лиловую таблетку, а когда он продержал ее в запертой комнате в течение трех суток, наивно полагая, что это поможет, впала в кому. Пришлось срочно вызывать врачей. А затем подписать все бумаги.

Без Елены дом казался пустым. Жигалин возвращался с работы, падал в кресло перед телевизором, цедил пиво и молчал. Злоба копилась.

Объявления о продаже наркотика заполонили даже кабельные каналы. Его можно было заказать на дом, доставка курьером в течение получаса. Все газеты пестрели заголовками «Бутанадиол — ваше будущее в любви». Для Жигалина бутанадиол оставался злом, забравшим его любовь.

Однажды на выходные он поехал навестить Елену. Одного раза вполне хватило, чтобы понять: больше он никогда этого не сделает. Когда-то привлекательная

стройная женщина, она превратилась в развалину. Рыхлое лицо, бледные глаза — раньше они казались Жигалину ярко-синими, теперь выцвели, став бледно-голубыми.

На аэровокзальной площади к нему приблизился тощий тип, предложил купить бутанадиол. Полковник сорвался. Ударил мерзавца кулаком в зубы, несколько раз пнул тяжелым армейским ботинком в лицо...

Огляделся вокруг. За ним вяло наблюдали. Кучки людей, переступая с ноги на ногу, толпились возле деревьев, лежали на газоне, мальчуган лет десяти водил ладонью по радужной поверхности лужи. Лицо у него было пустым.

Жигалину стало страшно...

Вскоре все рухнуло. Привычный мир разрушался на глазах, осыпался осколками, будто чья-то громадная каменная ладонь сжимала его хрупкую сущность.

По телевидению теперь вещал всего один канал. Тот самый, по которому круглосуточно транслировались объявления о продаже бутанадиола. Газет выходило несколько, и все они были далеки от реальности полковника Жигалина. Кинотеатры закрывались один за другим. Продуктовые магазины пустовали. Их сменили точки выдачи питательной жидкости — одурманенной наркотиком толпе было все равно, что поглощать для поддержания жизни. На улицах царило постоянное движение — люди бродили без всякой цели, натывались на стены и друг дружку. На службу можно было больше не ходить. Коридоры штаба опустели. Зарплату перестали платить. И все же, сохраняя хоть какое-то подобие нормальной жизни, он ежедневно выбирался из дома и с упорством фанатика шел пешком по Ленинградскому проспекту. Приходилось распахивать сонных зевак. Они таращились по большей части в небо, и целеустремленный Жигалин поминутно на них натывался.

В один из дней полковник услышал объявление по радио. Выступал премьер-министр Камской. Одурма-

ненные толпы стягивались к зданию конгресса, и он призывал всех трезвомыслящих встать на его защиту. Жигалин надел мундир штурмовика, начистил пуговицы и решительным шагом направился к выходу.

Вокруг пятиэтажного длинного строения, обнесенного железным забором, собрались тысячи людей. Ими явно кто-то управлял, заставляя стягиваться сюда со всех улиц и переулков свихнувшегося города.

Среди защитников было множество гражданских лиц и несколько десятков военных. Полковник Жигалин оказался самым старшим по званию. Премьер-министр Камской представлял правительство умирающей сверхдержавы. Остальные высшие чины давно уже перешли в лагерь противника, утратив человеческий облик. Все до единого, включая президента Славянского союза.

— Последний оплот человечества, полковник, — премьер-министр сидел в мягком кресле, крутил в пальцах кубинскую сигару. Кроме них, в зале заседаний на высшем уровне не было никого. — Знаете, что мы сейчас с вами наблюдаем? Крушение человеческой цивилизации. И воцарение власти гобов над Солнечной системой. И все это силой трех паломников. Подумать только, какое злое хитроумие!

— Все еще исправится. — Для Жигалина объяснения происходящему не находилось. Он просто чувствовал, что живет в сумасшедшем доме, когда-то бывшем его домом.

— А я предсказывал это еще во время первого контакта, который, заметьте, выглядел как наглое вторжение в эфир. Знаете, что сделали гобы? Они пришли и основали в Солнечной системе новую религию. Это не ортодоксальное христианство, не консервативный католицизм, не многоликий ислам, не сектантская сайентология. Это экспансивная чужая религия, пришедшая к нам извне. Ее измыслил инопланетный разум. Звучит чудовищно. Но это свершившийся факт.

— Мы не допустим, — утрюмо проговорил полковник.

— Вы не допустите? — премьер-министр посмотрел на Жигалина с недоумением. — Вы что, действительно считаете, что в силах что-либо изменить? Только посмотрите на них. Вы как раз стоите у окна. Посмотрите-посмотрите...

Полковник повернул голову. Чудовищное зрелище. Толпа внизу безмолвствовала, никаких видимых беспорядков не происходило. Люди казались абсолютно спокойными. Отсюда можно было наблюдать, что они поделены на равные четырехугольники. Ближайший стоял у самых ворот здания конгресса, но штурм не принимал. Другие рассредоточивались по периметру, отрезая осажденным путь к отходу. Атака живых мертвецов.

В отдалении выделялась фигура в темном балахоне. Гоб восседал на висящем в десяти метрах над землей катере и наблюдал сверху за перемещением все подходящих к зданию конгресса людских масс. Время от времени он поднимал черную конечность, похожую из-за ширины рукавов на крыло, и что-то выкрикивал, отдавая команды.

— Знаете, полковник, я много размышлял о природе вторжения. По служебным делам мне приходилось отслеживать сигналы извне. Я знал, что война не будет такой, как ее представляли прежде. Если наш противник будет обладать подлинной мудростью древнего народа, такого народа, который сможет нас найти, то сначала он изучит человечество, познает все его слабости, уязвимые стороны, выработает верную стратегию борьбы и только тогда будет действовать. Малыми силами, но с наибольшим результатом. Как мечтали полководцы древности. Вы, кстати, знаете, какие главные слабости человечества?

— Слабое техническое развитие? — предположил Жигалин.

— При чем тут техника?.. — Премьер-министр поморщился. — Помилуйте. Разве вы не видите, что происходит? Все же предельно очевидно. Слабости у человечества в целом те же, что и у отдельной личности. Человеком можно властвовать с помощью двух вещей. Эти вещи — религия и наркотик. Обе они порабащают сознание, делают человека зависимым. Религия дает ощущение защищенности: над тобой есть высшее существо, и оно о тебе позаботится. Наркотик вызывает те же чувства плюс эйфория, радость жизни. Почему бы не объединить две составляющие? Если их свести воедино, они дают абсолютную власть над массами. Нами можно управлять. Понимаете теперь? Я полагаю, они запланировали все, даже убийство тех двоих пришельцев озверевшей толпой. А мы на это купились. Упростили им задачу. Жертвенный момент — он очень важен и отражен во всех религиях. Возьмите хотя бы жертву Христа во имя людей. В исламе всевышний требует от пророка Ибрагима принести в жертву сына ислама, а потом прощает его, разрешив принести в жертву животное. Всевышний милостив, но все равно требует жертвы. Понимаете? В ведической традиции первочеловек — жертва, в буддизме жертвуют то, от чего труднее всего избавиться, — собственное Я. Смотрите, как все тщательно продумано и выстроено с точки зрения общечеловеческой психологии. И потом, после того как жертва принесена и люди начинают осознавать содеянное, тот самый третий, контрабандист по-нашему, преступник, поставщик наркотика, начал выполнять заданную в него программу.

— Вы что, думаете, он — не живое существо? — поинтересовался Жигалин.

— Отчего же не живое? Продукт генной инженерии, синтезированный в лабораториях далеких планет, где обитают гобы. Вполне живое. Только вся его эмоциональная сфера, весь совершенный физис, позволяющий даже телепортировать, — кто способен на такое

чудо, кроме настоящего мессии, — направлены на то, чтобы выполнить поставленную задачу. Он как солдат от религии, призванный одержать победу над человеческой паствой. Быть может, эта троица (заметьте, троица) представляла собой взаимозаменяемые экземпляры, кто знает. Но физиологи, помнится, утверждали в отчетах, что обнаружили у них некоторые явные различия.

— Мне сложно все это осмыслить. — Жигалин нахмурился. — Я запутался. Я не верю в то, что это возможно. Если только представить, что где-то есть разум, способный измыслить такое, тогда... тогда эти самые пришельцы и вправду подобны богам. Нет, я не верю.

— А вам и ни к чему верить. Это всего лишь мои предположения. Полагаю, я недалек от истины.

— Что же будет дальше?

— Признаться, мой друг, я и представить не могу, как будут развиваться события. И к чему они хотят привести людей. Я вам больше скажу: мне это не очень интересно. Как вы могли заметить, я очень стар. К тому же совсем недавно врачи обнаружили у меня неоперабельную опухоль. Так что меня ничто не волнует и не пугает. Даже эта безмолвная толпа под окнами здания конгресса. Если бы у меня были дети, я волновался бы за их будущее, но у меня нет детей.

— У меня тоже, — буркнул Жигалин. Ему вспомнилось лицо Елены, какой она стала после отправки в резервацию, и сердце защемило. Последнее время он часто думал о детях. Какими они могли бы быть.

— Вам повезло, — сказал премьер-министр. — Впрочем, не берусь утверждать. Возможно, все, что я вам сейчас говорю, измышления больного старика. Не представляю, что с нами сделают эти толпы нелюдей, но, полагаю, они обойдутся без крови. Обратите внимание, они пришли без оружия. И, судя по всему, в ближайшее время не собираются идти на штурм. Возможно, вообще не собираются идти на штурм.

— Что вы предлагаете? — хмуро поинтересовался Жигалин. Его охватили самые дурные предчувствия.

— Предлагаю? — Премьер-министр улыбнулся. — Лично я пушу себе пулю в лоб. Сегодня же. Только добью бутылку коньяка, припрятанную у меня в кабинете.

— А как же борьба до победного конца? Я слышал вашу речь по радио, когда вы призывали защищать здание конгресса. Вы были полны надежд на победу.

— Разве для вас не очевидно, что мы уже проиграли?

— Я так не думаю.

— А вы упрямец. Впрочем, вы человек действия. Помню-помню, как вы усердствовали, чтобы поймать контрабандиста... Хотя для нас уже тогда было ясно, что ничего у вас не выйдет. Во всяком случае, силами небольшого отряда. Не ваша вина, полковник, что наш противник оказался так силен и коварен. Знаете, почему я хочу уйти из жизни сегодня? Дальше ничего интересного уже не будет. Взгляните на эти лица внизу. Всегда неприятно наблюдать агонию, как отдельного человека, так и всего человечества. Хотите совет? Когда меня не станет, отдайте им здание. Вы здесь будете за главного. Вы же старший по званию. Вам подчиняются солдаты.

— Мы будем драться до последнего! — твердо сказал Жигалин.

— И умрете от жажды? Не работает даже канализация. Борьба закончена. Как вы не понимаете? А впрочем, как знать. — Премьер-министр поднялся, тяжело оперся на трость и сделался вдруг очень старым и усталым. — Мне пора, полковник, прощайте...

— Подумайте еще раз, — попытался удержать его от фатального шага Жигалин.

— Не мешайте мне, молодой человек, — резко говорил премьер-министр. — Это будет очень благородно с вашей стороны — дать мне уйти спокойно...

После ухода премьер-министра Жигалин долго сидел в кресле, размышляя. Потом ему показалось, что он услышал выстрел. Слух не обманул полковника. Камского он нашел на полу, в его кабинете. Удивительно, но даже после смерти голубые глаза сохранили ясность.

«Теперь почти не встретишь таких глаз», — подумал Жигалин. Ему мучительно захотелось выпить, и он вспомнил, что видел в шкафу в зале заседаний бутылку водки.

— Сначала сделаем дело, потом выпьем, — пробормотал полковник.

Он спустился на пару этажей по темной лестнице. В здании царили хаос и паника. Военных насчитывалось человек тридцать-сорок. Их удалось собрать далеко не сразу. Жигалин сообщил, что премьер-министр застрелился, убедился, что они готовы подчиняться его командам, и отдал приказ стрелять по толпе, благо оружия имелось в избытке. Согласились далеко не все, кое-кто проявил неповиновение.

— Дело ваше, — пожал плечами Жигалин. — Трибунала не будет. Но лично я буду защищать здание до последнего. Что нам еще остается?

Он первым взялся за автомат, выбил окно и принялся палить по безмолвной толпе.

К нему присоединились другие.

В ответ не прозвучало ни единого выстрела. Людей даже не удалось разогнать. Они просто вскрикивали едва слышно и падали под пулями. Настоящее кровавое побоище. Без всякой цели и смысла...

Гоба видно не было. Как только началась стрельба, он в очередной раз исчез.

Взамен убитых осаждающих подходили новые, шли плотными рядами по бездыханным телам, оскальзывались на лужах темной крови. Одного из них Жигалин с содроганием узнал. Калач. Мгновение, и точным выстрелом бывшему бойцу снесло полголовы.

Через пару часов здание конгресса оказалось зава-

лено трупами. У некоторых особенно впечатлительных началась истерика.

— Не останавливаться! — орал Жигалин. — Огонь! Огонь! Огонь!

Стреляли из ружей, пулеметов, пистолетов и гранатометов до поздней ночи, пока не израсходовали все боеприпасы. Метали гранаты — осколочные и со слезоточивым газом.

Кольцо осаждающих оставалось таким же плотным, как и днем.

После полуночи выстрелы стихли. Над площадью повисла оглушительная тишина. Все фонари были разбиты. В свете Луны виднелись почти неподвижные силуэты людей, стоящих на мертвецах.

Жигалин чувствовал себя убийцей. Походкой смертельно усталого человека он поднялся в зал заседаний, достал из шкафа бутылку водки, налил стакан до краев и опрокинул в себя.

«Камской прав, — думал он. — Гобы уже победили. Контрабандист? Как бы не так. Диверсант вражеской армии. Только взорвал он не штаб противника, а все человечество. Что мешает этому существу перенестись в здание конгресса, перебить всех защитников цивилизации? Но зачем ему это? Нет. Он никого не убивает, но действует хладнокровно и методично, не проявляя при этом и тени агрессии. Напротив, он делает вид, что олицетворяет добро и любовь. Любовь и сострадание — вот что отнимает у человека жизнь, само право на существование».

Жигалин ужаснулся. В этих измышлениях было нечто извращенное. После второго стакана родилась крамольная мысль: «Может, этот гоб — не такое уж и зло? Может быть, зло — это я?» Рано или поздно придется открыть дверь. И принять любовь и сострадание такими, какие они есть. «Мы и есть зло, — понял Жига-

лин, — человечество. Каждый из нас. И все мы в целом».

На полу он заметил лежащие россыпью лиловые таблетки. Ничего удивительного. Бутанадиол был повсюду. Жигалин подобрал одну и, думая о любимой жене, которой давно уже нет рядом, положил бутанадиол на язык.

«Самоубийство можно совершить разными способами, — пронеслось в голове, — некоторые предпочитают убивать себя медленно».

Кречмар передавал сигнал: «Любовь пришла к людям. Любовь пришла...»

Теперь может явиться Божество во всем многообразии единого разума существ, по образу и подобию которых сотворен и он сам.

Кречмар физически ощутил ответ.

Трехпалая конечность дрогнула на сенсоре. Брюшко и грудь гоба с треском лопнули, выплескивая гемолимфу. Трубочатое сердце, продолжая сокращаться, вывалилось из разорванного тела. Жизнь миссионера закончилась.

* * *

Мелодия льется из окон второго этажа. Кто-то выставил на подоконник старый дисковый магнитофон.

В голове колыхнулись воспоминания и почти сразу исчезли, словно их никогда и не было. А существовала одна только иная реальность, расцвеченная дивными красками, насыщенная сладостными ощущениями. Он садится на бордюр, стараясь воскресить в памяти хоть что-то... Не получается. Прошлое сгинуло навсегда.

Через некоторое время мелодия смолкает. Появляются тени в темных балахонах. Между ними, суетливо

оглядываясь, бежит, подгоняемый электрошокером, человек.

— Эй, — кричит он, — вы слышали? Скажите мне только одно, слышали?..

Георгий Жигалин поднимает на незнакомца пустой взгляд. Лишь на мгновение его охватывает удивление и что-то еще, похожее на сожаление о собственной слабости. Затем краски реальности смазываются, и он забывает о странных ощущениях. Приходит давно ожидаемая эйфория. Его опьяняет безграничная любовь, хочется рыдать от восторга и восславлять великое божество — гоба всего сущего.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ, ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ	
Баллада о двух гастарбайтерах	5
ВЛАДЛЕН ПОДЫМОВ, СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ	
Ни слова лжи	77
АНДРЕЙ БАСИРИН	
Закон гармонии	103
ИЛЬЯ НОВАК	
Другое место	110
АЛЕКСАНДР ГРОМОВ	
Змееныш	141
КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ	
Точка Лагранжа	236
ЮРИЙ НЕСТЕРЕНКО	
Поединок	261
РОМАН АФАНАСЬЕВ	
Между землей и небом	302
НИКОЛАЙ КАРАЕВ	
В пределах Африки	316
ДМИТРИЙ КАЗАКОВ	
Антиквариат	329
ОЛЕГ ОВЧИННИКОВ	
Креативщики	355
ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEВ	
Глюк	374
ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ	
Портал.	383
СЕРГЕЙ ТУМАНОВ	
Только один	410
АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ	
Два мешка морской капусты.	424
Среднестатистический борщ	449
ВИКТОР ТОЧИНОВ	
Муха-цокотуха.	469
АНДРЕЙ ЕГОРОВ	
Троица.	496

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА — 2007

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Н. Скибина*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректоры *М. Мазалова, Н. Сгибнева*

В оформлении переплета использована работа художника *Mattingly*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 09.11.2006. Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 15000 экз. Заказ 4814.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ГРАНДМАСТЕР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

И ЕГО НОВЫЙ РОМАН

«ПО ТУ СТОРОНУ ОГНЯ»

Экипаж «солнечного крота» во главе с Кузьмой Ромашиным исчезает в петле времени. Теперь никто не знает, удастся ли отважным исследователям вернуться из путешествия в недра Солнца...

Василий Головачев входит в пятерку самых известных авторов отечественной фантастики.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

НОВАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕРИЯ КНИГ

Альтернативная история – один из самых захватывающих жанров фантастики!

ТОЛЬКО ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
самых известных мастеров жанра!

В СЕРИИ:

Марина и Сергей Дяченко «АЛЕНА И АСПИРИН» Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов «ТИРМЕН»

Генри Лайон Олди «ПУТЬ МЕЧА» Андрей Валентинов «ДАЙМОН»

www.eksmo.ru

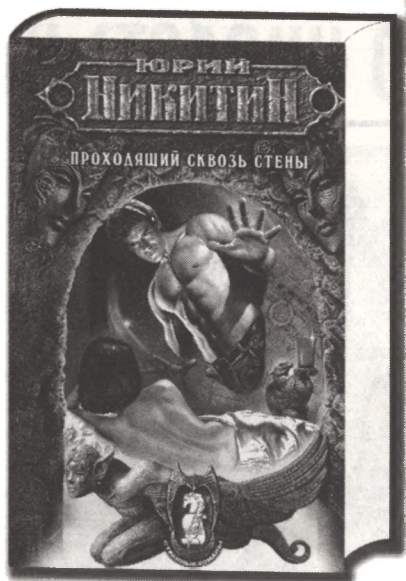
ЮРИИ НИКИТИН

**НОВЫЙ РОМАН
от автора легендарного цикла
«ТРОЕ ИЗ ЛЕСА»!**

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

www.nikitin.wm.ru

www.eksmo.ru

Он старательно качался в спортзале, потреблял препараты, наращивая мускулы, как все мы, питался модифицированными продуктами. И однажды ощутил, что рука погружается в бетонную стену, словно в мягкую глину...

**Также в 2006 году вышли новые романы мастера:
«Трансчеловек», «Последняя крепость»,
«Возвращение Томаса»**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2007

В очередную ежегодную антологию вошли лучшие произведения малой формы, написанные отечественными писателями-фантастами за последний год. В этой книге нет дебютантов – только крепкая, проверенная, качественная фантастическая проза от мэтров и призеров различных литературных премий.

ISBN 5-699-19741-9

9 785699 197415 >